

СОЧИНЕНИЯ

1534

ГРАФА

2

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утверждены. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, собственный домъ.

1897.

Лавръ Базилевски

0 79419

УТРО ПОМѢЩИКА

ПОВѢСТЬ

(1852 года).

100713

УТРО ПОМѢЩИКА.

(Отрывокъ изъ неоконченнаго романа „Русскій помѣщикъ“ (1852 г.).

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лѣтъ, когда онъ изъ 3-го курса университета прѣѣхалъ на лѣтнія вакаціи въ свою деревню, и одинъ пробылъ въ ней все лѣто. Осенью онъ неустановившися, ребяческою рукой написалъ къ своей теткѣ, графинѣ Бѣлорѣдкѣ, которая, по его понятіямъ, была его лучшій другъ и самая геніальная женщина въ мірѣ, слѣдующее переведенное здѣсь, французское письмо:

„Милая тетушка!

„Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участъ всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ-быть, точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

„Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописан-

номъ разстройствѣ. Желаю ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Если бы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видѣ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобы объяснить мое намѣреніе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старость и управляющихъ, изъ-за плановъ насажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошель по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведеть меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствій, и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи.

„Не показывайте письма этого брату Васѣ: я боюсь его насмѣшекъ; онъ привыкъ первенствовать надо мною, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня если и не одобрить мое намѣреніе, то пойметъ его“.

Графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже переведеннымъ здѣсь съ французскаго:

„Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда не сомнѣвалась. Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведеніе твое огорчаетъ меня, по постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастіе своихъ крестьянъ и что надѣешься быть добрымъ хозяиномъ. 1) Я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ужъ разъ ошибемся въ немъ; 2) что легче сдѣлать собственное счастіе, чѣмъ счастіе другихъ, и 3) что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ человѣкомъ, чѣмъ ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться такимъ.

„Ты считаешь свои разсужденія непреложными и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрять въ разсужденія и въ правила, а вѣрять только въ опытъ; а опытъ говорить мнѣ, что твои планы—ребячество. Мнѣ уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и я много знала достойныхъ людей, но никогда не слыхивала, чтобы молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревню. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность не что иное, какъ излишнее самолобіе. И, мой другъ! выбирай лучше торные дорожки: онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ, если ужъ не нуженъ для тебя, какъ успѣхъ, то

необходимъ для того, чтобы имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь.

„Нищета нѣсколькихъ крестьянъ — зло необходимое или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ обществу, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха; но выбирай, по крайней мѣрѣ, такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.

„Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе — добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами; но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже не въ состояніи удовлетворить этой страсти. И ты испытываешь это, если не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя! Мне кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелѣпый, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай, какъ знаешь, но, признаюсь, не могу согласиться съ тобою“.

Молодой человѣкъ, получивъ это письмо, долго думалъ надъ нимъ и, наконецъ, рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и навсегда остался въ деревнѣ.

II.

У молодого помѣщика, какъ онъ писалъ своей теткѣ, были составлены правила дѣйствія по своему хозяйству, и вся жизнь и занятія его были распределены по часамъ, днямъ мѣсяцамъ. Воскресенье было назначено для пріема просите-

лей, дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для поданія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помошь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и молодой человѣкъ былъ уже не совсѣмъ новичекъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ знаніи хозяйства.

Было ясное юньское воскресенье, когда Нехлюдовъ напившись кофе и пробѣгавъ главу „Maison Rustique“, съ записной книжкой и пачкой ассигнацій въ карманъ своего легонькаго пальто, вышелъ изъ большого съ колоннадами и террасами деревенскаго дома, въ которомъ занималъ внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеннымъ, заросшимъ дорожкамъ стараго англійскаго сада направился къ селу, расположенному по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Нехлюдовъ былъ высокій, стройный молодой человѣкъ съ большими густыми выющимися темно-русыми волосами, съ свѣтлымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, свѣжими щеками и румяными губами, надъ которыми только показывался первый пушокъ юности. Во всѣхъ движеніяхъ его и походкѣ замѣтны были сила, энергія и добродушное самодовольство молодости. Крестьянскій народъ пестрыми толпами возвращался изъ церкви; старики, дѣвки, дѣти, бабы съ грудными младенцами, въ праздничныхъ одеждахъ, расходились по своимъ избамъ, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя въ улицу, Нехлюдовъ остановился, вынувъ изъ кармана записную книжку и на послѣдней, исписанной дѣтскимъ почеркомъ страницѣ прочель нѣсколько крестьянскихъ именъ съ отмѣтками. Иванъ Чурисенокъ—просилъ сошekъ, прочель онъ и, войдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ второй избы справа.

Жилище Чурилки составляли: полусломившийся, подопрёлый съ угловъ срубъ, погнувшись на бокъ и вросшій въ землю такъ, что надъ самою навозною завалиной виднѣлись одно разбитое, красное, волоковое оконце съ полуоторваннымъ ставнемъ, и другое, волчье, заткнутое хлопкомъ. Рубленыя сѣни, съ выгнившимъ порогомъ и низкою дверью, другой маленький срубецъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней, ворота и плетеная клѣтъ лѣпились около главной избы. Все это было когда-то покрыто подъ одну неровную крышу; теперь же только на заструхъ густо нависла черная, гниющая солома; наверху же мѣстами видны были рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодецъ съ развалившимся срубикомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной и стоянной скотиною лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старые, треснувшія и надломленныя ракиты, съ рѣдкими, блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто-то и когда-то заботился объ украшеніи этого мѣста, сидѣла восьмилѣтняя блокурая дѣвочка и заставляла ползать вокругъ себя другую двухлѣтнюю дѣвчинку. Дворной щенокъ, вилявшийся около нихъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и заился оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ.

— Дома ли Иванъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

Старшая дѣвочка какъ-будто остолбенѣла при этомъ вопросѣ и начала все болѣе и болѣе открывать глаза, ничего не отвѣчая; меньшая же открыла ротъ и собиралась плакать. Небольшая старушонка, въ изорванной клѣтчатой паневѣ, низко подпоясанной стареньkimъ красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ-за двери и тоже ничего не отвѣчала. Нехлюдовъ подошелъ къ сѣнямъ и повторилъ вопросъ.

— Дома, кормилецъ, — проговорила дребезжащимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и вся приходя въ какое-то испуганное волненіе.

Когда Нехлюдовъ, поздоровавшись съ ней, прошелъ чрезъ сѣни на тѣсный дворъ, старуха подперлась ладонью, подошла къ двери и, не спуская глазъ съ барина, тихо стала покачивать головой. На дворѣ бѣдно; кое-гдѣ лежалъ старый невоженый, почернѣвшій навозъ; на навозѣ безпорядочно валялись: прѣлая колода, вилы и двѣ бороны. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми съ одной стороны стояли — соха, тельга безъ колеса и лежала куча сваленныхъ другъ на друга пустыхъ негодныхъ пчелиныхъ колодокъ, были почти всѣ раскрыты, и одна сторона ихъ обрушилась, такъ что спереди переметы лежали уже не на соахъ, а на навозѣ. Чурисенокъ топоромъ и обухомъ выламывалъ пластины, который придавила крыша. Иванъ Чурись былъ музыкъ лѣтъ пятидесяти, ниже обыкновенного роста. Черты его загорѣлаго, продолговатаго лица, окруженнаго темнорусою съ просѣдью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые полузакрытые глаза глядѣли умно и добродушно-беззаботно. Небольшой правильный ротъ, рѣзко обозначавшійся изъ-подъ русыхъ рѣдкихъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ спокойную увѣренность въ себѣ и нѣсколько насыщливое равнодушіе ко всему окружающему. По грубости кожи, глубокимъ морщинамъ, рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, по неестественнѣй сутуловатости и кривому, дугообразному положенію ногъ, видно было, что вся жизнь его прошла въ непосильной, слишкомъ тяжелой работе. Одежда его состояла изъ бѣлыхъ посконныхъ портокъ, съ сини-

ми заплатками на колъняхъ, и такой же грязной, расплывшейся на спинѣ и рукахъ, рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висевшимъ на ней мѣднымъ ключикомъ.

— Богъ помошь! — сказалъ баринъ, входя на дворъ.

Чурисенокъ оглянулся и снова принялъ за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усилие, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! — сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, — съ дѣтскимъ дружелюбиемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка мнъ, на что тебѣ сохи, которыхъ ты просилъ у меня на сходкѣ.

— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало-мальски подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть: вотъ анадысь уголь завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, — говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и откосы, и переметы только тронь, глядишь дерева дѣльного не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

— Такъ на чоужъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы — все новое нужно, — сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

— Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: нѣ все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша па то будетъ, насчетъ дубовыхъ макушекъ, что на го-сподскомъ гумнѣ такъ безъ дѣла лежать, — сказалъ онъ, кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу: — такъ, може, я которыя подмѣню, которыя поурѣжу и изъ стараго какъ-нибудь соорудую.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣ завтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать, такъ дѣлать все заново, чтобы не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешьъ, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ.

— Нѣтъ, ты какъ думаешьъ? завалится онъ или нѣтъ?
Чурись на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться,—сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говориль, что тебѣ надо весь дворъ перестроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью, — недовѣрчиво и не глядя на барина, отвѣчалъ Чурисенокъ.—Мнѣ хоть бы бревна четыре да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя и изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавить кого-нибудь,—равнодушно сказалъ Чуриль.—Намедни и то на-катаина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сиятельство:—по спинѣ какъ по-лыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что жъ, прошло?

— Прошло-то прошло, да все хвораетъ. Она, точно, и отъ рода хворая.

— Что ты, больна?—спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продол-жавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ,—от-вѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять!—съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами: — отчего же ты больна, а не приходила сказатьсь въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не повѣщали!

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на бар-щину, и дома, и ребятишки — все одна! Дѣло наше оди-ночое...

III.

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченныя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и плать-емъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тарака-нами, собравшимися около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избенки, въ потолкѣ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, ка-залось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушениемъ.

— Да, изба очень плоха,—сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавитъ насть, и ребятишкъ задавитъ,—начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори!—строго сказалъ Чурись и съ тонкою, чуть замѣтной улыбкой, обозначившеюся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину:—и ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то; и подпорки, и подкладки клалъ—ничего нельзя сдѣлать.

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о!—сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать, — перебилъ ее мужъ, съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ:—да одинъ переметъ перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь — вотъ что; а тронь ее, такъ щенки живой не будетъ, только поколи стоитъ, держится,—заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурись довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ, съ самаго своего прїѣзда, ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ все прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ?—съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Чуриль съ тою же чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобы онъ не посмѣлъ притти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!..—начала было, всхлипывая, баба.

— Не гуторь,—снова обратился къ ней Чуриль.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ!—сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени.—А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

— Слушаю-съ,—отозвался Чуриль.

— Видѣлъ ты каменные герардовскія избы, что я построилъ на новомъ хуторѣ, что съ пустыми стѣнами?

— Какъ не видать-съ,—отвѣчалъ Чуриль, открывая улыбкой свои еще цѣлые бѣлые зубы: — еще не мало дивились, какъ клали-то ихъ — мудреныя избы! Ребята смѣялись, что не магазеи ли будутъ, отъ крысъ въ стѣнахъ засыпать. Избы важныя!—заключилъ онъ съ выраженьемъ насмѣшиліаго недоумѣнія, покачавъ головой:—остроги словно.

— Да, избы славныя, сухія и теплія, и отъ пожара не такъ опасны, — возразилъ баринъ, нахмуривъ свое молодое лицо, видимо недовольный насмѣшкой мужика.

— Неспорно, ваше сіятельство, избы важныя.

— Ну, такъ вотъ, одна изба ужъ совсѣмъ готова. Она десяти-аршинная, съ сѣнями, съ клѣтью и совсѣмъ ужъ готова. Я ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну; ты когда-нибудь отдашь, — сказалъ баринъ съ самодовольной

улыбкой, которую онъ не могъ удержать при мысли о томъ, что дѣлаетъ благодѣяніе.—Ты свою старую сломаешь,—продолжалъ онъ: — она на амбаръ пойдетъ; дворъ тоже перенесемъ. Вода тамъ славная, огороды вырѣжу изъ новины, земли тебѣ во всѣхъ трехъ клинахъ тоже тамъ, подъ бокомъ вырѣжу. Отлично заживешь! Чтожъ, развѣ это тебѣ не нравится? — спросилъ Нехлюдовъ, замѣтивъ, что какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ погрузился въ совершенную неподвижность и, уже не улыбаясь, смотрѣлъ въ землю.

— Воля вашего сіятельства,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

Старушка выдвинулась впередъ, какъ-будто задѣтая за живо и готовилась сказать что-то, но мужъ предупредилъ ее.

— Воля вашего сіятельства,—повторилъ онъ рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами:—а на новомъ хуторѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣть, ваше сіятельство, коли нась туда переселите, мы и здѣсь-то плохи, а тамъ вамъ навѣкъ мужиками не будемъ. Какіе мы тамъ мужики будемъ? Да тамъ и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего жъ?

— Изъ послѣдняго разоримся, ваше сіятельство.

— Отчего же тамъ жить нельзя!

— Какая же тамъ жизнь? Ты посуди: мѣсто нежилое, вода неизвѣстная, выгона нѣту-ти. Конопляники у нась здѣсь искони навозные, а тамъ что? Да и что тамъ? голь!

Ни плетней, ни овиновъ, ни сараевъ, ничего нѣту-ти. Ра-
зоримся мы, ваше сіятельство, коли нась туда погонишь, въ
конецъ разоримся! Мѣсто новое, неизвѣстное...—повторилъ
онъ задумчиво, но рѣшительно покачивая головой.

Нехлюдовъ сталъ было доказывать мужику, что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сараи тамъ построятъ, что вода тамъ хорошая, и т. д., но тупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говоритъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улыбнувшись, замѣтилъ, что лучше бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алешу-дурячка, чтобы они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было! — замѣтилъ онъ, и снова усмѣхнулся.—Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что жъ, что мѣсто нежилое?—терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ:—вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ же люди; и тамъ, вотъ ты только первый поселись съ легкой руки... Ты непремѣнно поселись...

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить!—
съ живостью отвѣчалъ Чурись, какъ будто испугавшись,
чтобъ баринъ не принялъ окончательного рѣшенія:—здѣсь
на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ
тебѣ, бѣлье что-ли бабѣ стирать, скотину ли поить—и все
наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно,
и огородишко, и ветлы—вотъ что мои родители садили; и
дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ
только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, боль-
ше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить—
много довольны вашею милостью останемся; а нѣть, такъ и

въ старенькой свой вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить,—продолжалъ онъ низко кланяясь:—не сгоняй ты насть съ гнѣзда нашего, батюшка!..

Въ то время, какъ Чуриль говорилъ, подъ полатями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его жена, слышны были все усилившіяся и усиливавшіяся всхлипыванія, и когда мужъ сказалъ: „батюшка“, жена его неожиданно вскочила впередъ и, въ слезахъ, ударила въ ноги барину:

— Не погуби, кормилецъ! Ты нашъ отецъ, ты наша мать! Куда намъ селиться? Мы люди старые, одинокіе. Какъ Богъ, такъ и ты...—запопила она.

Нехлюдовъ вскочилъ съ лавки и хотѣлъ поднять старуху, но она съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія билась головой о земляной полъ и отталкивала руку барина.

— Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, такъ не надо; я принуждать не стану,—говорилъ онъ, махая руками и отступая къ двери.

Когда Нехлюдовъ сѣлъ опять на лавку, и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, снова удалившейся подъ полати и утиравшей тамъ слезы рукавомъ рубахи, молодой помѣщикъ понялъ, что значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избенка, обвалившіяся колодецъ съ грязною лужей, гниющіе хлѣвушки, сарайчики и треснувшія ветлы, виднѣвшіяся передъ кривымъ оконцемъ, и ему стало что-то тяжело, грустно и чего-то совѣстно.

— Какъ же ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ, прошлое воскресенье, что тебѣ нужна изба? Я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ на первой сходкѣ, что я поселился въ деревнѣ и посвятилъ свою жизнь для васъ: что я готовъ самъ лишить себя всего, лишь бы вы были

довольны и счастливы,—и я предъ Богомъ клянусь, что сдержу свое слово,—говорилъ юный помѣщикъ, не зная того, что такого рода изліянія неспособны возбуждать довѣрія ни въ какомъ, и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло, и не охотникъ до выраженія чувствъ, какихъ бы то ни было прекрасныхъ.

Но простодушный молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ тѣмъ чувствомъ, которое испытывалъ, что не могъ не излить его.

Чуриль погнуль голову на сторону и, медленно моргалъ, съ принужденіемъ вниманіемъ слушалъ своего барина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говорить вещи не совсѣмъ хороши и совершенно до насть не касающіяся.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что у меня просять. Если бъ я никому не отказывалъ, кто у меня просить лѣса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдалъ заказъ, опредѣлилъ его для исправленія крестьянского строенія и совсѣмъ отдалъ міру. Лѣсъ этотъ теперь уже не мой, а вашъ, крестьянскій, и уже я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку; я міру поговорю о твоей просьбѣ: коли онъ присудить тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю тебѣ помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дѣло уже не мое, а мірское. Ты понимаешь меня?

— Много довольны вашею милостью,—отвѣчалъ смущенный Чуриль.—Коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся.—Что міръ? Дѣло извѣстное...

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не притти? Только ужъ я у міра просить не стану.

IV.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую нетопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали?—наконецъ, спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшивая улыбка, какъ-будто ему смѣшило было, что баринъ дѣлаетъ такие глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ?—тяжело вздыхая, проговорила баба:—хлѣбушка поснѣдали—вотъ и обѣдъ нашъ. За сnyткой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство,—вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:—хлѣбъ да лукъ—вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба-то нѣтъ. Луку нынѣ везде незародъ. У Михайла-огородника, анадысь посылали, за пучекъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату не откуда. Съ Пасхи почитай-то и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ уже давно зналъ, не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ, всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ про-

тивъ воли забывать истину, и всякий разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо-тяжело и грустно, какъ-будто воспоминаніе о какомъ-то совершенномъ, неискупленномъ преступлениі мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны?—сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть, батюшка ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая — вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видимо прогнѣвили и мы Бога, вотъ ужъ съ холеры почитай хлѣба не родить. Луговъ и угодьевъ опять меныше стало: которые позаказали въ экономію, которые тоже въ барскія поля попридрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопотать — силь моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвченокъ рожаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе. И мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ!—громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, — продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ, — продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своею шаршавою рукою по бѣлымъ волосамъ ребенка;—когда его дождешься? а мнѣ ужъ работа не въ мочь. Старость бы еще

ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи, а вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе мены—давно земли посложили. Ну мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь, ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебѣ облегчить, точно. Какъ же быть?—сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только будетъ милость ваша насчетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходиль, тоже говорить, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслить.

— Нѣтъ, ужъ это братъ какъ хочешь,—сказалъ баринъ:—мальчикъ твой уже можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подрастетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать—вѣдь все у тебя дома съ Божьею помощью пойдетъ,—говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство, вы намъ худа не желаете; да дома-то побывать некому: мы съ бабой на барщинѣ, ну а онъ, хоть и маленекъ, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ,—и Чурисенокъ съ улыбкою взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкаль его.

— Все-таки ты присылай его, когда самъ дома и когда ему время—слышишь? непремѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнуль и ничего не отвѣтиль.

V.

— Да я еще хотѣль сказать тебѣ,—сказалъ Нехлюдовъ:—отчего у тебя навозъ не вывезенъ?

— Какой у меня навозъ, батюшка ваше сіятельство! И возить-то нечего. Скотина моя какая? кобыленка одна да жеребенокъ, а телушку осенью изъ телятъ дворнику отдалъ—вотъ и скотина моя вся.

— Такъ какъ же у тебя скотины мало, а ты еще телку изъ телятъ отдалъ?—съ удивленіемъ спросилъ баринъ.

— А чѣмъ кормить станешь?

— Развѣ у тебя соломы-то не достанетъ, чтобы корову прокормить? У другихъ достаетъ же.

— У другихъ земли навозныя, а моя земля глина одна, ничего не сдѣлаешь.

— Такъ вотъ и навозъ ее, чтобы не было глины; а земля хлѣбъ родить, и будетъ чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту, такъ какой навозъ будетъ?

„Это странный cercle vicieux“, подумалъ Нехлюдовъ, но рѣшительно не могъ придумать, что посовѣтовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сіятельство, не навозъ хлѣбъ родить, а все Богъ,—продолжалъ Чурисъ. — Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осьминикѣ шесть копенъ стало, а съ навозной и крестца не собрали.—Никто какъ Богъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Да и скотина ко двору неидеть къ нашему. Вотъ шестої годъ не живетъ. Лѣтось, одна телка

издохла, другую продалъ: кормиться нечѣмъ было; а въ за-
прошлый годъ важная корова паля: пригнали изъ стада, ни-
чего не было, вдругъ зашаталась, зашаталась, и паръ вонъ.
Все мое несчастье!

— Ну, братецъ, что бы ты ни говорилъ, что у тебя скоти-
ны нѣтъ оттого, что корму нѣть, а корму нѣть оттого,
что скотины нѣть, вотъ тебѣ на корову, — сказалъ Нехлю-
довъ, краснѣя и доставая изъ кармана шароваръ скомкан-
ную пачку ассигнацій и разбирая ее: — купи себѣ на мое
счастье корову, а кормъ бери съ гумна — я прикажу. Смотри
же, чтобы къ будущему воскресенью у тебя была корова: я
зайду.

Чурисъ, такъ долго, съ улыбкой переминаясь, не подви-
галъ руку за деньгами, что Нехлюдовъ положилъ ихъ на
конецъ стола и покраснѣлъ еще больше.

— Много довольны вашею милостью, — сказалъ Чурисъ съ
своей обыкновенною, немного насыпливой улыбкой.

Старуха нѣсколько разъ тяжело вздохнула подъ полатями
и какъ-будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко; онъ торопливо всталъ съ
лавки, вышелъ въ сѣни и позвалъ за собой Чуриса. Видъ
человѣка, которому онъ сдѣлалъ добро, былъ такъ пріятенъ,
что ему не хотѣлось скоро разстаться съ нимъ.

— Я радъ тебѣ помогать, — сказалъ онъ, останавливаясь
у колодца: — тебѣ помогать можно, потому что, я знаю, ты
не лѣнишься. Будешь трудиться — и я буду помогать: съ
Божіею помощью и поправишься.

— Ужъ не то, что поправиться, ваше сіятельство, сказалъ
Чурисъ, — принимая вдругъ серьезное, даже строгое выраже-
ніе лица, какъ-будто весьма недовольный предположеніемъ

барина, что онъ можетъ поправиться.—Жили при бачкѣ съ братьями, ни въ чёмъ нужды не видали; а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачемъ же вы разошлись?

— Все изъ-за бабъ вышло, ваше сиятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, а то при немъ бы не посмѣли: тогда настоящіе порядки были. Онъ такъ же, какъ и вы, до всего самъ доходилъ,—и думать бы не смѣли расходиться. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать; а нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Андрей Ильичъ—не тѣмъ будь помянуть — человѣкъ былъ пьяный, необстоятельный. Пришли къ нему проситься разъ, другой—нѣть, моль, житья отъ бабъ, позволь разойтись; ну, подраль, подраль, а наконецъ, тому дѣло вышло, все-таки поставили бабы на своеимъ, врозь стали жить; а ужъ одинокій мужикъ извѣстно какой! Ну да и порядковъ-то никакихъ не было; орудовалъ нами Андрей Ильичъ, какъ хотѣлъ. „Чтобъ было у тебя все“, а изъ чего мужику взять, того не спрашивалъ. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже сбирать больше стали, а земель меныше стало и хлѣбъ ражать пересталъ. Ну, а какъ межовка пришла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзalъ, злодѣй, и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай! Батюшка вашъ — царство пебесное—баринъ добрый былъ, да мы его и не видали почтай: все въ Москвѣ жилъ; ну, извѣстно, и подводы туда чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣть, а вези! Нельзя же и барину безъ того. Мы этимъ обижаться не смѣемъ, да порядковъ не было. Какъ теперь ваша милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и

мы другіе стали, и приказчикъ-то другой человѣкъ сталъ. Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть. И ужъ и сказать нельзя, какъ мужички твоей милости благодарны. А то въ опеку, настоящаго барина не было; всякий баринъ былъ: и опекунъ баринъ, и Ильичъ баринъ, и жена его барыня, и писарь изъ стану тотъ же баринъ. Тутъ-то много,— ухъ! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдовъ испыталъ чувство, похожее на стыдъ или угрызеніе совѣсти. Онъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

VI.

„Юхванка-Мудреный хочетъ лошадь продать“, прочелъ Нехлюдовъ въ записной книжечкѣ и перешелъ чрезъ улицу, ко двору Юхванки-Мудренаго. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтлосѣраго осиноваго лѣса (тоже изъ барскаго заказа), съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ и крылечкомъ съ навѣсомъ и съ затѣйливыми, вырѣзанными изъ тесинъ перильцами. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправныя; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушился нѣсколько пригороженою къ воротищамъ клѣтью съ недоплетенымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, виднѣвшимся изъ-за нея. Въ то самое время, какъ Нехлюдовъ подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, съ другой подходили двѣ крестьянскія женщины съ полнымъ ушатомъ. Одна изъ нихъ была жена, другая мать Юхванки-Мудренаго. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно-развитою грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротнике ру-

баха, такая же занавѣска, новая панева, коты, бусы и, вышитая красною бумагой и блестками, четвероугольная щегольская кичка.

Конецъ водоноса не покачивался, а плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ красномъ лицѣ ея, въ изгибѣ спины и мѣрномъ движениіи рукъ и ногъ, выказывали въ ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванина мать, несшая другой конецъ водоноса, была, напротивъ, одна изъ тѣхъ старухъ, которыхъ кажутся дошедшиими до послѣдняго предѣла старости и разрушения въ живомъ человѣкѣ. Костлявый оставъ ея, на которомъ надѣта была черная, изорванная рубаха и безцвѣтная панева, былъ согнутъ, такъ что водоносъ лежалъ больше на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея, съ искривленными пальцами, которыми она, какъ-будто ухватившись, держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвета и, казалось, не могли ужъ разгибаться; понурая голова, обвязанная какимъ-то тряпьевъ, носила на себѣ самые уродливые слѣды нищеты и глубокой старости. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направлениямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенныя рѣсницъ. Одинъ **желтый** зубъ выказывался изъ-подъ верхней, впалой губы и безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла похожи были на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движениіи. Она тяжело и хрипло дышала; но босыя, искривленныя ноги, хотя, казалось, чрезъ силу волочась по землѣ, мѣрно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись съ бариномъ, молодая баба бойко со-
ставила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими
глазами исподлобья взглянула на барина, и, стараясь ру-
кавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая
котами, вѣжала на сходцы.

— Ты, матушка, водоносъ-то теткѣ Настасіѣ отнеси,—ска-
зала она, останавливаясь въ двери и обращаясь къ старухѣ.

Скромный молодой помѣщикъ строго, но внимательно по-
смотрѣлъ на румяную бабу, нахмурился и обратился къ ста-
рухѣ, которая, выпроставъ корявыми пальцами водоносъ,
взваливала его на плечи и покорно направилась было къ
сосѣдней избѣ.

— Дома сынъ твой?—спросилъ баринъ.

Старуха, согнувъ еще болѣе свой согнутый станъ, покло-
нилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту,
такъ закашлялась, что Нехлюдовъ, не дождавшись, вошелъ
въ избу. Юхванка, сидѣвшій въ красномъ углу на лавкѣ,
увидѣвъ барина,бросился къ печи, какъ-будто хотѣлъ спря-
таться отъ него, поспѣшилъ сунуть на полати какую-то вещь
и, подергивая ртомъ и глазами, прижался около стѣны, какъ
будто давая дорогу барину. Юхванка былъ русый парень,
льть тридцати, худощавый, стройный, съ молодою, острень-
кой бородкой, довольно красивый, если бы не бѣгающіе каріе
глазки, непріятно выглядывавшіе изъ-подъ сморщеныхъ
бровей, и не недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, который
тотчасъ бросался въ глаза, потому что губы его были ко-
ротки и безпрестанно шевелились. На немъ была праздничная
рубаха съ ярко-красными ластовиками, полосатые набойчатые

портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была такъ тѣсна и мрачна, какъ внутренность избы Чуриса, хотя въ ней такъ же было душно, пахло дымомъ и тулупомъ, и такъ же беспорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Двѣ вещи здѣсь какъ то странно останавливали вниманіе: небольшой погнутый самоваръ, стоявшій на полкѣ, и черная рамка съ остаткомъ грязнаго стекла и портретомъ какого-то генерала въ красномъ мундирѣ, висѣвшая около иконы. Нехлюдовъ, недружелюбно посмотрѣвъ на самоваръ, на портретъ генерала и на полати, на которыхъ торчалъ изъ-подъ какой-то ветошки конецъ трубки въ мѣдной оправѣ, обратился къ мужику.

— Здравствуй, Епифанъ, — сказалъ онъ, глядя ему въ глаза.

Епифанъ поклонился, пробормоталъ: „здравія желаемъ, васясо“, особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣжали всю фигуру барина, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатямъ, стащилъ оттуда зипунъ и стала надѣвать его.

— Зачѣмъ ты одѣваешься? — сказалъ Нехлюдовъ, садясь на лавку и видимо стараясь какъ можно строже смотрѣть на Епифана.

— Какъ же, помилуйте, васясо, развѣ можно? Мы, кажется, можемъ понимать...

— Я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей и какую ты лошадь продать хочешь? — сухо сказалъ баринъ, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали

зайти ко мнѣ, къ мужику,— отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на портретъ генерала, на печку, на сапоги барина и на всѣ предметы, исключая лица Нехлюдова:— мы всегда за вашего сяса Богу молимъ...

— Зачѣмъ тебѣ лошадь продать?— повторилъ Нехлюдовъ, возвышая голосъ и прокашливаясь.

Юхванка вздохнулъ, встряхнула волосами (взглядъ его опять обѣжалъ избу) и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавкѣ, крикнулъ на нее, „брысь, подлая“, и торопливо оборотился къ барину.— Лошадь, которая, васяко, негодная... Коли бы животина добрая была, я бы продавать не сталъ, васяко.

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Три лошади, васяко.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно-съ, васяко! И жеребенокъ есть.

VIII.

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей; онъ у тебя на дворѣ?

— Такъ точно-съ, васяко, какъ мнѣ приказано, такъ и сделано, васяко. Развѣ мы можемъ ослушаться вашего сяса? Мнѣ приказалъ Яковъ Алпатычъ, чтобъ, моль, лошадей завтра въ поле не пущать: князь смотрѣть будутъ, мы и не пушили. Ужъ мы не смѣемъ ослушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдовъ выходилъ въ двери, Юхванка досталъ трубку съ полатей и засунулъ ее за печку; губы его все такъ-же беспокойно передергивались и въ то время, какъ баринъ не смотрѣль на него.

Худая сивая кобыленка перебирала подъ навѣсомъ прѣ-

лую солому; двухмѣсячный длинноногий жеребенокъ какого-то неопределеннаго цвѣта, съ голубоватыми ногами и мордой, не отходилъ отъ ея тощаго, засоренного рѣпьями хвоста. По серединѣ двора, зажмутившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ съ виду хорошая мухоморская лошадка.

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣть-съ, васяко; вотъ еще кобылка, да вотъ жеребеночекъ,—отвѣталъ Юхванка, указывая на лошадей, которыхъ баринъ не могъ не видѣть.

— Я вижу. Такъ какую же ты хочешь продать?

— А вотъ евту-съ, васяко,—отвѣталъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка и безпрестанно мигая и передергивая губами. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старый на видъ и собою лошадка плотная,—сказалъ Нехлюдовъ.— Поймай-ка его да покажи мнѣ зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никакъ не можно поимать-съ одному, васяко. Вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая—и зубомъ, и передомъ, васяко,—отвѣталъ Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! Поймай, тебѣ говорятъ.

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Нехлюдовъ сердито крикнулъ: „ну! что жъ ты?“ бросился подъ навѣсть, принесъ оброть и сталъ гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоѣло смотрѣть на это, да и хотѣлось, можетъ-быть, показать свою ловкость.—Дай сюда оброть!—сказалъ онъ.

— Помилуйте! какъ можно васясу? не извольте...

Но Нехлюдовъ прямо съ головы подошелъ къ лошади и, вдругъ ухвативъ ее за уши, пригнуль къ землѣ съ такою силой, что меренокъ, который, какъ оказывалось, была очень смириная женская лошадка, зашатался и захрипѣлъ, стараясь вырваться. Когда Нехлюдовъ замѣтилъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилия, и взглянулъ на Юхванку, который не переставалъ улыбаться, ему пришла въ голову самая обидная въ его лѣта мысль, что Юхванка смеется надъ нимъ и мысленно считаетъ его ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши лошади, и безъ помощи оброта открылъ ей ротъ, посмотрѣлъ въ зубы: клыки были цѣлы, чашки полныя, что все уже успѣлъ выучить молодой хозяинъ: стало-быть лошадь молодая.

Юхванка въ это время отошелъ къ навѣсу и, замѣтивъ, что борона лежала не на мѣстѣ, поднялъ ее и, прислонивъ къ плетню, поставилъ стоймѧ.

— Поди сюда! — крикнулъ баринъ съ дѣтски раздосадованымъ выражениемъ въ лицѣ и чуть не со слезами досады и злобы въ голосѣ. — Что, эта лошадь старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годовъ двадцать будеть... которая лошадь...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать: ему незачѣмъ! — сказалъ Нехлюдовъ, задыхаясь отъ гиѣвныхъ слезъ, которыхъ подступили ему къ горлу. Онъ замолчалъ, чтобы не осрамиться, расплакавшись при мужикѣ. Юхванка тоже молчалъ и съ видомъ человѣка, который сейчасъ заплачетъ, посапывалъ носомъ и слегка подергивалъ головой. — Ну, на чёмъ же ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь? — продолжалъ

Нехлюдовъ, успокоившись достаточно, чтобы говорить обыкновеннымъ голосомъ:— тебя нарочно посылаютъ на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать? а главное, зачѣмъ ты лжешь?

Какъ только баринъ успокоился, и Юхванска успокоился. Онъ стоялъ прямо, и все такъ же, передергивая губами, перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому.

— Мы вашему сясу,—отвѣчалъ онъ: — не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

— Да на чѣмъ же ты выѣдешь?

— Ужъ будьте покойны, вашего сяса работу справимъ,— отвѣчалъ онъ, нукая на мерина и отгоняя его. — Коли бы не нужны деньги, то сталъ бы развѣ продавать.

— Зачѣмъ тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣту-ти ничего, васясо, да и долги отдать мужичкамъ надо-ти, васясо.

— Какъ хлѣба нѣту? Отчего же у другихъ, у семейныхъ еще есть, а у тебя безсемейнаго, нѣту? Куда жъ онъ дѣвался?

— Щли, ваше сясо, а теперь ни крохи нѣть. Лошадь я къ осени куплю, васясо.

— Лошадь продавать и думать не смѣй!

— Что жъ, васясо, коли такъ, то какая же наша жизнь будетъ? и хлѣба нѣту, продавать ничего не смѣй,—отвѣчалъ онъ совсѣмъ на сторону, передергивая губы и кидая вдругъ дерзкій взглядъ прямо на лицо барина: — значитъ, съ голоду помирать надо.

— Смотри, братъ! — закричалъ Нехлюдовъ, блѣднѣя и испытывая злобное чувство личности противъ мужика:— такихъ мужиковъ, какъ ты, я держать не стану. Тебѣ дурно будетъ.

— На то воля вашего сяса, — отвѣчалъ онъ, закрывая глаза съ притворно-покорнымъ выраженіемъ: — коли я вамъ не заслужилъ. А, кажется, за мной никакого пороку не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему сіясу не полюбился, то все въ волѣ вашей состоить; только не знаю, за что я страдать долженъ.

— А вотъ за что: что у тебя дворъ раскрыть, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебѣ все хозяйство отдала, куска хлѣба не даешь, позволяешь ей своей женѣ бить и доводишь до того, что она ко мнѣ жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сіясо, я и не знаю, какія это трубки бываютъ, — отвѣчалъ смущенно Юхванка, котораго, видно, преимущественно оскорбило обвиненіе въ куреніи трубки. — Про человѣка все сказать можно.

— Вотъ ты опять лжешь! Я самъ видѣль...

— Какъ я смѣю лгать вашему сіясу!

Нехлюдовъ молчалъ и, кусая губу, сталъ ходить взадъ и впередъ по двору. Юхванка, стоя на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ, слѣдилъ за ногами барина.

— Послушай, Епифанъ, — сказалъ Нехлюдовъ дѣтски-кроткимъ голосомъ, останавливаясь передъ мужикомъ и стараясь скрыть свое волненіе; — этакъ жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенъко. Если ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою жизнь перемѣни, оставь свои привычки дурины, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Вѣдь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы казенный лѣсъ воровать да въ кабакъ ходить. Подумай, что тутъ хорошаго! Коли тебѣ въ чемъ-нибудь

нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

— Помилуйте, васяко, мы кажется, можемъ понимать ва-шего сяса! — отвѣталъ Юхванка, улыбаясь, какъ-будто вполнѣ понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и отвѣтъ совершенно разочаровали Нехлю-дова въ надеждѣ тронуть мужика и увѣщаніями обратить на путь истинный. Притомъ ему все казалось, что неприлично ему, имѣющему власть, усовѣщевать своего мужика, и что все, что онъ говорилъ, совсѣмъ не то, что слѣдуетъ говорить. Онъ грустно опустилъ голову и вышелъ въ сѣни. На порогѣ сидѣла старуха и громко стонала, какъ казалось въ знакъ сочувствія словамъ барина, которыя она слышала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ, — сказалъ ей на ухо Нехлюдовъ, кладя въ руку ассигнацію: — только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха костлявою рукой ухватилась за притолку, чтобы встать и собралась благодарить барина; голова ея закачалась, но Нехлюдовъ былъ уже на другой сторонѣ улицы, когда она встала.

IX.

„Давыдка Бѣлый просилъ хлѣба и кольевъ“, значилось въ записной книжкѣ послѣ Юхванки.

Пройдя нѣсколько дворовъ, Нехлюдовъ, при поворотѣ въ переулокъ, встрѣтился съ своимъ приказчикомъ, Яковомъ Алпатычемъ, который, издалека увидѣвъ барина, снялъ клеенчатую фуражку и, доставъ фулярный платокъ, сталъ обти-рать толстое красное лицо.

— Надѣнь, Яковъ! Яковъ, надѣнь же, я тебѣ говорю...

— Гдѣ изволили быть, ваше сіятельство?—спросилъ Яковъ, защищаясь фуражкою отъ солнца, но не надѣвая ея.

— Былъ у Мудренаго. Скажи пожалуйста, отчего онъ такой сдѣлался?—сказалъ баринъ, продолжая итти впередъ по улицѣ.

— А что, ваше сіятельство?—отозвался управляющій, который въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за бариномъ и, надѣвъ фуражку, расправлялъ усы.

— Какъ что? онъ совершенный негодяй, лѣнтяй, воръ, лгунъ, мать свою мучить и, какъ видно, такой закоренѣлый негодяй, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сіятельство, что онъ вамъ такъ не понравился...

— И жена его, — перебилъ баринъ управляющаго, — кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одѣта, Ѣсть нечего, а она разряженная, и онъ тоже. Что съ нимъ дѣлать—я рѣшительно не знаю.

Яковъ замѣтно смущился, когда Нехлюдовъ заговорилъ про жену Юхванки.

— Что жъ, коли онъ такъ себя попустилъ, ваше сіятельство,—началь онъ:—то надо мѣры изыскать. Онъ точно въ бѣдности, какъ и всѣ одинокіе мужики, но онъ все-таки себя сколько-нибудь наблюдаетъ, не такъ, какъ другіе. Онъ мужикъ умный, грамотный, и ничего, честный, кажется, мужикъ. При сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ. И старостой при моемъ ужъ управлѣніи три года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьямъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто какъ въ городу на почтѣ живаль, то хмѣлемъ немногого по-

зашибется, такъ надо мѣры изыскать. Бывало, зашалить, постращаешь—онъ опять въ свой разумъ приходитъ: и ему хорошо, и въ семействѣ ладъ; а какъ вамъ не угодно знать, эти мѣры употреблять, то ужъ я и не знаю, что съ нимъ будемъ дѣлать. Онъ точно себя очень попустилъ. Въ солдаты опять не годится, потому, какъ изволили замѣтить, двухъ зубовъ ~~нетъ~~. Да и не онъ одинъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что совершенно страху не имѣютъ...

— Ужъ это оставь, Яковъ,—отвѣчалъ Нехлюдовъ, слегка улыбаясь:—про это мы съ тобой говорили и переговорили. Ты знаешь, какъ я обѣ этомъ думаю, и что ты мнѣ ни говори, я все такъ же буду думать.

— Конечно, ваше сіятельство, вамъ это все известно, сказалъ Яковъ, пожимая плечами и глядя сзади на барина такъ, какъ будто то, что онъ видѣлъ, не обѣщало ничего хорошаго. — А что насчетъ старухи вы изволите беспокоиться, то это напрасно,—продолжалъ онъ:—оно, конечно, что она сиротъ воспитала, вскормила и женила Юхвана, и все такое; но вѣдь это вообще въ крестьянствѣ, когда мать или отецъ сыну хозяйство передали, то ужъ хозяинъ—сынъ и сноха, а старуха ужъ должна свой хлѣбъ зарабатывать по силѣ по мочи. Они, конечно, тѣхъ чувствъ нѣжныхъ не имѣютъ, но ужъ въ крестьянствѣ вообще такъ ведется. То и осмѣлюсь вамъ доложить, что напрасно старуха васъ трудила. Она старуха умная и хозяйка, да что жъ господина изъ-за всего беспокоить? Ну, поссорилась съ снохой, та, можетъ-быть, ее и толкнула—бабье дѣло! и помирились бы опять, чѣмъ васъ беспокоить. Ужъ вы и такъ слишкомъ все изволите къ сердцу принимать, — говорилъ управляющій, съ нѣкоторою нѣжностью и снисходительностью глядя на барина.

на, который молча большими шагами шелъ передъ нимъ вверхъ по улицѣ.

— Домой изволите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Бѣлому или Козлу... какъ онъ прозывается?

— Вотъ тоже, лядъ-то, доложу вамъ. Ужъ эта вся порода Козловъ такая. Чего-чего съ нимъ ни дѣлалъ — ничто не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхаль, а у него и гречиха не посъяна; что прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Хоть бы стариkъ-то сына училъ, а то такой же лядъ: ни на себя, ни на барщину, все какъ черезъ пень колоду валить. — Ужъ что-что съ нимъ ни дѣлали и опекунъ, и я: и въ стань посылали, и дома наказывали — вотъ что вы не изволите любить...

— Кого, неужели старика?

— Старика-съ. Опекунъ сколько разъ и при всей сходкѣ наказывалъ, такъ вѣрите ли, ваше сіятельство, хоть бы те что: встряхнется, пойдетъ, и все то же. И вѣдь Давыдка, доложу вамъ, мужикъ смиренный, и неглупый мужикъ, и не курить — не пить, то-есть, — объяснилъ Яковъ: — а вотъ хуже пьяного другого. Одно что въ солдаты коли выйдетъ или на поселеніе, больше дѣлать нечего. Эта вся ужъ порода Козловъ такая: и Матрюшка, что въ черной живетъ, тоже ихней семьи, такой же лядъ проклятый. Такъ я вамъ не нуженъ, ваше сіятельство? — прибавилъ управляющій, замѣчая, что баринъ не слушаетъ его.

— Нѣтъ, ступай, — разсѣянно отвѣчалъ Нехлюдовъ и направился къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара; только

какие-то грязные хлѣвушки для скотины лѣпились съ одной стороны; съ другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворостъ и бревна. Высокій, зеленый бурьянъ росъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Никого, кромѣ свиньи, которая, лежа въ грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдовъ постучалъ въ разбитое окно; но такъ какъ никто не отзывался ему, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: „хозяева!“ И па это никто не откликнулся. Онъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ пустые хлѣвушки и вошелъ въ отворенную избу. Старый, красный пѣтухъ и двѣ курицы, подергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкамъ. Увидѣвъ человѣка, они съ отчаяніемъ кудахтали, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, и одна изъ нихъ вскочила на печку. Шестиаршинную избенку всю занимали печь съ разломами трубы, ткацкій станъ который, несмотря на лѣтнее время, не былъ вынесенъ, и покернѣвшій столъ съ выгнутою, треснувшою доскою.

Хотя на дворѣ было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся въ прежній дождь отъ течи въ потолкѣ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое—такой рѣшительный видъ запустѣнія и беспорядка носила на себѣ какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако, въ этой избѣ жилъ Давыдка БѣлыЙ со всемъ своимъ семействомъ. Въ настоящую минуту, несмотря на жаръ юньского дня, Давыдка, свернувшись съ головой въ полушибокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще не успокоившаяся отъ волненія, расхаживая по спинѣ Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого въ избѣ, Нехлюдовъ хотѣлъ уже выйти, какъ протяжный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Эй! кто тутъ? — крикнулъ баринъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? Поди сюда!

Еще вздохъ, мычанье и громкій зѣвокъ отозвались на крикъ барина.

— Ну, что жь ты?

На печи медленно зашевелилось; показалась пола истерпаго тулупа; спустилась одна большая нога въ изорванномъ лаптѣ, потомъ другая, и наконецъ показалась вся фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и лѣниво и недовольно большими кулакомъ протиравшаго глаза. Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу, и, увидѣвъ барина, сталъ поворачиваться немного скрѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ тихо, что Нехлюдовъ успѣлъ раза три пройти отъ лужи къ ткацкому стану и обратно, а Давыдка все еще слѣзаль съ печи. Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый: и волоса, и тѣло, и лицо его — все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, но толстъ, какъ бываютъ мужики, то есть не животомъ, а тѣломъ. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, съ свѣтло-голубыми спокойными глазами и съ широкой окладистою бородой, носило на себѣ отпечатокъ болѣзненности. На немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца; оно все было какого-то блѣднаго, желтоватаго цвѣта, съ легкимъ лиловымъ оттенкомъ около глазъ, и какъ будто все заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, какъ руки людей больныхъ водяною, и покрыты тонкими бѣлыми волосами.

Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ и стоять не пошатывалась и не зѣвая.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣтно,—началь Нехлюдовъ;— середь бѣлага дня спать, когда тебѣ дворъ строить надо, когда у тебя хлѣба нѣть?...

Какъ только Давыдка опомнился отъ сна и сталъ понимать, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ сложилъ руки подъ животъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ, и не двигался ни однимъ членомъ. Онъ молчалъ; но выраженіе лица его и положеніе всего тѣла говорило: „знаю, знаю; ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну бейте же, коли такъ надо—я снесу“. Онъ, казалось, желалъ, чтобы баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибиль его, даже болѣе прибиль по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Замѣчая, что Давыдка не понимаетъ его, Нехлюдовъ разными вопросами старался вывести мужика изъ его покорно-терпѣливаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ, и самое свободное время такъ лежить, а?

Давыдка упорно молчалъ и не двигался.

— Ну, отвѣчай же!

Давыдка промыгчалъ что-то и моргнулъ своими бѣлыми рѣсницами.

— Вѣдь надо работать, братецъ: безъ работы что же будетъ? Вотъ теперь у тебя хлѣба нѣть, а все это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во-время засѣяна—все отъ лѣни. Ты просишь у меня хлѣба: ну, положимъ, я тебѣ дамъ, потому что нельзѧ тебѣ съ голоду умирать, да вѣдь этакъ дѣлать не годится. Чай

хлѣбъ я тебѣ дамъ? какъ ты думаешьъ, чей? Ты отвѣчай чей
хлѣбъ я тебѣ дамъ? — упорно допрашивалъ Нехлюдовъ.

— Господскій,—пробормоталъ Давыдка, робко и вопроси-
тельно поднимая глаза.

— А господскій-то откуда? разсуди-ка самъ, кто подъ
него вспахалъ? заскородилъ? кто его посѣялъ, убралъ? —
мужички? такъ? Такъ вотъ видишь ли: ужъ если раздавать
хлѣбъ господскій мужикамъ, такъ надо раздавать больше
тѣмъ, которые больше за нимъ работали, а ты меньше
всѣхъ, на тебя и на барщинѣ жалуются—меньше всѣхъ ра-
боталъ, а больше всѣхъ господскаго хлѣба просили. За что
же тебѣ давать, а другимъ нѣть? Вѣдь коли бы всѣ, какъ
ты, на боку лежали, такъ мы давно всѣ бы на свѣтѣ съ
голоду умерли. Надо, братецъ, трудиться, а это дурно —
слышишь, Давыдъ.

— Слушаю-сь,—медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

X.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской
женщины, несшей полотна на коромыслѣ, и чрезъ минуту
въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ
пятидесяти, весьма свѣжая и живая. Изрытое рябинами и
морщинами, лицо ея было некрасиво, но прямой, твердый
носъ, сжатыя, тонкія губы и быстрые сѣрые глаза выра-
жали умъ и энергію. Угловатость плечъ, плоскость груди,
сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ босыхъ ногахъ
ея, свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно пе-
рестала быть женщиной и была только работницомъ. Она
бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула паневу

и сердито взглянула на сына. Нехлюдовъ что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на выглядывавшую изъ-за ткацкаго стана черную деревянную икону. Окончивъ это дѣло, она оправила грязный клѣтчатый платокъ, которымъ была повязана голова ея, и низко поклонилась барину.

— Съ праздникомъ Христовымъ, ваше сіятельство,—сказала она:—спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ...

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно смущился, согнувшись сколько спину и еще ниже опустилъ шею.

— Спасибо, Арина,—отвѣчалъ Нехлюдовъ.—Вотъ я сей-часъ съ твоимъ сыномъ говорилъ о вашемъ хозяйствѣ.

Арина, или, какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ, Аришка-Бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая опиралась на ладонь лѣвой, и не дослушавъ барина, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся изба наполнилась звукомъ ея голоса и со двора могло показаться, что вдругъ говорятъ нѣсколько бабыхъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить! Вѣдь онъ и говорить-то не можетъ, какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ,—продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую, массивную фигуру Давыдки.—Какое мое хозяйство, батюшка, ваше сіятельство? Мы голь; хуже нась во всей слободѣ у тебя нѣтъ: ни на себя, ни на барщину—срамъ! А все онъ довель. Родили, кормили, поили, не чаяли дождаться парня. Вотъ и дождались: хлѣбъ лопаетъ, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой, вотъ той, колоды. Только знаетъ на печи лежать, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребеть, — сказала она, передразнивая это.—Хоть бы его ты, отецъ, постращалъ бы, что-ли. Ужъ

я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, въ солдаты ли — одинъ конецъ. Мочи моей съ нимъ не стало — вотъ что.

— Ну какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этого свою мать? — сказалъ Нехлюдовъ, съ укоризной обращаясь къ мужику.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро бы мужикъ хворый былъ, — съ тою же живостью и тѣми же жестами продолжала Арина: — а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ. Возьмется за что, такъ не глядѣли бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая съ боку на бокъ своими угловатыми плечами. — Вѣдь вотъ нынче, старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему наказалъ ямы копать: такъ нѣтъ вотъ, и лопаты въ руки ие бралъ... (На минуту она замолчала...) Загубилъ онъ меня сироту! — взвизгнула она вдругъ, размахнувъ руками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ сыну. — Гладкая твоя морда лядашая, прости Господи! (Она презрительно и вмѣстѣ отчаянно отвернулась отъ него, плонула и снова обратилась къ барину, съ тѣмъ же одушевленіемъ и съ слезами на глазахъ, продолжая размахивать руками). Вѣдь все одна, кормилецъ. Старикъ-отъ мой хворый, старый, да и тоже проку въ немъ нѣтъ, а я все одна да одна. Камень и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче было-бѣ: одинъ конецъ. Заморилъ онъ меня, подлецъ! Отецъ ты нашъ! мочи моей ужъ нѣтъ! Невѣстка съ работы извелась — и мнѣ тоже будетъ.

XI.

— Какъ извѣлася? — недовѣрчиво спросилъ Нехлюдовъ.

— Съ натуги, кормилецъ, какъ Богъ святъ, извѣлася. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина, — продолжала она, вдругъ перемѣнявъ свое озлобленное выраженіе на слезливое и печальное: — ну, баба была молодая, свѣжая, смиренная, родной. Дома-то у отца, въ дѣвкахъ, въ холѣ жила, нужды не видала, а какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала — и на барщину, и дома, и вездѣ... Она да я — только и было. Минѣ что? я баба привычная, она же въ тяжести была, отецъ ты мой, да горе стала терпѣть; а все черезъ силу работала — ну, и надорвалась, сердечная. Лѣтось, Петровками, еще на бѣду мальчишку родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ъли, отецъ ты мой, работа же спѣшная подошла — у ней груди и пересохни. Дѣтенокъ первенецкий былъ, коровенки нѣту-ти, да и дѣло наше мужицкое: гдѣ ужъ рожкомъ выкормить; ну, извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ дѣтёнокъ померъ, ужъ она съ той кручинѣ выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, все хуже да хуже: такъ извѣлася въ лѣто, сердечная, что къ Покрову и сама кончилась. Онъ ее порѣшилъ, бестія! — снова съ отчаянною злобой обратилась она къ сыну... — Что я тебя просить хотѣла, ваше сіятельство, — продолжала она послѣ небольшого молчанія, понижая голосъ и кланяясь.

— Что? — разсѣянно спросилъ Нехлюдовъ, еще взволнованный ея разсказомъ.

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой. Отъ меня ужъ какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ

жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насть какъ-нибудь, отецъ ты нашъ.

— То-есть, ты женить его хочешь? Что жъ? это дѣло!

— Сдѣлай божескую милость; вы напи отцы-матери.

И сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги барину.

— Зачѣмъ ты въ землю кланяешься? — говорилъ Нехлюдовъ, съ досадой поднимая ее за плечи.—Развѣ нельзя такъ сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуй, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и стала рукавомъ утирать сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и, потеревъ глаза пухлымъ кулакомъ, въ томъ же терпѣливо-покорномъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила Арина.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть! Вотъ Васютка, Михейкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ, коли по согласію пойдетъ!

— Ну такъ что жъ дѣлать? Я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, такъ у чужихъ; я выкуплю, только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдать замужъ нельзя. И закона такого нѣть, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ, кормилецъ! да статочное ли дѣло, глядя на нашу жизнь, да на нашу нищету, чтобъ охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ дѣвку къ намъ во дворъ отдастъ? Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы голы, нищета. Одну, скажутъ, почитай-что съ голоду заморили, такъ и моей то же будетъ. Кто отдастъ? — прибавила она, недовѣрчиво качая головой: — разсуди, ваше сиятельство.

— Такъ что жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ-нибудь, родимый! — повторила убѣдительно Арина:— что жъ намъ дѣлать?

— Да что жъ я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто-жъ насъ обдумаетъ, коли не ты?—сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печального недоумѣнія разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить,—сказалъ баринъ послѣ небольшого молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей.—А больше я нечего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за бариномъ.

XII.

— О-охъ сиротство мое!—сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромномъ грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ?—продолжала Арина, обращаясь къ барину. — Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ, ребенка малаго не обидить — грѣхъ напрасно сказать; худого за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, что такое съ нимъ попретчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба

носила; жалъю его, ужъ какъ жалъю!... Вѣдь онъ не то, чтобы супротивъ меня али отца, али начальства что бы дѣлалъ, онъ мужикъ боязливый, сказать, что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты насть, кормилецъ,— повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина...— Я батюшка, ваше сіятельство, продолжала она довѣрчивымъ шепотомъ:— и такъ клала, и этакъ прикидывала: ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

Она помолчала немного.

— Коли найти человѣка, его излѣчить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь, Арина! какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ; долго ли до грѣха? Я такъ себѣ думаю, не сходить ли мнѣ къ Дундуку-старику, что въ Воробьевѣ живеть: онъ знаетъ всякия слова и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спускаетъ: такъ не пособить ли онъ?— говорила баба:— може онъ его излѣчить.

„Вотъ она, нищета-то и невѣжество!“— думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. „Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого, невозможно“, говорилъ онъ себѣ, высчитывая на пальцахъ эти причины. „Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его?

— Такъ что жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насть какъ-нибудь, родимый! — повторила убѣдительно Арина:— что жъ намъ дѣлать?

— Да что жъ я могу обдуматъ? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто-жъ насть обдумастъ, коли не ты?— сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печального недоумѣнія разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить,— сказалъ баринъ послѣ небольшого молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей.— А больше я ничего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за бариномъ.

XII.

— О-охъ сиротство мое!— сказала Ариша, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромномъ грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ?— продолжала Арина, обращаясь къ барину. — Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ, ребенка малаго не обидитъ — грѣхъ напрасно сказать; худого за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, что такое съ нимъ попрятчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба

носила; жалъю его, ужъ какъ жалъю!... Вѣдь онъ не то, чтобы супротивъ меня али отца, али начальства что бы дѣлалъ, онъ мужикъ боязливый, сказать, что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты нась, кормилецъ, — повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина... — Я батюшка, ваше сиятельство, продолжала она довѣрчивымъ шопотомъ: — и такъ клала, и этакъ прикидывала: ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

Она помолчала немного.

— Коли найти человѣка, его излѣчить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь, Арина! какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ; долго ли до грѣха? Я такъ себѣ думаю, не сходить ли мигъ къ Дундукустарику, что въ Воробьевѣкѣ живетъ: онъ знаетъ всякія слова и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спущаетъ: такъ не пособить ли онъ? — говорила баба: — може онъ его излѣчить.

„Вотъ она, нищета-то и невѣжество!“ — думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. „Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого, невозможнo“, говорилъ онъ себѣ, высчитывая на пальцахъ эти причины. „Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его?

Онъ уничтожаетъ всѣ мои лучшіе планы въ хозяйстввѣ. Если останутся такие мужики, мечты мои никогда не сбудутся", подумалъ онъ, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушеніе его плановъ. „Сослать на поселенье, какъ говорить Яковъ, коли онъ самъ не хочетъ, чтобъ ему было хорошо, или въ солдаты? точно: по крайней мѣрѣ и отъ него избавлюсь и еще замѣню хорошаго мужика", разсуждалъ онъ.

Онъ думалъ объ этомъ съ удовольствиемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то неясное сознаніе говорило ему, что онъ думаетъ только одною стороной ума, и что-то не хорошо. Онъ остановился. „Постой, о чемъ я думаю,—сказалъ онъ самъ себѣ:—да, въ солдаты, на поселенье. За что? Онъ хороший человѣкъ, лучше многихъ, да и почемъ я знаю... Отпустить на волю?" подумалъ онъ, разматривая вопросъ не одною стороной ума, какъ прежде—„несправедливо, да и невозможно". Но вдругъ ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; онъ улыбнулся съ выражениемъ человѣка, разрѣшившаго себѣ трудную задачу. „Взять во дворъ,—сказалъ онъ самъ себѣ:—самому наблюдать за нимъ, и кротостью, и увѣщаніями, выборомъ занятій пріучать къ работѣ и исправлять его".

XIII.

„Такъ и сдѣлаю", съ радостнымъ самодовольствиемъ сказалъ самъ себѣ Нехлюдовъ и, вспомнивъ, что ему надо было еще зайти къ богатому мужику Дутлову, онъ направился къ высокой и просторной связи, съ двумя трубами, стоявшей посерединѣ деревни. Подходя къ ней, онъ столкнулся у соседней избы съ высокою ненарядною бабой, лѣтъ сорока, шедшой ему на встрѣчу.

— Съ праздникомъ, батюшка,—сказала ему, нисколько не робъя, баба, останавливаясь подлѣ него и радушно улыбаясь и кланяясь.

— Здравствуй, кормилица,—отвѣчалъ онъ:—какъ поживаешь? Вотъ иду къ твоему сосѣду.

— Такъ-съ, батюшка ваше сіятельство, хорошее дѣло. А что, къ намъ не пожалуете? Уже какъ бы мой старикъ радъ былъ!

— Что жъ, зайду, потолкуемъ съ тобой, кормилица. Это твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побѣжала впередъ. Войдя вслѣдъ за нею въ сѣни, Нехлюдовъ сѣлъ на кадушку, досталъ и закурилъ папиросу.

— Тамъ жарко; лучше здѣсь посидимъ, потолкуемъ,—отвѣчалъ онъ на приглашеніе кормилицы войти въ избу. Кормилица была еще свѣжая и красивая женщина. Въ чертахъ лица ея и особенно въ большихъ, черныхъ глазахъ было большое сходство съ лицомъ барина. Она сложила руки подъ занавѣской и, смѣло глядя на барина и безпрестанно виляя головой, начала говорить съ нимъ:

— Что жъ это, батюшка, зачѣмъ изволите къ Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтобъ онъ у меня землю наялъ десятинь тридцать, и свое бы хозяйство завель, да еще, чтобы тѣсъ онъ купилъ со мной вмѣстѣ. Вѣдь деньги у него есть, такъ что жъ имъ такъ даромъ лежать? Какъ ты обѣ этомъ думаешьъ, кормилица?

— Да что жъ? Извѣстно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ,—отвѣчала

кормилица, поматывая головой.—Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господѣ не трудили. Лошадей у нихъ, окромя жеребятъ да подростковъ, троекъ шесть соберется, а скотилы, коровъ да овецъ, какъ съ поля гонять да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то со-прется, что бѣда; да и пчелъ-то колодокъ сотни двѣ, не то больше живеть. Мужикъ очено сильный, и деньги должны быть.

— А какъ ты думаешьъ, много у него денегъ?—спросилъ баринъ.

— Люди говорятъ, извѣстно по злобѣ, можетъ, что у старика деньги не малыя; ну да про то онъ сказывать не станетъ и сыновьямъ не открываетъ, а должны быть. Отчего ему рошай не заняться? Нешто побоится славу про деньги пустить. Онъ тоже, годовъ пять тому, лугами было съ Шкаликомъ дворникомъ въ долѣ по малости сталъ зай-маться, да обманулъ что ли, его Шкаликъ-то, такъ ру-блевъ триста пропало у старика; съ тѣхъ поръ и бросиль. Да какъ имъ исправнымъ не быть, батюшка, ваше сіятель-ство!—продолжала кормилица:—при трехъ земляхъ живутъ, семья большая, все работники, да и старикъ-отъ—что же худо говорить—сказать, что хозяинъ настоящій. Во всемъ-то ему задача, что дивится народъ даже: и на хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчель, и на ребятъ-то счастье. Теперь всѣхъ поженилъ. То у своихъ дѣвокъ браль, а теперъ Илюшку на вольной жениль, самъ откупилъ. И тоже баба хорошая вышла.

— Что жъ они, ладно живутъ?—спросилъ баринъ.

— Какъ въ дому настоящая голова есть, то и ладъ бу-детъ. Хоть бы Дутловы—извѣстно бабье дѣло: невѣстки за

печкой полаются, полаются, а все подъ старикомъ-то и сыновья ладно живутъ.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старикъ большаго сына, Карпа, слыхать, хочетъ хозяиномъ въ дому поставить. Старъ, моль, ужъ сталъ; мое дѣло около пчель. Ну Карпъ-то и хорошій мужикъ, мужикъ аккуратный, а все далеко противъ старика хозяиномъ не выйдетъ. Ужъ того разуму нѣть!

— Такъ вотъ Карпъ захочеть, можетъ-быть, заняться и землей, и рощами, какъ ты думаешь?—сказалъ баринъ, жавшій отъ кормилицы выпытать все, что она знала про своихъ сосѣдей.

— Врядъ ли, батюшка,—продолжала кормилица:—старикъ сыну денегъ не открывалъ. Пока самъ живъ да деньги у него въ дому, значитъ, все стариковъ разумъ орудуетъ; да и они больше извозомъ зaimаются.

— А старикъ не согласится?

— Побоится.

— Чего жъ онъ побоится?

— Да какъ же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неравенъ случай и всѣхъ денегъ рѣшился! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ жъ ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; а съ помѣщикомъ-то ужъ вовсе квитъ какъ разъ будетъ.

— Да, отъ этого...—сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя.—Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сіятельство. Покорно благодаримъ.

XIV.

„Не ити ли домой?“—подумалъ Нехлюдовъ, подходя къ воротамъ Дутловыхъ и чувствуя какую-то неопределенную грусть и моральную усталость.

Но въ это время новые тесовые ворота со скрипомъ отворились предъ нимъ, и красивый, румяный, бѣлокурый парень, лѣтъ восемнадцати, въ ямской одеждѣ, показался въ воротахъ, ведя за собою тройку крѣпконогихъ, еще потныхъ косматыхъ лошадей и, бойко встряхнувъ бѣлыми волосами, поклонился барину.

— Что, отецъ дома, Илья?—спросилъ Нехлюдовъ.

— На осикѣ, за дворомъ,—отвѣчалъ парень, проводя одну за другою лошадей въ полуотворенные ворота.

„Нѣтъ, выдержу характеръ, предложу ему, сдѣлаю, что отъ меня зависитъ“, подумалъ Нехлюдовъ и, пропустивъ лошадей, вошелъ на просторный дворъ Дутлова. Видно было, что со двора недавно былъ вывезенъ навозъ: земля была еще черная, потная и мѣстами, особенно въ воротицахъ, валялись красные волокнистые клочья. На дворѣ и подъ высокими навѣсами въ порядкѣ стояло много телѣгъ, сохъ, саней, колодокъ, кадокъ и всякаго крестьянского добра; голуби перепархивали и ворковали въ тѣни подъ широкими прочными стропилами; нахло навозомъ и дегтемъ. Въ одномъ углу Карпъ и Игнатъ прилаживали новую подушку подъ большую троичную окованную телѣгу. Всѣ три сына Дутловы были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встрѣтившійся Нехлюдову въ воротахъ, былъ безъ бороды, поменьше ростомъ, румяне и наряднѣе старшихъ; второй, Игнатъ, былъ повыше ростомъ, почернѣе, имѣлъ бородку клиномъ

и, хотя былъ тоже въ сапогахъ, ямской рубахѣ и пояско-
вой шляпѣ, не имѣлъ того праздничнаго беззаботнаго вида,
какъ меньшой братъ. Старшій, Карпъ, былъ еще выше
ростомъ, носилъ лапти, сѣрый кафтанъ и рубаху безъ ла-
стовиковъ, имѣлъ окладистую рыжую бороду и видъ не
только серьезный, но почти мрачный.

— Пожалостите батюшку послать, ваше сиятельство,—сказ-
алъ онъ, подходя къ барину и слегка и неловко кланяясь.

— Нѣть, я самъ пройду къ нему на осикъ,—посмотрю
его устройство тамъ; а мнѣ съ тобой поговорить нужно,—
сказалъ Нехлюдовъ, отходя въ другую сторону двора съ
тѣмъ, чтобы Игнатье не могъ слышать того, что онъ намѣ-
ренъ былъ говорить съ Карпомъ.

Самоувѣренность и нѣкоторая гордость, замѣтная во всѣхъ
приемахъ этихъ двухъ мужиковъ и то, что сказала ему
кормилица, такъ смущали молодого барина, что ему трудно
было рѣшиться говорить съ ними о предлагаемомъ дѣлѣ.
Онъ чувствовалъ себя какъ-будто виноватымъ, и ему каза-
лось легче говорить съ однимъ братомъ такъ, чтобы другой
не слышалъ. Карпъ какъ будто удивился, зачѣмъ баринъ
отводить его въ сторону, но послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ что,—началъ Нехлюдовъ, запинаясь:—я хотѣлъ
тебя спросить; много у васъ лошадей?

— Троекъ пять наберется, жеребятки есть тоже, — раз-
вяязно отвѣчалъ Карпъ, почесывая спину.

— Что, братья твои на почтѣ єздятъ?

— Гоняемъ почту на трехъ тройкахъ, а то Илюшка въ
извозъ ходилъ; вотъ только вернулся.

— Что жъ, это вамъ выгодно? Сколько вы этими зава-
батываете?

— Да какая выгода, ваше сиятельство? По крайности кормимся съ лошадьми—и то слава Богу.

— Такъ зачѣмъ же вы другимъ чѣмъ-нибудь не займетесь? Вѣдь можно бы вамъ лѣса покупать или землю занимать.

— Оно, конечно, ваше сиятельство, землю нанять можно, когда бы гдѣ сподручная была.

— Я вотъ что хочу вамъ предложить: чѣмъ вамъ изволить заниматься, чтобы только кормиться, наймите вы лучше землю десятина тридцать у меня. Весь клинъ, что за Саловы мѣсто, я вамъ отдамъ, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдовъ, увлеченный своимъ планомъ о крестьянской фермѣ, который онъ не разъ самъ съ собою повторялъ и передумывалъ, уже не запинаясь, сталъ объяснять мужику свое предположеніе о мужицкой фермѣ. Карпъ слушалъ очень внимательно слова барина.

— Мы много довольны вашею милостью, — сказалъ онъ, когда Нехлюдовъ, замолчавъ, посмотрѣлъ на него, ожидая отвѣта.—Извѣстно, тутъ худого ничего нѣтъ. Землей заниматься мужику лучше, чѣмъ съ кнутикомъ ъздить. По чужимъ людямъ ходить, всякаго народа видить, балуется нашъ братъ. Самое хорошее дѣло, что землей мужику заниматься.

— Такъ какъ ты думаешь?

— Поколи батюшка живъ, такъ я что жъ думать могу, ваше сиятельство? На то воля его.

— Проведи-ка меня на осинъ; я поговорю съ нимъ.

— Сюда пожалуйте, — сказалъ Карпъ, медленно направляясь къ заднему сараю. Онъ отворилъ низенькую калитку,

ведущую на осикъ, и, пропустивъ въ нее барина и затворивъ ее, подошелъ къ Игнату и молча принялъ за прерванную работу.

XV.

Нехлюдовъ, нагнувшись, прошелъ черезъ низенькую калитку изъ-подъ тѣнистаго навѣса, на находившійся за дворомъ осикъ. Небольшое пространство, окруженнное соломой и просвѣчивающими плетнями, въ которомъ симметрично стояли покрытые обрѣзками досокъ ульи, съ шумно-вьющеюся около нихъ золотистою пчелою, было все залито горячими, блестящими лучами юньского солнца. Отъ калитки протоптанная тропинка вела на середину къ деревянному голубцу съ стоявшимъ на немъ фольговымъ образкомъ, ярко блестѣвшимъ на солнцѣ. Нѣсколько молодыхъ липъ, стройно подымавшихъ выше соломенной крыши сосѣдняго двора свои кудрявыя макушки, вмѣсть съ звукомъ *жужжанія* пчель чутъ слышно колыхались своею темно-зеленою, свѣжею листвой. Всѣ тѣни, отъ крытаго забора, отъ липъ и отъ ульевъ, покрытыхъ досками, черно и коротко падали на мелкую курчавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая небольшая фігурка старика съ блестящею на солнцѣ, открытою сѣдою головой и плѣщью, виднѣлась около двери рубленнаго, крытаго свѣжею соломой мѣшеника, стоявшаго между липами. Услышавъ скрипъ калитки, старикъ оглянулся и, отирая полой рубахи свое потное загорѣлое лицо, и кротко, радостно улыбаясь, пошелъ на встрѣчу барину.

Въ пчельникѣ было такъ уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура сѣдого старичка съ лucheобразными, частыми морщинками около глазъ, въ какихъ-то широкихъ башма-

кахъ, надѣтыхъ на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, привѣтствовалъ барина въ своихъ исключительныхъ владѣніяхъ, была такъ просто-душно ласкова, что Нехлюдовъ мгновенно забылъ тяжелыя впечатлѣнія нынѣшняго утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ крестьянъ такими же богатыми, добродушными, какъ старикъ Дутловъ, и всѣ ласково и радостно улыбались ему, потому что ему одному были обѣзаны своимъ богатствомъ и счастiemъ.

— Не прикажете ли сѣтку, ваше сіятельство? Теперь пчела злая, кусаетъ,—сказалъ старикъ, снимая съ забора пахнущій медомъ грязный холстинный мѣшокъ, пришитый къ лубку, и предлагая его барину.—Меня пчела знаетъ, не кусаетъ,—прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой, которая почти не сходила съ его красиваго загорѣлаго лица.

— Такъ и мнѣ не нужно. Что, роится ужъ? — спросилъ Нехлюдовъ, самъ не зная чему тоже улыбаясь.

— Коли роится, батюшка Митрій Николаевичъ, — отвѣчалъ старикъ, выражая какую-то особенную ласку въ этомъ названіи барина по имени и отчеству:—вотъ только, только что братъ зачала какъ слѣдъ. Нынче весна холодная была, изволите знать.

— А вотъ я читалъ въ книжкѣ, — началъ Нехлюдовъ, отмахиваясь отъ пчелы, которая, забившись ему въ волоса, жужжала подъ самымъ ухомъ: — что коли вощина прямо стоитъ по жердочкамъ, то пчела раньше роится. Для этого дѣлаютъ такие ульи изъ досокъ... съ перекладин...

— Вы не извольте махать: она хуже, — сказалъ старичекъ:—а то сѣтку, не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно; но по какому-то дѣтскому самолюбію ему не хотѣлось признаться въ этомъ, и онъ, еще разъ отказавшись отъ сѣтки, продолжалъ рассказывать старичку о томъ устройствѣ ульевъ, про которое онъ читаль въ *Maison rustique* и при которомъ, по его мнѣнію, должно было въ два раза больше роиться; но пчела ужалила его въ шею, и онъ сбился и замялся въ срединѣ разсужденія.

— Оно точно, батюшка Митрій Николаевичъ, — сказалъ старичекъ, съ отеческимъ покровительствомъ глядя на барина:— точно въ книжкѣ пишутъ. Да, можетъ, это такъ дурно писано, что вотъ моль онъ сдѣлаетъ, какъ мы пишемъ, а мы посмѣемся потомъ. И это бываетъ! Какъ можно пчелу учить, куда ей вошину крѣпить? Она сама по колодкѣ норовить, другой разъ поперекъ, а то прямо. Вотъ извольте посмотретьть,—прибавилъ онъ, отыкая одну изъ ближайшихъ колодокъ и заглядывая въ отверстіе, покрытое шумящею и ползающею пчелой по кривымъ вошинамъ:— вотъ эта молодаѧ, она видать, въ головѣ у неї матка сидить, а вошину она и прямо и въ бокъ ведетъ, какъ ей по колодкѣ лучше,— говорилъ старикъ, видимо увлекаясь своимъ любимымъ предметомъ и не замѣчая положенія барина. — Вотъ нынче она съ калошкой идетъ, нынче день теплый, все видать,—прибавилъ онъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу, и потомъ ограбая грубою ладонью нѣсколько пчель съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его; но за то Нехлюдовъ ужъ едва могъ удерживаться отъ желанія выбѣжать изъ пчельника: пчелы мѣстахъ въ трехъ ужалили его и жужжалі со всѣхъ сторонъ около его головы и шеи.

— А много у тебя колодокъ? — спросилъ онъ, отступая къ калиткѣ.

— Что Богъ далъ, — отвѣталъ Дутловъ посмѣиваясь: — считать не надо, батюшка: пчела не любитъ. Вотъ, ваше сіятельство, я просить вашу милость хотѣль, — продолжалъ онъ, указывая на тоненькия колодки, стоящія у забора, — объ Осипѣ, кормилицыномъ мужѣ; хоть бы вы ему заказали: въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать по-сосѣству, нехорошо.

— Какъ дурно дѣлать?... Ахъ, однако, онѣ кусаютъ! — отвѣталъ баринъ, уже взявшись за ручку калитки.

— Да вотъ, что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ напушаешь. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вощину повытаскиваетъ да и подсѣкаетъ, — говорилъ старикъ, не замѣчая ужимокъ барыши.

— Хорошо, послѣ, сейчасъ... — проговорилъ Нехлюдовъ и, не въ силахъ уже болѣе терпѣть, отмахиваясь обѣими руками, рысью выбѣжалъ въ калитку.

— Землей потереть: оно ничего, — сказалъ старикъ, выходя на дворъ вслѣдъ за бариномъ. Баринъ потеръ землею то мѣсто, гдѣ былъ ужаленъ, краснѣя, быстро оглянулся на Карпа и Игната, которые не смотрѣли на него, и сердито нахмурился.

XVI.

— Что я насчетъ ребятъ хотѣль просить ваше сіятельство, — сказалъ старикъ, какъ будто, или дѣйствительно, не замѣчая грознаго вида барина.

— Что?

— Да вотъ лошадками, слава-те Господи, мы исправны, а батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

— Такъ что жъ?

— Коли бы милость ваша была, ребятъ на оброкъ отпустить, такъ Илюшка съ Игнатомъ въ извозъ бы на трехъ тройкахъ пошли на все лѣто: може, что бы и заработали.

— Куда жъ они пойдутъ?

— Да какъ прійдется, — вмѣшался Илюшка, который въ это время, привязавъ лошадей подъ навѣсъ, подошелъ къ отцу. — Кадминскіе ребята на восьми тройкахъ въ Роменъ ъздили, такъ, говорятъ, прокормились, да десятка по три на тройку домой привезли; а то и въ Одесъ, говорятъ, кормы дешевые.

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой, — сказалъ баринъ, обращаясь къ старику и желая половчье навести его на разговоръ о фермѣ.—Скажите, пожалуйста, развѣ выгоднѣе ъздить на извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься.

— Когда не выгоднѣе, ваше сіятельство! — опять вмѣшался Илья, бойко встряхивая волосами:—дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

— Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

— Да вотъ съ весны, на что корма дорогіе были, мы въ Киевъ съ товаромъ ъздили, въ Курскомъ опять до Москвы крупу наложили, такъ и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублей денегъ привезъ.

— Оно не бѣда заниматься честнымъ промысломъ, какимъ бы то ни было,—сказалъ баринъ, снова обращаясь къ старику:—но миѣ кажется, что можно бы другое занятіе найти; да и работа эта такая, что ъздить молодой малый вездѣ, всякий народъ видитъ, избаловаться можетъ, — прибавилъ онъ, повторяя слова Карна.

— Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ?—возразилъ стариkъ съ своею кроткой улыбкой.—Съѣздишь хорошо—и самъ сытъ, и лошади сыты; а что на счетъ баловства, такъ они у меня, слава-ти Господи, не первый годъ ъздятъ, да и самъ я ъжалъ, и дурного ни отъ кого не видалъ, окромѣ доброго.

— Мало ли чѣмъ другимъ вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

— Какъ можно, ваше сіятельство!—подхватилъ Илюшка съ одушевленiemъ:— ужъ мы съ этимъ родились, все эти порядки намъ извѣстные, способное для насть дѣло, самое любезное дѣло, ваше сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ъздить!

— А что, ваше сіятельство, просимъ чести, въ избу не пожалуете ли? На новосельѣ еще не изволили быть,—сказалъ стариkъ, низко кланяясь и мигая сыну. Илюшка рысью побѣжалъ въ избу, а вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ со старикомъ, вошелъ и Нехлюдовъ.

XVII.

Войдя въ избу, стариkъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ васть просить, ваше сіятельство?

Изба была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатями и нарами. Свѣжія осиновыя бревна, между которыми виднѣлся недавно завядшій мохъ, еще не почернѣли; новые лавки и полати не огладились и поль еще не убился. Одна молодая, худощавая, съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ, крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ

и качала ногой зыбку, на длинномъ шесть привѣщенную къ потолку. Въ зыбкѣ, чуть замѣтно дыша и закрывъ глазенки, раскинувшись, дремалъ грудной ребенокъ; другая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучивъ выше локтя кро-сильныя, загорѣлыхъ выше кисти руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Рябая, беременная баба, закрываясь рукавомъ, стояла около печи. Въ избѣ, кромѣ солнечшаго жара, было жарко отъ печи и сильно пахло только что испеченымъ хлѣбомъ. Съ полатей съ любопытствомъ поглядывали внизъ, на барина, бѣлокурыя головки двухъ парнишекъ и дѣвочки, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда.

Нехлюдову было радостно видѣть это довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ было почему-то совѣтно передъ бабами и дѣтьми, которая всѣ смотрѣли на него. Онъ, краснѣя, сѣлъ на лавку.

— Дай мнѣ горячаго хлѣба кусочекъ: я его люблю,—сказалъ онъ и покраснѣлъ еще больше.

Карпова хозяйка отрѣзала большой кусокъ хлѣба и на тарелкѣ подала его барину. Нехлюдовъ молчалъ, не зная что сказать; бабы тоже молчали; старикъ кротко улыбался.

„Однако, чего жъ я стыжусь? точно я виноватъ въ чемъ-нибудь,—подумалъ Нехлюдовъ:—отчего жъ мнѣ не сдѣлать предложеніе о фермѣ? Какая глупость!“ Однако онъ все молчалъ.

— Что жъ, батюшка, Митрій Миколаевичъ, какъ насчетъ ребятъ-то прикажете?—сказалъ старикъ.

— Да я бы тебѣ совсѣмъ не отпускать ихъ, а найти здѣсь имъ работу,—вдругъ, собравшись съ духомъ, выговорилъ Нехлюдовъ.—Я, знаешь, что тебѣ придумалъ:

купи ты со мной пополамъ рощу въ казенномъ лѣсу, да еще землю...

— Какъ же, ваше сіятельство, на какія же деньги покупать будемъ?—перебилъ онъ барина.

— Да вѣдь небольшую рощу, рублей въ двѣсти,—замѣтилъ Нехлюдовъ.

Старикъ сердито усмѣхнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего бы не купить,—сказалъ онъ.

— Развѣ у тебя ужъ этихъ денегъ нѣтъ?—съ упрекомъ сказалъ баринъ.

— Охъ, батюшка ваше сіятельство!—отвѣчалъ съ грустью въ голосѣ старикъ, оглядываясь къ двери:—только бы семью прокормить, а ужъ намъ не рощи покупать.

— Да вѣдь есть у тебя деньги, что жъ имъ лежать?—настаивалъ Нехлюдовъ.

Старикъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Можетъ злые люди про меня сказали,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ:—такъ, вѣрите Богу,—говорилъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе и обращая глаза къ иконѣ:—что вотъ лопни мои глаза, провались я на семъ мѣстѣ, коли у меня что есть окромѣ пятнадцати цѣлковыхъ, что Илюшка привезъ, и то подушная платить надо — вы сами изволите знать: избу поставили...

— Ну, хорошо, хорошо!—сказалъ баринъ, вставая съ лавки.—Прощайте, хозяева.

XVIII.

„Боже мой! Боже мой!—думалъ Нехлюдовъ, большими шагами направляясь къ дому по тѣнистымъ аллеямъ заросшаго

сада и разсѣянно обрывая листья и вѣтки, попадавшеся ему на дорогѣ:—неужели вздоръ были всѣ мои мечты о цѣли и обязанностяхъ моей жизни? Отчего мнѣ тяжело, грустно, какъ-будто я недоволенъ собой, тогда какъ я воображалъ, что, разъ найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно удовлетворенного чувства, которую испытывалъ въ то время, когда мнѣ въ первый разъ пришли эти мысли?“ И онъ съ необыкновенною живостью и ясностью перенесся воображеніемъ за годъ тому назадъ, къ этой счастливой минутѣ.

Рано-рано утромъ онъ всталъ прежде всѣхъ въ домѣ и, мучительно волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами юности, безъ цѣли вышелъ въ садъ, оттуда въ лѣсь, и, среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы, долго бродилъ одинъ, безъ всякихъ мыслей, страдая избыткомъ какого-то чувства и не находя выраженія ему. То со всею прелестью неизвѣстнаго, юное воображеніе его представляло ему сладострастный образъ женщины, и ему казалось, что вотъ оно, невыраженное желаніе. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то*, и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкій умъ его, возносились все выше и выше, въ сферу отвлеченія, открывалъ, какъ казалось ему, законы бытія, и онъ съ гордымъ наслажденіемъ останавливался на этихъ мысляхъ. Но снова высшее чувство говорило: *не то*, и снова заставляло его искать и волноваться. Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя, утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза его па-

вернулись слезы, и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденiemъ,—мысль, что любовь и добро есть истина и счастіе, и одна истина и одно возможное счастіе въ мірѣ. Высшее чувство не говорило: *не то*; онъ поднялся и сталъ повѣрять эту мысль. „Оно, оно, такъ!“ говорилъ онъ себѣ съ восторгомъ, мѣря вся прежнія убѣжденія, всѣ явленія жизни на вновь открытую, ему казалось, совершенно новую истину. „Какая глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ и что любилъ,—говорилъ онъ самъ себѣ: любовь, самоотверженіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастіе!“ твердилъ онъ, улыбаясь и размахивая руками. Со всѣхъ сторонъ прикладывая эту мысль къ жизни и находя ей подтвержденіе и въ жизни, и въ томъ внутреннемъ голосѣ, говорившемъ ему, что это — *то*, онъ испытывалъ новое для него чувство радостнаго волненія и восторга. „Итакъ, я долженъ дѣлать добро, чтобы быть счастливымъ“, думалъ онъ, и вся будущность его уже не отвлеченно, а въ образахъ, въ формѣ помѣщичьей жизни живо рисовалась передъ нимъ.

Онъ видѣлъ передъ собой огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятить на добро, и въ которой, следовательно, будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности: она готова; у него есть прямая обязанность,— у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему: „дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ, по счастію, я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нрав-

ственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду дѣлать это для собственного счастія, я буду наслаждаться благодарностью ихъ, видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ могъ я прежде не видать этого?"

"И кромѣ этого,—въ то же время думалъ онъ:—кто миѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщигѣ, въ счастіи семейной жизни?" И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе обворожительную будущность. „Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто никогда никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ-быть, со старухой теткой: у насъ есть наша взаимная любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначение—добро. Мы помогаемъ другъ другу итти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія справедливыя пособія, завожу ферму, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своею хо-рошенькою головкой, въ простомъ бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройною ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазареть, къ несчастному мужику, по справедли-вости, не заслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, по-могаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несча-стному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо-краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы.

XIX.

„Гдѣ эти мечты?“—думалъ теперь юноша, послѣ своихъ посѣщеній подходя къ дому: „вотъ ужъ больше года, что я ишу счастія на этой дорогѣ, и что жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легче? Правду писала тетка, что легче самому найти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тѣжеле. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣrie, беспомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни“, подумалъ онъ, и ему почему-то вспомнилось, чтососѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пустили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать прїѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями. И вдругъ такъ же живо, какъ прежде, представлялась ему деревенская прогулка по лѣсу и мечта о помѣщичьей жизни, такъ же живо представилась ему его

московская студенческая комнатка, въ которой онъ поздно ночью сидитъ, при одной свѣчкѣ, съ своимъ товарищемъ и обожаемымъ шестнадцатилѣтнимъ другомъ. Они часовъ пять сряду читали и повторяли какія-то скучныя записки гражданского права и, окончивъ ихъ, послали за ужиномъ, сложились на бутылку шампанского и разговорились о будущности, которая ожидаетъ ихъ. Какъ совсѣмъ иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслажденій, разнообразной дѣятельности, блеска успѣховъ и несомнѣнно вела ихъ обоихъ къ лучшему, какъ тогда казалось, благу въ мірѣ,—къ славѣ.

„Онъ ужъ идетъ и быстро идетъ по этой дорогѣ,—подумалъ Нехлюдовъ про своего друга:—а я...“

Но въ это время онъ уже подходилъ къ крыльцу дома, около которого стояло человѣкъ десять мужиковъ и дворовыхъ, съ различными просьбами дожидавшихся барина, и отъ мечтаній онъ долженъ былъ обратиться къ дѣйствительности.

Тутъ была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая съ плачемъ жаловалась на свекра, будто бы хотѣвшаго убить ее; тутъ были два брата, ужъ второй годъ *дѣлившиe* между собой свое крестьянское хозяйство и съ отчаянною злобой смотрѣвшіе другъ на друга; тутъ былъ и небритый сѣдой дворовой, съ дрожащими отъ пьянства руками, котораго сынъ его, садовникъ, привелъ къ барину, жалуясь на его безпутное поведеніе; тутъ былъ мужикъ, выгнавший свою бабу изъ дома за то, что она цѣлую весну не работала; тутъ была и эта больная баба, его жена, которая всхлипывая и ничего не говоря, сидѣла на травѣ у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно обвязанную какимъ-то грязнымъ тряпцемъ, распухшую ногу...

Нехлюдовъ выслушалъ всѣ просьбы и жалобы и, посовѣтовавъ однимъ, разобравъ другихъ и обѣщавъ третьимъ, испытывая какое-то смѣшанное чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія, прошелъ въ свою комнату.

XX.

Въ небольшой комнатѣ, которую занималъ Нехлюдовъ, стоялъ старый кожаный диванъ, обитый мѣдными гвоздиками; нѣсколько такихъ кресель; раскинутый старинный бостонский столъ съ инкрустациими, углубленіями и мѣдной оправой, открытый англійскій рояль съ истертymi, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висѣло большое зеркало въ старой, позолоченной рѣзной рамѣ. На полу, около стола, лежали кипы бумагъ, книги и счетовъ. Вообще вся комната имѣла безхарактерный и беспорядочный видъ; и этотъ живой беспорядокъ составлялъ рѣзкую противоположность съ чопорнымъ старинно-барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большого дома. Войдя въ комнату, Нехлюдовъ сердито бросилъ шляпу на столъ и сѣлъ на стулъ, стоявшій передъ роялемъ, положивъ ногу на ногу и опустивъ голову.

— Что, завтракать будете, ваше сіятельство? — сказала вошедшая въ это время высокая, худая, сморщенная старуха, въ чепцѣ, большомъ платкѣ и ситцевомъ платьѣ.

Нехлюдовъ оглянулся на нее и помолчалъ немнogo, какъ будто опоминаясь.

— Нѣть, не хочется, няня,—сказалъ онъ и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

— Эхъ, батюшка Дмитрій Николаевичъ, что скучаете? И не такое горе бываетъ, все пройдетъ—ей Богу...

— Да я и не скучаю. Съ чего ты взяла, матушка Марья Финогеновна? — отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь улыбнуться.

— Да какъ не скучать, развѣ я не вижу? — съ жаромъ начала говорить няня: — день-деньской одинъ одинешенекъ. И все-то вы къ сердцу принимаете, до всего сами доходите; ужъ кушать почти ничего не стали. Развѣ это резонъ? Хоть бы въ городъ поѣхали или къ сосѣдямъ, а то виданное ли дѣло? Ваши года молодые, такъ обо всемъ сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду, — продолжала няня, садясь около двери: — вѣдь такую повадку дали, что ужъ никто не боится. Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Ничего тутъ хорошаго нѣтъ; только себя губишь, да и народъ-то балуется. Вѣдь нашъ народъ какой: онъ этого не чувствуетъ, право. Хоть бы къ тетенькѣ поѣхаль, она правду писала... — усовѣщевала его няня.

Нехлюдову все становилось грустнѣе и грустнѣе. Правая рука его, опиравшаяся на колѣнѣ, виляло дотронулась до клавишъ. Вышелъ какой-то аккордъ, другой, третій... Нехлюдовъ подвинулся ближе, вынулъ изъ кармана другую руку и сталъ играть. Аккорды, которые онъ бралъ, были иногда не подготовлены, даже не совсѣмъ правильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали въ немъ никакого музыкального таланта, но ему доставляло это занятіе какое-то неопределеннное, грустное наслажденіе. При всякомъ измѣненіи гармоніи, онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что изъ него выйдетъ, и, когда выходило что-то, онъ смутно дополнялъ воображеніемъ то, чего не доставало. Ему казалось, что онъ слышитъ сотни мелодій: и хоръ, и оркестръ, сообразный съ его гармоніей. Главное же наслажденіе доставляла

ему усиленная дѣятельность воображенія, безсвязно и отрывисто, но съ поразительной ясностью представлявшаго ему въ это время самые разнообразные, перемѣшанные и нелѣпые образы и картины изъ прошедшаго и будущаго. То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Бѣлаго, испуганно мигающаго бѣлыми рѣсницами при видѣ чернаго жилистаго кулака своей матери, его круглая спина и огромныя руки, покрытыя бѣлыми волосами, однимъ терпѣніемъ и преданностью судьбѣ отвѣчающія на истязанія и лишенія. То онъ видить бойкую, осмѣлившуюся на дворнѣй кормилицу, и почему-то воображаетъ, какъ она ходить по деревнямъ и проповѣдуетъ мужикамъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, и онъ безсознательно повторяетъ самъ себѣ: „да, отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно“. То вдругъ ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то въ слезахъ и въ глубокомъ горѣ склоняющаяся къ нему на плечо. То онъ видить добрые голубые глаза Чуриса, съ нѣжностью глядящіе на единственного пузатаго сынишку. Да, онъ въ немъ, кромѣ сына, видить помощника и спасителя. „Вотъ это любовь!“ шепчетъ онъ. Потомъ вспоминаеть онъ о матери Юхвонки, вспоминаеть о выраженіи терпѣнія и всепрощенія, которая, несмотря на торчащий здѣсь и уродливыя черты, онъ замѣтилъ на старческомъ лицѣ ея. „Должно-быть, въ семьдесятъ лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это“, думаетъ онъ и шепчетъ: „странны!“ продолжая безсознательно перебирать клавиши и вслушиваться въ звуки. Потомъ онъ живо вспоминаеть свое бѣгство съ пчельника и выраженіе лицъ Игната и Карпа, которымъ видимо хочется смеяться, но которые какъ-будто не смотрятъ на него. Онъ краснееть и невольно оглядывается на няню, которая продолжаетъ си-

дѣть около двери и молча, пристально глядѣть на него, из-
рѣдка покачивая сѣдою головой. Вотъ вдругъ ему представля-
ется тройка потныхъ лошадей и красивая, сильная фигура
Илюшки съ свѣтлыми кудрями, весело блестящими узкими
голубыми глазами, свѣжимъ румянцемъ и свѣтлымъ пухомъ,
только-что начиающимъ покрывать его губу и подбородокъ.
Онъ вспоминаетъ, какъ боялся Илюшка, что его не пустятъ
въ извозъ и какъ горячо заступался за это любезное для
него дѣло; и онъ видѣтъ сѣроѣ, раннее туманное утро, под-
склизлую шоссейную дорогу и длинный рядъ высоко-нагру-
женныхъ и покрытыхъ рогожами троичныхъ возовъ съ боль-
шими черными буквами. Толстоногіе сытые кони, погрохивая
бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно
тянутъ въ гору, напряженно цѣпляя длинными шипами за
склизкую дорогу. На встрѣчу обозу, подъ гору,шибко бѣ-
житъ почта, звена колокольчиками, которые отзываются да-
леко по крупному лѣсу, тянущемуся съ обѣихъ сторонъ до-
роги.

— А-а-ай! — громко, ребяческимъ голосомъ кричитъ пер-
довой ямщикъ съ бляхой на поярковой шляпѣ, подымая кнутъ
надъ головой.

У передняго колеса первого воза тяжело шагаетъ въ ог-
ромныхъ сапогахъ Карпъ съ своею рыжею бородой и угрю-
мымъ взглядомъ. На второмъ возу высовывается красивая
голова Илюшки, который подъ рогожей передка славно при-
грѣлся на зорькѣ. Три тройки, нагруженныя чемоданами, съ
грохотомъ колесъ, звономъ колокольчиковъ и крикомъ проно-
слись мимо; Илюшка снова прячетъ свою красивую голову подъ
рогожу и засыпаетъ. Вотъ и ясный теплый вечеръ. Передъ
устальми, столпившимися у постоялаго двора тройками скри-

пять тесовые ворота, и одинъ за другимъ, подпрыгивая по доскѣ, лежащей въ воротахъ, скрываются высокіе рогожные возы подъ просторными навѣсами. Илюшка весело здоровается съ бѣлолицею, широкогрудою хозяйкой, которая спрашиваетъ: „издалече ли? и много ли ужинать будуть?“ съ удовольствіемъ поглядывая на красиваго парня своими блестящими сладкими глазами. Вотъ онъ, убравъ коней, идетъ въ жаркую, набитую народа избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую рѣчъ съ хозяйствой и товарищами. А вотъ и почлегъ его подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, виднѣющимся изъ-подъ навѣса, на пахучемъ сѣнѣ, около лошадей, которыхъ, переминаясь и похрапывая, перебираютъ кормъ въ деревянныхъ ясляхъ. Онъ подошелъ къ сѣну, повернулся на востокъ и, разъ тридцать сряду перекрестивъ свою широкую, сильную грудь и встряхнувъ свѣтлыми кудрями, прочелъ „Отче“ и разъ двадцать „Господи помилуй“ и, увернувшись съ головой въ армякъ, засыпаетъ здоровымъ, беззаботнымъ сномъ сильнаго, свѣжаго человѣка. И вотъ видитъ онъ во снѣ города: Киевъ съ угодниками и толпами богомольцевъ, Роменъ съ купцами и товарами, видитъ Одесѣ и далекое синее море съ бѣлыми парусами, и городъ Царьградъ съ золотыми домами и бѣлогрудыми, чернобровыми турчанками, куда онъ летить, поднявшись на какихъ-то невидимыхъ крыльяхъ. Онъ свободно и легко летить все дальше и дальше, и видитъ внизу золотые города, облитые яркимъ сіянью, и синее небо съ чистыми звѣздами, и синее море съ бѣлыми парусами — и ему сладко и весело летѣть все дальше и дальше...

„Славно!“ шепчетъ себѣ Нехлюдовъ, и мысль: зачѣмъ онъ не Илюшка, — тоже приходитъ ему.

НАБІГЪ

РАЗСКАЗЪ ВОЛОНТЕРА

(1852 года).

НАБѢГЪ.

РАЗСКАЗЪ ВОЛОНТЕРА.

I.

Двѣнадцатаго іюля капитанъ Хлоповъ, въ эполетахъ и шашкѣ,—форма, въ которой, со времени моего прѣзда на Кавказъ, я еще не видалъ его,—вошелъ въ низкую дверь моей землянки.

— Я прямо отъ полковника, — сказалъ онъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ, которымъ я его встрѣтилъ:— завтра баталіонъ нашъ выступаетъ.

— Куда?—спросилъ я.

— Въ NN. Тамъ назначенъ сборъ войскамъ.

— Оттуда, вѣрно, будетъ какое-нибудь движеніе?

— Должно-быть.

— Куда же? какъ вы думастѣ?

— Что думать? Я вамъ говорю, что знаю. Прискакалъ вчера ночью татаринъ отъ генерала, — привезъ приказъ, чтобы баталіону выступать и взять съ собою на два дня сухарей; а куда, зачѣмъ, надолго ли? этого, батюшка, не спрашиваются: вѣльно итти и—довольно.

— Однако, если сухарей берутъ только на два днѧ, ста-
ло, и войска продержать не долѣ.

— Ну, это еще ничего не значитъ...

— Да какъ же такъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ же! Въ Дарги ходили, на недѣлю сухарей
взяли, а пробыли чуть не мѣсяцъ.

— А мнѣ можно будетъ съ вами итти?—спросилъ я, по-
молчавъ немнogo.

— Можно-то можно, да мой совѣтъ лучше неходить. Изъ
чего вамъ рисковать?...

— Нѣть, ужъ позвольте мнѣ не послушаться вашего со-
вѣта: я цѣлый мѣсяцъ жилъ здѣсь только за тѣмъ, чтобы
дождаться случая видѣть дѣло,—и вы хотите, чтобы я про-
пустилъ его.

— Пожалуй, идите; только, право, не лучше ли бы вамъ
остаться? Вы бы тутъ настѣ подождали, охотились бы; а мы
бы пошли съ Богомъ. И славно бы!—сказалъ онъ такимъ
убѣдительнымъ тономъ, что мнѣ въ первую минуту дѣй-
ствительно показалось, что это было бы славно; однако я
рѣшительно сказалъ, что ни за что не останусь.

— И чего вы не видали тамъ?—продолжалъ убѣждать меня
капитанъ.—Хочется вамъ узнать, какія сраженія бываютъ?
прочтите Михайловскаго-Данилевскаго *Описаніе войны*—пре-
красная книга: тамъ все подробно описано — и гдѣ какій
корпусъ стоялъ, и какъ сраженія происходятъ.

— Напротивъ, это-то меня и не занимаетъ—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ что же? вамъ, просто, хочется, видно, по-
смотрѣть, какъ людей убиваютъ?... Вотъ, въ тридцать-вто-
ромъ году, былъ тутъ тоже неслужащий какой-то, изъ испанцевъ,
кажется. Два похода съ нами ходилъ, въ синемъ

плащъ въ какомъ-то... таки ухлопали молодца. Здѣсь, ба-
тюшка, никого не удивишь.

Какъ мнѣ ни совѣстно было, что капитанъ такъ дурно
объяснялъ мое намѣреніе, я и не покушался разувѣрять
его.

— Что, онъ храбрый быль? — спросилъ я его.

— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди ъздитъ; гдѣ
перестрѣлка, тамъ и онъ.

— Такъ, стало-быть, храбрый, — сказалъ я.

— Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда, гдѣ
его не спрашиваютъ...

— Что же вы называете храбрымъ?

— Храбрый? храбрый? — повторилъ капитанъ съ видомъ
человѣка, которому въ первый разъ представляется подоб-
ный вопросъ: — *храбрый тотъ, который ведетъ себя какъ*
следуетъ, — сказалъ онъ, подумавъ немножко.

Я вспомнилъ, что Платонъ опредѣляетъ храбрость *зна-
ніемъ того, чего нужно и чего не нужно бояться*, и, несмотря
на общность и неясность выраженія въ опредѣленіи капитана,
какъ могло бы показаться, что основная мысль обоихъ не такъ различна,
какъ могъ показаться, и что даже опредѣленіе капитана
вѣригѣ опредѣленія греческаго философа, потому что, если бъ
онъ могъ выражаться такъ же, какъ Платонъ, онъ, вѣрно,
сказалъ бы, что храбръ тотъ, кто боится только того, *чего*
следуетъ бояться, а не того, *чего* *не нужно бояться*.

Мнѣ хотѣлось объяснить свою мысль капитану.

— Да, — сказалъ я: — мнѣ кажется, что въ каждой опас-
ности есть выборъ, и выборъ, сдѣланный подъ вліяніемъ,
напримѣръ, чувства долга, есть храбрость, а выборъ, сдѣ-
ланный подъ вліяніемъ низкаго чувства, — трусость: поэтому

человѣка, который изъ тщеславія или любопытства, или изъ алчности рискуетъ жизнью, нельзя назвать храбрымъ, и, наоборотъ, человѣка, который, подъ вліяніемъ честнаго чувства семейной обязанности или просто убѣжденія, откажется отъ опасности, нельзя назвать трусомъ.

Капитанъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ смотрѣлъ на меня въ то время, какъ я говорилъ.

— Ну ужъ этого не умѣю вамъ доказать,—сказалъ онъ, накладывая трубку:—а вотъ у насъ есть юнкеръ, такъ тотъ любить пофилософствовать. Вы съ нимъ поговорите. Опь и стихи пишеть.

Я только на Кавказѣ познакомился съ капитаномъ, но еще въ Россіи зналъ его. Мать его, Марья Ивановна Хлопова, мелкопомѣстная помѣщица, живетъ въ двухъ верстахъ отъ моего имѣнія. Предъ отъѣздомъ моимъ на Кавказъ я былъ у нея: старушка очень обрадовалась, что я увижу ея Пашеньку (какъ она называла старого, сѣдого капитана) и—живая грамота—могу разсказать ему про ея житье-бытье и передать посыпочку. Накормивъ меня славнымъ пирогомъ и полотками, Марья Ивановна вышла въ свою спальню и возвратилась оттуда съ черною, довольно большою ладонкой, къ которой была пришита такая же шелковая ленточка.

— Вотъ это Неопалимой Купинѣ наша Матушка-Заступница,—сказала она, съ крестомъ поцѣловавъ изображеніе Божіей Матери и передавая мнѣ въ руки: — потрудитесь, батюшка, доставьте ему. Видите ли: какъ онъ поѣхалъ на Капказъ, я отслужила молебенъ и дала обѣщаніе, коли онъ будетъ живъ и невредимъ, заказать этотъ образъ Божіей Матери. Вотъ ужъ восемнадцать лѣтъ, какъ Заступница и угодники святые милуютъ его: ни разу раненъ не былъ,

а ужъ въ какихъ, кажется, сраженіяхъ не былъ!... Какъ мнѣ Михайло, что съ нимъ былъ, поразсказалъ, такъ вѣрите ли, волосъ дыбомъ становится. **Вѣдь** я что и знаю про него, такъ только отъ чужихъ: онъ мнѣ, мой голубчикъ, ничего про свои походы не пишетъ, — меня напугать боится.

(Уже на Кавказѣ я узналъ, и то не отъ капитана, что онъ былъ четыре раза тяжело раненъ, и, само собою разумѣется, какъ о ранахъ, такъ и о походахъ ничего не писалъ своей матери).

— Такъ пусть теперь онъ это святое изображеніе на себѣ носить,—продолжала она: — я его имъ благославляю. Заступница Пресвятая защитить его! Особенно въ сраженіяхъ, чтобъ онъ всегда его на себѣ имѣлъ. Такъ и скажи, мой батюшка, что мать твоя такъ тебѣ велѣла.

Я обѣщался въ точности исполнить порученіе.

— Я знаю, вы его полюбите, моего Пашеньку,—продолжала старушка:—онъ такой славный! Вѣрите ли, году не проходитъ, чтобъ онъ мнѣ денегъ не присыпалъ, и Аннушкѣ, моей дочери, тоже много помогаетъ; а все изъ одного жалованья! Истинно вѣкъ благодарю Бога,—заключила она со слезами на глазахъ;—что даль Онъ мнѣ такое дитя.

— Часто онъ вамъ пишетъ?—спросилъ я.

— Рѣдко, батюшка: нечто въ годъ разъ, и то когда съ деньгами, такъ словечко напишетъ, а то нѣтъ. Ежели, говоритъ, маменька, я вамъ не пишу, значитъ живъ и здоровъ; а коли что, избави Богъ, случится, такъ и безъ меня напишутъ.

Когда я отдалъ капитану подарокъ матери (это было на моей квартирѣ), онъ попросилъ оберточной бумаги, тща-

тельно завернулъ его и спряталъ. Я много говорилъ ему о подробностяхъ жизни его матери; капитанъ молчалъ. Когда я кончилъ, онъ отошелъ въ уголъ и что-то очень долго накладывалъ трубку.

— Да, славная старуха! — сказалъ онъ оттуда нѣсколько глухимъ голосомъ: — приведетъ ли еще Богъ свидѣться.

Въ этихъ простыхъ словахъ выражалось очень много любви и печали.

— Зачѣмъ вы здѣсь служите? — сказалъ я.

— Надо же служить, — отвѣчалъ онъ съ убѣжденіемъ. — А двойное жалованье для нашего брата, бѣднаго человѣка, много значитъ.

Капитанъ жилъ бережливо: въ карты не игралъ, кутиль рѣдко и курилъ простой табакъ, который онъ, неизвѣстно почему называлъ не тютюнъ, а *самброталическій табакъ*. Капитанъ еще прежде нравился мнѣ: у него была одна изъ тѣхъ простыхъ, спокойныхъ русскихъ физіономій, которымъ пріятно и легко смотрѣть прямо въ глаза; но послѣ этого разговора я почувствовалъ къ нему истинное уваженіе.

II.

Въ четыре часа утра, на другой день, капитанъ заѣхалъ за мной. На немъ были старый, истертый сюртукъ безъ эполетъ, лезгинскіе широкіе штаны, бѣлая папашка, съ опущившимся пожелтѣвшимъ курпаемъ *), и незавидная азіатская шапка черезъ плечо. Бѣленѣкій маштачекъ **), на которомъ онъ ѿхалъ, шелъ понуря голову, мелкою иноходью

*) *Курпей* на кавказскомъ нарѣчіи значить овчина.

**) *Маштачекъ* на кавказскомъ нарѣчіи значить небольшая лошадь.

и безпрестанно взмахивалъ жиенькимъ хвостомъ. Несмотря на то, что въ фігурѣ доброго капитана было не только мало воинственаго, но и красиваго, въ ней выражалось такъ много равнодушія ко всему окружающему, что она внушала невольное уваженіе.

Я ни минуты не заставилъ его дожидаться, тотчасъ сѣль на лошадь, и мы вмѣстѣ выѣхали за ворота крѣпости.

Баталіонъ былъ уже сажень двѣsti впереди насъ и казался какою-то черною сплошною колеблющеюся массой. Можно было догадаться, что это была пѣхота, только потому, что, какъ частыя длинныя иглы, виднѣлись штыки, изрѣдка долетали до слуха звуки солдатской пѣсни, барабана и прелестнаго тенора, подголоска шестой роты, которымъ я не разъ восхищался еще въ укрѣплении. Дорога шла серединой глубокой и широкой балки *), подлѣ берега небольшой рѣчки, которая въ это время играла, то-есть была въ разливѣ. Стада дикихъ голубей вились около нея: то садились на каменный берегъ, то, поворачиваясь на воздухѣ и дѣлая быстрые круги, улетали изъ вида. Солнца еще не было видно, но верхушка правой стороны балки начинала освѣщаться. Сѣрые и бѣловатые камни, желто-зеленый мохъ, покрытые росой кусты держидерева, кизила и карагача обозначались съ чрезвычайною ясностью и выпуклостью на прозрачномъ, золотистомъ свѣтѣ восхода; зато другая сторона и южина, покрытая густымъ туманомъ, который волновался дымчатыми неровными слоями, были сыры, мрачны и представляли неуловимую смѣсь цвѣтовъ: блѣдо-лиловаго, почти чернаго, темно-зеленаго и бѣлаго. Прямо предъ нами, на

*) Балка на кавказскомъ нарѣчіи значить оврагъ, ущелье.

темной лазури горизонта, съ поражающею ясностью виднѣлись ярко-бѣлымъ, матовыя массы снѣговыхъ горъ, съ ихъ причудливыми, но до малѣйшихъ подробностей изящными тѣнями и очертаніями. Сверчки, стрекозы и тысячи другихъ насѣкомыхъ проснулись въ высокой травѣ и наполняли воздухъ своими ясными, непрерывными звуками: казалось, безчисленное множество крошечныхъ колокольчиковъ звенѣло въ самыхъ ушахъ. Въ воздухѣ пахло водой, травой, туманомъ,—однимъ словомъ, пахло раннимъ прекраснымъ лѣтнимъ утромъ. Капитанъ вырубилъ огня и закурилъ трубку; запахъ самброматического табаку и трута показался мнѣ необыкновенно пріятнымъ.

Мы ѿхали стороной дороги, чтобы скорѣе догнать пѣхоту. Капитанъ казался задумчивѣе обычновенного, не выпускалъ изо рта дагестанской трубочки и съ каждымъ шагомъ пятками поталкивалъ ногами свою лошадку, которая, перекачиваясь съ боку на бокъ, прокладывала чуть замѣтный темно-зеленый слѣдъ по мокрой высокой травѣ. Изъ-подъ самыхъ ногъ ея, съ *тордоканьемъ* *) и тѣмъ звукомъ крыльевъ, который невольно заставляетъ вздрогивать охотника, вылетѣлъ фазанъ и медленно сталъ подниматься кверху. Капитанъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Мы уже почти догоняли баталіонъ, когда сзади насъ послышался топотъ скачущей лошади, и въ ту же минуту проскакалъ мимо, очень хорошенькой молоденькой юноша въ офицерскомъ сюртуке и высокой бѣлой папахѣ. Поравнявшись съ нами, онъ улыбнулся, кивнулъ головой капитану и взмахнулъ плетью... Я успѣлъ замѣтить только, что онъ

*) Тордоканье—крикъ фазана.

какъ-то особенно граціозно сидѣлъ на сѣдлѣ и держалъ по-водья, и что у него были прекрасные черные глаза, тонкій носикъ и едва пробивавшіеся усики. Мнѣ особенно понравилось въ немъ то, что онъ не могъ не улыбнуться, замѣтивъ, что мы любуемся имъ. По одной этой улыбкѣ можно было заключить, что онъ еще очень молодъ.

— И куда скачеть? — съ недовольнымъ видомъ пробормоталъ капитанъ, не выпуская чубука изо рта.

— Кто это такой? — спросилъ я его.

— Прапорщикъ Аланинъ, субалтериъ-офицеръ моей роты... Еще только въ прошломъ мѣсяцѣ прибылъ изъ корпуса.

— Вѣрно, онъ въ первый разъ идетъ въ дѣло? — сказалъ я.

— То-то и радешенекъ! — отвѣчалъ капитанъ, глубоко-мысленно покачивая головой,— молодость!

— Да какъ же не радоваться? Я понимаю, что для молодого офицера это должно быть очень интересно.

Капитанъ помолчалъ минуты двѣ.

— То-то я и говорю: молодость! — продолжалъ онъ басомъ.— Чему радоваться, ничего не видя! Богъ, какъ походишь часто, такъ не порадуешься. Насъ вотъ, положимъ, теперь 20 человѣкъ офицеровъ идетъ: кому-нибудь да убитымъ или раненымъ быть — ужъ это вѣрно. Нынче мнѣ, завтра ему, а послѣ завтра третьему: такъ чему же радоваться-то?

III.

Едва яркое солнце вышло изъ-за горы и стало освѣщать долину, по которой мы шли, волнистые облака тумана разсѣялись, и сдѣлалось жарко. Солдаты, съ ружьями и мѣш-ками

ками на плечахъ, медленно шагали по пыльной дорогѣ; въ рядахъ слышались изрѣдка малороссійскій говоръ и смѣхъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ въ бѣлыхъ кителяхъ—большою частью унтеръ-офицеры—шли съ трубками, стороной дороги и степенно разговаривали. Троечная навьюченная верхомъ повозки подвигались шагъ за шагомъ и поднимали густую неподвижную пыль. Офицеры верхами ѿхали впереди: иные, какъ говорится на Кавказѣ, джигитовали *), то-есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сдѣлать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назадъ голову; другие занимались пѣсенниками, которые, несмотря на жаръ и душоту, неутомимо играли одну пѣсню за другою.

Саженъ сто впереди пѣхоты, на большомъ бѣломъ конѣ, съ колными татарами, ѿхалъ извѣстный въ полку за отчаяннаго храбреца и такого человѣка, который хоть кому правду въ глаза отрѣжетъ, высокий и красивый офицеръ въ азіатской одеждѣ. На немъ были черный бешметъ съ галунами, также же ноговицы, новые, плотно обтягивающіе ногу чува-ки съ чиразами **), желтая черкеска и высокая, заломленная назадъ папаха. На груди и спинѣ его лежали серебряные галуны, на которыхъ надѣты были натруска и пистолетъ за спиной; другой пистолетъ и кинжалъ въ серебряной оправѣ висѣли на поясѣ. Сверхъ всего этого была опоясана шашка въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ съ галунами и надѣта черезъ плечо винтовка въ черномъ чехлѣ. По его одеждѣ, посадкѣ, манерѣ держаться и вообще по всѣмъ движеніямъ, замѣтно было, что онъ старался быть похожимъ на

*) *Джигитъ*—по-кумыцки значить храбрый, передѣланное же на русский ладъ *джигитовать* соответствуетъ слову „храбриться“.

**) Чиразы значить галуны, на кавказскомъ нарѣчіи.

татарина. Онъ даже говорилъ что-то на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ татарамъ, которые Ѳхали съ нимъ; но, по недоумѣвающимъ, насмѣшилымъ взглядамъ, которые бросали эти послѣдніе другъ на друга, мнѣ показалось, что они не понимаютъ его. Это былъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, удальцовъ-джигитовъ, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрятъ на Кавказъ не иначе, какъ сквозь призму „героевъ нашего времени“, Мулла-Нуровъ и т. п., и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не собственными наклонностями, а примѣромъ этихъ образцовъ.

Поручикъ, напримѣръ, любилъ можетъ-быть, общество порядочныхъ женщинъ и важныхъ людей — генераловъ, полковниковъ, адъютантовъ,—даже я увѣренъ, что онъ очень любилъ это общество, потому что онъ былъ тщеславенъ въ высшей степени,—но онъ считалъ своею непремѣнною обязанностью поворачиваться своею грубою стороной ко всѣмъ важнымъ людямъ, хотя грубиль имъ весьма умѣренно, и когда появлялась какая-нибудь барыня въ крѣпости, то считалъ своею обязанностью ходить мимо ея оконъ съ кунаками *) въ одной красной рубахѣ и однихъ чувякахъ на босую ногу и какъ можно громче кричать и браниться,—но все это не столько съ желаніемъ оскорбить ее, сколько съ желаніемъ показать, какія у него прекрасныя бѣлые ноги и какъ можно бы было влюбиться въ него, еслиъ онъ самъ захотѣлъ этого. Или, часто ходя съ двумя-тремя мирными татарами по ночамъ въ горы засаживаться на дороги, чтобы подкарауливать и убивать немирныхъ проѣзжихъ татаръ, хотя сердце не разъ говорило ему, что ничего тутъ удало-

*) Кунакъ—пріятель, другъ, на кавказскомъ нарѣчіи.

го вѣтъ, онъ считалъ себя обязаннымъ заставлять страдать людей, въ которыхъ онъ будто разочарованъ за что-то и которыхъ онъ будто бы презиралъ и ненавидѣлъ. Онъ никогда не снималъ съ себя двухъ вещей: огромнаго образа на шеѣ и кинжала сверхъ рубашки, съ которымъ онъ даже спать ложился. Онъ искренно вѣрилъ, что у него есть вра- ги. Увѣритъ себя, что ему надо отомстить кому-нибудь и кровью смыть обиду, было для него величайшимъ наслажде- ниемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что чувства ненависти, мести и презрѣнія къ роду человѣческому были самыя высокія, поэтическія чувства. Но любовница его, черкешенка, разу- мѣется,—съ которой мнѣ послѣ случалось видѣться,—гово- рила, что онъ былъ самый добрый и кроткій человѣкъ и что каждый вечеръ онъ писалъ вмѣстѣ свои мрачныя за- писки, сводилъ счеты на разграфленной бумагѣ и на колѣ- няхъ молился Богу. И сколько онъ выстрадалъ для того, чтобы только предъ самимъ собой казаться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть! Потому что товарищи его и солдаты не могли понять его такъ, какъ ему хотѣлось. Разъ въ одну изъ своихъ ночныхъ экспедицій на дорогу съ кунаками, ему слу- чилось ранить пулей въ ногу одного немирнаго чеченца и взять его въ плѣнъ. Чеченецъ этотъ семь недѣль послѣ это- го жилъ у поручика, и поручикъ лѣчилъ его, ухажи- валь, какъ за ближайшимъ другомъ, и когда тотъ вылѣ- чился, съ подарками отпустилъ его. Послѣ этого, во время одной экспедиціи, когда поручикъ отступалъ съ цѣпью, от- стрѣливаясь отъ непріятеля, онъ услыхалъ между врагами, что кто-то его звалъ по имени, и его раненый кунакъ вы- щахъ впередъ и знаками приглашалъ поручика сдѣлать то же. Поручикъ подъѣхалъ къ своему кунаку и пожалъ ему

руку. Горцы стояли поодаль и не стрѣляли; но, какъ только поручикъ повернулъ лошадь назадъ, иѣсколько человѣкъ выстрѣлили въ него, и одна пуля попала вскользь ему ниже спины. Другой разъ, я самъ видѣлъ, какъ въ крѣпости, почью, былъ пожаръ и двѣ роты солдатъ тушили его. Среди толпы, освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, появилась вдругъ высокая фигура человѣка на вороной лошади. Фигура расталкивала толпу и ѿхала къ самому огню. Подъ ѿхавъ уже вплоть, поручикъ соскочилъ съ лошади и побѣжалъ въ горящій съ одного края домъ. Черезъ пять минутъ поручикъ вышелъ оттуда съ опаленными волосами и обоженнымъ локтемъ, неся за пазухой двухъ голубковъ, которыхъ онъ спасъ отъ пламени.

Фамилія его была Розенкранцъ; но онъ часто говорилъ о своемъ происхожденіи, выводилъ его какъ-то отъ Варяговъ и ясно доказывалъ, что онъ и предки его были чистые русские.

IV.

Солнце прошло половину пути и кидало сквозь раскаленный воздухъ жаркие лучи на сухую землю. Темно-синее небо было совершенно чисто; только подошвы снѣговыхъ горъ начинали одѣваться блѣло-лиловыми облаками. Неподвижный воздухъ, казалось, былъ наполненъ какою-то прозрачною пылью: становилось нестерпимо жарко. Дойдя до небольшого ручья, который текъ на половинѣ дороги, войска сдѣлали привалъ. Солдаты, составивъ ружья,бросились къ ручью; баталіонный командиръ сѣлъ въ тѣни на барабанъ и, выразивъ въполномъ липѣ степень своего чина, съ иѣкоторыми офицерами расположился закусывать; капитанъ легъ на тра-

въ подъ ротною повозкой; храбрый поручикъ Розенкранцъ и еще нѣсколько молодыхъ офицеровъ, помѣстясь на разосланныхъ буркахъ, собрались кутить, какъ то замѣтно было по разставленнымъ около нихъ фляжкамъ и бутылкамъ и по особенному одушевленію пѣсенниковъ, которые, стоя полукругомъ передъ ними, съ присвистомъ играли плясовую кавказскую пѣсню на гольть лезгинки:

Шамиль вздумалъ бунтоваться
Въ прошедшіе годы...
Трай-рай, ра-та-тай...
Въ прошедшіе годы.

Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и молоденький прaporщикъ, который обогналъ насть утромъ. Онъ былъ очень забавенъ: глаза его блестѣли, языкъ немногого путался; ему хотѣлось цѣловаться и изъясняться въ любви со всѣми... Единій мальчикъ! Онъ еще не зналъ, что въ этомъ положеніи можно быть смѣшнымъ, что его откровенность и нѣжности, съ которыми онъ ко всѣмъ навязывался, расположать другихъ не къ любви, которой ему такъ хотѣлось, а къ насмѣшкѣ, — не зналъ и того, что когда онъ, разгорѣвшись, бросился, наконецъ, на бурку и, облокотясь на руку, откинулся назадъ свои черные густые волосы, онъ былъ необыкновенно милъ.

Два офицера сидѣли подъ повозкой и на погребѣ играли въ дурачки.

Я съ любопытствомъ вслушивался въ разговоры солдатъ и офицеровъ и внимательно всматривался въ выраженія ихъ физіономій; но рѣшительно ни въ комъ я не могъ замѣтить и тѣни того беспокойства, которое испытывалъ самъ: шуточки, смѣхи, рассказы выражали общую беззаботность и

равнодушіе къ предстоящей опасности. Какъ-будто нельзѧ и предположить, что нѣкоторымъ уже не суждено вернуться по этой дорогѣ!

V.

Въ седьмомъ часу вечера, пыльные и усталые, мы вступили въ широкія укрѣпленныя ворота крѣпости NN. Солнце садилось и бросало косые розовые лучи на живописныя батарейки и сады съ высокими раинами, окружавшіе крѣпость, на засѣянныя, желтѣющія поля и на бѣлые облака, которыя, столкшись около снѣговыхъ горъ, какъ будто подражая имъ, образовывали цѣпь не менѣе причудливую и красивую. Молодой полумѣсяцъ, какъ прозрачное облачко, виднѣлся на горизонѣ. Въ аулѣ, расположенномъ около воротъ, татаринъ на крышѣ сакли сзывалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ; пѣсеннники заливались съ новою удалью и энергией.

Отдохнувъ и оправясь немного, я отправился къ знакомому мнѣ адъютанту, съ тѣмъ чтобы попросить его доложить о моемъ намѣреніи генералу. По дорогѣ отъ форштадта, гдѣ я остановился, я успѣлъ замѣтить въ крѣпости NN то, чего никакъ не ожидалъ. Хорошенькая двумѣстная каретка, въ которой видна была модная шляпка и слышалася французскій говоръ, обогнала меня. Изъ растворенного окна комендантскаго дома долетали звуки какой-то „Лизаньки“ или „Катеньки-польки“, играемой на плохомъ, разстроенномъ фортепьяно. Въ духанѣ, мимо котораго я проходилъ, съ папиросами въ рукахъ, за стаканами вина, сидѣли нѣсколько писарей, и я слышалъ, какъ одинъ говорилъ другому: „Ужъ позвольте... что насчетъ политики, Марья Гри-

горьевна у насъ первая дама“. Сгорбленный жидъ, въ изношенномъ сюртукѣ, съ болѣзникою физіономіей, тащилъ пискливую, сломанную шарманку, и по всему форштадту разносились звуки финала изъ „Лючі“. Двѣ женщины, въ шумящихъ платьяхъ, повязанныя шелковыми платками и съ яркоцвѣтными зонтиками въ рукахъ, плавно прошли мимо меня по досчатому тротуару. Двѣ девицы, одна въ розовомъ, другая въ голубомъ платьѣ, съ открытыми головами, стояли у завалинки низенькаго домика и принужденно заливались тоненъкимъ смѣхомъ, съ видимымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе проходящихъ офицеровъ. Офицеры, въ новыхъ сюртукахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и блестящихъ эполетахъ, щеголяли по улицамъ и бульвару.

Я нашелъ своего знакомаго въ нижнемъ этажѣ генеральскаго дома. Только что я успѣлъ объяснить ему свое желаніе, и онъ сказалъ мнѣ, что оно очень можетъ-быть исполнено,—какъ мимо окна, у котораго мы сидѣли, простояла хорошенъкая каретка, которую я замѣтилъ у крыльца. Изъ кареты вышелъ высокій, стройный мужчина въ пѣхотномъ мундирѣ съ майорскими эполетами и прошелъ къ генералу.

— Ахъ, извините, пожалуйста,—сказалъ мнѣ адъютантъ, вставая съ мѣста: — мнѣ непремѣнно нужно доложить генералу.

— Кто это приѣхалъ?—спросилъ я.

— Графиня, — отвѣчалъ онъ и, застегивая мундиръ, побѣжалъ наверхъ.

Черезъ пѣсколько минутъ на крыльцо вышелъ невысокій, но весьма красивый человѣкъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлымъ крестомъ въ петличкѣ. За нимъ вышли майоръ,

адъютантъ и еще какихъ-то два офицера. Въ походкѣ, голосъ, во всѣхъ движеніяхъ генерала выказывался человѣкъ, который себѣ очень хорошо знаетъ высокую цѣну.

— Bonsoir, madame la comtesse, — сказалъ онъ, подавая руку въ окно кареты.

Ручка въ лайковой перчаткѣ пожала его руку, и хорошенькое улыбающееся лицико въ желтой шляпкѣ показалось въ окнѣ кареты.

Изъ всего разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, я слышалъ только, проходя мимо, какъ генераль, улыбаясь, сказалъ:

— Vous savez, que j'ai fait voeu de combattre les infidèles, prenez donc garde de le devenir.

Въ каретѣ засмѣялись.

— Adieu donc, cher g n ral.

— Non,  a revoir,, — сказалъ генераль, всходя на ступеньки лѣстницы: — n'oubliez pas, que je m'invite pour la soir e de demain.

Карета застучала дальше.

„Вотъ еще человѣкъ“, думалъ я, возвращаясь домой, „имѣюющій все, чего только добиваются русскіе люди: чинъ, багатство, знатность, — и этотъ человѣкъ предъ боемъ, который Богъ одинъ знаетъ чѣмъ кончится, шутить съ хорошенькой женщиной и обѣщаетъ пить у нея чай на другой день, точно такъ же, какъ будто онъ встрѣтился съ нею на балѣ!“

Тутъ же у этого адъютанта, я встрѣтилъ одного человѣка, который еще больше удивилъ меня: это — молодой поручикъ К. полка, отличавшійся своею почти женскою крѣстостью и робостью, который пришелъ къ адъютанту изли-

вать свою досаду и негодование на людей, которые будто интриговали противъ него, чтобы его не назначили въ предстоящее дѣло. Онъ говорилъ, что это гадость такъ поступать, что это не по-товарищески, что онъ будетъ это помнить ему, и т. д. Сколько я ни вглядывался въ выраженіе его лица, сколько ни вслушивался въ звукъ его голоса, я не могъ не убѣдиться, что онъ никакъ не притворялся, а былъ глубоко возмущенъ и огорченъ, что ему не позволили итти стрѣлять въ черкесовъ и находиться подъ ихъ выстрѣлами; онъ былъ такъ огорченъ, какъ бываетъ огорченъ ребенокъ, котораго только-что несправедливо высѣкли... Я совершенно ничего не понималъ.

VI.

Въ десять часовъ вечера должны были выступить войска. Въ половинѣ девятаго я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ генералу, но, предполагая, что онъ и адъютантъ его заняты, я остановился на улицѣ, привязалъ лошадь къ забору и сѣлъ на завалинку, съ тѣмъ, чтобы, какъ только выѣдетъ генераль, догнать его.

Солнечный жаръ и блескъ уже смѣнились прохладой ночи и неяркимъ свѣтомъ молодого мѣсяца, который, образовывая около себя блѣдный свѣтящийся полукругъ на темной синевѣ звѣздного неба, начиналъ опускаться; въ окнахъ домовъ и щеляхъ ставенъ землянокъ засвѣтились огни. Стройныя ратныя садовъ, виднѣвшіяся на горизонте изъ-за выбѣленныхъ, освѣщаемыхъ луною землянокъ съ камышевыми крышами, казались еще выше и чернѣе.

Длинныя тѣни домовъ, деревьевъ, заборовъ ложились красиво по свѣтлой, пыльной дорогѣ... На рѣкѣ безъ умолку

звенѣли лягушки *), на улицахъ слышны были то торопливые шаги и говоръ, то скокъ лошади; съ форштадта изрѣдка долетали звуки шарманки: то *влютъ витры*, то какого-нибудь „Aurora-Walzer“.

Я не скажу, о чёмъ я задумался: во-первыхъ потому, что мнѣ совѣстно было бы признаться въ мрачныхъ мысляхъ, которыя неотвязчивою чередой набѣгали мнѣ въ душу, тогда какъ кругомъ себя я замѣчалъ только веселость и радость, а во-вторыхъ потому, что это не идетъ къ моему разсказу. Я задумался такъ, что даже не замѣтилъ, какъ колоколь пробилъ одиннадцать часовъ, и генераль со свитою проѣхалъ мимо меня.

Арриергардъ еще былъ въ воротахъ крѣпости. Насилу проѣхался я по мосту между столпившимися орудіями, ящикиами, ротными повозками и шумно распоряжающимися офицерами. Выѣхавъ за ворота, я рысью обѣхалъ чуть не на версту растянувшіяся, молчаливо двигающіяся въ темнотѣ войска, и догналъ генерала. Проѣзжая мимо вытянувшейся въ одно орудіе артиллеріи и ѿхавшихъ верхомъ, между орудіями, офицеровъ, меня, какъ оскорбительный диссонансъ среди тихой и торжественной гармоніи, поразилъ нѣмецкій голосъ, кричавшій: „Агхтингхистъ, падай, паааальникъ!“ И голосъ солдатика, торопливо кричавшій: „Шевченко! поручикъ огня спрашивають“.

Большая часть неба покрылась длинными темносѣрыми тучами; только кое-гдѣ между ними блестѣли неяркія звѣзды. Мѣсяцъ скрылся уже за близкимъ горизонтомъ черныхъ

*) Лягушки на Кавказѣ производятъ звукъ, не имѣющій ничего общаго съ кваканьемъ русскихъ лягушекъ.

горь, которая видѣлись направо, и бросаль на верхушки ихъ слабый и дрожацій полусвѣтъ, рѣзко противоположный съ непроницаемымъ мракомъ, покрывавшимъ ихъ подошвы. Въ воздухѣ было тепло и такъ тихо, что казалось, ни одна травка, ни одно облачко не шевелились. Было такъ темно, что на самомъ близкомъ разстояніи невозможно было опредѣлять предметы: по сторонамъ дороги представлялись мнѣ то скалы, то животныя, то какіе-то странные люди, — и я узнавалъ, что это были кусты, только тогда, когда слышалъ ихъ шелестъ и чувствовалъ свѣжесть росы, которою они были покрыты. Предъ собой я видѣлъ сплошную, колеблющуюся, черную стѣну, за которой слѣдовало нѣсколько движущихся пятенъ: это были авангардъ конницы и генералъ со свитой. Среди насть подвигалась такая же мрачная масса; но она была ниже первой: это была пѣхота. Во всемъ отрядѣ царствовала такая тишина, что ясно слышались всѣ сливающіеся, исполненные таинственной прелести звуки ночи: далекій заунывный вой чакаловъ, похожій то на отчаянныій плачъ, то на хохотъ, звонкія однообразныя пѣсни сверчка, лягушки, перепела, какой-то приближающійся гулъ, причины которого я никакъ не могъ объяснить себѣ, и всѣ тѣ ночные, чуть слышныя движения природы, которыхъ невозможно ни понять, ни опредѣлить, сливались въ одинъ полный прекрасный звукъ, который мы называемъ тишиною ночи. Тишина эта нарушалась, или, скорѣе, сливалась съ глухимъ топотомъ копытъ и шелестомъ высокой травы, которые производилъ медленно двигающейся отрядъ.

Только изрѣдка слышался въ рядахъ звонъ тяжелаго орудія, звукъ столкнувшихся штыковъ, сдержанній говоръ и фырканье лошади.

Природа дышала примирительно красотой и силой.

Неужели тѣсно жить людямъ на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, подъ этимъ неизмѣримымъ звѣзднымъ небомъ? Неужели можетъ, среди этой обаятельной природы, удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенія или страсти истребленія себѣ подобныхъ? Все недобroе въ сердцѣ человѣка должно бы, кажется, исчезнуть въ прикосновеніи съ природой, — этимъ непосредственнѣйшимъ выражениемъ красоты и добра.

VII.

Мы ѿхали уже болѣе двухъ часовъ. Меня пробирала дрожь и начинало клонить ко сну. Во мракѣ смутно представлялись тѣ же неясные предметы: въ нѣкоторомъ отдаленіи черная стѣна, такія же движущіяся пятна; подлѣ资料我自己加的
 самого меня крупъ бѣлой лошади, которая, помахивая хвостомъ, широко раздвигала задними ногами; спина въ бѣлой черкескѣ, на которой показывалась винтовка въ черномъ чехлѣ и виднѣлась бѣлая головка пистолета въ шитомъ кабурѣ; огонекъ папиросы, освѣщающей русые усы, бородавый воротникъ и руку въ замшевой перчаткѣ. Я нагибался къ шеѣ лошади, закрывалъ глаза и забывался на нѣсколько минутъ; потомъ вдругъ знакомый топотъ и шелестъ поражали меня: я озирался, — и мнѣ казалось, что я стою на мѣстѣ, что черная стѣна, которая была передо мной, двигается на меня, или что стѣна эта остановилась, и я сейчасъ наѣду на нее. Въ одну изъ такихъ минутъ меня поразилъ еще сильнѣе тотъ приближающійся непрерывный гулъ, причины которого я не могъ отгадать; это былъ шумъ воды. Мы входили въ глубокое ущелье и при-

ближались къ горной рѣкѣ, которая была въ это время во всемъ разливѣ *). Гулъ усиливался, сырья трава становилась гуще и выше, кусты попадались чаще, и горизонтъ постепенно суживался. Изрѣдка на мрачномъ фонѣ горъ вспыхивали, въ различныхъ мѣстахъ, яркіе огни и тотчасъ же исчезали.

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ это за огни? — спросилъ я шопотомъ у татарина, щавшаго подлѣ меня.

— А ты не знаешь? — отвѣчалъ онъ.

— Не знаю.

— Это горской солома на таякѣ **) связалъ и огонь ма-хать будетъ.

— Зачѣмъ же это?

— Чтобы всякий человѣкъ зналъ — русской пришелъ. — Тepерь въ аулахъ, — прибавилъ онъ, засмѣявшись: — ай-ай, томаша ***) идетъ, всякий хурда-мурда ****) будетъ въ балка-тащить.

— Развѣ въ горахъ уже знаютъ, что отрядъ идетъ? — спросилъ я.

— Эй! какъ можно не знать! всегда знаетъ: наши на-родъ такой!

— Такъ и Шамиль теперь собирается въ походъ? — спро-силъ я.

*) Разливъ рѣкѣ на Кавказѣ бываетъ въ юлѣ мѣсяцѣ.

**) Таякѣ значить шесть, на кавказскомъ нарѣчіи.

***) Томаша значитъ хлопоты, на особенномъ нарѣчіи, изобрѣтенномъ русскими и татарами для разговора между собой. Есть много словъ на этомъ странномъ нарѣчіи, корень которыхъ нѣть возможности отыскать ни въ русскомъ, ни въ татарскомъ языкахъ.

****) Хурда-мурда — пожитки, на томъ же нарѣчіи.

— Йокъ *), — отвѣчаль онъ, качая головою, въ знакъ отрицанія. — Шамиль на похода ходить не будетъ: Шамиль наибъ **) пошлетъ, а самъ труба смотрѣть будетъ, на верху.

— А далеко онъ живетъ?

— Далеко нѣту. Вотъ, лѣвая сторона, верста десять будетъ.

— Почему же ты знаешь? — спросилъ я: — развѣ ты былъ тамъ?

— Было; наша вспѣ въ горахъ было.

— И Шамиля видѣлъ?

— Пихъ! Шамиля наша видно не будетъ. Сто, триста, тысяча мюридъ ***) кругомъ. Шамиль середка будетъ! — сказалъ онъ съ выражениемъ подобострастнаго уваженія.

Взглянувъ кверху, можно было замѣтить, что выяснившееся небо начинало свѣтлѣть на востокѣ и стожары опускаться къ горизонту; но въ ущельѣ, по которому мы шли, было сыро и мрачно.

Вдругъ немногого впереди насть, въ темнотѣ, зажглось нѣсколько огоньковъ; въ то же мгновеніе съ визгомъ промежали пули, и среди окружающей тишины далеко раздались выстрѣлы и громкій, пронзительный крикъ. Это былъ непріятельскій передовой пикетъ. Татары, составлявшіе его, гикнули, выстрѣлили наудачу и разбѣжались.

*) Йокъ по-татарски значить нѣть.

**) Наибами называютъ людей, которымъ была ввѣрена отъ Шамиля какая-нибудь часть управлѣнія.

***) Слово мюридъ имѣть много значеній, но въ томъ смыслѣ, въ которомъ употреблено здѣсь, значить что-то среднее между адъютантомъ и тѣлохранителемъ.

Все смолкло. Генераль подозвалъ переводчика. Татаринъ въ бѣлой черкескѣ подъѣхалъ къ нему и о чёмъ-то шопотомъ и съ жестами довольно долго говорилъ съ нимъ.

— Полковникъ Хасановъ! прикажите разсыпать цѣпь,— сказалъ генераль тихимъ, протяжнымъ, но внятнымъ голосомъ.

Отрядъ подошелъ къ рѣкѣ, черныя горы, ущелья остались сзади; начинало свѣтать. Небосклонъ, на которомъ чуть замѣтны были блѣдныя, неяркія звѣзды, казался выше; зарница начинала ярко блестѣть на востокѣ; свѣжій, прахватывающій вѣтерокъ тянуль съ запада, и свѣтлый туманъ, какъ паръ, подымался надъ шумящею рѣкой.

VIII.

Вожакъ показалъ бродъ, и авангардъ конницы, а вслѣдъ за нимъ и генераль со свитой стали переправляться. Вода лошадямъ была по-грудь, съ необыкновенною силой рвалась между бѣлыхъ камней, которые въ иныхъ мѣстахъ виднѣлись на уровне воды, и образовывала около ногъ лошадей пѣнящіяся, шумящія струи. Лошади удивлялись шуму воды, подымали головы, настораживали уши, но мѣрно и осторожно шагали противъ теченія по неровному дну. Сѣдоки подбирали ноги и оружіе. Пѣхотные солдаты, буквально въ однѣхъ рубахахъ, поднимая надъ водою ружья, на которыхъ надѣты были узлы съ одеждой, схватясь человѣкъ по двадцати рука съ рукой, съ замѣтнымъ, по ихъ напряженіемъ лицамъ, усиливъ старались противостоять течению. Артиллерійскіе Ѣздовые, съ громкимъ крикомъ, рысью пускали лошадей въ воду. Орудія и зеленые ящики, черезъ которые

изрѣдка хлестала вода, звенѣли о каменное дно; но добрыя черноморки дружно натягивали уносы, пѣнили воду и съ мокрымъ хвостомъ и гривой выбирались на другой берегъ.

Какъ скоро переправа кончилась, генераль вдругъ выразилъ на своемъ лицѣ какую-то задумчивость и серьезность, повернулъ лошадь и съ конницей рысью поѣхалъ по широкой, окруженнай лѣсомъ полянѣ, открывшейся предъ нами. Казачьи конныя цѣпи разсыпались вдоль опушекъ.

Въ лѣсу виднѣется пѣшій человѣкъ въ черкасскѣ и папахѣ, другой, третій... Кто-то изъ офицеровъ говоритъ: „это татары“. Вотъ показался дымокъ изъ-за дерева... выстрѣль, другой... Наши частые выстрѣлы заглушаютъ непріятельские. Только изрѣдка пуля, съ медленнымъ звукомъ, похожимъ на полетъ пчелы, пролетая мимо, доказываетъ, что не всеѣ выстрѣлы наши. Вотъ пѣхота бѣглымъ шагомъ и орудія на рысяхъ прошли въ цѣпь; слышатся гудящіе выстрѣлы изъ орудій, металлическій звукъ полета картечи, шипѣніе ракетъ, трескотня ружей. Конница, пѣхота и артиллерія виднѣются со всѣхъ сторонъ по обширной полянѣ. Дымки орудій, ракетъ и ружей сливаются съ покрытою росою зеленью и туманомъ. Полковникъ Хасановъ подскакиваетъ къ генералу и на всемъ маршъ-маршѣ круто останавливаетъ лошадь.

— Ваше превосходительство! — говоритъ онъ, приставляя руку къ папахѣ: — прикажите пустить кавалерію: показались значки *), — и онъ указываетъ плетью на конныхъ татаръ,

*) Значки между горцами имѣютъ почти значеніе знаменъ, съ тою только разницею, что всякий джигитъ можетъ сдѣлать себѣ значокъ и возить его.

впереди которыхъ єдутъ два человѣка на бѣлыхъ лошадяхъ, съ красными и синими лоскутами на палкахъ.

— Съ Богомъ, Иванъ Михайловичъ! — говоритъ генераль.

Полковникъ на мѣстѣ поворачиваетъ лошадь, выхватываетъ шашку и кричитъ: „Урра!“

— Урра! Урра! Урра! раздается въ рядахъ, и конница несется за нимъ.

Всѣ смотрятъ съ участіемъ: вонъ значокъ, другой, третій, четвертый...

Непріятель, не дожидаясь атаки, скрывается въ лѣсѣ и открываетъ оттуда ружейный огонь. Пули летаютъ чаще.

— Quel charmant coup d'oeil! — говоритъ генераль, слегка припрыгивая по-англійски на своей вороной, тонконогой лошадкѣ.

— Charmant! — отвѣчаетъ грассирия майоръ и, ударая плетью по лошади, подѣзжаетъ къ генералу. — C'est un vrai plaisir, que la guerre dans un aussi beau pays, — говоритъ онъ.

— Et surtout en bonne compagnie, — прибавляеть генераль съ пріятною улыбкою.

Майоръ наклонился.

Въ это время, съ быстрымъ, непріятнымъ шипѣніемъ, пролетаетъ непріятельское ядро и ударяется во что-то; сзади слышенъ стонъ раненаго. Этотъ стонъ такъ странно поражаетъ меня, что воинственная картина мгновенно теряетъ для меня всю свою прелестъ; но никто, кроме меня, какъ будто не замѣчаетъ этого: майоръ смеется, какъ кажется, съ большимъ увлеченіемъ; другой офицеръ совершенно спокойно повторяетъ начатыя слова рѣчи; генераль смотрить въ противоположную сторону и со спокойнѣйшею улыбкой говорить что-то по-французски.

— Прикажете отвѣтить на ихъ выстрѣлы? — спрашиваетъ, подскакивая, начальникъ артиллеріи.

— Да, попугайте ихъ, — небрежно говорить генераль, за-куривая сигару.

Батарея выстраивается, и начинается пальба. Земля стонетъ отъ выстрѣловъ, огни безпрестанно вспыхиваютъ, и дымъ, въ которомъ едва можно различить движущуюся прислугу около орудій, застилаетъ глаза.

Аулъ обстрѣленъ. Снова подъѣзжаетъ полковникъ Хасановъ и, по приказанію генерала, летитъ въ аулъ. Крикъ войны снова раздается, и конница исчезаетъ въ поднятомъ ею облакѣ пыли.

Зрѣлище было истинно величественное. Одно только для меня, какъ человѣка, не принимавшаго участія въ дѣлѣ и непривычнаго, портило вообще впечатлѣніе, было то, что мнѣ казалось лишнимъ — и это движеніе, и одушевленіе, и крики. Невольно приходило сравненіе человѣка, который сплеча топоромъ рубилъ бы воздухъ.

IX.

Аулъ уже былъ занятъ нашими войсками, и ни одной непріятельской души не оставалось въ немъ, когда генераль со свитою, въ которую вмѣшался и я, подъѣхалъ къ нему.

Длинныя чистыя сакли, съ плоскими земляными крышами и красивыми трубами, были расположены по неровнымъ каменистымъ буграмъ, между которыми текла небольшая рѣчка. Съ одной стороны виднѣлись освѣщенные яркимъ солнечнымъ свѣтомъ зеленые сады, съ огромными грушевыми и лычевы-.

ми *) деревьями; съ другой—торчали какія-то странныя тѣни, перпендикулярно стоящіе высокіе камни кладбища, и длинные деревянные шесты, съ придалиными къ концамъ шарами и разноцвѣтными флагами. (Это были могилы джигитовъ).

Войска въ порядкѣ стояли за воротами.

Черезъ минуту драгуны, казаки, пѣхотинцы съ видимою радостью разсыпались по кривымъ переулкамъ, и пустой ауль мгновенно оживился. Тамъ рушится кровля, стучить топоръ по крѣпкому дереву и выламываютъ досчатую дверь; тутъ загораются стогъ сѣна, заборъ, сакля, и густой дымъ столбомъ подымается по ясному воздуху. Вотъ казакъ тащить куль муки и коверь; солдатъ съ радостнымъ лицомъ выносить изъ сакли жестяной тазъ и какую-то тряпку; другой, разставивъ руки, старается поймать двухъ куръ, которые съ кудахтаньемъ бются около забора; третій нашелъ гдѣ-то огромный кумганъ **) съ молокомъ, пить изъ него и съ громкимъ хохотомъ бросаетъ потомъ на землю.

Баталіонъ, съ которымъ я шелъ изъ крѣпости N, тоже былъ въ аулѣ. Капитанъ сидѣлъ на крышѣ сакли и пускалъ изъ коротенькой трубочки струйки дыма самброматической табаку, съ такимъ равнодушнымъ видомъ, что, когда я увидѣлъ его, я забылъ, что я въ немирномъ аулѣ, и мнѣ показалось, что я въ немъ совершенно дома.

— А! и вы тутъ?—сказалъ онъ, замѣтивъ меня.

Высокая фигура поручика Розенкранца то тамъ, то сямъ мелькала въ аулѣ: онъ безъ умолку распоряжался и имѣлъ

*) Лыча—мелкая слива.

**) Кумганъ—горшокъ.

видъ человека, чѣмъ-то крайне озабоченнаго. Я видѣлъ, какъ онъ, съ торжествующимъ видомъ выпелъ изъ одной сакли; вслѣдъ за нимъ двое солдатъ вели связаннаго старого татарина. Стариkъ, всю одежду котораго составляли распадавшіеся въ лохмотья пестрый башметъ и лоскутные портки, былъ такъ хиль, что туго стянутые за сгорбленною спиной костлявыя руки его, казалось, едва держались на плечахъ, а кривыя босыя ноги насили передвигались. Лицо его и даже часть бритой головы были изрыты глубокими морщинами,—искривленный беззубый ротъ, окруженный сѣдыми подстриженными усами и бородой, безпрестанно шевелился, какъ-будто жуя что-то; но въ красныхъ, лишенныхъ рѣсницъ, глазахъ еще блесталъ огонь и ясно выражалось старческое равнодушіе къ жизни.

Розенкранцъ, черезъ переводчика, спросилъ его, зачѣмъ онъ не ушелъ съ другими.

— Куда мнѣ итти?—сказалъ онъ, спокойно глядя въ сторону.

— Туда, куда другіе ушли,—замѣтилъ кто-то.

— Джигиты пошли драться съ русскими, а я стариkъ.

— Развѣ ты не боишься русскихъ?

— Что мнѣ русскіе сдѣлаютъ? Я стариkъ,—сказалъ онъ опять, небрежно оглядывая кружокъ, составившійся около него.

Возвращаясь назадъ, я видѣлъ, какъ этотъ стариkъ, безъ шапки, со связанными руками, трясясь за сѣдломъ линейнаго казака и съ тѣмъ же безстрастнымъ выраженіемъ смотрѣлъ вокругъ себя. Онъ былъ необходимъ для размѣна пленныхъ.

Я влѣзъ на крышу и расположился подлѣ капитана.

— Непріятеля, кажется, было немного,—сказалъ я ему, желая узнать его мнѣніе о бывшемъ дѣлѣ.

— Непріятеля?—повторилъ онъ, съ удивленіемъ; — да его вовсе не было. Развѣ это называется непріятель?.. Вотъ вечеркомъ посмотрите, какъ мы отступать станемъ: увидите, какъ провожать начнутъ: что ихъ тамъ высыпетъ! — прибавилъ онъ, указывая трубкой на перелѣсокъ, который мы проходили утромъ.

— Что это такое? — спросилъ я, съ беспокойствомъ прерывая капитана и указывая на собравшихся недалеко отъ чаща около чего-то донскихъ казаковъ.

Между ними слышалось что-то похожее на плачъ ребенка и слова:

— Э, не руби... стой... увидяты... Ножъ есть, Евстигнѣичъ?... Давай ножъ...

— Что-нибудь дѣлять, подлецы,—спокойно сказалъ капитанъ.

Но въ то же самое время, съ разгорѣвшимся, испуганнымъ лицомъ, вдругъ выбѣжалъ изъ-за угла хорошенкій прaporщикъ и, махая руками, бросился къ казакамъ.

— Не трогайте, не бейте его! — кричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ.

Увидѣвъ офицера, казаки разступились и выпустили изъ рукъ бѣлаго козленка. Молодой прaporщикъ совершенно растерялся, забормоталъ что-то и со сконфуженною физіономіею остановился предъ нимъ. Увидавъ на крышѣ меня и капитана, онъ покраснѣлъ еще больше и, припрыгивая, подѣжалъ къ намъ.

— Я думалъ, что это они ребенка хотятъ убить, — сказалъ онъ, робко улыбаясь.

X.

Генералъ съ конницей поѣхалъ впередъ. Баталіонъ, съ которымъ я шелъ изъ крѣпости N, остался въ арріегардѣ. Роты капитана Хлопова и поручика Розенкранца отступали вмѣстѣ.

Предсказаніе капитана вполнѣ оправдалось: какъ только мы вступили въ узкій перелѣсокъ, про который онъ говорилъ, съ обѣихъ сторонъ стали безпрестанно мелькать конные и пѣшие горцы, и такъ близко, что я очень хорошо видѣлъ, какъ нѣкоторые, согнувшись, съ винтовкой въ рукахъ, перебѣгали отъ одного дерева къ другому.

Капитанъ снялъ шапку и набожно перекрестился; нѣкоторые старые солдаты сдѣлали то же. Въ лѣсу послышались гиканье, слова: „іай гяуръ! Урусь іай!“ Сухie, короткие винтовочные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, и пули визжали съ обѣихъ сторонъ. Наши молча отвѣчали бѣглымъ огнемъ; въ рядахъ ихъ только изрѣдка слышались замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „онъ*) откуда палить, ему хорошо изъ-за лѣса, орудію бы нужно...“ и т. д.

Орудія вѣзвжали въ цѣль, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью, непріятель, казалось, ослабѣвалъ, но черезъ минуту и съ каждымъ шагомъ, который дѣлали войска, снова усиливавъ огонь, крики и гиканье.

Едва мы отступили сажень на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата... но зачѣмъ раз-

*) Onъ — собирательное название, подъ которымъ кавказские солдаты разумѣютъ вообще непріятеля.

сказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобы забыть ее!

Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакаль съ одного конца цѣпи на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, и это очень шло къ его воинственному лицу.

Хорошенький прaporщикъ былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестѣли отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подъѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься *на ура*.

— Мы ихъ отобъемъ,—убѣдительно говорилъ онъ,—право, отобъемъ.

— Не нужно,—коротко отвѣчалъ капитанъ: — надо отступать.

Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливалась отъ непріятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ сюртукѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья большому маштакчу и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо знали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ). Только изрѣдка онъ возвышалъ голову, прикрикивая на тѣхъ, которые подымали головы. Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственного; но за то въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. „Вотъ кто истинно храбръ“, сказалось мнѣ невольно.

Онъ былъ *точно такимъ же, какимъ я всегда видѣлъ его*: тѣ же спокойныя движения, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его некрасивомъ, но

простомъ лицѣ; только по болѣе, чѣмъ обыкновенно, свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человѣка, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легко сказать: *такимъ же, какъ и всегда*; но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой супровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ зачѣмъ казаться.

Французъ, который при Ватерлоо сказалъ: „la garde meurt, mais ne se rend pas“, и другіе, въ особенности французскіе герои, которые говорили достопамятныя изрѣченія, были храбры и дѣйствительно говорили достопамятныя изреченія; но между ихъ храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случавѣ, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я увѣренъ, онъ не сказалъ бы его: во-первыхъ, потому, что, сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во-вторыхъ потому, что, когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по-моему миѣнію, особенная и высокая черта русской храбости; и какъ же послѣ этого не болѣть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французскія пошлия фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?...

Вдругъ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ хорошенкій прaporщикъ со взводомъ, послышалось недружное и негромкое ура. Оглянувшись на этотъ крикъ, я увидѣлъ человѣкъ тридцать солдатъ, которые, съ ружьями въ рукахъ и мѣшками на плечахъ, насилиу-насилиу бѣжали по вспаханному

полю. Они спотыкались, по все двигались впередъ и кричали. Впереди ихъ, выхвативъ шашку, скакалъ молодой прaporщикъ.

Все скрылось въ лѣсу...

Черезъ нѣсколько минутъ гиканья и трескотни, изъ лѣсу выбѣжала испуганная лошадь, и въ опушкѣ показались солдаты, выносившіе убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ молодой прaporщикъ. Два солдата держали его подъ мышки. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ, и хорошенькая головка, на которой замѣтна была только тѣнь того воинственного восторга, который одушевлялъ ее за минуту предъ этимъ, какъ-то страшно углубилась между плечъ и спустилась на грудь. На бѣлой рубашкѣ, подъ разстегнутымъ сюртукомъ, виднѣлось небольшое кровавое пятнышко.

— Ахъ, какая жалость!—сказалъ я, невольно отворачиваясь отъ этого печального зрѣлища.

— Извѣстно, жалко,—сказалъ старый солдатъ, который, съ угрюмымъ видомъ, облокотясь на ружье, стоялъ подъ меня.—Ничего не боится: какъ же это такъ можно!—прибавилъ онъ, пристально глядя на раненаго.—Глупъ еще—вотъ и поплатился.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ я.

— А то нѣть?

XI.

Четыре солдата на носилкахъ несли прaporщика; за ними форштадтскій солдатъ вель худую разбитую лошадь, съ навьюченными на нее двумя зелеными ящиками, въ которыхъ хранилась фельдшерская принадлежность. Дожида-

лись доктора. Офицеры подъѣзжали къ носилкамъ и старались ободрить и утѣшить раненаго.

— Ну, братъ Аланинъ, не скоро опять можно будетъ поплѣсать съ ложечками, — сказалъ съ улыбкой подъѣхавшій поручикъ Розенкранцъ.

Онъ, должно-быть, полагалъ, что слова эти поддержатъ бодрость хорошенькаго прaporщика; но, сколько можно было замѣтить по холодно-печальному выражению взгляда послѣдняго, слова эти не произвели желаннаго дѣйствія.

Подъѣхалъ и капитанъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на раненаго, и на всегда равнодушно-холодномъ лицѣ его выражилось искреннее сожалѣніе.

— Что, дорогой мой Анатолій Иванычъ? — сказалъ онъ голосомъ, звучащимъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, какого я не ожидалъ отъ него: — видно, такъ Богу угодно.

Раненый оглянулся, блѣдное лицо его оживилось печальною улыбкой.

— Да, васть не послушался.

— Скажите лучше, такъ Богу угодно, — повторилъ капитанъ.

Пріѣхавшій докторъ принялъ отъ фельдшера бинты, зондъ и другую принадлежность и, засучивая рукава, съ ободрительною улыбкой подошелъ къ раненому.

— Что, видно и вамъ сдѣлали дырочку на цѣломъ мѣстѣ, — сказалъ онъ шутливо небрежнымъ тономъ: — покажите-ка.

Прапорщикъ повиновался; но въ выраженіи, съ которымъ онъ взглянулъ на веселаго доктора, были удивленіе и упрекъ, которыхъ не замѣтилъ этотъ послѣдній. Онъ принялъся зондировать рану и осматривать ее со всѣхъ сторонъ; но,

выведенный изъ терпѣнія, раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку...

— Оставьте меня, — сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ:—все равно, я умру.

Съ этими словами онъ упалъ на спину, и чрезъ пять минутъ, когда я, подходя къ группѣ, образовавшейся подлѣ него, спросилъ у солдата: „что прaporщикъ?“ мнѣ отвѣчали: „отходитъ“.

XII.

Уже было поздно, когда отрядъ, построившись широкою колонной, съ пѣснями подходилъ къ крѣпости. Солнце скрылось за снѣговымъ хребтомъ и бросало послѣдніе розовые лучи на длинное тонкое облако, остановившееся на ясномъ прозрачномъ горизонтѣ. Снѣговые горы начинали скрываться въ лиловомъ туманѣ; только верхняя линія ихъ обозначалась съ чрезвычайною ясностью на багровомъ свѣтѣ заката. Давно взошедший прозрачный мѣсяцъ начиналъ бѣлѣть на темной лазури. Зелень травы и деревьевъ чернѣла и покрывалась росою. Темныя массы войскъ мѣрио шумѣли и двигались по роскошному лугу; въ различныхъ сторонахъ слышались бубны, барабаны и веселыя пѣсни. Подголосокъ шестой роты звучалъ изо всѣхъ силъ, и, исполненные чувства и силы, звуки его чистаго, грудного тенора далеко разносились по прозрачному вечернему воздуху.

КАЗАКИ.

КАВКАЗСКАЯ ПОВЕСТЬ

(1852 года).

КАЗАКИ

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Все затихло въ Москвѣ. Рѣдко, рѣдко гдѣ слышится визгъ колесъ по зимней улицѣ. Въ окнахъ огней ужъ нѣтъ, и фонари потухли. Отъ церквей разносятся звуки колоколовъ и, колыхаясь надъ спящимъ городомъ, напоминаютъ объ утрѣ. На улицахъ пусто. Рѣдко гдѣ промѣсить узкими полозьями песокъ со снѣгомъ ночной извозчикъ и, перебравшись на другой уголъ, заснетъ, дожидаясь сѣдока. Пройдетъ старушка въ церковь, гдѣ ужъ, отражаясь на золотыхъ окладахъ, красно и рѣдко горятъ не симметрично разставленныя восковыя свѣчи. Рабочій народъ ужъ поднимается послѣ долгой зимней ночи и идетъ на работы.

А у господъ еще вечеръ.

Въ одномъ изъ оконъ Шевалье, изъ-подъ затворенной ставни, противозаконно свѣтится огонь. У подъѣзда стоять карета, сани и извозчики, стѣснившись задками. Почтовая тройка стоитъ тутъ же. Дворникъ, закутавшись и сжавшись, точно прячется за уголъ дома.

„И чего переливаютъ изъ пустого въ порожнее?“ — думаетъ

лакей, съ осунувшимся лицомъ сидя въ передней.—И все на мое дежурство!“ Изъ соседней свѣтлой комнатки слышатся голоса трехъ ужинающихъ молодыхъ людей. Они сидятъ въ комнатѣ около стола, на которомъ стоять остатки ужина и вина. Одинъ, маленький, чистенький, худой и дурной, сидить и смотрить на отѣзжающаго добрыми, усталыми глазами. Другой, высокий, лежитъ подлѣ установленного пустыми бутылками стола и играетъ ключикомъ часовъ. Третій, въ новенькомъ полушубкѣ, ходить по комнатѣ и, изрѣдка останавливалась, щелкаетъ миндалъ въ довольно толстыхъ и сильныхъ, но съ отчищеными ногтями пальцахъ, и все чему-то улыбается; глаза и лицо его горятъ. Онъ говорить съ жаромъ и съ жестами; но видно, что онъ не находить словъ, и всѣ слова, которыя ему приходятъ, кажутся недостаточными, чтобы выразить все, что подстушило ему къ сердцу. Онъ безпрестанно улыбается.

— Теперь можно все сказать!—говорить отѣзжающій.—Я не то что оправдываюсь, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты по крайней мѣрѣ понялъ меня, какъ я себя понимаю, а не такъ, какъ пошлость смотрить на это дѣло. Ты говоришь, что я виновать передъ ней,—обращается онъ къ тому, который добрыми глазами смотрить на него.

— Да, виновать,—отвѣчаетъ маленький и дурной, и кажется, что еще больше доброты и усталости выражается въ его взглядѣ.

— Я знаю, отчего ты это говоришь,—продолжаетъ отѣзжающій.—Быть любимымъ, по-твоему, такое же счастье, какъ любить, и довольно на всю жизнь, если разъ достигъ его.

— Да, очень довольно, душа моя! Больше чѣмъ нужно,—подтверждаетъ маленький и дурной, открывая и закрывая глаза.

— Но отчего-жъ не любить и самому! — говоритъ отъѣзжающій, задумывается и какъ-будто съ сожалѣніемъ смотрѣтъ на пріятеля. — Отчего не любить? Не любится. Нѣть, любимымъ быть несчастье, несчастье, когда чувствуешь, что виноватъ, потому что не даешь того же и не можешь дать. Ахъ, Боже мой! — Онъ махнулъ рукой. — Вѣдь если бъ это все дѣлалось разумно, а то навыворотъ, какъ-то не по-нашему, а по-своему все это дѣлается. Вѣдь я какъ-будто укралъ это чувство. И ты такъ думаешь; не отказывайся, ты долженъ это думать. А повѣришь ли, изъ всѣхъ глупостей и гадостей, которыхъ я много успѣлъ надѣлать въ жизни, это одна, въ которой я не раскаиваюсь и не могу раскаиваться. Ни сначала, ни послѣ, я не лгалъ ни передъ собой, ни передъ нею. Мигъ казалось, что наконецъ-то вотъ я полюбилъ, а потомъ увидалъ, что это была невольная ложь, что такъ любить нельзя, и не могъ итти далѣе; а она пошла. Развѣ я виноватъ въ томъ, что не могъ? Что же мнѣ было дѣлать?

— Ну, да теперь кончено! — сказалъ пріятель, закуривая сигару, чтобы разогнать сонъ. — Одно только: ты еще не любилъ, и не знаешь, что такое любить.

Тотъ, который былъ въ полушибкѣ, хотѣлъ опять сказать что-то и схватилъ себя за голову. Но не высказывалось то, что онъ хотѣлъ сказать.

— Не любилъ! Да, правда, не любилъ. Да есть же во мнѣ желаніе любить, сильнѣе котораго нельзя имѣть желанія! Да опять, и есть ли такая любовь? Все остается что-то недоконченное. Ну, да что говорить! Напуталъ, напуталъ я себѣ въ жизни. Но теперь все кончено, ты правъ. И я чувствую, что начинается новая жизнь.

— Въ которой ты опять напутаешь, — сказалъ лежавшій

на диванъ и игравшій ключикомъ часовъ; но отъѣзжающій не слыхалъ его.

— Мнѣ и грустно, и радъ я, что ѿду,—продолжалъ онъ.— Огчего грустно? Я не знаю.

И отъѣзжающій сталъ говорить объ одномъ себѣ, не замѣчая того, что другимъ не было это такъ интересно, какъ ему. Человѣкъ никогда не бываетъ такимъ эгоистомъ, какъ въ минуту душевнаго восторга. Ему кажется, что нѣтъ на свѣтѣ въ эту минуту ничего прекраснѣе и интереснѣе его самого.

— Дмитрій Андреевичъ, ямщикъ ждать не хочетъ!—сказалъ вошедшій молодой дворовый человѣкъ въ шубѣ и обвязанный шарфомъ.—Съ двѣнадцатаго часа лошади, а теперь четыре.

Дмитрій Андреевичъ посмотрѣлъ на своего Ванюшу. Въ его обвязанномъ шарфѣ, въ его валеныхъ сапогахъ, въ его заспанномъ лицѣ, ему послышался голосъ другой жизни, призывающей его,—жизни трудовъ, лишеній, дѣятельности.

— И въ самомъ дѣлѣ, прощай!—сказалъ онъ, ища на себѣ незастегнутаго крючка.

Несмотря на совѣты дать еще на водку ямщику, онъ надѣлъ шапку и сталъ по серединѣ комнаты. Они расцѣловались разъ, два раза, остановились и потомъ поцѣловались третій разъ. Тотъ, который былъ въ полуշубкѣ, подошелъ къ столу, выпилъ стоявшій на столѣ бокаль, взялъ за руку маленькаго и дурного и покраснѣлъ.

— Нѣть, все-таки скажу... Надо и можно быть откровеннымъ съ тобой, потому что я тебя люблю... Ты вѣдь любишь ее? Я всегда это думалъ... да?

— Да,—отвѣчалъ пріятель, еще кротче улыбаясь.

— И можетъ-быть...

— Пожалуйте, свѣчи тушить приказано,—сказалъ заспанный лакей, слушавшій послѣдній разговоръ и соображавшій, почему это господа всегда говорятъ все одно и то же.— Счетъ за кѣмъ записать прикажете? За вами-сь?—прибавилъ онъ, обращаясь къ высокому, впередъ зная къ кому обратиться.

— За мной,—сказалъ высокій.—Сколько?

— Двадцать-шесть рублей.

Высокій задумался на мгновеніе, но ничего не сказалъ, и положилъ счетъ въ карманъ.

А у двухъ разговаривающихъ шло свое.

— Прощай, ты отличный малый!—сказалъ господинъ маленький и дурной съ кроткими глазами.

Слезы навернулись на глаза обоимъ. Они вышли на крыльцо.

— Ахъ, да!—сказалъ отъѣзжающій, краснѣя и обращаясь къ высокому:—счетъ Шевалье ты устроишь, и тогда напиши мнѣ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ высокій, надѣвая перчатки.—Какъ я тебѣ завидую!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно, когда они вышли на крыльцо.

Отъѣзжающій сѣлъ въ сани, закутался въ шубу и сказалъ: „ну чтожъ! поѣдемъ“, и даже подвинулся въ саняхъ, чтобы дать мѣсто тому, который сказалъ, что ему завидуетъ; голосъ его дрожалъ.

Провожавшій сказалъ:—прощай, Митя, дай тебѣ Богъ...— Онъ ничего не желалъ, кроме только того, чтобы тотъ уѣхалъ поскорѣе, и потому не могъ договорить, чего онъ желалъ.

Они помолчали. Еще разъ сказалъ кто-то: „прощай“.

Кто-то сказалъ: „пошелъ!“ И ямщикъ тронулъ.

— Елизаръ, подавай! — крикнулъ одинъ изъ провожавшихъ.

Извозчики и кучеръ запевелись, зачмокали и задергали вожками. Замерзшая карета завизжала по снѣгу.

— Славный малый этотъ Оленинъ, — сказалъ одинъ изъ провожавшихъ. — Но что за охота ъхать на Кавказъ и юнкеромъ? Я бы полтинника не взялъ. Ты будешь завтра обѣдать въ клубѣ?

— Буду.

И провожавшіе разъѣхались.

Отъѣзжавшему казалось тепло, жарко отъ шубы. Онъ сѣлъ на дно саней, распахнулся, и ямская взъерошенная тройка потащилась изъ темной улицы въ лицу мимо какихъ-то невиданныхъ имъ домовъ. Оленину казалось, что только отъѣзжающіе ъздятъ по этимъ улицамъ. Кругомъ было, темно, безмолвно, уныло, а въ душѣ было такъ полно воспоминаний, любви, сожалѣній и пріятныхъ давившихъ слезъ...

II.

„Люблю! Очень люблю! Славные! Хорошо!“ твердилъ онъ, и ему хотѣлось плакать. Но отчего ему хотѣлось плакать? Кто были славные? кого онъ очень любилъ? Онъ не зналъ хорошенъко. Иногда онъ вглядывался въ какой-нибудь домъ и удивлялся, зачѣмъ онъ такъ странно выстроенъ; иногда удивлялся, зачѣмъ ямщикъ и Ванюша, которые такъ чужды ему, находятся такъ близко отъ него, и вмѣстѣ съ нимъ трясутся и покачиваются отъ порыва пристяжныхъ, натягивающихъ мерзлые постромки, и снова говорилъ: „славные, люблю“, и разъ даже сказалъ: „какъ хватить! Отлично!“ И

самъ удивился, къ чему онъ это сказалъ, и спросилъ себя: „ужъ не пьянъ ли я?“ Правда, онъ выпилъ на свою долю бутылки ~~двѣ~~ вина, но не одно вино производило это дѣйствіе на Оленина. Ему вспоминались всѣ задушевныя, какъ ему казалось, слова дружбы, стыдливо, какъ - будто нечаянно, высказанныя ему передъ отъѣздомъ. Вспоминались пожатія рука, взгляды, молчанія, звукъ голоса сказавшаго: *прощай, Митя!* когда онъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Вспоминалась своя собственная рѣшительная откровенность. И все это для него имѣло трогательное значеніе. Передъ отъѣздомъ не только друзья, родные, не только равнодушные, но несимпатичные, недоброжелательные люди, всѣ какъ-будто вдругъ сговорились сильнѣе полюбить его, простить какъ передъ исповѣдью или смертью. „Можетъ-быть, мнѣ не вернуться съ Кавказа“, думалъ онъ. И ему казалось, что онъ любить своихъ друзей, и еще любить кого-то. И ему было жалко себя. Но не любовь къ друзьямъ такъ размягчила и подняла его душу, что онъ не удерживалъ безсмысленныхъ словъ, которыя говорились сами собой,—и не любовь къ женщинахъ (онъ никогда еще не любилъ) привела его въ это состояніе. Любовь къ самому себѣ, горячая, полная надеждъ, молодая любовь ко всему, что только было хорошаго въ его душѣ (а ему казалось теперь, что только одно хорошее было въ немъ) заставляла его плакать и бормотать несвязныя слова.

Оленинъ былъ юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія, и до двадцати-четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ никакой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что называется „молодой человѣкъ“ въ московскомъ обществѣ.

Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, не признавая ничего, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а напротивъ увлекался постоянно. Онъ рѣшилъ, что любви нѣть, а всякий разъ присутствіе молодой и красивой женщины заставляло его замиратъ. Онъ давно зналъ, что почести и званіе вздоръ, но чувствовалъ невольно удовольствіе, когда на балѣ подходилъ къ нему князь Сергій и говорилъ ласковыя рѣчи. Но отдавался онъ всѣмъ своимъ увлеченіямъ лишь настолько, насколько они не связывали его. Какъ только, отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чуять приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла и возстановить свою свободу. Такъ онъ начиналъ свѣтскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думалъ посвятить себя, и даже любовь къ женщинамъ, въ которую онъ не вѣрилъ. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ,—на искусство ли, на науку ли, на любовь ли къ женщинѣ, или на практическую дѣятельность,—не силу ума, сердца, образования, а тотъ неповторяющейся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все, что онъ хочетъ, и какъ ему кажется, и изъ всего міра все, что ему

хочется. Правда, бывают люди лишенные этого порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣваютъ на себя первый попавшійся хомутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни. Но Оленинъ слишкомъ сильно сознавалъ въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль, способность захотѣть и сдѣлать,—броситься головой внизъ въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ. Онъ носилъ въ себѣ это сознаніе, былъ гордъ имъ и, самъ не зная этого, былъ счастливъ имъ. Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то,—что все прежнее было случайно и незначительно,—что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, — но что теперь, съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастіе.

Какъ всегда бываетъ въ дальней дорогѣ, на первыхъ двухъ-трехъ станціяхъ воображеніе остается въ томъ мѣстѣ, откуда єдешь, а потомъ вдругъ, съ первымъ утромъ встрѣченнымъ на дорогѣ, переносится къ пѣли путешествія, и тамъ уже строитъ замки будущаго. Такъ случилось и съ Оленинымъ.

Выѣхавъ за городъ и оглядѣвъ снѣжныя поля, онъ порадовался тому, что онъ одинъ среди этихъ полей, завернулся въ шубу, опустился на дно саней, успокоился и задремалъ. Прощанье съ пріятелями растрогало его, и ему стала вспоми-

наться вся послѣдняя зима, проведенная имъ въ Москвѣ, и образы этого прошедшаго, перебиваемые неясными мыслями и упреками, стали непрошенно возникать въ его воображеніи.

Ему вспомнился этотъ провожавшій его пріятель и его отношенія къ дѣвушкѣ, о которой они говорили. Дѣвушка эта была богата. „Какимъ образомъ онъ могъ любить ее, несмотря на то, что она меня любила?“ думалъ онъ, и нехорошія подозрѣнія пришли ему въ голову. „Много есть нечестности въ людяхъ, какъ подумаешь. А отчего жъ я еще не любилъ въ самомъ дѣлѣ?“ представился ему вопросъ. „Всѣ говорятъ мнѣ, что я не любилъ. Неужели я нравственныи уродъ?“ И онъ сталъ вспоминать свои увлеченія. Вспомнилъ онъ первое время своей свѣтской жизни и сестру одного изъ своихъ пріятелей, съ которой онъ проводилъ вечера, за столомъ при лампѣ, освѣщавшей ея тонкіе пальцы за работой и низъ красиваго тонкаго лица, и вспомнились ему эти разговоры, тянущіеся какъ „живъ-живъ“ курилка, и общую неловкость, и стѣсненіе, и постоянное чувство возмущенія противъ этой натянутости. Какой-то голосъ все говорилъ: *не то, не то*, и точно, вышло не то. Потомъ вспомнился ему балъ и мазурка съ красивою д. „Какъ я былъ влюбленъ въ эту ночь, какъ былъ счастливъ! И какъ мнѣ болѣно и досадно было, когда я на другой день утромъ проснулся и почувствовалъ, что я свободенъ! Что же она, любовь, не приходитъ? не вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ?“ думалъ онъ. „Нѣтъ, нѣтъ любви! Сосѣдка барыня, говорившая одинаково мнѣ, и Дубровину, и предводителю, что любить звѣзды, была также *не то*. И вотъ ему вспоминается его хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ, и опять не на чемъ съ радостью остановиться въ этихъ воспомина-

ніяхъ. „Долго они будутъ говорить о моемъ отъездѣ?“ приходитъ ему въ голову. Но кто это они?—онъ не знаетъ, и вслѣдъ за этимъ приходитъ ему мысль, заставляющая его морщиться и произносить неясные звуки: это воспоминаніе о мосьѣ Капелѣ и 678 рубляхъ, которые онъ остался долженъ портному,—и онъ вспоминаетъ слова, которыми онъ упрашивалъ портного подождать еще годъ, и выраженіе недоумѣнія и покорности судьбѣ, появившееся на лицѣ портного. „Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ повторяетъ онъ, щурясь и стараясь отогнать несносную мысль. „Однако, она меня несмотря на то любила“, думаетъ онъ о девушки, про которую шла рѣчь при прощаніѣ. „Да, коли я бы на ней женился, у меня бы не было долговъ, а теперь я остался долженъ Васильеву“. И представляется ему послѣдній вечеръ игры съ г. Васильевымъ въ клубѣ, куда онъ поѣхалъ прямо отъ нея, и вспоминаются униженныя просьбы играть еще, и его холодные отказы. „Годъ экономіи, и все это будетъ заплачено, и чортъ ихъ возьми...“ Но несмотря на этуувѣренность, онъ снова начинаетъ считать оставшіеся долги, ихъ сроки и предполагаемое время уплаты. „А вѣдь я еще остался долженъ Морелю, кромѣ Шевалье,“ вспомнилось ему; и представляется вся ночь, въ которой онъ ему задолжалъ столько. Это была попойка съ цыганами, которую затѣяли пріѣзжіе изъ Петербурга: Сашка Б***, флигель-адъютантъ, и князь Д***, и этотъ важный старикъ... „И почему они такъ довольны собой, эти господа?“ подумалъ онъ, и на какомъ основаніи составляютъ они особый кружокъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, другимъ очень лестно участвовать? Неужели за то, что они флигель-адъютанты? Вѣдь это ужасно, какими глупыми и подлыми они считаютъ другихъ! Я показалъ имъ напротивъ,

что нисколько не желаю сближаться съ ними. Однако, я думаю, Андрей управляющій очень былъ бы озадаченъ, что я на *ты* съ такимъ господиномъ, какъ Сашка Б***, полковникомъ и флигель - адъютантомъ... Да и никто и не вышилъ больше меня въ этотъ вечеръ; я выучилъ цыганъ новой пѣснѣ, и всѣ слушали. Хоть и много глупостей я дѣлалъ, а все-таки я очень, очень хороший молодой человѣкъ," думаетъ онъ.

Утро застало Оленина на третьей станціи. Онъ напился чаю, переложилъ съ Ванюшой самъ узлы и чемоданы, и усѣлся между ними благоразумно, прямо и аккуратно, зная, гдѣ что у него находится,—гдѣ деньги и сколько ихъ, гдѣ видѣ и подорожная, и шоссейная расписка,—и все это ему показалось такъ практично устроено, что стало весело, и дальняя дорога представилась въ видѣ продолжительной прогулки.

Въ продолженіе утра и середины дня, онъ весь былъ погруженъ въ ариѳметические расчеты: сколько онъ проѣхалъ верстъ, сколько остается до первой станціи, сколько до первого города, до обѣда, до чаля, до Ставрополя, и какую часть всей дороги составляетъ проѣханное. При этомъ онъ разсчитывалъ тоже: сколько у него денегъ, сколько останется, сколько нужно для уплаты всѣхъ долговъ, и какую часть всего дохода будетъ онъ проживать въ мѣсяцъ. Къ вечеру, напившись чаю, онъ разсчитывалъ, что до Ставрополя оставалось $\frac{7}{11}$ всей дороги, долговъ всего оставалось на семь мѣсяцевъ экономіи и на $\frac{1}{8}$ всего состоянія, — и, успокоившись, онъ укутался, спустился въ сани, и снова задремалъ. Воображеніе его теперь уже было въ будущемъ, на Кавказѣ. Всѣ мечты о будущемъ соединялись съ образами Амалатъ-бековъ, черкешенокъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ

и опасностей. Все это представляется смутно, неясно; но слава, заманивая, и смерть, угрожая, составляютъ интересъ этого будущаго. То съ необычайною храбростью и удивляющею всѣхъ силой онъ убиваетъ и покоряетъ безчисленное множество горцевъ; то онъ самъ горецъ, и съ ними вмѣстѣ отстаетъ противъ русскихъ свою независимость. Какъ только представляются подробности, то въ подробностяхъ этихъ участвуютъ старыя московскія лица. Сашка Б*** тутъ вмѣстѣ съ русскими или съ горцами воюетъ противъ него. Даже, неизвѣстно какъ, портной мосье Капель принимаетъ участіе въ торжествѣ побѣдителя. Ежели при этомъ вспоминаются старыя униженія, слабости, ошибки, то воспоминаніе о нихъ только пріятно. Ясно, что тамъ, среди горъ, потоковъ, черкешенокъ и опасностей, эти ошибки не могутъ повторяться. Ужъ разъ исповѣдался въ нихъ передъ самимъ собою, и кончено. Есть еще одна, самая дорогая мечта, которая примѣшивалась ко всякой мысли молодого человѣка о будущемъ. Это мечта о женшинѣ. И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косой и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина и у порога она, ожидающаяся его въ то время, какъ онъ усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ ней, и ему чудятся ея поцѣлую, ея плечи, ея сладкій голосъ, ея покорность. Она прелестна, но она необразованна, дика, груба. Въ длинные зимніе вечера, онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита и быстро усвоиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же? Она очень легко можетъ выучить языки; читать произведенія французской литературы, понимать ихъ.

Notre Dame de Paris, напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостиной она можетъ имѣть больше природнаго достоинства, чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть просто, сильно и страстно.—Ахъ, какой вздоръ!—говорить онъ самъ себѣ. А тутъ пріѣхали на какую-то станцію и надо перелѣзать изъ саней въ сани и давать на водку. Но онъ снова ищетъ воображеніемъ того вздора, который онъ оставилъ, и ему представляются опять черкешенки, слава, возвращеніе въ Россію, флигель-адъютанство, прелестная жена.—Но вѣдь любви нѣтъ,—говорить онъ самъ себѣ.—Почести—вздоръ. А шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей?... А завоеванный край, давшій мнѣ больше богатства, чѣмъ мнѣ нужно на всю жизнь? Впрочемъ, нехорошо будетъ одному воспользоваться этимъ богатствомъ. Нужно раздать его. Кому только? Шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей Капелю, а тамъ видно будетъ...—И уже совсѣмъ смутныя видѣнія застилаютъ мысль, и только голосъ Ванюши и чувство прекращеннаго движенія нарушаютъ здоровый, молодой сонъ, и, самъ не помня, перелѣзаетъ онъ въ другія сани на новой станціи и ёдетъ далѣе.

На другое утро то же самое,—тѣ же станціи, тѣ же чаи, тѣ же движущіеся крупы лошадей, тѣ же короткіе разговоры съ Ванюшой, тѣ же неясныя мечты и дремоты по вечерамъ и усталый, здоровый, молодой сонъ въ продолженіе ночи.

III.

Чѣмъ дальше уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ дальше казались отъ него всѣ его воспоминанія и чѣмъ

ближе подъѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ.—Уѣхать совсѣмъ и никогда не пріѣзжать назадъ, не показываться въ общество,—приходило ему иногда въ голову.—А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу,—*не люди*; никто изъ нихъ меня не знаетъ и никто, никогда не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ и узнать о моемъ прошедшемъ. И никто изъ того общества не узнаетъ, что я дѣлалъ, живя между этими людьми.—И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывало его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ съ своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубоѣ былъ народъ, чѣмъ меныше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя. Ставрополь, чрезъ который онъ долженъ былъ проѣзжать, огорчилъ его. Выѣски, даже французскія выѣски, дамы въ коляскѣ, извозчики, стоявшіе на площади, бульваръ и господинъ въ шинели и шляпѣ, проходившій по бульвару и оглядѣвшій проѣзжихъ,—больно подействовали на него.—Можетъ-быть, эти люди знаютъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, и ему опять вспомнились клубъ, портной, карты, свѣтъ... Отъ Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и сверхъ того красиво и воинственно. И Оленину все становилось веселѣе и веселѣе. Всѣ казаки, ямщики, смотрители, казались ему простыми существами, съ которыми ему можно было просто шутить, бесѣдоватъ, не соображая кто къ какому разряду принадлежитъ. Всѣ принадлежали къ роду человѣческому, который былъ весь безсознательно милъ Оленину, и всѣ дружелюбно относились къ нему.

Еще въ Землѣ войска донского перемѣнили сани на телѣгу; а за Ставрополемъ уже стало такъ тепло, что Оленинъ ѿхалъ безъ шубы. Была уже весна,—неожиданная, веселая весна для Оленина. Ночью уже не пускали изъ станицъ и вечеромъ говорили, что опасно. Ванюша сталъ потрушивать и ружье заряженное лежало на перекладной. Оленинъ сталъ еще веселѣе. На одной станціи, смотритель рассказалъ недавно случившееся страшное убійство на дорогѣ. Стали встрѣчаться вооруженные люди.—Вотъ оно гдѣ начинается!—говорилъ себѣ Оленинъ и все ждалъ вида снѣговыхъ горъ, про которыхъ много говорили ему. Одинъ разъ, передъ вечеромъ, ногаецъ—ямщикъ плетью указалъ изъ-за тучъ на горы. Оленинъ съ жадностью сталъ вглядываться, но было пасмурно и облака до половины застилали горы. Оленину виднѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое, и какъ онъ ни старался, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыхъ онъ столько читалъ и слышалъ. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ и что особенная красота снѣговыхъ горъ, о которыхъ ему толковали, есть такая же выдумка, какъ музыка Баха и любовь къ женщинѣ, въ которыхъ онъ не вѣрилъ,—и онъ пересталъ дожидаться горъ. Но на другой день, рано утромъ, онъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидѣлъ, шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и прічудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между имъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ и когда почув-

ствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встяжнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

- Что это? Что это такое?—спросилъ онъ у ямщика.
- А горы,—отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.
- И я тоже давно на нихъ смотрю—сказалъ Ванюша:— вотъ хорошо-то! Дома не повѣрять.

На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы казалось бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣль снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и *почувствовалъ* горы. Съ этой минуты, все что только онъ видѣлъ, все что онъ думалъ, все что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлые мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе.—Теперь началось,—какъ-будто сказалъ ему какоито торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ,—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнить горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу и опять горы. Вотъ ъдуть два казака верхомъ и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце восходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ъдеть арба, женщины ходятъ, красивыя жен-

щины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ъду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила, и молодость; а горы...

IV.

Вся часть терской линіи, по которой расположены гребенскія станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одинаковый характеръ и по мѣстности, и по населенію. Терекъ, отдѣляющій казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, постоянно нанося сѣроватый песокъ на низкій, заросшій камышомъ, правый берегъ и подмывая обрывистый, хотя и не высокій, лѣвый берегъ съ его корнями столѣтнихъ дубовъ, гніющихъ чинаръ и молодого подроста. По правому берегу расположены мирные, но еще беспокойные аулы; вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстояніи семи и восьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Въ старину большая часть этихъ станицъ были на самомъ берегу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмылъ ихъ и теперь видны только густо-заросшія старыя городища, сады, груши, лычи и раины, переплетенные ежевичникомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живеть тамъ и только видны по песку слѣды оленей, бирюковъ *), зайцевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста.

Отъ станицы до станицы идетъ дорога, прорубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣль. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ стоять казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, сажень въ триста, полоса лѣсистой плодородной земли, составляетъ вла-

*) Волковъ.

днія казаковъ. На съверь отъ нихъ начинаются песчаные буруны Ногайской, или Моздокской степи, идущей далеко на съверь и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ Трухменскими, Астраханскими и Киргизъ-Кайсацкими степями. На югъ за Терекомъ—Большая Чечня, Кочкаловский хребетъ, Черныя горы, еще какой-то хребетъ и, наконецъ, снежные горы, которыхъ только видны, но въ которыхъ никто никогда еще не былъ. Въ этой-то плодородной, лѣсистой и богатой растительностью полосѣ, живеть съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, старовѣрческое, русское населеніе, называемое гребенскими казаками.

Очень, очень давно предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россіи и поселились за Терекомъ, между чеченцами на Гребиѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки переродились съ ними и усвоили себѣ обычай, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру. Преданіе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребиѣ къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ поръ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляютъ главныя черты ихъ характера. Вліяніе Россіи выражается только съ невыгодной стороны стѣсненіемъ въ выборахъ, снятіемъ колоколовъ и войсками, которыхъ стоять и проходить тамъ. Казакъ, по влечению, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы

защищать его станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онь уважаетъ врага-горца; но презираетъ чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русскій мужикъ для казака есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго образчикъ онъ видаль въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ малороссіянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ одеждѣ состоить въ подражаніи черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горца, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодецъ-казакъ щеголяеть знаніемъ татарскаго языка и, разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говорить по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высшей степени развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака; на все же остальное смотрѣть съ презрѣніемъ. Казакъ большую часть времени проводить на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребывающіе его въ станицѣ есть исключюще изъ правилъ и тогдѣ онъ гуляетъ. Вино у казаковъ у всевѣнное свое, и пьянство есть не столько общая всемъ склонность, сколько образъ неполненія, котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотрѣть какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣвку только позволяеть гулять, бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя, и смотрѣть на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще, на Востокѣ, безъ сравненія большее чѣмъ на За-

падъ вліяніе и вѣсь въ домашнемъ быту. Удаленіе ея отъ общественной жизни и привычка къ мужской тяжелой работе даютъ ей тѣмъ большій вѣсь и силу въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство, пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣждень, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику ногайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведение этого труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкой, липить его всего, чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ, и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, решительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чувяки, но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хать составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, женщины, и особенно девки, пользуются совершенной свободой. Станица Новомлинская считалась корнемъ гребенского казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, со-

хранились нравы старыхъ гребенцовъ, и женщины этой станицы изстари славились своею красотою по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса и военная добыча.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу, — рѣка; съ другой—зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески), Ногайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и вѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышомъ, крышкой, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шапкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фрунтъ проходящему офицеру. Подъ крышкой воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краской написано: домовъ 266, мужского пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми большими окнами многихъ домовъ, за огорожками, поднимаются выше хатъ темнозеленые раины, нѣжныя свѣтлолистственные акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травяниокъ.

и винограда. На широкой площади виднеются три лавочки съ краснымъ товаромъ, съмячкомъ, стручками и пряниками, и, за высокою оградой, изъ-за ряда старыхъ раинъ, виднеется, длинище и выше всѣхъ другихъ, домъ полкового командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднеется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые, малые и больные остаются дома.

V.

Былъ тотъ особенный вечеръ, какой бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватила третью неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣло-матовые громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ было пусто. Ежели рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховые, то уже казаки съ кордона и чеченцы изъ аула съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрые люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ по этой пустынѣ. Изъ садовъ спѣшатъ съ веселымъ говоромъ, до захожденія солнца, казачки привязывавшія плети. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ народъ къ

станицъ. Дѣвки въ подоткнутыхъ рубахахъ, съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ на встречу скотинѣ, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею за собой изъ степи. Сытыя коровы и буйволицы разбѣгаются по улицамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ въ оружіи, верхомъ, выпросившійся съ кордона, подѣзжаетъ къ хатѣ и, перегибаясь къ окну, постукиваетъ въ него, и вслѣдъ за стукомъ показывается красивая молодая голова казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый оборванный работникъ, ногаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скрипящую арбу на чистомъ широкомъ дворѣ эсаула, и скидываетъ ярмо съ матающихъ головами быковъ, и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу, и мимо которой столько лѣтъ проходятъ люди, съ трудомъ лѣпясь по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной, высоко поднимая рубаху надъ блѣдыми ногами, и возвращающійся казакъ-охотникъ шутя кричитъ: „выше подними, срамница“, и пѣлитъ въ нее; казачка опускаетъ рубаху и роняетъ дрова. Старикъ-казакъ, съ засученными штанами и раскрытою ѿдою грудью, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ *сашетки* *) еще бьющихся серебристыхъ шамаекъ и, чтобы ближе пройти, лѣзеть черезъ проломанный заборъсосѣда и отдираетъ отъ забора запѣшившійся зипунъ. Тамъ баба тащить сухой сукъ, и слышатся удары топора за угломъ.

*) Наметки.

Визжать казачата, гоняющіе кубари на улицахъ вездѣ, гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ заборы, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изо всѣхъ трубъ поднимается душистый дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышится усиленная хлопотня, предшествующая тишинѣ ночи.

Бабука Улитка, жена хорунжаго и школьнаго учителя, такъ же какъ и другія, вышла къ воротамъ своего двора и ожидаетъ скотину, которую по улицѣ гонитъ ея дѣвка Марьянка. Она не успѣла еще отворить плетня, какъ громадная буйволица, провожаемая комарами, мыча, проламывается сквозь ворота; за ней медленно идутъ сытыя коровы, большими глазами признавая хозяйку и хвостомъ мѣрно хлеща себя по бокамъ. Стройная красавица Марьянка проходитъ въ ворота и, бросая хворостину, закидываетъ плетень и со всѣхъ рѣзвыхъ ногъ бросается разбивать и загонять на дворѣ скотину. „Разуйся, чортова дѣвка,—кричитъ мать:—чувяки-то *) всѣ истоптала“. Марьяна нисколько не оскорбляется названіемъ чортовой дѣвки и принимаетъ эти слова за ласку, и весело продолжаетъ свое дѣло. Лицо Марьяны закрыто обвязаннымъ платкомъ; на ней розовая рубаха и зеленый бенкметъ. Она скрывается подъ навѣсомъ двора, вслѣдъ за жирною крупною скотиной и только слышится изъ клѣти ея голосъ, нѣжно уговаривающей буйволицу: „не постоитъ! Эка ты! Ну тебя, ну матушка!..“ Вскорѣ приходитъ дѣвка съ старухой изъ закуты въ избушку **), и обѣ несутъ два большихъ горшка молока — подой нынѣшняго дня. Изъ глиняной трубы избушки скоро поднимается дымъ

*) Чувяки—обувь.

**) Избушкой у казаковъ называется низенький холодный срубецъ, гдѣ кипятится и сберегается молочный скопъ.

кизыка, молоко передѣлывается въ каймакъ; дѣвка разжигаетъ огонь, а старуха выходитъ къ воротамъ. Сумерки охватили уже станицу. По всему воздуху разлитъ запахъ овоща, скотины и душистаго дыма кизяка. У воротъ и по улицамъ вездѣ перебѣгаютъ казачки, несущія въ рукахъ зажженныя тряпки. На дворѣ слышно пыхтѣніе и спокойная жвачка опроставшейся скотины, и только женскіе и дѣтскіе голоса перекликаются по дворамъ и улицамъ. Въ будни рѣдко когда заслышишися мужской пьяный голосъ.

Одна изъ казачекъ, старая, высокая, мужественная женщина, съ противоположнаго двора, подходитъ къ бабукѣ Улиткѣ просить огня; въ рукѣ у нея тряпка.

— Что, бабука, убрались? — говоритъ она.

— Дѣвка топитъ. Аль огоньку надо? — говоритъ бабука Улитка, гордая тѣмъ, что можетъ услужить.

Обѣ казачки идутъ въ хату; грубыя руки, не привыкшія къ мелкимъ предметамъ, съ дрожаніемъ сдираютъ крышку съ драгоценной коробочки со спичками, которая составляютъ рѣдкость на Кавказѣ. Пришедшая мужественная казачка садится на приступокъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать.

— Что твой-то, мать, въ школѣ? — спрашиваетъ пришедшая.

— Все ребятъ учить, мать. Писаль, къ празднику будетъ, — говоритъ хорунжиха.

— Человѣкъ умный вѣдь? въ пользу все.

— Извѣстно, въ пользу.

— А мой Лукашка на кордонѣ, а домой не пускаютъ, — говоритъ пришедшая, несмотря на то, что хорунжиха давно это знаетъ. Ей нужно говорить про своего Лукашку, ко-

тораго она только собрала въ казаки и котораго она хочетъ женить на Марьянъ, хорунжевой дочери.

— На кордонъ и стоять?

— Стоять, мать. Съ праздника не бывалъ. Намедни съ юномушкинымъ рубахи послала. Говорить ничего, начальство одобряетъ. У нихъ, байтъ, опять абрековъ ищутъ. Лукашка, говорить, весель, ничего.

— Ну и слава Богу,—говорить хорунжиха.—Уранъ одно слово.

Лукашка прозванъ ураномъ за молодечество, за то, что казаченка вытащилъ изъ воды, урвалъ. И хорунжиха помянула про это, чтобы съ своей стороны сказать приятное Лукашкиной матери.

— Благодарю Бога, мать, сынъ хорошій; молодецъ, всѣ одобряютъ,—говорить Лукашкина мать:—только бы женить его, и померла бы спокойно.

— Что жъ, дѣвокъ мало ли по станицѣ?—отвѣчаетъ хитрая хорунжиха, корявыми руками старательно надѣвая крышку на коробочку со спичками.

— Много, мать, много, — замѣчаетъ Лукашкина мать и качаетъ головой: — твоя дѣвка, Марьянушка-то, твоя вотъ дѣвка, такъ по полку поискать.

Хорунжиха знаетъ намѣреніе Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошимъ казакомъ, она отклоняется отъ этого разговора, во-первыхъ, потому, что она хорунжиха и богачка, а Лукашка—сынъ простого казака, сирота. Во-вторыхъ потому, что не хочется ей скоро разстаться съ дочерью. Главное же потому, что приличіе того требуетъ.

— Что жъ, Марьянушка подрастетъ, такъ же дѣвка будетъ,—говорить она сдержанно и скромно.

— Пришлю сватовъ, пришлю, дай сады уберемъ, твоей милости кланяться приDEMЪ,—говорить Лукашкина мать.—Ильѣ Васильевичу кланяться приDEMЪ.

— Что Илясь!—гордо говорить хорунжиха:—со мной говорить надо. На все свое время.

Лукашкина мать по строгому лицу хорунжихи видитъ, что дальше говорить неудобно, зажигаетъ спичкой тряпку и приподнимаясь говоритъ: — не оставь, мать, попомни эти слова. Пойду, топить надо,—прибавляетъ она.

Переходя черезъ улицу и размахивая въ вытянутой рукѣ зажженую тряпку, она встрѣчаетъ Марьяну, которая кланяется ей.

„Краля дѣвка, работница дѣвка,—думаетъ она, глядя на красавицу.—„Куда ей расти! Замужъ пора, да въ хорошій домъ, замужъ за Лукашку“.

У бабуки же Улитки своя забота, и она какъ сидѣла на порогѣ, такъ и остается, и о чёмъ-то трудно думаетъ до тѣхъ поръ, пока дѣвка не позвала ее.

VI.

Мужское населеніе станицы живетъ въ походахъ и на кордонахъ, или постахъ, какъ называютъ казаки. Тотъ самый Лукашка Урванъ, про которого говорили старухи въ станицѣ, передъ вечеромъ стоялъ на вышкѣ Нижне-Протоцкаго поста. Нижне-Протоцкій постъ—на самомъ берегу Терека. Облокотившись на перильца вышки, онъ щурясь поглядывалъ то на даль за Терекомъ, то внизъ на товарищай-казаковъ, и изрѣдка заговаривалъ съ ними. Солнце уже приближалось къ снѣговому хребту, бѣлевшему надъ кур-

чавыми облаками. Облака, волнуясь у его подошвы, принимали болѣе и болѣе темныя тѣни. Въ воздухѣ разливалась вечерняя прозрачность. Изъ заросшаго дикаго лѣса тянуло свѣжестью, но около поста еще было жарко. Голоса разговаривавшихъ казаковъ звучнѣе раздавались и стояли въ воздухѣ. Коричневый быстрый Терекъ отчетливѣй отдѣлялся отъ неподвижныхъ береговъ всею своею подвигающею масой. Онъ начиналь сбывать, и кое-гдѣ мокрый песокъ бурѣль на берегахъ и на отмеляхъ. Прямо противъ кордона, на томъ берегу, все было пусто; только низкіе, безконечные и пустынныя камыши тянулись до самыхъ горъ. Немного въ сторонѣ виднѣлись на низкомъ берегу глиняные дома, плоскія крыши и воронкообразныя трубы чеченскаго аула. Зоркіе глаза казака, стоявшаго на вышкѣ, слѣдили въ вечернемъ дыму мирнаго аула за движущимися фигурами издалека виднѣвшихся чеченокъ, въ синихъ и красныхъ одеждахъ.

Несмотря на то, что казаки каждый часъ ожидали перевѣры и нападенія *абрековъ* *) съ татарской стороны, особенно въ маѣ мѣсяцѣ, когда лѣсъ по Тереку такъ густъ, что пѣшему трудно пролѣтѣть чрезъ него, а рѣка такъ мелка, что кое-гдѣ можно перѣѣзжать ее въ бродъ, и несмотря на то, что дня два тому назадъ *прибѣгалъ* отъ полкового командира казакъ **) съ *цыдулкой* ***), въ которой значилось, что, по полученнымъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, партия въ восемь человѣкъ намѣренна переправиться черезъ Терекъ, и потому предписывается наблюдать особую осто-

*) Абрекомъ называется немирный чеченецъ, съ цѣлью воровства или грабежа переправившійся на русскую сторону Терека.

**) Прибѣгалъ значитъ на казачьемъ нарѣчии прѣѣжалъ верхомъ.

***) Цыдулой называется циркуляръ, разсылаемый по постамъ.

рожность,—на кордонѣ не соблюдалось особенной осторожности. Казаки, какъ дома, безъ осѣдланныхъ лошадей, безъ оружія, занимались кто рыбною ловлей, кто пьянствомъ, кто охотой. Только лошадь дежурнаго, осѣдланная, ходила въ треногѣ по тернамъ около лѣса, и только часовой казакъ былъ въ черкескѣ, ружье и шашкѣ. Урядникъ, высокій худощавый казакъ, съ чрезвычайно длинною спиной и маленькими ногами и руками, въ одномъ разстегнутомъ бешметѣ сидѣлъ на завалинѣ избы и, съ выраженіемъ начальнической лѣни и скучи, закрывъ глаза, переваливалъ голову съ руки на руку. Пожилой казакъ, съ широкою, сѣдоватою, черною бородой, въ одной подпоясанной чернымъ ремнемъ рубахѣ, лежалъ у самой воды и лѣниво смотрѣлъ на однообразный, бурлившій и заворачивающій Терекъ. Другіе, также измученные жаромъ, полураздѣтые, кто полоскалъ бѣлье въ Терекѣ, кто вязалъ уздечку, кто лежалъ на землѣ, мурлыкая пѣсню, на горячемъ пескѣ берега. Одинъ изъ казаковъ съ худымъ и черно-загорѣлымъ лицомъ, видимо мертвѣцки пьяный, лежалъ навзничъ у одной изъ стѣнъ избы, часа два тому назадъ бывшей въ тѣни, но на которую теперь прямо падали жгучіе косые лучи.

Лукашка, стоявшій на вышкѣ, былъ высокій красивый малый, лѣтъ двадцати, очень похожій на мать. Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что онъ недавно былъ собранъ въ строевые, по широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ и вообще людямъ, постоянно носящимъ оружіе, воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ

и знать себѣ цѣну не ниже настоящей. Широкая черкеска была кое-гдѣ порвана, шапка была заломлена назадъ по чеченски, ноговицы спущены ниже колѣнъ. Одежда его была небогата, но она сидѣла на немъ съ тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоитъ въ подражаніи чеченскимъ джигитамъ. На настоящемъ джигите все всегда широко, оборвано, небрежно; одно оружіе богато. Но надѣто, подпоясано и пригнано это оборванное платье и оружіе однимъ известнымъ образомъ, который дается не каждому, и который сразу бросается въ глаза казаку или горцу. Лукашка имѣлъ этотъ видъ джигита. Заложивъ руки за шашку и щуря глаза, онъ все вглядывался въ дальній аулъ. Порознь черты лица его были не хороши, но взглянувъ сразу на его статное сложеніе, чернобровое, умное лицо, всякий невольно сказалъ бы: „молодецъ малый!“

— Бабъ-то, бабъ-то въ аулѣ что высыпало! — сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, лѣниво раскрывая яркіе бѣлые зубы и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Назарка, лежавшій внизу, тотчасъ же торопливо поднялъ голову и замѣтилъ:

— За водой, должно, идутъ.

— Изъ ружья бы пугнуть, — сказалъ Лукашка, посмѣиваясь: — то-то бы переполошились!

— Не донесетъ.

— Вона! Мое черезъ перенесетъ. Вотъ дай срокъ, ихъ праздникъ будетъ, пойду къ Гирей-хану въ гости, бузу *) пить, — сказалъ Лукашка, сердито отмахиваясь отъ липнувшихъ къ нему комаровъ.

*) Татарское пиво изъ пшена.

Шорохъ въ чащѣ обратилъ внимание казаковъ. Пестрый лягавый ублюдокъ, отыскивая слѣдъ и усиленно махая облѣзлымъ хвостомъ, подбѣгалъ къ кордону. Лукашка узналъ собаку сосѣда-охотника, дяди Ерошки, и вслѣдъ за ней разглядѣлъ въ чащѣ подвигавшуюся фигуру самого охотника.

Дядя Ерошка былъ огромнаго роста казакъ, съ щѣдою какъ лунь широкою бородой, и такими широкими плечами и грудью, что въ лѣсу, гдѣ не съ кѣмъ было сравнить его, онъ казался не высокимъ, такъ соразмѣрны были всѣ его сильные члены. На немъ былъ оборванный подоткнутый зипунъ, на ногахъ обвязанныя веревочками по онучамъ олены поршни *), и растрепанная бѣлая шапочка. За спиной онъ несъ чрезъ одно плечо кобилку **) и мѣшокъ съ курочкой и кончикомъ, для приманки ястреба; чрезъ другое плечо онъ несъ на ремнѣ дикую убитую кошку; на спинѣ за поясомъ, заткнуты были мѣшочекъ съ пулями, порохомъ и хлѣбомъ, конскій хвостъ, чтобы отмахиваться отъ комаровъ, большой кинжалъ съ прорванными ножнами, испачканными старою кровью, и два убитые фазана. Взглянувъ на кордонъ, онъ остановился.

— Гей, Лямъ!—крикнулъ онъ на собаку такимъ заливиштымъ басомъ, что далеко въ лѣсу отозвалось эхо, и, перекинувъ на плечо огромное пистонное ружье, называемое у казаковъ флинтой, приподнялъ шапку.

— Здорово дневали, добрые люди! Гей!—обратился онъ къ казакамъ тѣмъ же сильнымъ и веселымъ голосомъ, безъ

*) Обувь изъ невыдѣланной кожи, надѣваемая только размоченная.

**) Орудіе для того, чтобы подкрадываться подъ фазановъ.

всякаго усиля, но такъ громко, какъ-будто кричалъ кому-нибудь на другую сторону рѣки.

— Здорово, дядя! Здорово!—весело отзывались съ разныхъ сторонъ молодые голоса казаковъ.

— Что видали? Сказывай,—прокричалъ дядя Ерошка, отирая рукавомъ черкески потъ съ краснаго широкаго лица.

— Слышь, дядя? Какой ястребъ во-тутъ на чинарѣ живеть! Какъ вечеръ, такъ и вьется,—сказалъ Назарка, подмигивая глазомъ и подергивая плечемъ и ногою.

— Ну, ты!—недовѣрчиво сказалъ старикъ.

— Право, дядя, ты *посиди* *), — подтвердилъ Назарка, посмѣшиваясь.

Казаки засмѣялись.

Шутникъ не видаль никакого ястреба; но у молодыхъ казаковъ на кордонѣ давно вошло въ обычай дразнить и обманывать дядю Ерошку всякий разъ, какъ онъ приходилъ къ нимъ.

— Э, дуракъ, только брехать!—проговорилъ Лукашка съ вышки на Назарку.

Назарка тотчасъ же замолкъ.

— Надо *посидѣть*. *Посижу*,—отозвался старикъ, къ великому удовольствію всѣхъ казаковъ.—А свиней видали?

— Легко ли! Свиней смотрѣть!—сказалъ урядникъ, очень доволыный слушаю развлечься, переваливаясь и обѣими руками почесывая свою длинную спину.—Тутъ абрековъ ловить, а не свиней надо. Ты ничего не слыхалъ, дядя, а?—прибавилъ онъ, безъ причины щурясь и открывая бѣлые сплошные зубы.

*¹) *Посидѣть*, значитъ караулить звѣря.

— Абрековъ-то?—проговорилъ стариkъ;—нѣ, не слыхалъ. А что, чихирь есть? Дай испить, добрый человѣкъ. Измаялся, право. Я тебѣ, вотъ дай срокъ, свѣжинки принесу, право принесу. Поднеси,—прибавилъ онъ.

— Ты что жъ посидѣть, что ли, хочешь?—спросилъ урядникъ, какъ будто не разслышавъ, что сказалъ тотъ.

— Хотѣлъ ночки посидѣть,—отвѣчалъ дядя Ерошка:—може къ празднику и дастъ Богъ, замордую что; тогда и тебѣ дамъ; право!

— Дядя? Ау! Дядя!—рѣзко крикнулъ сверху Лука, обращая на себя вниманіе, и всѣ казаки оглянулись на Лукашку.—Ты къ верхнему протоку сходи, тамъ табунъ важный ходитъ. Я не вру. Пра! Намеднись нашъ казакъ одного стрѣлилъ. Правду говорю,—прибавилъ онъ, поправляя за спиной винтовку и такимъ голосомъ, что видно было, что не смѣется.

— Э, Лукашка Уrvанъ здѣсь!—сказалъ стариkъ, взглядывая кверху.—Кое мѣсто стрѣлилъ?

— А ты и не видаль! Маленький видно,—сказалъ Лукашка.—У самой у канавы, дядя,—прибавилъ онъ серьезно, встряхивая головой.—Шли мы такъ-то по канавѣ, какъ онъ затрешить, а у меня ружье въ чехлѣ было. Иляска какъ лопнетъ... *). Да я тебѣ покажу, дядя, кое мѣсто; не дачече. Вотъ дай срокъ. Я, братъ, всѣ его дорожки знаю. Дядя Мосевъ!—прибавилъ онъ рѣшительно и почти повелительно уряднику:—пора смыть!—и, подобравъ ружье, не дожидалась приказанія, сталъ сходить съ вышки.

— Сходи!—сказалъ уже послѣ урядникъ, оглядываясь

*.) Лопнетъ—выстрѣлить на казачьемъ языкѣ

вокругъ себя.—Твои часы, что ли, Гурка? Иди! И то ловокъ стала Лукашка твой,—прибавилъ урядникъ, обращаясь къ старику.—Все какъ ты ходить, дома не посидить; на медни убилъ одного.

VII.

Солнце уже скрылось, и ночные тѣни быстро надвинулись со стороны лѣса. Казаки кончили свои занятія около кордона, и собирались къ ужину въ избу. Только старикъ, все еще ожидая ястреба и подергивая привязаннаго за ногу копчика, оставался подъ чинарой. Ястребъ сидѣлъ на деревѣ, но не спускался на курочку. Лукашка неторопливо улаживалъ въ самой чащѣ терновъ, на фазаньей тропкѣ, петли для ловли фазановъ и гѣль одну пѣсню за другою. Несмотря на высокій ростъ и большія руки, видно было, что всякая работа, крупная и мелкая, спорилась въ рукахъ Лукашки.

— Гей, Лука! — послышался ему, недалеко изъ чащи, пронзительный звучный голосъ Назарки.—Казаки ужинать пошли.

Назарка съ живымъ фазаномъ подъ мышкой, продираясь черезъ терны, вылѣзъ на тропинку.

— О!—сказалъ Лукашка замолкая:—гдѣ пѣтуха-то взялъ? Должно мой пружекъ *)...

Назарка былъ однихъ лѣтъ съ Лукашкой, и тоже съ весны только поступилъ въ строевые.

Онъ былъ малый некрасивый, худенький, мозглый, съ визгливымъ голосомъ, который такъ и звенѣлъ въ ушахъ.

*) Силки, которые ставятъ для ловли фазановъ

Они были сосѣди и товарищи съ Лукою. Лукашка сидѣль по-татарски на травѣ и улаживалъ петли.

— Не знаю чей, должно твой.

— За ямой что ль у чинары? Мой и есть, вчера поставилъ.

Лукашка всталъ и посмотрѣль пойманнаго фазана. Погладивъ рукой по темно-сизой головѣ, которую пѣтухъ испуганно вытягивалъ, закатывая глаза, онъ взялъ его въ руки.

- Нынче пилавъ сдѣлаемъ; ты поди зарѣжь да ощини.
- Что жъ, сами съѣдимъ или уряднику отдать?
- Будеть съ него.
- Боюсь я ихъ рѣзать,—сказалъ Назарка.
- Давай сюда.

Лукашка досталъ ножичекъ изъ-подъ кинжала и быстро дернулъ имъ. Пѣтухъ встрепенулся, но не успѣль расправить крылья, какъ уже окровавленная голова загнулась и забилась.

— Вотъ такъ-то дѣлай!—проговорилъ Лукашка, бросая пѣтуха.—Жирный пилавъ будетъ.

Назарка вздрогнулъ, глядя на пѣтуха.

— А слышь, Лука, опять наасъ въ *секретъ* пошлеть чортъ-то,—прибавилъ онъ, поднимая фазана и подъ чортомъ разумѣя урядника.—Ѳомушкина за чихиремъ услалъ, его чередъ былъ. Котору ночь ходимъ! Только на наасъ и выѣзжаетъ.

Лукашка, посвистывая, пошелъ по кордону.

— Захвати бичевку-то!—крикнулъ онъ.

Назарка повиновался.

— Я ему нынче скажу, право скажу,—продолжалъ На-

зарка.—Скажемъ: не пойдемъ, измучились, да и все тутъ. Скажи, право, онъ тебя послушаетъ. А то что это!

— Во нашелъ о чёмъ толковать!—сказалъ Лукашка, видимо думая о другомъ:—дряни-то! Добро бы изъ станицы на ночь выгонялъ, обидно бы было. Тамъ погуляешь, а тутъ что? Что на кордонѣ, что въ секретѣ, все одно. Экак ты!...

— А въ станицу придешь?

— На праздникъ пойду.

— Сказывалъ Гурка, что твоя Дунайка съ юномушкинымъ гуляетъ,—вдругъ сказалъ Назарка.

— А чортъ съ ней! — отвѣчалъ Лукашка, оскаливая сплошные белые зубы, но не смеясь.—Развѣ я другой не найду.

— Какъ сказывалъ Гурка-то: пришелъ, говорить, онъ къ ней, а мужа нѣтъ. Юномушкинъ сидѣть, пирогъ Ѣсть. Онъ посидѣлъ, да и пошелъ; подъ окномъ, слышитъ, она и говорить: „ушелъ чортъ-то; что, родной, пирожка не Ѣши? А спать, говорить, домой не ходи“. А онъ и говорить изъ-подъ окна: „славно“.

— Врешь!

— Право, ей-Богу.

Лукашка помолчалъ.—А другого пашла, чортъ съ ней: девокъ мало ли? Она міѣ и то постыла.

— Вотъ ты чортъ какой!—сказалъ Назарка.—Ты бы къ Марьянкѣ хорунжиной подъѣхалъ. Что она ни съ кѣмъ не гуляетъ?

Лукашка нахмурился.—Что Марьянка! Все одно,—сказалъ онъ.

— Да вотъ сунься-ка...

— А ты что думаешь? Да мало ли ихъ по станицѣ?

И Лукашка опять засвисталъ и пошелъ по кордону, обрывая листья съ сучьевъ. Проходя по кустамъ, онъ вдругъ остановился, замѣтивъ гладкое деревцо, вынулъ изъ-подъ кинжала ножикъ и вырѣзаль.—То-то шомполъ будетъ,—сказалъ онъ, свистя въ воздухъ прутомъ.

Казаки сидѣли за ужиномъ въ мазаныхъ сѣняхъ кордона, на земляномъ полу, вокругъ низкаго татарскаго столика, когда рѣчъ зашла о чередѣ въ *секретъ*.—Кому жъ нынче итти?—крикнулъ одинъ изъ казаковъ, обращаясь къ уряднику въ отворенную дверь хаты.

— Да кому итти?—отозвался урядникъ.—Дядя Бурлакъ ходилъ, Ёмушкинъ ходилъ,—сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно.—Идите вы, что ли? Ты да Назарь,—обратился онъ къ Лукѣ,—да Ергушовъ пойдетъ; авось проспался.

— Ты-то не просыпаешься, такъ ему какъ же!—сказалъ Назарка вполголоса.

Казаки засмѣялись.

Ергушовъ былъ тотъ самый казакъ, который пылнй спалъ у избы. Онъ только-что, протирая глаза, ввалился въ сѣни.

Лукашка въ это время, вставъ, справлялъ ружье.

— Да скорѣй идите; поужинайте и идите,—сказалъ урядникъ. И, не ожидая выраженія согласія, урядникъ затворилъ дверь, видимо мало надѣясь на послушаніе казаковъ.—Кабы не приказано было, я бы не посыпалъ, а то, гляди, сотникъ набѣжитъ. И то, говорятъ, восемь человѣкъ abreковъ переправилось.

— Что жъ, итти надо,—говорилъ Ергушовъ:—порядокъ! Нельзя, время такое. Я говорю, итти надо.

Лукашка между тѣмъ, держа обѣими руками передъ ртомъ большой кусокъ фазана и поглядывая то на урядника, то на Назарку, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что происходило, и смеялся надъ обоими. Казаки еще не успѣли убраться въ секретъ, когда дядя Ерошкѣ, до ночи напрасно просидѣвшій подъ чинарой, вошелъ въ темныя сѣни.

— Ну, ребята,—загудѣлъ въ низкихъ сѣняхъ его басъ, покрывавшій всѣ голоса,—вотъ и я съ вами пойду. Вы на чеченцевъ, а я на свиней сидѣть буду.

vIII.

Было уже совсѣмъ темно, когда дядя Ерошкѣ и трое казаковъ съ кордона, въ буркахъ и съ ружьями за плечами, прошли вдоль по Тереку на мѣсто, назначенное для секрета. Назарка вовсе не хотѣлъ итти, но Лука крикнулъ на него, и они живо собрались. Пройдя молча нѣсколько шаговъ, казаки свернули съ канавы и по чуть замѣтной тропинкѣ въ камышахъ подошли къ Тереку. У берега лежало толстое черное бревно, выкинутое водой, и камышъ вокругъ бревна были свѣже примятъ.

— Здѣсь что ль сидѣть? сказалъ Назарка.

— А то чего жъ?—сказалъ Лукашка:—садись здѣсь, а я живо приду, только дядѣ укажу.

— Самое тутъ хорошес мѣсто: насть не видать, а намъ видно,—сказалъ Ергушовъ:—тутъ и сидѣть; самое первое мѣсто.

Назарка съ Ергушовымъ, разостлавъ бурки, расположились за бревномъ, а Лукашка пошелъ дальше съ дядей Ерошкой.

— Вотъ тутъ не далече, дядя,—сказалъ Лукашка, неслышно ступая впередъ старика:—я укажу, гдѣ прошли. Я, братъ, одинъ знаю.

— Укажь: ты молотецъ Урванъ,—также шепотомъ отвѣчалъ старикъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Лукашка остановился, наклонился надъ лужицей и свистнулъ.—Вотъ гдѣ пить прошли, видишь, что ль? — чуть слышно сказалъ онъ, указывая на свѣжий слѣдъ.

— Спаси тебя Христосъ,—отвѣчалъ старикъ:—*карга* за канавой въ *котлубани**) будетъ,—прибавилъ онъ.—Я посижу, а ты ступай.

Лукашка вскинулъ выше бурку и одинъ пошелъ назадъ по берегу, быстро поглядывая то налѣво на стѣну камышей, то на Терекъ, бурлившій подлѣ подъ берегомъ. „Вѣдь тоже караулить или ползетъ гдѣ-нибудь“, подумаль онъ про чеченца. Вдругъ сильный шорохъ и плесканье въ водѣ заставили его вздрогнуть и схватиться за винтовку. Изъ-подъ берега, отдуваясь, выскочилъ кабанъ, и черная фигура, отдѣлившись на мгновеніе отъ глянцовитой поверхности воды, скрылась въ камышахъ. Лука быстро выхватилъ ружье, приложился, но не успѣлъ выстрѣлить: кабанъ уже скрылся въ чащѣ. Плюнувъ съ досады, онъ пошелъ дальше. Подходя къ мѣсту секрета, онъ снова пріостановился и слегка свистнулъ. Свистокъ откликнулся, и онъ подошелъ къ товарищамъ.

Назарка, свернувшись, уже спалъ. Ергушовъ сидѣлъ,

*) „Котлубанью“ называется яма, иногда просто лужа, въ которой мажется кабанъ, натирая себѣ „калганъ“, толстую хрящевую шкуру.

поджавъ подъ себя ноги, и немного посторонился, чтобы дать мѣсто Лукашкѣ.

— Какъ сидѣть весело, право мѣсто хорошее,—сказалъ онъ.—Проводилъ?

— Указалъ, — отвѣчалъ Лукашка, разстилая бурку. — А сейчасъ какого здороваго кабана у самой воды стронулъ. Должно тотъ самый! Ты небось слышалъ, какъ затрещалъ?

— Слышалъ, какъ затрещалъ звѣрь, я сейчасъ узналь, что звѣрь. Такъ и думаю: Лукашка звѣря спугнулъ,—сказалъ Ергушовъ, завертываясь въ бурку.—Я теперь засну,—прибавилъ онъ: — ты разбуди послѣ пѣтуховъ; потому, порядокъ надо. Я засну, поспимъ; а тамъ ты заснешь, я посплю; такъ-то.

— Я и спать, спасибо, не хочу,—отвѣтилъ Лукашка.

Ночь была темная, теплая и безвѣтреная. Только съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и большая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливааясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣздного неба. Только впереди казаку виднѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ, его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Снизу, колеблющіяся махалки казались пушистыми вѣтвями деревъ на свѣтломъ краю неба. У самыхъ ногъ спереди былъ берегъ, подъ которымъ бурлилъ потокъ. Дальше глянцовитая движущаяся масса коричневой воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше, — и вода, и берегъ, и туча, все сливалось въ непроницаемый мракъ. По поверхности воды тянулись черныя тѣни, кото-

рыя привычный глазъ казака признавалъ за проносимыя сверху каряги. Только изрѣдка зарница, отражаясь въ водѣ, какъ въ черномъ зеркалѣ, обозначала черту противоположнаго отлогаго берега. Равномѣрные ночные звуки, шуршанье камышинъ, храпѣніе казаковъ, жужжанье комаровъ и теченіе воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то бульканьемъ отвалившагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому заросшему лѣсу. Разъ сова пролетѣла вдоль по Тереку, задѣвая ровно черезъ два взмаха крыломъ о крыло. Надъ самою головой казаковъ она повертила къ лѣсу и, подлетая къ дереву, не черезъ разъ, а ужъ съ каждымъ взмахомъ задѣвала крыломъ о крыло, и потомъ долго копошилась, усаживаясь на старой чинарѣ. При всякомъ такомъ неожиданномъ звуку, слухъ неспавшаго казака усиленно напрягался, глаза щурились, и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Чериая туча, протянувшись на западъ, изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ открыла чистое звѣздное небо, и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтился надъ горами. Стало прохватывать холодомъ. Назарка проснулся, поговорилъ и опять заснуль. Лукашка соскучился, всталъ, досталъ ножикъ изъ-подъ кинжала и началъ строгать палочку на шомполъ. Въ головѣ его бродили мысли о томъ, какъ тамъ въ горахъ живутъ чеченцы, какъ ходятъ молодцы на эту сторону, какъ не боятся они казаковъ и какъ могутъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. И онъ высовывался и глядѣлъ вдоль рѣки, но ничего не было видно. Изрѣдка поглядывая на рѣку и дальний берегъ, слабо отдалявшися отъ воды при робкомъ свѣтѣ мѣсяца, онъ уже пересталъ думать о чеченцахъ и

только ждалъ времени будить товарищѣй и итти въ станицу. Въ станицѣ ему представлялась Дунька, его *душеница*, какъ называютъ казаки любовницъ, и онъ съ досадой думалъ о ней. Признаки утра: серебристый туманъ забѣгълъ надъ водой, и молодые орлы недалеко отъ него пронзительно засвистали и захлопали крыльями. Наконецъ, вскрикъ первого пѣтуха донесся далеко изъ станицы, вслѣдъ затѣмъ другой протяжный пѣтушиній крикъ, на который отзвалась другіе голоса.

„Пора будить“, подумалъ Лукашка, кончивъ шомполъ и почувствовавъ, что глаза его отяжелѣли. Обернувшись къ товарищамъ, онъ разглядѣлъ, кому какія принадлежали ноги; но вдругъ ему показалось, что плеснуло что-то на той сторонѣ Терека, и онъ еще разъ оглянулся на свѣтлѣющій горизонтъ горъ подъ перевернутымъ серпомъ, на черту того берега, на Терекъ и на отчетливо виднѣвшіяся теперь плывущія по немъ карчи. Ему показалось, что онъ движется, а Терекъ съ карчами неподвиженъ; но это продолжалось только мгновеніе. Онъ опять сталъ вглядываться. Одна большая черная карча съ сукомъ особенно обратила его вниманіе. Какъ-то странно, не перекачиваясь и не крутясь, плыла эта карча по самой серединѣ. Ему даже показалось, что она плыла не по течению, а перебивала Терекъ на отмель. Лукашка, вытянувъ шею, началъ пристально слѣдить за ней. Карча подплыла къ мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показалась рука изъ-подъ карчи. „Вотъ какъ абрека одинъ убью!“ подумалъ онъ, схватился за ружье, неторопливо, но быстро разставилъ подсочки, положилъ на нихъ ружье, неслышно, придержавъ, взвелъ курокъ и, притайивъ дыханіе, сталъ цѣлиться, все

всматриваясь. „Будить не стану“, думалъ онъ. Однако, сердце застучало у него въ груди такъ сильно, что онъ остановился и прислушался. Карча вдругъ болтынула и снова поплыла, перебивая воду къ нашему берегу. „Не пропустить бы!“ подумалъ онъ, и вотъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, ему мельнула татарская голова впереди карчи. Онъ навелъ ружьемъ прямо на голову. Она ему показалась совсѣмъ близко, на концѣ ствола. Онъ глянулъ черезъ. „Онъ и есть, абрекъ“, подумалъ онъ радостно, и вдругъ, порывисто вскочивъ на колѣна, снова повелъ ружьемъ, высмотрѣлъ цѣль, которая чуть виднѣлась на концѣ длинной винтовки, и, по казачьей, съ дѣствомъ усвоенной привычкѣ, проговоривъ: „Отцу и Сыну“, пожаль шишечку спуска. Блеснувшая молнія на мгновеніе освѣтила камыши и воду. Рѣзкий, отрывистый звукъ выстрѣла разнесся по рѣкѣ, и гдѣ-то далеко перешель въ грохотъ. Карча уже поплыла не попerekъ рѣки, а внизъ по течению, крутясь и колыхаясь.

— Держи, я говорю! — закричалъ Ергушовъ, ощупывая винтовку и приподнимаясь изъ-за чурбана.

— Молчи, чортъ! — стиснувъ зубы, прошепталъ на него Лука:—абреки!

— Кого стрѣлилъ? — спрашивалъ Назарка: — кого стрѣлилъ, Лукашка?

Лукашка ничего не отвѣчалъ. Онъ заряжалъ ружье и слѣдилъ за упывающейся карчей. Неподалеку остановилась она на отмели, и изъ-за нея показалось что-то большое, покачиваясь на водѣ.

— Чего стрѣлилъ? Что не сказываешь? — повторили казаки.

— Абреки! сказываютъ тебѣ, — повторилъ Лука.

— Будеть брехать-то! Али такъ выпалило ружье-то?...

— Абрека убилъ! Вотъ что стрѣлилъ! — проговорилъ сорвавшимся отъ волненія голосомъ Лукашка, вскакивая на ноги. — Человѣкъ плылъ... — сказалъ онъ, указывая на отмель. — Я его убилъ. Глянь-ка сюда.

— Будетъ вратъ-то, — повторилъ Ергушовъ, протирая глаза.

— Чего будетъ? Вотъ гляди! Гляди сюда, — сказалъ Лукашка, схватывая его за плечи и пригибая къ себѣ съ такою силой, что Ергушовъ охнулъ.

Ергушовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указывалъ Лука, и, разсмотрѣвъ тѣло, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Эна! Я тебѣ говорю, другое будутъ, вѣрно тебѣ говорю, — сказалъ онъ тихо, и сталъ осматривать ружье. — Это передовой плылъ; либо ужъ здѣсь, либо недалече на той сторонѣ; я тебѣ вѣрно говорю.

Лукашка распоясался и сталъ скидывать черкеску.

— Куда ты, дуракъ? — крикнулъ Ергушовъ: — сунься только, ни за что пропадешь, я тебѣ вѣрно говорю. Кбли убиль, не уйдетъ. Дай на труску порошку подсыпать. У тебя есть? Назаръ! ты ступай живо на кордонъ, да не по берегу ходи; убьютъ, вѣрно говорю.

— Такъ я одинъ и пошелъ! Ступай самъ, — сказалъ сердито Назарка.

Лукашка, снявъ черкеску, подошелъ къ берегу.

— Не лазай, говорять, — проговорилъ Ергушовъ, подсыпая порохъ на полку ружья. — Вишь не шелохнется, ужъ я вижу. До утра недалече, дай съ кордона приѣгутъ. Ступай, Назаръ; эка робѣешь! Не робѣй, я говорю.

— Лука, а Лука, — говорилъ Назарка: — да ты скажи, какъ убилъ.

Лука раздумалъ тотчасъ же лѣтъ въ воду.

— Ступайте на кордонъ живо, а я посижу. Да казакамъ велите въ разъездъ послать. Коли на этой сторонѣ... ловить надо.

— Я говорю, уйдутъ,—сказалъ Ергушовъ, поднимаясь,—ловить надо, вѣрно.

И Ергушовъ съ Назаркой встали и, перекрестившись, пошли къ кордону, но не берегомъ, а ломаясь черезъ терны и пролѣзая на лѣсную дорожку.

— Ну, смотри, Лука, не шелохнись,—проговорилъ Ергушовъ,—а то тоже здѣсь срѣжутъ тебя. Ты смотри не зѣвай, я говорю.

— Иди, знаю,—проговорилъ Лука, и осмотрѣвъ ружье, сѣлъ опять за чурбанъ.

Лукашка сидѣлъ одинъ, смотрѣлъ на отмель и прислушивался, не слыхать ли казаковъ; но до кордона было далеко, а его мучило нетерпѣніе; онъ такъ и думалъ, что вотъ уйдутъ тѣ абреки, которые шли съ убитымъ. Какъ на кабана, который ушелъ вечеромъ, досадно ему было на абрековъ, которые уйдутъ теперь. Онъ поглядывалъ то вокругъ себя, то на тотъ берегъ, ожидая вотъ-вотъ увидать еще человѣка, и, приладивъ подсопки, готовъ былъ стрѣлять. О томъ, чтобы его убили, ему и въ голову не приходило

IX.

Уже начинало свѣтать. Все чеченское тѣло, остановившееся и чуть колыхавшееся на отмели, было теперь ясно видно. Вдругъ невдалекъ отъ казака затрешалъ камышъ, послышались шаги и зашевелились махалки камыша. Казакъ вззвѣлъ

на второй взводъ и проговорилъ: „Отцу и Сыну“. Всльдъ за щелканьемъ курка шаги затихли.

— Гей, казаки! Дядю нѣ убей,— послышался спокойный басъ и, раздвигая камыши, дядя Ерошка вплоть подошелъ къ нему.

— Чуть-чуть не убилъ тебя, ей-Богу!— сказалъ Лукашка.

— Что стрѣлилъ?— спросилъ старики.

Звучный голосъ старика, раздавшійся въ лѣсу и внизъ по рѣкѣ, вдругъ уничтожилъ ночную тишину и таинственность, окружавшую казака. Какъ-будто вдругъ свѣтлый и виднѣй стало.

— Ты вотъ ничего не видаль, дядя, а я убилъ звѣря,— сказалъ Лукашка спуская курокъ и вставая неестественно спокойно.

Старики, уже не спуская съ глазъ, смотрѣлъ на ясно теперь бѣлѣвшуюся спину, около которой рябиль Терекъ.

— Съ карчей на спинѣ плылъ. Я его и высмотрѣлъ... Глянь-ко сюда! Во! Въ порткахъ синихъ, ружье никакъ... Видишь, что ль?— говорилъ Лука.

— Чего не видать!— съ сердцемъ сказалъ старики, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика.— Джигита убилъ,— сказалъ онъ какъ-будто съ сожалѣніемъ.

— Сидѣлъ такъ-то я, гляжу, что чернѣеть съ той стороны? Я еще тамъ его высмотрѣлъ, точно человѣкъ подошелъ и упалъ. Что за диво! А карча, здоровая карча плыветъ, да не вдоль плыветъ, а поперекъ перебиваетъ. Глядь, изъ-подъ нея голова показывается. Что за чудо? Повель я, изъ камыша-то мнѣ и не видио; привсталъ, а онъ услыхалъ вѣрно, бестія, да на отмель и выползъ, оглядывается. Врешь, думаю, не уйдешь. Только выползъ, оглядывается. (Охъ,

глотку завалило чѣмъ-то!) Я ружье изготоилъ, не шелохнусь, выжидаю. Постоялъ, постоялъ, опять и поплылъ, да какъ наплылъ на мѣсяцъ, то такъ ажъ спина видна. „Отцу и Сыну и Святому Духу“. Глядь изъ-за дыма, а онъ и ба-рахтается. Застоналъ, али почудилось мнѣ. Ну, слава Тебѣ, Господи, думаю, убиль! А какъ на отмель вынесло, все на-ружу стало, хочетъ встать, да и нѣть силы-то. Побился, побился и легъ. Чисто, все видать. Вишь не шелохнется, должно издохъ. Казаки на кордонъ побѣжали, какъ бы дру-гіе не ушли!

— Такъ и поймалъ!—сказалъ старики.—Далече, братъ, теперь...—И онъ опять печально покачалъ головою. Въ это время пѣши и конные казаки съ громкимъ говоромъ и трескомъ сучьевъ послышались по берегу.

— Ведутъ каюкъ, что ли?—крикнулъ Лука.

— Молодецъ, Лука! тащи на берегъ,—кричалъ одинъ изъ казаковъ.

Лукашка, не дожидалась каюка, сталъ раздѣваться, не спуская глазъ съ добычи.

— Погоди, каюкъ Назарка ведетъ,—кричалъ урядникъ

— Дуракъ! Живой, можетъ! Притворился! Кинжалъ возьми,—прокричалъ другой казакъ.

— Толкуй!—крикнулъ Лука, скидывая портки. Онъ живо раздѣлся, перекрестился и, подпрыгнувъ, со всплескомъ вскочилъ въ воду, обмокнулъ и, вразмашку кидая бѣ-лыми руками и высоко поднимая спину изъ воды и отдувая поперекъ теченія, сталъ перебивать Терекъ къ отмелѣ. Толпа казаковъ звонко, въ нѣсколько голосовъ, говорила на берегу. Троє конныхъ побѣхали въ объездъ. Каюкъ пока-зался изъ-за поворота. Лукашка поднялся на отмели, на-

гнулся надъ тѣломъ, ворохнулъ его раза два. „Какъ есть мертвый!“—прокричалъ оттуда рѣзкій голосъ Луки.

Чеченецъ былъ убитъ въ голову. На немъ были синія портки, рубаха, черкеска, ружье и кинжалъ, привязанные на спину. Сверхъ всего былъ привязанъ большой сукъ, который и обманулъ сначала Луашку.

— Вотъ такъ сазанъ попался!—сказалъ одинъ изъ сбравшихся кружкомъ казаковъ, въ то время какъ вытащенное изъ каюка чеченское тѣло, приминая траву, легло на берегъ.

— Да и желтый же какой!—сказалъ другой.

— Гдѣ искать поѣхали наши? Они небось всѣ на той сторонѣ. Кабы не передовой былъ, такъ пе такъ бы плыть. Одному зачѣмъ плыть?—сказалъ третій.

— То-то ловкій должно, впередъ всѣхъ выискался. Самый видно джигитъ!—насмѣшливо сказалъ Луашка, выжимая мокрое платье у берега и безпрестанно взрагивая.—Борода крашеная, подстрижена.

— И зипунъ въ мѣшечкѣ на спину приладилъ. Оно и плыть ему легче отъ него,—сказалъ кто-то.

— Слышишь, Луашка!—сказалъ урядникъ, державшій въ рукахъ кинжалъ и ружье снятые съ убитаго.—Ты кинжалъ себѣ возьми и зипунъ возьми, а за ружье, приди, я тебѣ три монеты дамъ. Виши оно и съ свищомъ, прибавилъ онъ, пуская духъ въ дуло:—такъ мнѣ на память лестно.

Луашка ничего не отвѣтилъ: ему видимо досадно было это попрошайничество; но онъ зналъ, что этого не миновать.

— Виши, чортъ какой!—сказалъ онъ хмурясь и бросая на землю чеченскій зипунъ:—хочь бы зипунъ хорошій былъ, а то байгушъ.

— Годится за дровами ходить,—сказалъ другой казакъ.

— Мосевъ!— я домой схожу, сказалъ Лукашка, видимо ужъ забывъ свою досаду и желая употребить въ пользу подарокъ начальнику.

— Иди, что жъ!

— Оттащи его за кордонъ, ребята,—обратился урядникъ къ казакамъ, все осматривая ружье.— Да шалашникъ отъ солнца надъ нимъ сдѣлать надо. Можетъ изъ горъ выкупать будутъ.

— Еще не жарко,—сказалъ кто-то.

— А чакалка изорвешь? Это развѣ хорошо? — замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Караулъ поставимъ, а то выкупать придуть: не хорошо, коли порвешь.

— Ну, Лукашка, какъ хочешь; ведро ребятамъ поставишь,—прибавилъ урядникъ весело.

— Ужъ какъ водится,—подхватили казаки.— Вишь счастье Богъ далъ, ничего не видамши, abreka убилъ.

— Покупай кинжалъ и зипунъ. Давай денегъ больше. И портки продамъ. Богъ съ тобой,—говорилъ Лука.— Минъ не нальзутъ: поджарый, чортъ, былъ.

Одинъ казакъ купилъ зипунъ за монеты. За кинжалъ далъ другой два ведра.

— Пей ребята, ведро ставлю,—сказалъ Лука,— самъ изъ станицы привезу.

— А портки дѣвкамъ на платки изрѣжь, — сказалъ Назарка.

Казаки загрохотали.

— Будеть вамъ смѣяться,—повторилъ урядникъ:— оттащи тѣло-то. Что пакость такую у избы положили..

— Что стали? Тащи его сюда, ребята! — повелительно крикнул Лукашка казакамъ, которые неохотно брались за тѣло, и казаки исполнили его приказаніе, точно онъ былъ начальникъ. Протащивъ тѣло нѣсколько шаговъ, казаки опустили ноги, которыхъ, безжизненно вздрогнувъ, опустились, и раступившись, постояли молча нѣсколько времени. Назарка подошелъ къ тѣлу и поправилъ подвернувшуюся голову, такъ чтобы видѣть кровавую круглую рану надъ вискомъ и лицо убитаго. „Вишь замѣтку какую сдѣлалъ! въ самые мозги! — проговорилъ онъ: — не пропадетъ, хозяева узнаютъ“. Никто ничего не отвѣтилъ, и снова тихій ангель пролетѣлъ надъ казаками.

Солнце уже поднялось и раздробленными лучами освѣщало росистую зелень. Терекъ бурлилъ неподалеку въ проснувшемся лѣсу; встрѣчая утро, со всѣхъ сторонъ, перекликались фазаны. Казаки молча и неподвижно стояли вокругъ убитаго и смотрѣли на него. Коричневое тѣло, въ однѣхъ потемнѣвшихъ, мокрыхъ синихъ порткахъ, стянутыхъ пояскомъ на впаломъ животѣ, было стройно и красиво. Мускулистыя руки лежали прямо, вдоль реберъ. Синеватая, свѣже выбритая круглая голова, съ запекшемся раной съ боку, была откинута. Гладкій, загорѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ бритаго мѣста. Стеклянно-открытые глаза, съ низко остановившимися зрачками, смотрѣли вверхъ, казалось, мимо всего. На тонкихъ губахъ, растянутыхъ въ краяхъ и выставлявшихъ изъ-за красныхъ подстриженныхъ усовъ, казалось, остановилась добродушная тонкая усмѣшка. На маленькихъ кистяхъ рукъ, поросшихъ рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены краснымъ. Лукашка все еще не одѣвался. Онъ былъ мокръ, шея его была крас-

иѣе, и глаза его блестѣли больше обыкновенного; широкія скулы вздрагивали; отъ бѣлаго здороваго тѣла шель чуть замѣтный паръ на утреннемъ свѣжемъ воздухѣ.

— Тоже человѣкъ былъ! — проговорилъ онъ, видимо любуясь мертвѣцомъ.

— Да, попался бы ему, спуска бы не даль, — отозвался одинъ изъ казаковъ.

Тихій ангелъ отлетѣлъ. Казаки зашевелились, заговорили. Двое пошли рубить кусты для шалаша. Другіе побрели къ кордону. Лука съ Назаркой побѣжали собираться въ станицу.

Спустя полчаса, черезъ густой лѣсъ, отдѣлявшій Терекъ отъ станицы, Лукашка съ Назаркой почти бѣгомъ шли домой, не переставая разговаривать.

— Ты сей не сказывай, смотри, что я прислалъ; а поди посмотри, мужъ дома, что ли? — говорилъ Лука рѣзкимъ голосомъ.

— А я къ Ямкѣ зайду. Погуляемъ, что ли? — спрашивалъ покорный Назарь.

— Ужъ когда же гулять-то, что не нынѣ, — отвѣчалъ Лука.

Придя въ станицу, казаки выпили и завалились спать до вечера.

X.

На третій день послѣ описанного события, двѣ роты кавказскаго пѣхотнаго полка пришли стоять въ Новомлинскую станицу. Отпряженный ротный обозъ уже стоялъ на площади. Кашевары, вырывъ яму и притащивъ съ разныхъ дворовъ плохо лежавшія чурки, уже варили кашу. Фельдфебеля раз-

считывали людей. Фурштаты забивали колъя для коновязи. Квартиры, какъ домашніе люди, сновали по улицамъ и переулкамъ, указывая квартиры офицерамъ и солдатамъ. Тутъ были зеленые ящики, выстроенные во фронтъ. Тутъ были артельныя повозки и лошади. Тутъ были котлы, въ которыхъ варила каша. Тутъ былъ и капитанъ, и поручикъ, и Онисимъ Михайловичъ фельдфебель. И находилось все это въ той самой станицѣ, гдѣ, слышно было, приказано стоять ротамъ; следовательно, роты были дома. Зачѣмъ стоять тутъ? Кто такие это казаки? Нравится ли имъ, что будутъ стоять у нихъ? Раскольники они или нѣтъ? До этого нѣтъ дѣла. Распущенные отъ разсчета, изнуренные и запыленные солдаты, шумно и беспорядочно, какъ усаживающійся рой, разсыпаются по площадямъ и улицамъ; решительно не замѣчая нерасположенія казаковъ, по двое, по трое, съ веселымъ говоромъ и позывая ружьями, входятъ въ хаты, развѣшиваютъ амуницію, разбираютъ мѣшечки и пощучиваютъ съ бабами. Къ любимому солдатскому мѣсту, къ кашѣ, собирается большая группа, и съ трубочками въ зубахъ, солдатики, поглядывая то на дымъ, незамѣтно подымающейся въ жаркое небо и сгущающейся въ вышинѣ, какъ бѣлое облако, то на огонь костра, какъ расплавленное стекло дрожащій въ чистомъ воздухѣ, острятъ и потѣшаются надъ казаками и казачками за то, что они живутъ совсѣмъ не такъ, какъ русскіе. Но всѣмъ дворамъ видныются солдаты и слышень ихъ хохотъ, слышны ожесточенные и пронзительные крики казачекъ, защищающихъ свои дома, не дающихъ воды и посуды. Мальчишки и дѣвчонки, прижимаясь къ матерямъ и другъ къ другу, съ испуганнымъ удивленіемъ слѣдятъ за всѣми движеніями невиданныхъ еще ими армейскихъ

и на почтительномъ разстояніи бѣгаютъ за ними. Старые казаки выходятъ изъ хатъ, садятся на завалинкахъ и мрачно и молчаливо смотрятъ на хлопотню солдатъ, какъ-будто махнувъ рукой на все и не понимая, что изъ этого можетъ выдти.

Оленину, который уже три мѣсяца какъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ кавказскій полкъ, была отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ станицѣ, у хорунжаго Ильи Васильевича, то-есть у бабуки Улиты.

— Что это будетъ такое, Дмитрій Андреевичъ?—говорилъ запыхавшійся Ванюша Оленину, который верхомъ, въ черкескѣ, на купленномъ въ Грозной кабардинцѣ, весело, послѣ пяти часового перехода, вѣзжалъ на дворъ отведенной квартиры.

— А что, Иванъ Васильевичъ?—спросилъ онъ, поддабривая лошадь и весело глядя на вспотѣвшаго, со спутанными волосами и разстроеннымъ лицомъ, Ванюшу, который пріѣхалъ съ обозомъ и разбиралъ вещи.

Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вмѣсто бритыхъ скулъ, у него были молодые усы и бородка. Вмѣсто истасканнаго ночною жизнью желтоватаго лица,—на щекахъ, на лбу, за ушами, былъ красный, здоровый загаръ. Вмѣсто чистаго, новаго чернаго фрака, была бѣлая, грязная, съ широкими складками, черкеска и оружіе. Вмѣсто свѣжихъ крахмальныхъ воротничковъ, красный воротъ ка-наусоваго бешмета, который стягивалъ загорѣлую шею. Онъ былъ одѣтъ по-черкески, но плохо; всякий узнавъ бы въ немъ русскаго, а не джигита. Все было такъ, да не такъ. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ.

— Вамъ вотъ смѣшно,—сказалъ Ванюша:—а вы подите-ка сами, поговорите съ этимъ народомъ, не даютъ тебѣ хода; да и шабашъ. Слова, такъ и того не добѣшься.—Ванюша сердито бросилъ къ порогу желѣзное ведро. — Не русскіе какіе-то.

— Да ты бы станичнаго начальника спросилъ?

— Да вѣдь я ихъ мѣстоположенія не знаю, — обиженно отвѣчалъ Ванюша.

— Кто жъ тебя такъ обижаетъ?—спросилъ Оленинъ, оглядываясь кругомъ.

— Чортъ ихъ знаетъ! Тыфу! Хозяина настоящаго нѣту, на какую-то *кригу* *), говорить, пошелъ. А старуха такая дьяволъ, что упаси Господи,—отвѣчалъ Ванюша, хватаясь за голову.—Какъ тутъ жить будетъ, я ужъ не знаю. Хуже татаръ, ей-Богу. Даромъ что тоже христіане считаются. На что татаринъ, и тотъ благороднѣй. „На кригу пошелъ!“ Какую кригу выдумали, неизвѣстно!—заключилъ Ванюша и отвернулся.

— Что? не такъ какъ у насъ на двориѣ?—сказалъ Оленинъ, подтрунивая и не слѣзая съ лошади.

— Лошадь-то пожалуйте,—сказалъ Ванюша, видимо озадаченный новымъ для него порядкомъ, но покоряясь своей судьбѣ.

— Такъ татаринъ благороднѣе? А, Ванюша?—повторилъ Оленинъ, слѣзая съ лошади и хлопая по сѣдлу.

— Да, вотъ вы смѣйтесь тутъ! Вамъ смѣшно!—проговорилъ Ванюша сердитымъ голосомъ.

*) „Кригой“ называется мѣсто у берега, огороженное плетнемъ для ловли рыбы.

— Постой, не сердись, Иванъ Васильичъ,—отвѣчалъ Оленинъ, продолжая улыбаться.—Дай вотъ я пойду къ хозяевамъ, посмотри, все уляжу. Еще какъ заживемъ славно! Ты не волнуйся только.

Ванюша не отвѣчалъ, а только, прищутивъ глаза, презрительно посмотрѣль вслѣдъ барину и покачалъ головой. Ванюша смотрѣль на Оленина только какъ на барина. Оленинъ смотрѣль на Ванюшу только какъ на слугу. И они оба очень удивились бы, ежели бы кто-нибудь сказалъ имъ, что они друзья. А они были друзья, сами того не зная. Ванюша былъ взять въ домъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда и Оленину было столько же. Когда Оленину было пятнадцать лѣтъ, онъ одно время занимался обученiemъ Ванюши и выучилъ его читать по-французски, чѣмъ Ванюша премного гордился. И теперь Ванюша, въ минуты хорошаго расположения духа, отпускалъ французскія слова, и при этомъ всегда глупо смѣялся.

Оленинъ вѣжаль на крыльцо хаты и толкнулъ дверь въ сѣни. Марьянка въ одной розовой рубахѣ, какъ обыкновенно дома ходятъ казачки, испуганно отскочила отъ двери и, прижавшись къ стѣнѣ, закрыла нижнюю часть лица широкимъ рукавомъ татарской рубахи. Отворивъ дальше дверь, Оленинъ увидаль въ полусвѣтѣ всю высокую и стройную фигуру молодой казачки. Съ быстрымъ и жаднымъ любопытствомъ молодости, онъ невольно замѣтилъ сильныя и дѣвственныя формы, обозначавшіяся подъ тонкою ситцевою рубахой, и прекрасные черные глаза, съ дѣтскимъ ужасомъ и дикамъ любопытствомъ устремленные на него. „Вотъ она!“ подумалъ Оленинъ. „Да еще много такихъ будетъ,“ вслѣдъ затѣмъ пришло ему въ голову, и онъ отворилъ другую дверь

въ хату. Старая бабука Улитка, также въ одной рубахѣ, согнувшись, задомъ къ нему, выметала поль.

— Здравствуй, матушка! Вотъ я о квартирѣ пришелъ...— началь онъ.

Казачка, не разгинаясь, обернула къ нему строгое, но еще красивое лицо.

— Что пришелъ? Насмѣяться хочешь? А? Я-те насмѣюсь! Черная на тебя немочь! — закричала она, искоса гляди на пришедшаго изъ-подъ насупленныхъ бровей.

Оленинъ сначала думалъ, что изнуренное храброе казакское воинство, котораго онъ былъ членомъ, будетъ привято вездѣ, особенно казаками, товарищами по войнѣ, съ радостью, и потому такой приемъ озадачилъ его. Не смущаясь однако, онъ хотѣлъ объяснить, что онъ намѣренъ платить за квартиру, но старуха не дала договорить ему.

— Чего пришелъ? Каку надо болячку? Скобленое твоє рыло! Вотъ дай срокъ, хозяинъ придетъ, онъ тебѣ покажеть мѣсто. Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ. Легко ли, не видали! Табачищемъ домъ загадить, да деньгами платить хочетъ. Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животы сердце!..—пронзительно кричала она, перебивая Оленина.

„Видно Ванюша правъ!“ подумалъ Оленинъ:— „Татаринъ благородище“, и, провожаемый бранью бабуки Улитки, вышелъ изъ хаты. Въ то время какъ онъ выходилъ, Марьяна, какъ была въ одной розовой рубахѣ, но уже до самыхъ глазъ повязанная бѣлымъ платкомъ, неожиданно шмыгнула мимо него изъ сѣней. Быстро постукивая по сходцамъ босыми ногами, она сбѣжалась съ крыльца, пріостановилась, порывисто оглянулась смиющимися глазами на молодого человѣка и скрылась за угломъ хаты.

Твердая, молодая походка, дикий взглядъ блестящихъ глазъ изъ-подъ бѣлого платка и стройность сильного сложенія красавицы еще сильнѣе поразили теперь Оленина. „Должно быть она“, подумалъ онъ. И еще менѣе думая о квартирѣ и все оглядываясь на Марьянку, онъ подошелъ къ Ванюшѣ.

— Випь и дѣвка такая же дикая! — сказалъ Ванюша, еще возившійся у повозки, но нѣсколько развеселившися: — ровно кобылка табунная. *Лафамъ*, — прибавилъ онъ громкимъ и торжественнымъ голосомъ и захочоталъ.

XI.

Въ вечеру хозяинъ вернулся съ рыбной ловли и, узнавъ, что ему будутъ платить за квартиру, усмирилъ свою бабу и удовлетворилъ требованіямъ Ванюши.

На новой квартирѣ все устроилось. Хозяева перешли въ теплую, а юнкера, за три монеты въ мѣсяцъ, отдали холодную хату. Оленинъ поѣхъ и заснулъ. Проснувшись передъ вечеромъ, онъ умылся, обчистился, пообѣдалъ и, закуривъ папироску, сѣлъ у окна, выходившаго на улицу. Жаръ свалилъ. Косая тѣнь хаты, съ вырѣзнымъ князькомъ, стлалась черезъ пыльную улицу, загибаясь даже на низу другого дома. Камышевая крутая крыша противоположнаго дома блестѣла въ лучахъ спускающагося солнца. Воздухъ свѣжѣлъ. Въ станицѣ было тихо. Солдаты размѣстились и попртихли. Стадо еще не пригоняли, и народъ еще не возвращался съ работъ.

Квартира Оленина была почти на краю станицы. Изрѣдка, гдѣ-то далеко за Терекомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, изъ ко-

торыхъ пришелъ Оленинъ, раздавались глухіе выстрѣлы,— въ Чечнѣ или на Кумыцкой плоскости. Оленину было очень хорошо послѣ трехмѣсячной бивачной жизни. На умѣтомъ лицѣ онъ чувствовалъ свѣжесть, на сильномъ тѣлѣ—непривычную послѣ похода чистоту, во всѣхъ отдохнувшихъ членахъ—спокойствіе и силу. Въ душѣ у него тоже было свѣжо и ясно. Онъ вспоминалъ походъ, минувшую опасность. Вспоминалъ, что въ опасности онъ вѣль себя хорошо, что онъ не хуже другихъ и принялъ въ товарищество храбрыхъ кавказцевъ. Московскія воспоминанія ужъ были Богъ знаетъ гдѣ. Старая жизнь была стерта, и началась новая, совсѣмъ новая жизнь, въ которой еще не было ошибокъ. Онъ могъ видѣть, какъ новый человѣкъ между новыми людьми, заслужить новое, хорошее о себѣ мнѣніе. Онъ испытывалъ молодое чувство безпричинной радости жизни и, посматривая то въ окно на мальчишекъ, гонявшихъ кубари въ тѣни около дома, то въ свою позорную прибранную квартирку, думалъ о томъ, какъ онъ пріятно устроится въ этой новой для него станичной жизни. Посматривалъ онъ еще на горы и небо, и ко всѣмъ его воспоминаніямъ и мечтамъ примѣшивалось строгое чувство величавой природы. Жизнь его началась не такъ, какъ онъ ожидалъ, уѣзжая изъ Москвы, но неожиданно хорошо. Горы, горы, горы чуялись во всемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ.

— Сучку поцѣловалъ! кувшинъ облизалъ! дядя Ерошка сучку поцѣловалъ!—закричали вдругъ казачата, гонявши кубари подъ окномъ, обращаясь къ проулку. — Сучку поцѣловалъ! Кинжалъ пропилъ!—кричали мальчишки, тѣснясь и отступая.

Крики эти обращались къ дядѣ Ерошки, который съ

ружьемъ за плечами и фазанами за поясомъ возвращался съ охоты.

— Мой грѣхъ, ребята! мой грѣхъ! — приговаривалъ онъ, бойко размахивая руками и поглядывая въ окна хатъ по обѣ стороны улицы. — Сучку пропилъ, мой грѣхъ! — повторилъ онъ, видимо сердясь, но притворяясь, что ему все равно.

Оленина удивило обращеніе мальчишкѣ съ старымъ охотникомъ, а еще болѣе поразило выразительное, умное лицо и сила сложенія человѣка, котораго называли дядей Ерошкой.

— Дѣдушка! казакъ! — обратился онъ къ нему. — Подойди-ка сюда.

Старикъ взглянулъ въ окно и остановился.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, — сказалъ онъ, приподнимая надъ коротко-обстриженною головой свою шапочку.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, — отвѣчалъ Оленинъ. — Что это тебѣ мальчишки кричатъ?

Дядя Ерошка подошелъ къ окну. — А дразнить меня, старика. Это ничего. Я люблю. Пускай радуются надъ дядей, — сказалъ онъ съ тѣми твердыми пѣвучими интонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди. — Ты начальникъ армейскихъ, что ли?

— Нѣтъ, я юнкеръ. А гдѣ это фазановъ убилъ? — спросилъ Оленинъ.

— Въ лѣсу три курочки замордовалъ, — отвѣчалъ старики, поворачивая къ окну свою широкую спину, на которой заткнутыя головками за поясомъ, плотная кровью черкеску, висѣли три фазанки. — Али ты не видывалъ? — спросилъ онъ. — Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На! — И онъ подалъ въ окно двухъ фазановъ. — А что, ты охотникъ? — спросилъ онъ.

— Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

— Четырехъ? Много! — насмѣшливо сказалъ стариkъ. — А пьяница ты? Чихирь пьешь?

— Отчего жъ? и выпить люблю.

— Э, да ты я вижу молодецъ! Мы съ тобой кунаки будемъ, — сказалъ дядя Ерошка.

— Заходи, — сказалъ Оленинъ. — Вотъ и чихирю выпьемъ.

— И то зайти, — сказалъ стариkъ. — Фазановъ-то возьми.

По лицу старика видно было, что юнкеръ понравился ему, и онъ сейчасъ понялъ, что у юнкера можно даромъ выпить, и потому можно подарить ему пару фазановъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ хаты показалась фигура дяди Ерошки. Тутъ только Оленинъ замѣтилъ всю громадность и силу сложенія этого человѣка, несмотря на то, что красно-коричневое лицо его, съ совершенно бѣлою окладистою бородой, было все изрыто старческими, могучими, трудовыми морщинами. Мыщцы ногъ, рукъ и плечъ были такъ полны и бочковаты, какъ бывають только у молодого человѣка. На головѣ его, изъ-подъ короткихъ волосъ, видны были глубокіе, зажившіе шрамы. Жилистая, толстая шея была какъ у быка покрыта клѣтчатыми складками. Корявыя руки были сбиты и исцарапаны. Онъ легко и ловко перешагнулъ черезъ порогъ, освободился отъ ружья, поставилъ его въ уголъ, быстрымъ взглядомъ окинувъ и оцѣнивъ сложенные въ хатѣ пожитки, и вывернутыми ногами въ поршияхъ, не тошая, вышелъ на середину комнаты. Съ нимъ вмѣстѣ проникъ въ комнату сильный, но не непріятный смѣшанный запахъ чихирю, водки, пороху и запекшейся крови.

Дядя Ерошка поклонился образамъ, расправилъ бороду, и подойдя къ Оленину, подалъ ему свою черную толстую руку.

— Кошильды! — сказалъ онъ. — Это по-татарски значитъ здравіе желаемъ, миръ вамъ, по-ихнему.

— Кошильды! Я знаю,—отвѣтилъ Оленинъ, подавая ему руку.

— Э, не знаешь, не знаешь порядковъ! Дуракъ! — сказалъ дядя Ерошка, укоризненно качая головой. — Коли тебѣ кошильды говорятъ, ты скажи: *алла рази бо сунъ*, спаси Богъ. Такъ-то, отецъ мой, а не кошильды. Я тебя всему научу. Такъ-то былъ у насъ Илья Мосеичъ вашъ русскій, такъ мы съ нимъ кунаки были. Молодецъ былъ. Пьяница, воръ, охотникъ, ужъ какой охотникъ! Я его всему научилъ.

— Чему же ты меня научишь? — спросилъ Оленинъ все болѣе и болѣе заинтересовываясь старикомъ.

— На охоту тебя поведу, рыбу ловить научу, чеченцевъ покажу, душенъку хочешь, и ту доставлю. Вотъ я какой человѣкъ!.. Я путникъ! — И старикъ засмѣялся. — Я сяду, отецъ мой, я усталъ. Карга? — прибавилъ онъ вопросительно.

— А карга что значитъ? — спросилъ Оленинъ.

— А это значитъ: *хорошо* по-грузински. А я такъ говорю; поговорка моя, слово любимое: карга; карга, такъ и говорю, значитъ *шутю*. Да что, отецъ мой, чихирю-то вели поднести. Солдатъ драбантъ есть у тебя? Есть? Иванъ! — закричалъ старикъ. — Вѣдь у васъ что ни солдатъ, то Иванъ. Твой Иванъ, что ли?

— И то Иванъ. Ванюша! Возьми пожалуйста у хозяевъ чихиря и принеси сюда.

— Все одно, что Ванюша, что Иванъ. Отчего у васъ, у солдатъ, все Иваны? Иванъ! — повторилъ старикъ. — Ты спроси, батюшка, изъ начатой бочки. У нихъ первый чихирь въ станицѣ. Да больше тридцати копеекъ за осмыуху, смо-

три, не давай, а то она, вѣдьма, рада... Нашъ народъ ана-
ѳемскій, глупый народъ,—продолжалъ дядя Ерошка, довѣр-
чивымъ тономъ, когда Ванюша вышелъ:—оны вѣсть не за
людей считаютъ. Ты для нихъ хуже татарина. Мирскіе, моль,
русскіе. А по-моему, хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ,
тоже душу въ себѣ имѣшь. Такъ ли я сужу? Илья Мо-
сеичъ солдатъ **былъ**, а какой золото человѣкъ **былъ!** Такъ
ли, отецъ мой? За то-то меня наши и не любятъ; а мы все
равно. Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я Ерошка,
такъ-то, отецъ мой!

И старикъ ласково потрепалъ по плечу молодого человѣка.

XII.

Ванюша, между тѣмъ, успѣвшій уладить свое хозяйство и
даже обрившійся у ротнаго цирюльника и выпустившій пан-
талоны изъ сапогъ, въ знакъ того, что рота стоитъ на
просторныхъ квартирахъ, находился въ самомъ хорошемъ
расположеніи духа. Онъ внимательно, но недоброжелатель-
но посмотрѣлъ на Ерошку, какъ на дикаго невиданнаго
звѣря, покачалъ головой на запачканный имъ полъ, и взявъ
изъ-подъ лавки **двѣ** пустыхъ бутылки, отправился къ хо-
зяевамъ.

— Здравствуйте, любезненькая,—сказалъ онъ рѣшившись
быть особенно кроткимъ.—Баринъ велѣлъ чихирю купить;
налейте, добряшки.

Старуха ничего не отвѣтила. Дѣвка, стоя предъ малень-
кимъ татарскимъ заркальцемъ, убирала платкомъ голову;
она молча оглянулась на Ванюшу.

— Я деньги заплачу, почтенныея,—сказалъ Ванюша, по-

тряхивая въ карманъ мѣдными.—Вы будьте добрыя и мы добрые будемъ, такъ-то лучше,—прибавилъ онъ.

— Много ли?—отрывисто спросила старуха.

— Осьмушку.

— Поди, родная, нацѣди имъ, — сказала бабука Улита, обращаясь къ дочери.—Изъ начатой налѣй, желанная.

Дѣвка взяла ключи и графинъ, и вмѣстѣ съ Ванюшой вышла изъ хаты.

— Скажи пожалуйста: кто это такая женщина?—спросилъ Оленинъ, указывая на Марьянку, которая въ это время проходила мимо окна.

Старикъ подмигнулъ и толкнулъ локтемъ молодого че-ловѣка.

— Постой,—проговорилъ онъ, и высунулся въ окно.—Кхмъ! Кхмъ!—закашлялъ и замычалъ онъ.—Марьянушка! А, нянюка Марьянка. Полюби меня, душенька. Я шутникъ,—прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину.

Дѣвка не оборачивая головы, ровно и сильно размахивая руками, шла мимо окна тою особеною щеголеватою, моло-децкою походкою, которую ходятъ казачки. Она только медленно повела на старика своими черными, отѣненными глазами.

— Полюби меня, будешь счастливая!—закричалъ Ерошка, и, подмигивая, вопросительно взглянула на юнкера.—Я молодецъ, я шутникъ,—прибавилъ онъ.—Королева дѣвка? А!

— Красавица,—сказалъ Оленинъ.—Позови ее сюда.

— Ни, ни! — проговорилъ старикъ. — Эту сватаютъ за Лукашку. Лука — казакъ молодецъ, джигитъ, намеднишь abreka убилъ. Я тебѣ лучше найду. Такую добуду, что вся въ шелку, да въ серебрѣ ходить будетъ. Ужъ сказалъ, — сдѣлаю; красавицу достану.

— Стариkъ, а что говоришь! — сказалъ Оленинъ. — Вѣдь это грѣхъ.

— Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? — рѣшительно отвѣчалъ стариkъ. — На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ, батюшка, сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она сдѣлана, чтобы ее любить, да на нее радоваться. Такъ-то я сужу, добрый человѣкъ.

Пройдя черезъ дворъ и войдя въ темную, прохладную клѣть, заставленную бочками, Марьяна съ привычною молитвою подошла къ бочекъ и опустила въ нее ливерь. Ванюша, стоя въ дверяхъ, улыбался, глядя на нее. Ему ужасно смѣшино казалось, что на ней одна рубаха, обтянута сзади и поддернута спереди, и еще смѣшнѣе то, что на шеѣ видѣли полтинники. Онъ подумалъ, что это не по-русски, и что у нихъ, въ дворнѣ, то то смѣху было-бы, кабы такую дѣвку увидали. „Ла филъ комъ сестре бѣе для разнообразія, — думалъ онъ, — скажу теперь барину“.

— Что зазастиль-то, чортъ! — вдругъ крикнула дѣвка. — Подаль бы графинъ-то.

Надѣдивъ полный графинъ холоднымъ краснымъ виномъ Марьяна подала его Ванюшѣ.

— Мамукѣ деньги отдай, — сказала она, отталкивая руку Ванюши съ деньгами.

Ванюша усмѣхнулся.

— Отчего вы такие сердитыя, миленькия, — сказалъ онъ, добродушно переминаясь въ то время, какъ дѣвка закрывала бочку.

Она засмеялась.

— А вы разве добрые?

— Мы съ господиномъ очень добрые,—убѣдительно отвечалъ Ванюша.—Мы такие добрые, что ~~где~~ ни жили, вездѣ намъ хозяева наши благодарны оставались. Потому благородный человѣкъ.

Дѣвка пріостановилась, слушая.

— А что онъ женатый, твой панъ-то?—спросила она.

— Нѣтъ! Нашъ баринъ молодой и не женатый. Потому господа благородные никогда молоды жениться не могутъ,—поучительно возразилъ Ванюша.

— Легко ли! Какой буйволъ разъѣлся, а жениться молодъ! Онъ у васъ у всѣхъ начальникъ?—спросила она.

— Господинъ мой юнкеръ, значить, еще не офицеръ. А вваніе-то имѣеть себѣ больше генерала—большого лица. Поэтому что не только нашъ полковникъ, а самъ царь его знаетъ,—гордо объяснилъ Ванюша.—Мы не такие, какъ другая армейская голь, а нашъ папенька самъ сенаторъ; тысячу, больше, душъ мужиковъ себѣ имѣть и намъ по тысячу присылаютъ. Потому насть всегда и любятъ. А то пожалуй и капитанъ, да денегъ нѣтъ. Что проку-то?...

— Иди, запру, — прервала дѣвка.

Ванюша принесъ вино и объявилъ Оленину, что *ла филь се тре жули*, и тотчасъ же съ глупымъ хохотомъ ушелъ.

XIII.

Между тѣмъ на площади пробили зорю. Народъ возвратился съ работъ. Въ воротахъ замычало стадо, толпясь въ пыльномъ золотистомъ облакѣ. И дѣвки, и бабы засуети-

лись по улицамъ и дворамъ, убирая скотину. Солнце скрылось совсѣмъ за далекимъ снѣжнымъ хребтомъ. Одна голубоватая тѣнь разостлалась по землѣ и небу. Надъ потемневшими садами чуть замѣтно зажглись звѣзды, и звуки по немногу затихали въ станицѣ. Убрали скотину, казачки выходили на углы улицъ и, пощелкивая сѣмя, усаживались на завалинкахъ. Къ одному изъ такихъ кружковъ, подоивъ двухъ коровъ и буйволицу, присоединилась и Марьянка.

Кружокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ бабъ и дѣвокъ съ однимъ старымъ казакомъ.

Рѣчъ шла объ убитомъ абрекѣ. Казакъ разсказывалъ, бабы разспрашивали.

— А награда, я чай, большая ему будетъ? — говорила казачка.

— А то какъ же? Бають, кресть вышлотъ.

— Мосевъ и то хотѣль его обидѣть. Ружье отняль, да начальство въ Кизлярѣ узнало.

— То-то подлая душа, Мосевъ-то.

— Сказывали, пришелъ Лукашка-то, — сказала одна дѣвка.

— У Ямки (Ямка была холостая распутная казачка, державшая шинокъ) съ Назаркой гуляютъ. Сказываютъ полведра выпили.

— Эко Урвану счастіе! — сказалъ кто-то. — Прямо, что Урванъ. Да что! малый хороши. Куда ловокъ! Справедливый малый. Такой же отецъ быль, батяка Кирьякъ; въ отца весь. Какъ его убили, вся станица по немъ выла. — Вонъ они идутъ никакъ, — продолжала говорившая, указывая на казаковъ, подвигавшихся къ нимъ по улицѣ. — Ергушовъ-то поспѣлъ съ ними! Вишь пьяница.

Лукашка съ Назаркой и Ергушовымъ, выпивъ полведра,

шли къ дѣвкамъ. Они вѣдь троє, въ особенности старый казакъ, были краснѣе обыкновенного. Ергушовъ пошатывался и все, громко смѣясь, толкалъ подъ бока Назарку.

— Что, скурехи, пѣсень не играете? — крикнулъ онъ на дѣвокъ. — Я говорю, играйте на наше гулянье.

— Здорово дневали? Здорово дневали? — послышались привѣтствія.

— Что играть? развѣ праздникъ? — сказала баба. — Ты надулся и играй.

Ергушовъ захочоталъ и толкнулъ Назарку: — играй ты, что-ль! И я заиграю, я ловокъ, я говорю.

— Что, красавицы, заснули? — сказалъ Назарка. — Мы съ кордона помолить *) пришли. Вотъ Лукашку помолили.

Лукашка, подойдя къ кружку, медленно приподнялъ паху и остановился противъ дѣвокъ. Широкія скунсы и шея были у него красны. Онъ стоялъ и говорилъ тихо, степенно; но въ этой медленности и степенности движенія было больше оживленности и силы, чѣмъ въ болтовнѣ и суетѣ Назарки. Онъ напоминалъ разыгравшагося жеребца, который, взвивъ хвостъ и фыркнувъ, остановился какъ вкопанный всѣми ногами. Лукашка тихо стоялъ передъ дѣвками; глаза его смѣялись; онъ говорилъ мало, поглядывая то на пьяныхъ товарищѣ, то на дѣвокъ. Когда Марьяна подошла къ углу, онъ ровнымъ, неторопливымъ движеніемъ приподнялъ паху, посторонился и снова сталъ противъ нея, слегка отставивъ ногу, заложивъ большіе пальцы за поясъ и поигрывая кинжаломъ. Марьяна, въ отвѣтъ на его поклонъ,

*) „Помолить“ на казачьемъ языкѣ значить за виномъ поздравить кого-нибудь или пожелать счастья; вообще употребляется въ смыслѣ выпить.

медленно нагнула голову, усълась на завалинѣ и достала изъ-за пазухи сѣмя. Лукашка, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Марьяну и, щелкая сѣмя, поплевывалъ. Всѣ затихли, когда подошла Марьяна.

— Что же? надолго пришли?—спросила казачка, прерывая молчанье.

— До утра,—степенно отвѣчалъ Лукашка.

— Да что жъ, дай Богъ тебѣ интересъ хорошій,—сказалъ казакъ:—я радъ, сейчасъ говориль.

— И я говорю,—подхватилъ пьяный Ергушовъ смѣясь.—Гостей-то что!—прибавилъ онъ, указывая на проходившаго солдата.—Водка хороша солдатская, люблю!

— Трехъ дьяволовъ къ намъ пригнали,—сказала одна изъ казачекъ. — Ужъ дѣдука въ станичное ходиль: да ничего, баютъ, сдѣлать нельзя.

— Ага! Аль горе узнала?—сказалъ Ергушовъ.

— Табачищемъ закурили небось?—спросила другая казачка. — Да кури на дворѣ, сколько хошь, а въ хату не пустимъ. Хошь станичный приходи, не *пустю*. Обокрадутъ еще. Вишь онъ небось, чортовъ сынъ, къ себѣ не поставилъ, станичный-то.

— Не любишь!—опять сказалъ Ергушовъ.

— А то баютъ еще, дѣвкамъ постелю стлать вельно для солдатовъ и чихиремъ съ медомъ поить,—сказалъ Назарка, отставляя ногу какъ Лукашка и такъ же какъ онъ сбивая на затылокъ папаху.

Ергушовъ разразился хохотомъ и, ухвативъ, обнялъ дѣвку, которая ближе сидѣла къ нему:—вѣрно, говорю.

— Ну, смола!—запицала дѣвка:—бабѣ скажу.

— Говори!—закричалъ опъ.—И вирямъ Назарка правду

бантъ; пыдула была, вѣдь онъ грамотный. Вѣрно.—И онъ принялъ обнимать другую дѣвку по порядку.

— Что присталъ, сволочь? — смѣясь, запищала румяная круглоголицая Устенька, замахиваясь на него.

Казакъ посторонился и чуть не упалъ.

— Вишь, говорять, у дѣвокъ силы нѣту: убила-было совсѣмъ.

— Ну, смола, чортъ тебя принесъ съ кордону, — проговорила Устенька и, отвернувшись отъ него, снова фыркнула со смѣху. — Проспалъ-было abreка-то? Вотъ онъ бы тебя срѣзалъ, и лучше бѣ было.

— Завыла бы небось! — засмѣялся Назарка.

— Такъ тебѣ и завою!

— Вишь ей и горя нѣть. Завыла бы? Назарка, а? — говорилъ Ергушовъ.

Лукашка все время молча глядѣлъ на Марьянку. Взглядъ его видимо смущалъ дѣвку.

— А что, Марьянка, слышь, начальника у васъ поставили? — сказалъ онъ, подвигаясь къ ней.

Марьянка, какъ всегда, не сразу отвѣчала и медленно подняла глаза на казаковъ. Лукашка смѣялся глазами, какъ будто что-то особенное, независимое отъ разговора, происходило въ это время между нимъ и дѣвкой.

— Да, имъ хорошо, какъ двѣ хаты есть, — вмѣшалась за Марьяну старуха: — а вотъ къ Фомушкинымъ тоже ихняго начальника отвели, такъ баютъ, весь уголъ добромъ загородилъ, а съ своею семьей дѣваться некуда. Слыхано ли дѣло, цѣлую орду въ станицу пригнали! Что будешь дѣлать! — сказала она. — И каку черну немочь они тутъ работать будуть!

— Сказываютъ, мостъ на Тереку строить будуть, — сказала одна дѣвка.

— А мнѣ сказывали, — промолвилъ Назарка, подходя къ Устенкѣ, — яму рыть будуть, дѣвокъ сажать за то, что ребята молодыхъ не любятъ. — И опять онъ сдѣлалъ любимое колѣнцо, вслѣдъ за которымъ всѣ захотели, а Ергуновъ тотчасъ же сталъ обнимать старую казачку, пропустивъ Марьянку, слѣдовавшую по порядку.

— Что жъ Марьянку не обнимаешь? Всѣхъ бы по порядку, — сказалъ Назарка.

— Нѣ, моя старая слаще, — кричалъ казакъ, цѣлую отбивавшуюся старуху.

— Задушить, — кричала она смѣясь.

Мѣрный топотъ шаговъ на концѣ улицы прервалъ хохотъ. Три солдата въ шинеляхъ, съ ружьями на плечо,шли въ ногу на смѣну къ ротному ящику. Ефрейторъ, старый кавалеръ, сердито глянувъ на казаковъ, провелъ солдатъ такъ, что Лукашка съ Назаркой, стоявшіе на самой дорогѣ, должны были посторониться. Назарка отступилъ, но Лукашка, только прищурившись, оборотилъ голову и широкую спину и не тронулся съ мѣста.

— Люди стоять, обойди, — проговорилъ онъ, только искоса и презрительно кивнувъ на солдатъ.

Солдаты молча прошли мимо, мѣрно отбивая шагъ по пыльной дорогѣ.

Марьяна засмѣялась, и за ней всѣ дѣвки.

— Эки нарядные ребята! — сказалъ Назарка. — Ровно уставщики длиннополые, — и онъ промаршировалъ по дорогѣ, перебразнивая ихъ.

Всѣ опять разразились хохотомъ.

Лукашка медленно подошел къ Марьинѣ.

— А начальникъ у васъ гдѣ стоять? — спросилъ онъ.

Марьяна подумала.

— Въ новую хату пустили, — сказала она.

— Что онъ старый или молодой? — спросилъ Лукашка, подсаживаясь къ дѣвкѣ.

— А я развѣ спрашивала, — отвѣчала дѣвка. — За чихи-ремъ ему ходила, видѣла съ дядей Ерошкой въ окнѣ сидеть, рыжій какой-то. А добра цѣлую арбу полну привезли.

И она опустила глаза.

— Ужъ какъ я радъ, что пришлось съ кордона выпроситься! — сказалъ Лукашка, ближе подвигаясь на завалинкѣ къ дѣвкѣ и все глядя ей въ глаза.

— Что жъ надолго пришелъ? — спросила Марьяна, слегка улыбаясь.

— До утра. Дай сѣмечекъ, — прибавилъ онъ, протягивая руку.

Марьяна совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи. — Всѣ не бери, — сказала она.

— Право все о тебѣ скучился, ей-Богу, — сказалъ сдержанно спокойнымъ шепотомъ Лука, доставая сѣмечки изъ-за пазухи дѣвки и, еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шепотомъ говорить что-то, смѣясь глазами.

— Не приду, сказано, — вдругъ громко сказала Марьяна, отклоняясь отъ него...

— Право... Что я тебѣ сказать хотѣлъ, — прошепталъ Лукашка: — ей-Богу! Приходи, Машенька.

Марьянка отрицательно покачала головой, но улыбалась.

— Нянюка Марьянка! А, нянюка! Мамука ужинать зо-

вѣтъ,—прокричалъ, подбѣгая къ казачкамъ, маленькой братъ Марьяны.

— Сейчасъ приду,—отвѣчала дѣвка:—ты иди, батюшка, иди одинъ: сейчасъ приду.

Лукашка всталъ и приподнялъ папаху.

— Видно и мнѣ домой пойти, дѣло-то лучше будетъ,—сказалъ онъ, притворяясь небрежнымъ, но едва сдерживая улыбку, и скрылся за угломъ дома.

Между тѣмъ ночь уже совсѣмъ опустилась надъ станицею. Яркія звѣзды высипали на темномъ небѣ. По улицамъ было темно и пусто. Назарка остался съ казачками на завалинкѣ, и слышался ихъ хохотъ, а Лукашка, отойдя тихимъ шагомъ отъ дѣвокъ, какъ кошка пригнулся и вдругъ неслышно побѣжалъ, придерживая мотавшійся кинжалъ, не домой, а по направлению къ дому хорунжаго. Пробѣжавъ двѣ улицы и завернувъ въ переулокъ, онъ подобралъ черкеску и сѣлъ на земль въ тѣни забора. „Ишь хорунжиха!—думалъ онъ про Марьяну:—и не пошутить, чортъ! Дай срокъ“.

Шаги приближившейся женщины развлекли его. Онъ сталь прислушиваться и засмѣялся самъ съ собою. Марьяна, опустивъ голову, шла скорыми и ровными шагами прямо на него, постукивая хворостинкой по кольямъ забора. Лукашка приподнялся. Марьянка вздрогнула и пріостановилась.

— Вишь, чортъ проклятый! Напугалъ меня. Не пошелъ же домой,—сказала она и громко засмѣялась.

Лукашка обнялъ одною рукой дѣвку, а другою взялъ ее за лицо.—Что я тебѣ сказать хотѣлъ... ей-Богу!...—голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Каки разговоры нашелъ по ночамъ,—отвѣчала Марьяна.—Мамука ждетъ, а ты къ своей душенькѣ поди.

И, освободившись отъ его руки, она отбѣжала нѣсколько шаговъ. Дойдя до плетня своего двора, она остановилась и оборотилась къ казаку, который бѣжалъ съ ней рядомъ, продолжая уговаривать ее подождать на часокъ.

— Ну, что сказать хотѣлъ, полуночникъ?—И она опять засмѣялась.

— Ты не смѣйся надо мной, Марьяна! Ей-Богу! Что жъ, что у меня душенька есть? А чортъ ее возьми! Только слово скажи, ужъ такъ любить буду—что хошь, то и сдѣлаю. Вонъ они! (И онъ погремѣлъ деньгами въ карманѣ). Теперь заживемъ. Люди радуются, а я что? Не вижу отъ тебя радости никакой, Марьянушка!

Дѣвка ничего не отвѣчала, стояла передъ нимъ и быстрыми движеніями пальцевъ на мелкіе куски ломала хворостинку.

Лукашка вдругъ стиснула кулаки и зубы.

— Да и что все ждать да ждать! Я ли тебя не люблю, матушка! Что хочешь надо мной дѣлай, — вдругъ сказалъ онъ, злобно хмурясь и схватилъ ее за обѣ руки.

Марьяна не измѣнила спокойнаго выраженія лица и голоса.

— Ты не куражься, Лукашка, а слушай ты мои слова,— отвѣчала она, не вырывая рукъ, но отдаляя отъ себя казака.—Извѣстно, я дѣвка, а ты меня слушай. Воля не моя, а коли ты меня любишь, а я тебѣ вотъ что скажу. Ты руки-то пусти, я сама скажу. Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься,—сказала Марьяна, не отворачивая лица.

— Что замужъ пойдешь? Замужъ — не наша власть. Ты сама полюби, Марьянушка,—говорилъ Лукашка, вдругъ изъ

мрачнаго и ръяного сдѣлавшись опять кроткимъ, покорнымъ и нѣжнѣмъ, улыбаясь и близко глядя въ ея глаза.

Марьяна прижалась къ нему и крѣпко поцѣловала его въ губы.

— Братецъ! — прошептала она, порывисто прижимая его къ себѣ. Потомъ вдругъ вырвавшись, побѣжала и, не обирачиваясь, повернула въ ворота своего дома.

Несмотря на просьбы казака подождать еще минутку, послушать, что онъ ей скажетъ, Марьяна не останавливалась.

— Иди! Увидяты! — проговорила она. — Вонъ и то, кажись, постоялецъ нашъ, чортъ, по двору ходить.

„Хорунжиха! — думалъ себѣ Лукашка: — замужъ пойдетъ! Замужъ само собой, а ты полюби меня“.

Онъ засталъ Назарку у Ямки и, съ нимъ вмѣстѣ погулявъ, пошелъ къ Дуняшкѣ и, несмотря на ея невѣроность, ночевалъ у нея.

XIV.

Дѣйствительно, Оленинъ ходилъ по двору въ то время, какъ Марьяна прошла въ ворота, и слышалъ, какъ она сказала: „постоялецъ-то, чортъ, ходить“. Весь этотъ вечеръ провелъ онъ съ дядей Ерошкой на крыльцѣ своей новой квартиры. Онъ велѣлъ вынести столъ, самоваръ, вино, зажженую свѣчу, и за стаканомъ чая и сигарой слушалъ разсказы старика, усѣвшагося у его ногъ на приступочкѣ. Несмотря на то, что воздухъ былъ тихъ, свѣча плыла и огонь метался въ разныя стороны, освѣщая то столбикъ крылечка, то столъ и посуду, то бѣлую стриженую голову старика. Ночныя бабочки вились и, сыпля пыль съ крыльшечкъ, би-

лись по столу и въ стаканахъ, то влетали въ огонь свѣчи, то исчезали въ *черномъ* воздухѣ, внѣ освѣщенаго круга. Оленинъ вышилъ съ Ерошкой вдвоемъ пять бутылокъ чихиря. Ерошка всякий разъ, наливая стаканы, подносилъ одинъ Оленину, здороваясь съ нимъ, и говорилъ безъ устали. Онъ рассказывалъ про старое житѣе казаковъ, про своего батюшку *широкаго*, который одинъ на спинѣ приносилъ кабанью тушу въ десять пудовъ и выпивалъ въ одинъ присѣсть два ведра чихирю. Разсказалъ про свое времячко и своего *няни* *) Гирчика, съ которымъ онъ изъ-за Терека во времѧ чумы бурки переиравлялъ. Разсказалъ про охоту, на которой онъ въ одно утро двухъ оленей убилъ, рассказалъ про свою *душенъку*, которая за нимъ по ночамъ на кордонѣ бѣгала. И все это такъ краснорѣчиво и живописно рассказывалось, что Оленинъ не замѣчалъ, какъ проходило времѧ.

— Такъ-то, отецъ ты мой,—говорилъ онъ,—не зналь ты меня въ мое золотое времячко, я бы тебѣ все показалъ. Нынче Ерошка кувшинъ облизалъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У кого первый конь, у кого шашка гурда **), къ кому выпить пойти, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить? Все Ерошка. Кого дѣвки ложбить? Все Ерошка отвѣчалъ. Потому что я настоящій джигитъ былъ. Нынница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣту. Глядѣть скверно. Отъ земли вотъ (Ерошка указалъ на аршинъ отъ земли); сапоги дурацкіе надѣнеть, все

*) „Няней“ называется въ прямомъ смыслѣ всегда старшая сестра, а въ переносномъ „няней“ называется другъ.

**) Шашки и кинжалы, дороже всего цѣнныя на Кавказѣ, называются по мастеру—Гурда.

на нихъ смотритъ, только и радости. Или пьянъ надуется; да и напьется не какъ человѣкъ, а такъ что-то. А я кто былъ? Я былъ Ерошка-воръ; меня, мало по станицамъ, въ горахъ-то знали. Кунаки-князья прѣзжали. Я бывало со всѣми кунакъ. Татаринъ—татаринъ; армянка—армянка; солдатъ—солдатъ; офицеръ—офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ мѣра сообщенія: съ солдатомъ не пей, съ татариномъ не ѿсь.

— Кто это говоритъ?—спросилъ Оленинъ.

— А уставщики наши. А муллу или кадія татарского послушай. Онъ говоритъ: „вы невѣрные гляуры, зачѣмъ свишю ёдите?“ Значить, всякий свой законъ держитъ. А по-моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Опъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живеть. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальчь,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что фальшь?—спросилъ Оленинъ.

— Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленой, войсковой старшина — кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ, какъ и я, такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говоритъ, трава вырастетъ на могилкѣ, вотъ и все (старикъ засмѣялся). Отчаянныи^и былъ.

— А сколько тебѣ лѣть?—спросилъ Оленинъ.

— А Богъ е знасть! Годовъ семьдесятъ есть. Какъ у васъ царица была, я ужъ не махонькій былъ. Вотъ ты и считай, много ли будетъ. Годовъ семьдесятъ будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Что жъ, благодарю Бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба вѣдьма испортила...

— Какъ?

— Да такъ испортила...

— Такъ какъ умреши, трава выростетъ? — повторилъ Оленинъ.

Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немножко.

— А ты какъ думалъ? Пей! — закричалъ онъ, улыбаясь и поднося вино.

XV.

— Такъ о чёмъ биши я говорилъ? — продолжалъ онъ, припоминая. — Такъ вотъ я какой человѣкъ! Я охотникъ. Противъ меня другого охотника по полку нѣту. Я тебѣ всякаго звѣря, всякую птицу найду и укажу; и что и гдѣ — все знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сѣти, и кобылка, и ястребъ, все есть, благодаря Бога. Коли ты настоящій охотникъ, не хвастаешь, я тебѣ все покажу. Я какой человѣкъ! Слѣдь найду, — ужъ я его знаю, звѣря; и знаю, гдѣ ему лечь и куда пить или валиться придется. Лопазикъ *) сдѣлаю, и сижу ночь, караулю, что дома-то сидѣть! Только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары, мальчишки кричатъ; угоришь еще. То ли лѣло на зорькѣ выйдешь, мѣстечко выберешь, камышъ прижмешь, сядешь и сидишь, добрый молодецъ, дожидаешься. Все-то ты знаешь, что въ лѣсу дѣлается. На небо взгля-

*) „Лопазикъ“ называется мѣсто для сидѣнья на столбахъ или деревьяхъ.

иешь,—звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, гляди, времени много ли. Кругомъ поглядишь,—лѣсь шелыхается, все ждешь, вотъ-вотъ затрешишь, придетъ кабанъ мазаться. Слушаешь, какъ тамъ орлы молодые запищатъ, пѣтухи ли въ станицѣ откликаются или гуси. Гуси—такъ до полночи, значитъ. И все это я знаю. А то какъ ружье гдѣ далече ударитъ, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлилъ? Казакъ, такъ же какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ сердечный по камышу кровь мазать, такъ даромъ! Не люблю, ахъ! не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ? Дуракъ! Дуракъ! Или думаешь себѣ: „можетъ abreкъ какого глупаго казаченка убилъ“. Все это въ головѣ у тебя ходить. А то разъ, сидѣль на водѣ, смотрю зыбка съ верху плыветь. Вовсе цѣляя, только край отломанъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулѣ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убиль какой чортъ, взяль за ножки да обѣ уголъ. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣть въ людяхъ! И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взяль ружье, на нашу сторону пошелъ грабить. Все сидишь, думаешь. Да какъ заслышишь, по чащѣ табунокъ ломится, такъ и застучить въ тебѣ что. Матушки, подойдите! Обнюхаетъ, думаешь себѣ; сидишь, не дрогнешься, а сердце: дунь! дунь! дунь! такъ тебя и подкидываетъ. Пынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. „Отцу и Сыну...“ ужъ хотѣль стрѣлить. Какъ она фыркнетъ на своихъ на поросятъ. „Бѣда, моль, дѣтки: человѣкъ сидѣть“, и затрешили всѣ прочь по кустамъ. Такъ такъ бы, кажется, зубомъ сѣѣль ее.

— Какъ же это свинья поросятамъ сказала, что человѣкъ сидитъ?—спросилъ Оленинъ.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, доромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ не замѣтить, а свинья какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отduеть и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божія. Эхъ-ма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ!—повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался.

Оленинъ тоже задумался и, спустившись съ крыльца, заложивъ руки за спину, молча сталъ ходить по двору.

Очиувшись, Ерошка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которые вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

— Дура, дура!—заговорилъ онъ. — Куда летишь? Дура! Дура!—Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

— Сгориши, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много,—приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учию поимать ее за крыльшки и выпустить.—Сама себя губишь, а я тебя жалѣю.

Онъ долго сидѣлъ, болтая и попивая изъ бутылки. А Оленинъ ходилъ взадъ и впередъ по двору. Вдругъ шопотъ за воротами поразилъ его. Невольно притаивъ дыханіе, онъ разслышалъ женскій смѣхъ, мужской голосъ и звукъ по-

цѣлуя. Нарочно шурша по травѣ ногами, онъ отошелъ на другую сторону двора. Но черезъ нѣсколько времени плетень затрещалъ. Казакъ, въ темной черкескѣ и бѣломъ *куртеп* на папахѣ (это былъ Лука), прошелъ вдоль забора, а высокая женщина въ бѣломъ платкѣ прошла мимо Оленина. „Ни мнѣ до тебя, ни тебѣ до меня нѣть никакого дѣла“, казалось, сказала ему рѣшительная походка Марьинки. Онъ проводилъ ее глазами до крыльца хозяйствской хаты, замѣтилъ даже透过 окно, какъ она сняла платокъ и сѣла на лавку. И вдругъ чувство тоски одиночества, какихъ-то неясныхъ желаній и надеждъ, и какой-то кому-то зависти охватили душу молодого человѣка.

Послѣдніе огни потухли въ хатахъ. Послѣдніе звуки затихли въ станицѣ. И плетни, и бѣльвшая на дворахъ скотина, и крыши домовъ, и стройныя раины, все, казалось, спало здоровымъ, тихимъ, трудовымъ сномъ. Только звенящіе непрерывные звуки лягушекъ долетали изъ сырой дали до напряженного слуха. На востокѣ звѣзды становились рѣже и, казалось, расплывались въ усилившемся свѣтѣ. Надъ головой онъ высипали все глубже и чаще. Старикъ, облокотивъ голову на руку, задремалъ. Пѣтухъ вскрикнулъ на противоположномъ дворѣ. А Оленинъ все ходилъ и ходилъ, о чёмъ-то думая. Звукъ пѣсни въ нѣсколько голосовъ долетѣлъ до его слуха. Онъ подошелъ къ забору и сталъ прислушиваться. Молодые голоса казаковъ заливались веселою пѣснью, и изо всѣхъ рѣзкою силой выдавался одинъ молодой голосъ.

— Это знаешь кто поетъ? — сказалъ старикъ очнувшись. — Это Лукашка джигитъ. Онъ чеченца убилъ; то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!

— А ты убивалъ людей?—спросилъ Оленинъ.

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя, и близко при-
двинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

— Чортъ!—закричалъ онъ на него.—Что спрашиваешь?
Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудреное!
Прощай, отецъ мой, и сытъ, и пьянъ,—сказалъ онъ вста-
вая.—Завтра на охоту приходитъ?

— Приходи.

— Смотри, раньше вставать, а проспишь—штрафъ.

— Небось, раньше тебя встану,—отвѣчалъ Оленинъ.

Старикъ вышелъ. Пѣсня замолкла. Послышались шаги
и веселый говоръ. Немного погодя, раздалась опять пѣсня,
но дальше, и громкій голосъ Ерошки присоединился къ
прежнимъ голосамъ. „Что за люди, что за жизнь!“ по-
думалъ Оленинъ, вздохнувъ, и одинъ вернулся въ свою
хату.

XVI.

Дядя Ерошка былъ западный и одинокій казакъ; жена
его, лѣтъ двадцать тому назадъ, выкрестившись въ право-
славныя, сбѣжала отъ него и вышла замужъ за русскаго
фельдфебеля; дѣтей у него не было. Онъ не хвасталъ, раз-
сказывая про себя, что былъ въ старину первый молодецъ
въ станицѣ. Его всѣ знали по полку за его стариное
молодечество. Не одно убийство и чеченцевъ, и русскихъ
было у него на душѣ. Онъ и въ горы ходилъ, и у рус-
скихъ воровалъ, и въ острогъ два раза сидѣлъ. Большая
часть его жизни проходила на охотѣ въ лѣсу, гдѣ онъ пи-
тался по суткамъ однимъ кускомъ хлѣба и ничего не пилъ,
кромѣ воды. За то въ станицѣ онъ гулялъ съ утра до ве-

чера. Вернувшись отъ Оленина, онъ заснулъ часа на два и, еще до свѣта проснувшись, лежалъ на своей кровати и обсуживалъ человѣка, котораго онъ вчера узналъ. Простота Оленина очень понравилась ему (простота въ томъ смыслѣ, что ему не жалѣли вина). И самъ Оленинъ понравился ему. Онъ удивлялся, почему русскіе всѣ просты и богаты, и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые. Онъ обдумалъ самъ съ собою и эти вопросы, и то, чего бы выпросить себѣ у Оленина. Хата дяди Ерошки была довольно большая и не старая, но замѣтно было въ ней отсутствіе женщины. Вопреки обычной заботливости казаковъ о чистотѣ, горница вся была загажена и въ величайшемъ безпорядкѣ. На столѣ были брошены окровавленный зипунъ, половина сдобной лепешки и рядомъ съ ней оципанная и разорванная галка для прикармливанія ястреба. На лавкахъ, разбросанные, лежали поршни, ружье, кинжалъ, мѣшочекъ, мокре платье и тряпки. Въ углу, въ кадушкѣ съ грязною вонючкою водой, размокали другіе поршни; тутъ же стояли винтовка и кобылка. На полу была брошена сѣть, нѣсколько убитыхъ фазановъ, а около стола гуляла, постукивая по грязному полу, привязанная за ногу курочка. Въ нетопленной печкѣ стоялъ черепочекъ, наполненный какою-то молочною жидкостью. На печкѣ визжалъ копчикъ, старавшійся сорваться съ веревки, и линялый ястребъ смирно сидѣлъ на краю, искоса поглядывая на курочку и изрѣдка справа налѣво перегибая голову. Самъ дядя Ерошка лежалъ навзничь на коротенькой кровати, устроенной между стѣной и печкой, въ одной рубашкѣ, и задравъ сильныя ноги на печку, колупалъ толстымъ пальцемъ струпы на рукахъ, исцарапанныхъ ястребомъ, котораго онъ вынашивалъ

безъ перчатки. Во всей комнатѣ, и особенно около самого старика, воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ, не непріятнымъ, смѣшаннымъ запахомъ, который сопутствовалъ старику.

— *Уйде-ма, дядя?* (то-есть, дома дядя?)—послышался ему изъ окна рѣзкій голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ сосѣда Лукашки.

— *Уйде, уйде, уйде!* Дома, заходи!—закричалъ стариkъ.— Сосѣдь Марка, Лука Марка, чтѣ къ дядѣ пришелъ? Аль на кордонъ?

Ястребъ встрепенулся отъ крика хозяина и захлопалъ крыльями, порываясь на своей привязи.

Стариkъ любилъ Лукашку, и лишь одного его исключалъ изъ презрѣнія ко всему молодому поколѣнію казаковъ. Кромѣ того, Лукашка и его мать, какъ сосѣди, нерѣдко давали старику вина, каймачку и т. п. изъ хозяйственныхъ произведеній, которыхъ не было у Ерошки. Дядя Ерошка всю жизнь свою увлекавшійся, всегда практически объяснялъ свои побужденія: „что жъ? люди достаточные“, говорилъ онъ самъ себѣ. „Я имъ свѣжинки дамъ, курочку, а и они дядю не забываютъ: пирожка и лепешки принесутъ другой разъ“.

— Здорово, Марка! Я тебѣ радъ, — весело прокричалъ стариkъ и быстрымъ движеніемъ скинувъ босыя ноги съ кровати, вскочилъ, сдѣлалъ шага два по скрипучему полу, посмотрѣлъ на свои вывернутыя ноги, и вдругъ ему смѣшило стало на свои ноги: онъ усмѣхнулся, топнулъ разъ бosoю пяткой, еще разъ, и сдѣлалъ *выходку*. — Ловко, что-ль — спросилъ онъ, блестя маленькими глазками.—Лукашка чуть усмѣхнулся.—Что, аль на кордонъ?—спросилъ стариkъ.

— Тебѣ чихирю принесъ, дядя, что на кордонѣ обѣшалъ.

— Спаси тебя Христосъ,—проговорилъ старикъ,—поднялъ валявшіеся на полу чамбары и бешметъ, надѣль ихъ, затянулъ ремнемъ, полилъ воды изъ черепка на руки, отеръ ихъ о старыя чамбары, кусочкомъ гребешка расправилъ бороду и сталъ передъ Лукашкой.

— Готовъ!—сказалъ онъ.

Лукашка досталъ чапуру, отеръ, налилъ вина и, сѣвъ на скамейку, поднесъ дядѣ.

— Будь здоровъ! Отцу и сыну!—сказалъ стариkъ, съ торжественностью принимая вино.—Чтобы тебѣ получить что желаешь, чтобы тебѣ молодцомъ быть, крестъ выслушить!

Лукашка тоже съ молитвою отпилъ вина и поставилъ его на столъ. Стариkъ всталъ, принесъ сушеную рыбу, положилъ на порогъ, разбилъ ее палкой, чтобъ она была мягче, и, положивъ ее своими заскорузлыми руками на свою единственную синюю тарелку, подалъ на столъ.

— У меня все есть, и закуска есть, благодарю Бога,—сказалъ онъ гордо.—Ну, что Мосевъ?—спросилъ стариkъ.

Лукашка рассказалъ, какъ урядникъ отнялъ у него ружье, видимо желая знать мнѣніе старика.

— За ружьемъ не стой,—сказалъ стариkъ:—ружья не дашь, награды не будетъ.

— Да что, дядя! Какая награда, говорятъ, малолѣтку? *). А ружье важное, крымское, восемьдесятъ монетъ стоить.

*) Малолѣтками называются казаки, не начавши еще дѣйствительной конной службы.

— Э, брось! Такъ-то я заспорилъ съ сотникомъ: коня у меня просилъ. Дай, говорить, коня, въ хорунжіе представлю. Я не далъ, такъ и не вышло.

— Да что, дядя! Вотъ коня купить надо, а баютъ, за рѣкой меныше пятидесяти монетовъ не возьмешь. Матушка вина еще не продала.

— Эхъ! мы не тужили,—сказалъ старикъ:—когда дядя Ерошка въ твои года былъ, онъ ужъ табуны у ногайцевъ воровалъ, да за Терекъ перегонялъ. Бывало важнаго коня за штофъ водки али за бурку отдаешь.

— Что же дешево отдавали?—сказалъ Лукашка.

— Дуракъ, дуракъ, Марка!—презрительно сказалъ старикъ.—Нельзя, на то воруешь, чтобы не скучымъ быть. А вы, я чай, и не видали, какъ коней-то гоняютъ. Что молчишь?

— Да что говорить, дядя?—сказалъ Лукашка.—Не такие видно мы люди.

— Дуракъ, дуракъ, Марка! Не такие люди!—отвѣчалъ старикъ, передразнивая молодого казака.—Не тотъ я былъ казакъ въ твои годы.

— Да что же?—спросилъ Лукашка.

Старикъ презрительно покачалъ головой.

— Дядя Ерошка простѣ былъ, ничего не жалѣлъ. За то, у меня вся Чечня кунаки были. Пріѣдеть ко мнѣ какой кунакъ, водкой пьяного напою, ублажу, съ собой спать положу, а къ нему поѣду, подарокъ, *пешкешъ*, свезу. Такъ-то люди дѣлаютъ, а не то что какъ теперь: только и забава у ребятъ, что сѣмя грызутъ, да шелуху плюютъ,—презрительно заключилъ старикъ, представляя въ лицахъ какъ грызутъ сѣмя и плюютъ шелуху нынѣшніе казаки.

— Это я знаю,—сказалъ Лукашка.—Это такъ!

— Хочешь быть молодцомъ, такъ будь джигитъ, а не мужикъ. А то и мужикъ лошадь купить, денежки отвалить и лошадь возьметъ.

Они помолчали.

— Да вѣдь и такъ скучно, дядя, въ станицѣ или на кордонѣ; а разгуляться поѣхать некуда. Все народъ робкій. Вотъ хоть бы Назаръ. Намедни въ аулѣ были; такъ Гирей-ханъ въ ногаи звалъ за конями, никто не поѣхалъ; а одному какъ же?

— А дядя что? Ты думаешь я засохъ! Нѣть, я не засохъ. Давай коня, сейчасъ въ ногаи поѣду.

— Что пустое говорить?—сказалъ Лука:—ты скажи какъ съ Гирей-ханомъ быть? Говорить, только провели коня до Терека, а тамъ хоть косякъ цѣлый давай, мѣсто найду. Вѣдь тоже гололобый, вѣрить мудрено.

— Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ—люди хороши; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ наготовъ держи. Пуще всего, какъ лошадей дѣлить станешь. Разъ меня такъ-то убиль—было одинъ чеченецъ; я съ него просилъ по десяти монетовъ за лошадь. Вѣрить—вѣрь, а безъ ружья спать не ложись.

Лукашка внимательно слушалъ старика.

— Что, дядя? Сказывали у тебя разрывъ-трава есть,—молвилъ онъ, помолчавъ.

— Разрыва нѣть, а тебя научу, такъ и быть, малый хороши, старика не забываешь. Научить, что ль?

— Научи, дядя.

— Черепаху знаешь? Вѣдь она чортъ, черепаха-то.

— Какъ не знать!

— Найди ты ея гнѣздо и оплети плетешокъ кругомъ, чтобъ ей пройти нельзя. Вотъ она придетъ, покружить и сейчасъ назадъ, найдетъ разрывъ-траву, принесетъ, плетень разорить. Вотъ ты и посыпай на другое утро, и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ-трава ложить. Бери и неси куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки.

— Да ты пыталъ что ль, дядя?

— Пытать не пыталъ, а сказывали хорошие люди. У меня только и заговора было, что прочту „здравствуитя“, какъ на коня садиться. Никто не убиль.

— Какая такая „здравствуитя“, дядя?

— А ты не знаешь? Эхъ народъ! То-то, дядю спроси. Ну слухай, говори за мной:

Зздравствуитя живучи въ Сиони.

Се царь твой.

Мы сядемъ на коня.

Софоніе воніе.

Захаріе глаголе.

Отче Мандрыче

Человѣко-вѣко-любче.

— Вѣко-вѣко-любче,—повторилъ старикъ.—Знаешь? Ну, скажи!

Лукашка засмѣялся.

— Да что, дядя, развѣ отъ этого тебя не убили? Можетъ такъ.

— Умны стали вы. Ты все выучи да скажи. Отъ того худа не будетъ. Ну пропѣль „Мандрыче“, да и правъ,—

и старикъ самъ засмѣялся.—А ты въ ногаи, Лука, не ъзди, вотъ что!

— А что?

— Не то время, не тотъ вы народъ, дермо казаки вы стали. Да и русскихъ вонъ что нагнали! Засудять. Право, брось. Куда вамъ! Вотъ мы съ Гирчикомъ, бывало...

И старикъ началь-было рассказывать свои безконечныя исторіи. Но Лукашка глянуль въ окно.

— Вовсе свѣтло, дядя,—перебиль онъ его.—Пора, заходи когда.

— Спаси Христосъ, а я къ армейскому пойду, пообѣщаляр на охоту свести; человѣкъ хорошъ, кажись.

XVII.

Отъ Ерошки Лукашка зашелъ домой. Когда онъ вернулся, сырой росистый туманъ поднялся отъ земли и окуталъ станицу. Невидная скотина начинала шевелиться съ разныхъ концовъ. Чаще и напряженіе перекликались пѣтухи. Въ воздухѣ становилось прозрачно, и народъ начиналъ подниматься. Подойдя вплоть, Лукашка разсмотрѣлъ мокрый отъ тумана заборъ своего двора, крылечко хаты и отворенную кѣть. На дворѣ слышался въ туманѣ звукъ топора по дровамъ. Лукашка прошелъ въ хату. Мать его встала и, стоя передъ печью, бросала въ нее дрова. На кровати еще спала сестра-дѣвочка.

— Что, Лукаша, нагулялся?—сказала мать тихо.—Гдѣ былъ ночь-то?

— Въ станицѣ былъ,—неохотно отвѣчалъ сынъ, доставая винтовку изъ чехла и осматривая ее.

Мать покачала головой.

Подсыпавъ пороху на полку, Лукашка досталъ мѣшочекъ, вынулъ нѣсколько пустыхъ хозырей и сталъ насыпать заряды, тщательно затыкая ихъ пулькой, завернутою въ тряпочкѣ. Повыдергавъ зубомъ заткнутые хозыри и осмотрѣвъ ихъ, онъ положилъ мѣшокъ.

— А что, матушка, я тебѣ говорилъ торбы починить: починила что ли? — сказаль онъ.

— Какъ же! Нѣмая чинила что-то вечеръ. Аль пора на кордонъ-то? Не видала я тебя вовсе.

— Вотъ только уберусь, и итти надо, — отвѣчалъ Лукашка, увязывая порохъ. — А нѣмая гдѣ? Аль вышла?

— Должно дрова рубить. Все о тебѣ сокрушилась. Ужъ не увижу, говоритъ, я его вовсе. Такъ-то рукой на лицо покажетъ, щелкнетъ, да къ сердцу и прижметъ руки: жалко, молъ. Пойти позвать, что ль? Обѣ абрекѣ-то все поняла.

— Позови, — сказалъ Лукашка. — Да сало тамъ у меня было, принеси сюда. Шашку смазать надо.

Старуха вышла и, черезъ нѣсколько минутъ, по скрипящимъ сходцамъ вошла въ хату нѣмая сестра Лукашки. Она была шестью годами старше брата и чрезвычайно была бы похожа на него, если бы не общее всѣмъ глухонѣмымъ тупое и грубо-перемѣнчивое лицо. Одежду ея составляла грубая рубаха въ заплатахъ; ноги были босы и испачканы; на головѣ старый синій платокъ. Шея, руки и лицо были жилисты какъ у мужика. Видно было и по одеждѣ, и по всему, что она постоянно несла трудную мужскую работу. Она внесла вязанку дровъ и бросила ее у печи. Потомъ подошла къ брату съ радостною улыбкой, сморшив-

шею все ея лицо, тронула его за плечо и начала руками, лицомъ и всѣмъ тѣломъ дѣлать ему быстрые знаки.

— Хорошо, хорошо! молодецъ Степка—отвѣчалъ братъ, кивая головой:—все припасла, починила, молодецъ! вотъ тебѣ за то!—доставъ изъ кармана два пряники, онъ подалъ ей.

Лицо нѣмой покраснѣло, и она дико загудѣла отъ радости. Схвативъ пряники, она еще быстрѣе стала дѣлать знаки, часто указывая въ одну сторону и проводя толстымъ пальцемъ по бровямъ и лицу. Лукашка попималъ ее и все кивалъ, слегка улыбаясь. Она говорила, что братъ дѣвкамъ давалъ бы закуски, говорила, что дѣвки его любятъ, и что одна дѣвка Марьянка лучше всѣхъ, и та любить его. Марьянку она обозначала, указывая быстро на сторону ея двора, на свои брови, лицо, чмокая и качая головой. „Любить“ показывала она, прижимая руку къ груди, цѣлуя свою руку и будто обнимая что-то. Мать вернулась въ хату и, узнавъ о чемъ говорила нѣмая, улыбнулась и покачала головой. Нѣмая показала ей пряники и снова прогудѣла отъ радости.

— Я Улитѣ говорила намедни, что сватать пришло,—сказала мать:—приняла мои слова хорошо.

Лукашка молча посмотрѣла на мать.

— Да что, матушка? Вино надо везть. Коня нужно.

— Повезу, когда время будетъ; бочки справлю,—сказала мать, видимо не желая, чтобы сынъ вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла.—Ты, какъ пойдешь,—сказала старуха сыну,—такъ возьми въ сѣняхъ мѣшочекъ. У людей заняла, тебѣ на кордонъ припасла. Али въ саквы *) положить?

*) „Саквами“ называются переметные сумки, которые казаки возятъ за сѣдлами.

— Ладно,—отвѣчалъ Лукашкѣ;—а коли изъ-за рѣки Гирей-ханъ пріѣдѣть, ты его на кордонъ пришли, а то теперь долго не отпустятъ. До него дѣло есть.

Онъ сталъ собираться.

— Пришло, Лукашкѣ, пришло. Что жъ, у Ямки все и гуляли, стало?—сказала старуха.—То-то я ночью вставала къ скотинѣ, слушала, ровно твой голосъ пѣсни игралъ.

Лукашкѣ не отвѣчалъ, вышелъ въ сѣни, перекинувъ чрезъ плечо сумки, подоткнулъ зипунъ, взялъ ружье и остановился на порогѣ.

— Прощай, матушка,—сказалъ онъ матери, припирая за собой ворота.—Ты боченокъ съ Назаркой пришли, ребятамъ обѣщался; онъ зайдетъ.

— Спаси тебя Христосъ, Лукаша! Богъ съ тобой! Пришло, изъ новой бочки пришло,—отвѣчала старуха, подходя къ забору.—Да слушай что,—прибавила она, перегнувшись черезъ заборъ.

Казакъ остановился.

— Ты здѣсь погулялъ, ну слава Богу! Какъ молодому человѣку не веселиться? Ну, и Богъ счастье далъ. Это хорошо. А тамъ-то ужъ смотри, сынокъ, не того... Пуще всего начальника ублажай, нельзя! А я вина продамъ, денегъ припасу коня купить, и дѣвку выскатаю.

— Ладно, ладно!—отвѣчалъ сынъ, хмурясь.

Нѣмая крикнула, чтобы обратить на себя его вниманіе. Показала голову и руку, что значило: бритая голова, чеченецъ. Потомъ, нахмуривъ брови, показала видъ, что пріѣливается изъ ружья, вскрикнула и запѣла скоро, качая головой. Она говорила, чтобы Лукашкѣ еще убилъ чеченца.

Лукашка понялъ, усмѣхнулся, и скорыми легкими шагами, придерживая ружье за спиной подъ буркой, скрылся въ густомъ туманѣ.

Молча постоявъ у воротъ, старуха вернулась въ избушку и тотчасъ же принялась за работу.

XVIII.

Лукашка пошелъ на кордонъ, а дядя Ерошка въ то же время свистнулъ собакъ и, перелѣзши черезъ плетень, задами обошелъ до квартиры Оленина (идя на охоту, онъ не любилъ встречаться съ бабами). Оленинъ еще спалъ, и даже Ванюша, проснувшись, но еще не вставая, поглядывалъ вокругъ себя и соображалъ, пора или не пора, когда дядя Ерошка, съ ружьемъ за плечами и во всемъ охотничьемъ уборѣ, отворилъ дверь.

— Палокъ!—закричалъ онъ своимъ густымъ голосомъ.— Тревога! Чеченцы пришли! Иванъ! Самоваръ барину ставь. А ты вставай! Живо!—закричалъ старикъ.—Такъ-то у насть, добрый человѣкъ! Вотъ ужъ и дѣвки встали. Въ окно глянь-ка, глянь-ка, за водой идетъ, а ты спиши.

Оленинъ проснулся и вскочилъ. И такъ свѣжо, весело ему стало при видѣ старика и звукѣ его голоса!

— Живо! Живо, Ванюша!—закричалъ онъ.

— Такъ-то ты на охоту ходишь! Люди завтракать, а ты спиши. Лямъ! Куда?—крикнулъ онъ на собаку.

— Ружье-то готово, что ль?—кричалъ старикъ, точно цѣлая толпа народа была въ избѣ.

— Ну провинился, нечего дѣлать. Порохъ, Ванюша! Пыжи!—говорилъ Оленинъ.

- Штрафъ! — кричалъ стариkъ.
- *Дю тे вулеzu?* — говорилъ Ванюша, ухмыляясь.
- Ты не напь! не по-нашему лопочешь, чортъ! — кричалъ на него стариkъ, оскаливая корешки своихъ зубовъ.
- Для первого раза прощается, — шутилъ Оленинъ, натягивая большіе сапоги.
- Прощается для первого раза, — отвѣчалъ Ерошка: — а въ другой разъ проснишь, ведро чихиря штрафу. Какъ обогрѣется, не застанешь оленя-то.
- Да хоть и застанешь, такъ онъ умнѣй насть, — сказалъ Оленинъ, повторяя слова старика, сказанныя вечеромъ: — его не обманешь.
- Да ты смѣйся! Вотъ убей, тогда и поговори. Ну живо! Смотри, вонь и хозяинъ къ тебѣ идетъ, — сказалъ Ерошка, глядѣвшій въ окно. — Вишь убрался, новый зипунъ надѣялъ, чтобы ты видѣлъ, что онъ офицеръ есть. Эхъ! народъ, народъ!
- Дѣйствительно, Ванюша объявилъ, что хозяинъ желаетъ видѣть барина.
- *Ларжанъ*, — сказалъ онъ глубокомысленно, предупреждая барина о значеніи визита хорунжаго. Всльдъ затѣмъ, самъ хорунжій, въ новой черкескѣ, съ офицерскими погонами на плечахъ, въ чищенныхъ сапогахъ, — рѣдкость у казаковъ, — съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь, вошелъ въ комнату и поздравилъ съ праздникомъ.
- Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ *образованный*, побывавшій въ Россіи, школьній учитель и, главное, *благородный*. Онъ хотѣлъ казаться *благороднымъ*; но невольно, подъ напущеннымъ на себя уродливымъ лоскомъ вертлявости, самоувѣренности и безобразной рѣчи, чувствовался

тотъ же дядя Ерошкъ. Это видно было и по его загорѣлому лицу, и по рукамъ, и по красноватому носу. Оленинъ попросилъ его садиться.

— Здравствуй, батюшка Илья Васильевичъ! — сказалъ Ерошкъ, вставая и, какъ казалось Оленину, иронически низко кланяясь.

— Здорово, дядя! Ужъ ты тутъ? — отвѣчалъ хорунжій, небрежно кивая ему головой.

Хорунжій былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ сѣдою, клинообразною бородкой, сухой, тонкій и красивый, и еще очень свѣжій для своихъ сорока лѣтъ. Придя къ Оленину, онъ видимо боялся, чтобы его не приняли за обыкновенного казака, и желалъ дать ему сразу почувствовать свое значеніе.

— Это нашъ Нимродъ египетскій, — сказалъ онъ, съ самодовольною улыбкою обращаясь къ Оленину и указывая на старика. — Ловецъ предъ господиномъ. Первый у насть на всякия руки. Изволили ужъ узнать?

Дядя Ерошкъ, глядя на свои ноги, обутыя въ мокрыя поршни, задумчиво покачивалъ головой, какъ бы удивляясь ловкости и учености хорунжаго, и повторялъ про себя: „Нимродъ ищкій! Чего не выдумаетъ?“

— Да вотъ на охоту хотимъ итти, — сказалъ Оленинъ.

— Такъ-съ точно, — замѣтилъ хорунжій: — а у меня дѣльце есть къ вамъ.

— Что прикажете?

— Какъ вы есть благородный человѣкъ, — началъ хорунжій, — и какъ я себя могу понимать, что мы тоже имѣемъ званіе офицера, и потому постепенно можемъ всегда страктоваться, какъ и всѣ благородные люди. (Онъ пріостано-

вился и съ улыбкой взглянуль на старика Оленина). Но ежели бы вы имѣли желаніе, по согласію моему, такъ какъ моя жена есть женщина глупая въ наше время сословіи, не могла въ настоящее время вполнѣ вразумить ваши слова вчерашняго числа. Потому квартира моя для полкового адъютанта могла ходить безъ конюшни за шесть монетъ, а задаромъ я всегда, какъ благородный человѣкъ, могу удалить отъ себя. А такъ какъ вамъ желается, то я, какъ самъ офицерскаго званія, могу во всемъ согласиться лично съ вами, и какъ житель здѣшняго края не то какъ бы по нашему обычай, а во всемъ могу соблюсти условія...

— Чисто говорить,—пробормоталъ старикъ.

Хорунжій говорилъ еще долго въ томъ же родѣ. Изъ всего этого Оленинъ не безъ нѣкотораго труда могъ понять желаніе хорунжаго братъ по шести рублей серебромъ за квартиру въ мѣсяцъ. Онъ съ охотою согласился и предложилъ своему гостю стаканъ чаю. Хорунжій отказался.

— По нашему глупому обряду,—сказалъ онъ,—мы считаемъ какъ бы за грѣхъ употреблять изъ мѣрского стакана. Оно хотя, по образованію моему, я бы могъ понимать, но жена моя по слабости человѣческія...

— Что жъ, прикажете чаю?

— Ежели позволите, я свой стаканъ принесу, *особливый*,— отвѣчалъ хорунжій и вышелъ на крыльцо. — Стаканъ по дай!—крикнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и загорѣлая молодая рука, въ розовомъ рукавѣ, высунулась съ стаканомъ изъ двери. Хорунжій подошелъ, взялъ стаканъ и шепталъ что-то съ дочерью. Оленинъ налилъ чаю хорунжему въ *особливый*, Ерошкѣ въ мѣрской стаканъ.

— Однако, не желаю васъ задерживать,—сказалъ хорунжій, обжигаясь и допивая свой стаканъ. — Я какъ есть тоже имѣю сильную охоту до рыбной ловли и здѣсь только на побывкѣ, какъ бы на рекреаціи отъ должности. Тоже имѣю желанія испытать счастіе, не попадутся ли на мою долю дары Терека. Надѣюсь, вы и меня посѣтите когда-нибудь испить родительскую, по нашему станичному обычаю,—прибавилъ онъ.

Хорунжій откланялся, пожалъ руку Оленину и вышелъ. Покуда собирался Оленинъ, онъ слышалъ повелительный и толковый голосъ хорунжаго, отдававшаго приказанія домашнимъ. А черезъ нѣсколько минутъ Оленинъ видѣлъ, какъ хорунжій, въ засученныхъ до колѣнь штанахъ и въ оборванномъ бешметѣ, съ сѣтью на плечѣ прошелъ мимо его окна.

— Плутъ же, — сказалъ дядя Еропка, допивавшій свой чай изъ мірского стакана. — Что же, неужели ты такъ и будешь платить шесть монетовъ? Слыхано ли дѣло! Лучшую хату въ станицѣ за два монета отдадутъ. Эка бестія! Да я тебѣ свою за три монета отдамъ.

— Нѣть, ужъ я здѣсь останусь,—сказалъ Оленинъ.

— Шесть монетовъ! видно деньги-то дурашныя. Э-эхъ:— отвѣчалъ старикъ.—Чихирю дай, Иванъ.

Закусивъ и выпивъ водки на дорогу, Оленинъ съ старикомъ вышли вмѣстѣ на улицу часу въ восьмомъ утра.

Въ воротахъ они наткнулись на запряженную арбу. Обвязанная до глазъ бѣлымъ платкомъ, въ бешметѣ сверхъ рубахи, въ сапогахъ и съ длинною хворостиной въ рукахъ, Марья натащила быковъ за привязанную къ ихъ рогамъ веревку.

— Мамушка,—проговорил старикъ, дѣлая видъ, что хотѣть схватить ее.

Марьянка замахнулась на него хворостиной и весело взглянула на обоихъ своими прекрасными глазами.

Оленину сдѣлалось еще веселѣе.

— Ну, идемъ, идемъ!—сказалъ онъ, вскидывая ружье на плечо и чувствуя на себѣ взглядъ дѣвки.

— Ги! Ги!—прозвучалъ за нимъ голосъ Марьяны, и вслѣдъ за тѣмъ заскрипѣла тронувшаяся арба.

Туманъ частью поднимался, открывая мокрыя камышевые крыши, частью превращался въ росу, увлажняя дорогу и траву около заборовъ. Дымъ вездѣ валилъ изъ трубъ. Народъ выходилъ изъ станицы, кто на работу, кто на рѣку, кто на кордоны. Охотники шли рядомъ по сырой, поросшей травою дорогѣ. Собаки, махая хвостами и оглядываясь на хозяина, бѣжали по сторонамъ. Мириады комаровъ вились въ воздухѣ и преслѣдовали охотниковъ, покрывая ихъ спины, глаза и руки. Пахло травой и лѣсною сыростью. Оленинъ безпрестанно оглядывался на арбу, въ которой сидѣла Марьянка и хворостиной подгоняла быковъ.

Покуда дорога шла задами станицы, по выгонамъ, Ерошка разговаривалъ. Онъ не могъ забыть хорунжаго, и все бралилъ его.

— Да за что же ты такъ сердишься на него?—спросилъ Оленинъ.

— Скупой! Не люблю,—отвѣчалъ старикъ.—Издохнетъ, все останется. Для кого копить? Два дома построилъ. Садъ другой у брата оттягалъ. Вѣдь тоже и по бумажнымъ дѣламъ какая собака! Изъ другихъ станицъ пріѣзжаютъ къ нему бумаги писать. Какъ напишетъ, такъ какъ разъ и

выйдетъ. Въ самый разъ сдѣлаетъ. Да кому копить-то? Всего одинъ мальчишка да дѣвка, замужъ отдастъ, никого не будетъ.

— Такъ на приданое и копитъ,—сказалъ Оленинъ.

— Какое приданое? Дѣвку берутъ, дѣвка важная. Да вѣдь такой чортъ, что и отдать-то еще за богатаго хочетъ. Калымъ большой содрать хочетъ. Лука есть казакъ, сосѣдъ миѣ и племянникъ, молодецъ малый, что чеченца убилъ, давно ужъ сватаетъ; такъ все не отдаетъ. То, другое, да третье; дѣвка мѣода, говоритъ. А я знаю, что думастъ. Хочеть, чтобы покланялись. Нынче что сраму было за дѣвку за эту. А все Лукашкѣ высоватаются. Потому первый казакъ въ станицѣ, джигитъ, абрека убилъ, кресть дадутъ.

— А что это? Я вчера какъ по двору ходилъ, видѣлъ дѣвка хозяйствская съ какимъ-то казакомъ цѣловалась,—сказалъ Оленинъ.

— Хвастаешь,—крикнулъ старикъ,—останавливаюсь.

— Ей-Богу!—сказалъ Оленинъ.

— Баба чортъ,—раздумывая, сказалъ Ерошка.—А какой казакъ?

— Я не видалъ какой.

— Ну курпей какой на шапкѣ? бѣлый?

— Да.

— А зипунъ красный? Съ тебя, такой же?

— Нѣтъ, побольше.

— Онъ и есть. — Ерошка захохоталъ. — Онъ и есть, Марка мой. Онъ, Лукашка. Я его Марка зову, шутю. Онъ самый. Люблю! Такой-то и я былъ, отецъ мой. Что на нихъ смотрѣть-то? Бывало съ матерью, съ невѣсткой спить душника-то моя, а я все влѣзу. Бывало, жила она высоко;

мать вѣдьма была, чортъ: страсть не любила меня. Приду бывало съ *няней* (другъ значитъ), Гирчикомъ звали. Приду подъ окно, ему на плечи взлѣзу, окно подниму, да и ошариваю. Она тутъ на лавкѣ спала. Разъ такъ-то взбудилъ ее. Она какъ взахаєтсѧ! Меня не узнала. Кто это? А мнѣ говорить нельзя. Ужъ было мать заворошилась. Я шапку снялъ, да въ мурло ей и сунулъ: такъ сразу узнала по рубцу, что на шапкѣ былъ. Выскочила. Бывало, ничего-то не нужно. И *каймаку* тебѣ, и винограду, всего натащить,— прибавилъ Ерошка, объяснявши все практически. — Да не одна была. Житѣе, бывало.

— А теперь что жь?

— А вотъ пойдемъ за собакой, фазана на дерево посадимъ, тогда стрѣляй.

— Ты бы за Марьянкой поволочился?

— Ты смотри на собакъ-то. Вечеромъ докажу,—сказалъ стариkъ, указывая на своего любимца Ляма.

Они замолкли.

Пройдя шаговъ сто въ разговорахъ, стариkъ опять остановился и указалъ на хворостинку, которая лежала черезъ дорогу.

— Ты это что думаешь?—сказалъ онъ.—Ты думаешь это такъ? Нѣть. Это палка дурно лежитъ.

— Чѣмъ же дурно?

Онъ усмѣхнулся.

— Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда такъ палка лежитъ, ты черезъ нее не шагай, а или обойди, или скинь такъ-то съ дороги, да молитву прочти: „Отъ и Сыну и Святому Духу“ и иди съ Богомъ. Ничего не сдѣлаетъ. Такъ-то старики еще меня учили.

— Ну что за вздоръ! — сказалъ Оленинъ. — Ты разскажи лучше про Марьяну. Что жъ, она гуляетъ съ Лукашкой?

— Ши! теперь молчи, — опять шепотомъ прервалъ старикъ этотъ разговоръ: — только слушай. Кругомъ вотъ лѣсомъ пойдемъ.

И старикъ, неслышно ступая въ своихъ портняжъ, пошелъ впередъ по узкой дорожкѣ, входившей въ густой, дикий, заросшій лѣсъ. Онъ нѣсколько разъ, морщась, оглядывался на Оленина, который шуршаль и стучаль своими большими сапогами и, неосторожно неся ружье, нѣсколько разъ цѣпляль за вѣтви деревъ, разросшихся по дорогѣ.

— Не шуми,тише иди, солдатъ! — сердито шепотомъ говорилъ онъ ему.

Чувствовалось въ воздухѣ, что солнце встало. Туманъ расходился, но еще закрывалъ вершины лѣса. Лѣсъ казался страшно высокимъ. При каждомъ шагѣ впередъ мѣстность измѣнялась. Что казалось деревомъ, то оказывалось кустомъ; камышинка казалась деревомъ.

XIX.

Было тихо. Звуки станицы, слышные прежде, теперь уже не доходили до охотниковъ; только собаки трещали по тернамъ, изрѣдка откликались птицы. Оленинъ зналъ, что въ лѣсу опасно, что абреки всегда скрываются въ этихъ мѣстахъ. Онъ зналъ тоже, что въ лѣсу для пѣшего ружье есть сильная защита. Не то, чтобы ему было страшно, но онъ чувствовалъ, что другому на его мѣстѣ могло быть страшно, и съ особеннымъ напряженiemъ вглядываясь въ туманный, сырой лѣсъ, вслушиваясь въ рѣдкіе слабые зву-

ки, перехватывалъ ружье и испытывалъ пріятное и новое для него чувство. Дядя Ерошка, идя впереди, при каждой лужѣ, на которой были двойчатые слѣды звѣря, останавливался и, внимательно разглядывая, указывалъ ихъ Оленину. Онъ почти не говорилъ; только изрѣдка и шопотомъ дѣлалъ свои замѣчанія. Дорога, по которой они шли, была когда-то проѣзжена арбой и давно заросла травой. Карагачевый и чинаровый лѣсь съ обѣихъ сторонъ былъ такъ густъ и заросъ, что ничего нельзя было видѣть черезъ него. Почти каждое дерево было обвито сверху до низу дикимъ випоградникомъ; внизу густо росъ темный терновникъ. Каждая маленькая полянка вся заросла ежевичникомъ и камышомъ съ сѣрыми колеблющимися махалками. Мѣстами большія звѣриньи и маленькия какъ тунели фазаны тропы склонили съ дороги въ чашу лѣса. Сила растительности этого, непробитаго скотомъ, лѣса на каждомъ шагу поражала Оленина, который не видаль еще ничего подобнаго. Этотъ лѣсь, опасность, стариkъ съ своимъ таинственнымъ шопотомъ, Марьинка съ своимъ мужественнымъ стройнымъ станомъ, и горы,— все это казалось сномъ Оленину.

— Фазана посадилъ,—прощепталъ стариkъ, оглядываясь и надвигая себѣ на лицо шапку. — Мурло-то закрой: фазанъ. — Онъ сердито махнулъ на Оленина и полѣзъ дальше, почти на четверенькахъ. — Мурла человѣчьяго не любить.

Оленинъ еще былъ сзади, когда стариkъ остановился и сталъ оглядывать дерево. Пѣтухъ тордокнулъ съ дерева на собаку, лаявшую на него, и Оленинъ увидаль фазана. Но въ то же время раздался выстрѣль, какъ изъ пушки, изъ здоровеннаго ружья Ерошки, и пѣтухъ вспорхнулъ, теряя

перья, и упалъ на земль. Подходя къ старику, Оленинъ спу-
гнуль другого. Выпроставъ ружье, онъ повель и удариль.
Фазанъ взвился коломъ кверху и потомъ, какъ камень, пад-
пляясь за вѣтки, упалъ въ чашу.

— Молодецъ!—смѣясь, прокричалъ старику, не умѣвшій
стрѣлять въ летъ.

Подобравъ фазановъ, они пошли дальше. Оленинъ, воз-
бужденный движеніемъ и похвалой, все заговаривалъ съ ста-
рикомъ.

— Стой! сюда пойдемъ,—перебилъ его старику:—вчера
тутъ оленій слѣдъ видалъ.

Свернувъ въ чашу и пройдя шаговъ триста, они выбра-
лись на поляну, поросшую камышомъ и мѣстами залитую
водой. Оленинъ все отставалъ отъ старого охотника, и ~~для~~ Ерошка, шагахъ въ двадцати впереди него, нагнулся, значи-
тельно кивая и махая ему рукой. Добравшись до него, Оле-
нинъ увидаль слѣдъ ноги человѣка, на который ему указы-
валъ старику.

— Видиши?

— Вижу. Что жъ?—сказалъ Оленинъ, стараясь говорить
какъ можно спокойнѣе:—человѣка слѣдъ.

Невольно въ головѣ его мелькнула мысль о Куперовомъ
Патфайндерѣ и abreкахъ, а глядя на таинственность, съ
которою шелъ старику, онъ не рѣшался спросить и былъ
въ сомнѣніи, опасность или охота причиняли эту таин-
ственность.

— Нѣ, это мой слѣдъ,—просто отвѣтилъ старику и ука-
заль траву, подъ которою былъ виденъ чуть замѣтный слѣдъ
звѣря.

Старику пошелъ дальше. Оленинъ не отставалъ отъ него.

Пройдя шаговъ двадцать и спускаясь книзу, они пришли въ чащу къ разлапистой грушѣ, подъ которой земля была черна и оставался свѣжій звѣринный пометъ.

Обвитое виноградникомъ мѣсто было похоже на крытую уютную бесѣдку, темную и прохладную.

— Утромъ тутъ былъ,—вздохнувъ сказалъ старикъ:—видать, логово отпотѣло, свѣжо.

Вдругъ страшный трескъ послышался въ лѣсу, шагахъ въ десяти отъ нихъ. Оба вздрогнули и схватились за ружья, но ничего не видно было; только слышно было какъ ломались сучья. Равномѣрный, быстрый топотъ галопа послышался на мгновеніе, изъ треска перешелъ въ гулъ, все дальше, дальше, шире и шире разносившійся по тихому лѣсу. Что-то какъ бы оборвалось въ сердцѣ Оленина. Онъ тщетно всматривался въ зеленую чащу, и наконецъ оглянулся на старика. Дядя Ерошка, прижавъ ружье къ груди, стоялъ неподвижно; шапка его была сбита назадъ, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ, и открытый ротъ, изъ которого злобно выставлялись сѣденные желтые зубы, замеръ въ своемъ положеніи.

— Рогаль,—проговорилъ онъ. И отчаянно бросивъ на земль ружье, сталъ дергать себя за сѣдую бороду.—Тутъ стоялъ! Съ дорожки подойти бы! Дуракъ! Дуракъ! — и онъ злобно ухватилъ себя за бороду.—Дуракъ! свинья!—твердилъ онъ, больно дергая себя за бороду. Надъ лѣсомъ въ туманѣ какъ будто пролетало что-то; все дальше и дальше, шире и шире гудѣлъ бѣгъ поднятаго оленя...

Ужъ сумерками Оленинъ вернулся съ старикомъ, усталый, голодный и сильный. Обѣдъ былъ готовъ. Онъ поѣлъ, выпилъ съ старикомъ, такъ что ему стало тепло и весело, и

вышелъ на крылечко. Опять передъ глазами подымались горы на закатѣ. Опять старикъ рассказывалъ свои безконечные исторіи про охоту, про абрековъ, про душенекъ, про беззаботное, удающее житѣе. Опять Марьяна красавица входила, выходила и переходила черезъ дворъ. Подъ рубахой обозначалось могучее дѣвственное тѣло красавицы.

XX.

На другой день Оленинъ безъ старика пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ съ старикомъ спугнулъ оленя. Чѣмъ обходить въ ворота, онъ перелѣзъ, какъ и всѣ дѣлали въ станицѣ, черезъ ограду колочекъ. И еще не успѣль отодрать колочекъ, зацѣпившихся ему за черкеску, какъ собака его, побѣжавшая впередъ, подняла уже двухъ фазановъ. Только-что онъ вошелъ въ терны, какъ стали что ни шагъ подниматься фазаны. (Стариkъ не показалъ ему вчера этого мѣста, чтобы приберечь его для охоты съ кобылкой). Оленинъ убилъ пять штукъ фазановъ изъ двѣнадцати выстрѣловъ и, лазая за ними по тернамъ, измучился такъ, что потъ лиль съ него градомъ. Онъ отозвалъ собаку, спустиль курки, положилъ пули на дробь и, отмахиваясь отъ комаровъ рукавами черкески, тихонько пошелъ ко вчерашнему мѣсту. Однако, нельзя было удержать собаку, на самой дорогѣ набѣгавшую на слѣды, и онъ убилъ еще пару фазановъ, такъ что задержавшись за ними, онъ только къ полдню сталъ узнавать вчерашнее мѣсто.

День былъ совершенно ясный, тихій, жаркий. Утренняя свѣжестъ даже въ лѣсу пересохла, и миріады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки. Собака сдѣлалась

сивою изъ черной: спина ея вся была покрыта комарами. Черкеска, черезъ которую они пропускали свои жалы, стала такою же. Оленинъ готовъ быль бѣжать отъ комаровъ; ему ужъ казалось, что лѣтомъ и жить нельзѧ въ станицѣ. Онъ уже шелъ домой; но вспомнивъ, что живутъ же люди, рѣшился вытерпѣть и стала отдавать себя на съѣденіе. И странное дѣло, къ полдню это ощущеніе стало ему даже пріятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всѣхъ сторонъ комариной атмосферы, этого комаринаго тѣста, которое подъ рукой размазывалось по потному лицу, и этого беспокойнаго зуда по всему тѣлу, то здѣшній лѣсъ потерялъ бы для него свой характеръ и свою прелестъ. Эти миріады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой бездѣлѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просасывающейся изъ Терека и бульбулькающей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями, что ему стало пріятно именно то, что прежде казалось ужаснымъ и нестерпимымъ. Обойдя то мѣсто, гдѣ вчера онъ нашелъ звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть. Солнце стояло прямо надъ лѣсомъ, и безпрестанно, въ отвѣсь, доставало ему спину и голову, когда онъ выходилъ на поляну или на дорогу. Семь тяжелыхъ фазановъ до боли оттягивали ему поясницу. Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чашу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова. Онъ осмотрѣлъ кругомъ себя темную зелень, осмотрѣлъ потное мѣсто, вчерашній пометъ, отпечатокъ колѣнѣй оленя, клюекъ чернозема, оторванный оленемъ, и свои вчерашніе

слѣды. Ему было прохладно, уютно; ни о чём онъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастія и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особеною ясностью пришло въ голову, что „вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное отъ всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда, можетъ-быть, не видавшій человѣка, и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никогда никто изъ людей не сидѣлъ и того не думалъ. Сижу, а вокругъ меня стоять молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чують, можетъ-быть, убитыхъ братьевъ. Онъ пощупалъ своихъ фазановъ, осмотрѣлъ ихъ и отеръ тепло-окровавленную руку о черкеску. Чують, можетъ-быть, чакалки и съ недовольными лицами пробираются въ другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоять въ воздухѣ и жужжать комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, миллионъ комаровъ, и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особынныи отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ“. Ему ясно представилось, что думаютъ и жужжать комары. — Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно ъсть,—жужжать они и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него. — „Такъ же какъ они, какъ дядя

Ерошка, поживу, умру. И правду онъ говоритъ: только трава вырастетъ“.

„Да что же, что трава вырастетъ?“ думалъ онъ дальше: „все-таки надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю — счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единаго Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не быть счастливъ прежде?“ И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣщающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. „Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде? — подумалъ онъ. — Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!“ И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастіе вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало-быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на виѣшнія

условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. Вѣдь ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?“ Онъ взялъ ружье и, съ намѣреніемъ скорѣе вернуться домой, чтобы обдумать все это и найти случай сдѣлать добро, вышелъ изъ чащи. Выбравшись на поляну, онъ оглянулся: солнца уже не было видно за вершинами деревъ; становилось прохладнѣе, и мѣстность показалась ему совершенно незнакома и не похожа на ту, которая окружала станицу. Все вдругъ перемѣнилось, и погода, и характеръ лѣса: небо заволакивало тучами, вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревъ, кругомъ виднѣлись только камышъ и перестоялый, поломанный лѣсъ. Онъ сталъ кликать собаку, которая отбѣжала отъ него за какимъ-то звѣремъ и голосъ его отозвался ему пустынно. И вдругъ ему стало страшно жутко. Онъ сталъ трусить. Пришли въ голову абреки, убийства, про которыхъ ему рассказывали, и онъ ждалъ: вотъ-вотъ выскочить изъ каждого куста чеченецъ, и ему придется защищать жизнь и умирать или трусить. Онъ вспомнилъ и о Богѣ, и о будущей жизни такъ, какъ не вспоминалъ этого давно. А кругомъ была та же мрачная, строгая, дикая природа. „И стоитъ ли того, чтобы жить для себя,—думалъ онъ,—когда вотъ-вотъ умрешь, и умрешь, не сдѣлавъ ничего доброго, и такъ, что никто не узнаетъ“. Онъ пошелъ по тому направлению, гдѣ предполагалъ станицу. Объ охотѣ онъ уже не думалъ, чувствовалъ убийственную усталость, и особенно внимательно, почти съ ужасомъ, оглядывалъ

каждый кустъ и дерево, ожидая ежеминутно разсчета съ жизнью. Покружившись довольно долго, онъ выбрался на канаву, по которой текла песчаная, холодная вода изъ Терека, и, чтобы больше не плутать, рѣшился пойти по ней. Онъ шелъ, самъ не зналъ, куда выведетъ его канава. Вдругъ сзади его затрещали камыши. Онъ вздрогнулъ и схватился за ружье. Ему стало стыдно себя: зарывшаяся собака, тяжело дыша, бросилась въ холодную воду канавы и стала локать ее.

Онъ напился вмѣстѣ съ нею и пошелъ по тому направлѣнію, куда она тянула, полагая, что она выведетъ его въ станицу. Но, несмотря на товарищество собаки, вокругъ ему все казалось еще мрачнѣе. Лѣсъ темнѣль, вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе разыгрывался въ вершинахъ старыхъ поломанныхъ деревьевъ. Какія-то большія птицы съ визгомъ вились около гнѣздъ этихъ деревьевъ. Растительность становилась бѣднѣе, чаще попадался шушукающій камышъ и голая песчаная полянки, избитыя звѣринными слѣдами. Къ гулу вѣтра присоединился еще какой-то невеселый, однобразный гулъ. Вообще на душѣ становилось пасмурно. Онъ ощупалъ сзади фазановъ и одного не нашелъ. Фазанъ оторвался и пропалъ, и только окровавленная шейка и головка торчали за поясомъ. Ему стало такъ страшно, какъ никогда. Онъ сталъ молиться Богу, и одного только боялся, что умреть, не сдѣлавъ ничего добра, хорошаго; а ему такъ хотѣлось жить, жить, чтобы совершить подвигъ самоотверженія.

XXI.

Вдругъ какъ солнце просіяло въ его душѣ. Онъ услыхалъ звуки русскаго говора, услыхалъ быстрое и равномѣрное

течение Терека, и шага черезъ два передъ нимъ открылась коричневая продвигающаяся поверхность рѣки, съ бурымъ, мокрымъ пескомъ на берегахъ и отмелахъ, дальняя степь, вышка кордона, отдѣлявшаяся надъ водой, осѣданная лошадь, въ треноги ходившая по тернамъ, и горы. Красное солнце вышло въ мгновеніе изъ-за тучи и послѣдними лучами весело блеснуло вдоль по рѣкѣ, по камышамъ, на вышку и на казаковъ, собравшихся кучкой, между которыми Лукашка невольно своею бодрою фигурой обратилъ вниманіе Оленина.

Оленинъ почувствовалъ себя опять, безъ всякой видимой причины, совершенно счастливымъ. Онъ зашелъ въ Нижне-протоцкій постъ, на Терекѣ, противъ мирнаго аула на той сторонѣ. Онъ поздоровался съ казаками, но еще не найдя предлога сдѣлать кому-либо добро, вошелъ въ избу. И въ избѣ не представилось случая. Казаки приняли его холодно. Онъ вошелъ въ мазанку и закурилъ папиросу. Казаки мало обратили вниманія на Оленина, во-первыхъ, за то, что онъ курилъ папироску, во - вторыхъ оттого, что у нихъ было другое развлеченіе въ этотъ вечеръ. Изъ горъ пріѣхали съ лазутчикомъ немирные чеченцы, родные убитаго абрека, выкупать тѣло. Ждали изъ станицы казачье начальство. Братъ убитаго, высокій, стройный, съ подстриженной и выкрашенной красною бородой, несмотря на то, что былъ въ оборваннѣйшей черкескѣ и папахѣ, былъ спокоенъ и величавъ, какъ царь. Онъ былъ очень похожъ лицомъ на убитаго абрека. Никого онъ не удостоивалъ взглядомъ, ни разу не взглянулъ на убитаго и, сидя въ тѣни на корточкахъ, только сплевывалъ, куря трубочку, и изрѣдка издавалъ нѣсколько повелительныхъ гортанныхъ звуковъ,

которымъ почтительно внималъ его спутникъ. Видно было, что это джигитъ, который ужъ не разъ видаль русскихъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, и что теперь ничто въ русскихъ не только не удивляло, но и не занимало его. Оленинъ подошелъ-было къ убитому и сталъ смотрѣть на него, но братъ, спокойно-презрительно взглянувъ выше бровей на Оленина, отрывисто и сердито сказалъ что-то. Лазутчикъ поспѣшилъ закрыть черкесской лицо убитаго. Оленина поразили величественность и строгость выраженія на лицѣ джигита; онъ заговорилъ-было съ нимъ, спрашивая изъ какого онъ аула, но чеченецъ чуть глянулъ на него, презрительно сплюнулъ и отвернулся. Оленинъ такъ удивился тому, что горецъ не интересовался имъ, что равнодушіе его объяснилъ себѣ только глупостью или непониманіемъ языка. Онъ обратился къ его товарищу. Товарищъ, лазутчикъ и переводчикъ, былъ такой же оборванный, но черный, а не рыжий, вертлявый, съ бѣлѣшими зубами и сверкающими черными глазами. Лазутчикъ охотно вступилъ въ разговоръ и попросилъ папиросу.

— Ихъ пять братьевъ,—разсказывалъ лазутчикъ на свое мъ ломанномъ полурусскомъ языкѣ:—вотъ ужъ это третьяго брата русскіе бьютъ, только два остались; онъ джигитъ, очень джигитъ,—говорилъ лазутчикъ, указывая на чеченца.— Когда убили Ахмедъ-хана (такъ звали убитаго абрека), онъ на той сторонѣ въ камышахъ сидѣлъ; онъ все видѣлъ, какъ его въ каюкъ клали и на берегъ привезли. Онъ до ночи сидѣлъ; хотѣлъ старика застрѣлить, да другое не пустили.

Лукашка подошелъ къ разговаривающимъ и подсѣлъ.

— А изъ какого аула?—спросилъ онъ.

— Вонъ, въ тѣхъ горахъ,—отвѣчалъ лазутчикъ, указывая

за Терекъ, въ голубоватое туманное ущелье: — Суюкъ-су знаешь? Верстъ десять за нимъ будетъ.

— Въ Суюкъ-су Гирей-хана знаешь? — спросилъ Лукашка, видимо гордясь этимъ знакомствомъ: — кунакъ мнѣ.

— Сосѣдъ мнѣ, — отвѣчалъ лазутчикъ.

— Молодецъ! — и Лукашка, видимо очень заинтересованный, заговорилъ по-татарски съ переводчикомъ.

Скоро пріѣхали верхомъ сотникъ и станичный со свитою двухъ казаковъ. Сотникъ, изъ новыхъ казачьихъ офицеровъ, поздоровался съ казаками; но ему не крикнулъ никто въ отвѣтъ, какъ армейские: „здравія желаемъ, ваше благородіе“, и только кое-кто отвѣтилъ простымъ поклономъ. Нѣкоторые, и Лукашка въ томъ числѣ, встали и вытянулись. Урядникъ донесъ, что на посту все обстоитъ благополучно. Все это смѣшило показалось Оленину; точно эти казаки играли въ солдаты. Но форменность скоро перешла въ простыя отношенія: и сотникъ, который былъ такой же ловкій казакъ, какъ и другіе, сталъ бойко говорить по-татарски съ переводчикомъ. Написали какую-то бумагу, отдали ее лазутчику, у него взяли деньги и приступили къ тѣлу.

— Гавриловъ Лука, который у васъ? — проговорилъ сотникъ.

Лукашка снялъ шапку и подошелъ.

— О тебѣ я послалъ рапортъ полковому. Что выйдетъ, не знаю, я написалъ къ кресту: въ урядники рано. Ты грамотенъ?

— Никакъ нѣтъ.

— А какой молодецъ изъ себя! — сказалъ сотникъ, продолжая играть въ начальника. — Накройся. Онъ чыхъ, Гавриловыхъ? Широкаго чтоль?

— Племянникъ,—отвѣчалъ урядникъ.

— Знаю, знаю. Ну, берись, подсоби имъ,—обратился онъ къ казакамъ.

Лукашкино лицо такъ и свѣтилось радостью и казалось красивѣе обыкновенного. Отойдя отъ урядника и накрывшись, онъ снова подсѣлъ къ Оленину.

Когда тѣло отнесено было въ каюкъ, чеченецъ-брать пошелъ къ берегу. Казаки невольно разстутились, чтобы дать ему дорогу. Онъ сильною ногой оттолкнулся отъ берега и вскочилъ въ лодку. Тутъ онъ въ первый разъ, какъ Оленинъ замѣтилъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ казаковъ и опять что-то отрывисто спросилъ у товарища. Товарищъ отвѣтилъ что-то и указалъ на Лукашку. Чеченецъ взглянулъ на него и, медленно отвернувшись, стала смотрѣть на тотъ берегъ. Не ненависть, а холодное презрѣніе выразилось въ этомъ взглядѣ. Онъ еще сказалъ что-то.

— Что онъ сказалъ? — спросилъ Оленинъ у вертляваго переводчика.

— Твоя наша бѣть, наша ваша коробчитъ. Все одна хурда мурда,—сказалъ лазутчикъ, видимо обманывая, засмѣялся, оскаливая свои бѣлые зубы, и вскочилъ въ каюкъ.

Братъ убитаго сидѣлъ, не шевелясь, и пристально глядѣлъ на тотъ берегъ. Онъ такъ ненавидѣлъ и презиралъ, что ему даже любопытнаго ничего тутъ не было. Лазутчикъ, стоя на концѣ каюка, перенося весло то на ту, то на другую сторону, ловко правилъ и говорилъ безъ умолку. Наискосъ перебивая теченіе, каюкъ становился меныше и меныше, голоса долетали чуть слышно, и наконецъ, въ глазахъ, они пристали къ тому берегу, гдѣ стояли ихъ лошади. Тамъ они вынесли тѣло, несмотря на то, что шарахалась лошадь, по-

ложили его черезъ сѣдло, сѣли на коней и шагомъ поѣхали по дорогѣ мимо аула, изъ котораго толпа народа вышла смотрѣть на нихъ. Казаки же на этой сторонѣ были чрезвычайно довольны и веселы. Со всѣхъ сторонѣ слышались смѣхъ и шуточки. Сотникъ съ станичнымъ пошли угоститься въ мазанку. Лукашка съ веселымъ лицомъ, которому тщетно старался онъ придать степенный видъ, сидѣлъ подлѣ Оленина, опершись локтями на колѣна и строгая палочку.

— Что это вы курите?—сказалъ онъ, какъ будто съ любопытствомъ:—развѣ хорошо?

Онъ видимо сказалъ это только потому, что замѣчалъ, что Оленину неловко и что онъ одинокъ среди казаковъ.

— Такъ, привыкъ,—отвѣчалъ Оленинъ:—а что?

— Гм! Коли бы нашъ братъ курить сталъ, бѣда! Вонъ вѣдь недалеко горы-то, — сказалъ Лукашка, указывая въ ущелье,—а не доѣдешь!.. Какъ жѣ вы домой одни пойдете: темно. Я васъ провожу, коли хотите,—сказалъ Лукашка:— вы попросите у урядника.

„Какой молодецъ“, подумалъ Оленинъ, глядя на веселое лицо казака. Онъ вспомнилъ про Марьянку и про поцѣлуй, который онъ подслушалъ за воротами, и ему стало жалко Лукашку, жалко его необразованіе. „Что за вздоръ и путаница?“ думалъ онъ: „человѣкъ убилъ другого, и счастливъ, доволенъ, какъ-будто сдѣлалъ самое прекрасное дѣло. Нежели ничто не говоритъ ему, что тутъ нѣть причины для большой радости? Что счастіе не въ томъ, чтобы убивать, а въ томъ, чтобы жертвовать собой?“

— Ну, не попадайся ему теперь, братъ,—сказалъ одинъ изъ казаковъ, провожавшихъ каюкъ, обращаясь къ Лукашкѣ:— слыхалъ, какъ про тебя спросилъ?

Лукашка поднялъ голову.

— Крестникъ-то? — сказалъ Лукашка, разумѣя подъ этимъ словомъ чеченца.

— Крестникъ-то не встанетъ, а рыжій братецъ-то крестовый.

— Пускай Бога молитъ, что самъ цѣль ушелъ, — сказалъ Лукашка, смѣясь.

— Чему жъ ты радуешься? — сказалъ Оленинъ Лукашкѣ. — Какъ бы твоего брата убили, развѣ бы ты радовался?

Глаза казака смѣялись, глядя на Оленина. Онъ, казалось, понялъ все, что тотъ хотѣлъ сказать ему, но стоялъ выше такихъ соображеній.

— А что жъ? И не безъ того! Развѣ нашего брата не бывать?

XXII.

Сотникъ со станичнымъ уѣхали; а Оленинъ, для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Лукашкѣ и чтобы не итти одному по темному лѣсу, попросилъ отпустить Лукашку, и урядникъ отпустилъ его. Оленинъ думалъ, что Лукашкѣ хочется видѣть Марьянку, и вообще былъ радъ товариществу такого пріятнаго на видъ и разговорчиваго казака. Лукашка и Марьяна невольно соединялись въ его воображеніи, и онъ находилъ удовольствіе думать о нихъ. „Онъ любить Марьянку,“ думалъ себѣ Оленинъ, „а я бы могъ любить ее“. И какое-то сильное, новое для него чувство умиленія овладѣвало имъ въ то время, какъ они шли домой по темному лѣсу. Лукашкѣ тоже было весело на душѣ. Что-то похожее на любовь чувствовалось между этими двумя столь различными молодыми

людьми. Всякій разъ, какъ они взглядывали другъ на друга, имъ хотѣлось смѣяться.

— Тебѣ въ какія ворота?—спросилъ Оленинъ.

— Въ среднія. Да я вѣсъ провожу до болота. Тамъ ужъ вы не бойтесь ничего.

Оленинъ засмѣялся.

— Да развѣ я боюсь? Ступай назадъ, благодарствую. Я одинъ дойду.

— Ничего! А мнѣ что жъ дѣлать? Какъ вамъ не бояться? и мы боимся,—сказалъ Лукашка, тоже смѣясь и успокаивая его самолюбіе.

— Ты ко мнѣ зайди. Поговоримъ, выпьемъ, а утромъ ступай.

— Развѣ я мѣста не найду, гдѣ ночку ночевать, — засмѣялся Лукашка,—да урядникъ просилъ притти.

— Я вчера слышалъ, ты пѣсни пѣль, и еще тебя видѣль.

— Всѣ люди...—И Лука покачалъ головой.

— Что, ты женишься? правда?—спросилъ Оленинъ.

— Матушка женить хочетъ. Да еще и коня нѣть.

— Ты не строевой?..

— Гдѣ-жъ? Только собрался. Еще коня нѣть, а раздѣбаться негдѣ. Оттого и не женятъ.

— А сколько конь стдить?

— Торговали намедни одного за рѣкой, такъ шестьдесятъ монетовъ не берутъ, а конь ногайскій.

— Пойдешь ты ко мнѣ въ драбанты (въ походѣ драбантъ есть нѣчто въ родѣ вѣстового, которыхъ давали офицерамъ)? Я тебя выхлопочу и коня тебѣ подарю, — вдругъ сказалъ Оленинъ.—Право. У меня два, мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно? смѣясь сказалъ Лукашка.—Что вамъ дарить? Мы разживемся, Богъ дастъ.

— Право! Или не пойдешь въ драбацты? — сказалъ Оленинъ, радуясь тому, что ему пришло въ голову подарить коня Лукашкѣ. Ему, однако, отчего-то неловко и совѣстно было. Онъ искалъ и не зналъ, что сказать.

Лукашка первый прервалъ молчаніе.

— Что, у васъ въ Россіи домъ есть свой?—спросилъ онъ.

Оленинъ не могъ удержаться, чтобы не рассказать, что у него не только одинъ домъ, но и нѣсколько домовъ есть.

— Хорошій домъ? больше нашихъ?—добродушно спросилъ Лукашка.

— Много больше, въ десять разъ; въ три яруса, — рассказывалъ Оленинъ.

— А кони есть такие, какъ у насъ?

— У меня сто головъ лошадей, да по триста, по четыре ста рублей, только не такие, какъ ваши. Серебромъ триста! Рысистыя, знаешь... А все я здѣшнихъ лучше люблю.

— Что жъ вы сюда прѣѣхали, волей или неволей? — спросилъ Лукашка, все будто посмѣиваясь.—Вотъ вы гдѣ заплутались,—прибавилъ онъ, указывая на дорожку, мимо которой они проходили:—вамъ бы надо вправо.

— Такъ, по своей охотѣ,—отвѣчалъ Оленинъ,—хотѣлось посмотреть ваши мѣста, въ походахъ походить.

— Сходилъ бы въ походъ нынче,—сказалъ Лука. — Ишь чакалки воютъ,—прибавилъ онъ, прислушиваясь.

— Да что, тебѣ не страшно, что ты человѣка убилъ?—спросилъ Оленинъ.

— Чего жъ бояться?—А сходилъ бы въ походъ!—повторилъ Лукашка.—Такъ мнѣ хочется, такъ мнѣ хочется...

— Можетъ-быть пойдемъ вмѣстѣ. Наша рота пойдетъ передъ праздникомъ и ваша сотня тоже.

— И охота вамъ сюда ъхать! Домъ есть, кони есть и холопы есть. Я бы гуляль да гуляль. Что вы чинъ какой имѣете?

— Я юнкеръ, а теперь представленъ.

— Ну, коли не хвастаете, что житье у васъ такое, я изъ дому никуда бы не уѣхалъ. Да я и такъ никуда бы не уѣхалъ. Хорошо у насъ жить?

— Да. Очень хорошо,—сказалъ Оленинъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда они, разговаривая такимъ образомъ, подходили къ станицѣ. Еще ихъ окружалъ темный мракъ лѣса. Вѣтеръ высоко гудѣлъ въ вершинахъ. Чакалки, казалось, подлѣ нихъ вдругъ завывали, хохотали и плакали, а впереди, въ станицѣ, уже слышался женскій говоръ, лай собакъ, ясно обозначались профили хатъ, свѣтились огни и тянуло запахомъ, особеннымъ запахомъ дыма кизяка. Такъ и чувствовалось Оленину, особенно въ этотъ вечеръ, что тутъ въ станицѣ его домъ, его семья, все его счастіе, и что никогда нигдѣ онъ не жилъ и жить не будетъ такъ счастливо, какъ въ этой станицѣ. Онъ такъ любилъ всѣхъ, и особенно Лукашку въ этотъ вечеръ! Придя домой, Оленинъ, къ великому удивленію Лукашки, самъ вывелъ изъ клѣти купленную имъ въ Грозной—не ту, на которой онъ всегда ъздила,—но другую, не дурную, хотя и не молодую лошадь, и отдалъ ему.

— За что вамъ меня дарить?—сказалъ Лукашка:—я вамъ еще не услужилъ ничѣмъ.

— Право, мнѣ ничего не стдитъ,—отвѣчалъ Оленинъ:— возьми, и ты мнѣ подаришь что... Вотъ и въ походъ пойдемъ.

Лука смутился.

— Ну что жъ это? Развѣ конь малаго стойти,—говориль онъ, не глядя на лошадь.

— Возьми же, возьми! Коли ты не возьмешь, ты меня обидишь. Ванюша, отведи къ нему сѣраго.

Лукашка взялъ за поводъ.

— Ну благодарствую. Вотъ, не думано, не гадано.

Оленинъ былъ счастливъ какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ.

— Привяжи ее здѣсь. Она хорошая лошадь, я въ Грязной купилъ, и скакеть лихо. Ванюша, дай намъ чихирю. Пойдемъ въ хату.

Подали вино. Лукашка сѣлъ, и взялъ чепуру.

— Богъ дастъ и я вамъ отслужу,—сказалъ онъ, допивая вино.—Какъ звать-то тебя?

— Дмитрій Андреичъ.

— Ну, Митрій Андреичъ, спаси тебя Богъ. Кунаки будемъ. Теперь приходи къ намъ когда. Хоть и небогатые мы люди, а все кунака угостимъ. Я и матушкѣ прикажу; коли чего нужно, каймаку или винограду. А коли на кордонъ придешь, я тебѣ слуга, на охоту, за рѣку ли, куда хочешь. Вотъ намедни не зналъ. Какого кабана убилъ! Такъ по казакамъ роздалъ, а то бы тебѣ принесъ.

— Хорошо, благодарствуй. Ты ее только не запрягай, а то она не ъздила.

— Какъ коня запрягать! А вотъ еще я тебѣ скажу,—понизивъ голову, сказалъ Лукашка:—коли хочешь, мнѣ кунакъ есть, Гирей-ханъ; звалъ на дорогу засѣсть, гдѣ изъ горъ ъздишь, такъ вмѣстѣ пойдемъ, ужъ я тебя не выдамъ, твой мюридъ буду.

— Пойдемъ, пойдемъ когда-нибудь.

Лукашка, казалось, совершенно успокоился и понялъ от-
ношенія Оленина къ нему. Его спокойствіе и простота обращенія удивили Оленина и были даже немного непріятны ему. Они долго бесѣдовали, и уже поздно Лукашка, не пьяный (онъ никогда не бывалъ пьянъ), но много выпивши, пожавъ Оленину руку, вышелъ отъ него.

Оленинъ выглянулъ въ окно посмотретьъ, что онъ будетъ дѣлать выйдя отъ него. Лукашка шелъ тихо, опустивъ голову внизъ. Потомъ, выведя коня за ворота, вдругъ встряхнулъ головой, какъ кошка вскочилъ на него, перекинулъ поводъ недоуздка и, гикнувъ, закатился вдоль по улицѣ. Оленинъ думалъ, что онъ пойдетъ подѣлиться своею радостью съ Марьянкой; но несмотря на то, что Лука этого не сдѣлалъ, ему было такъ хорошо на душѣ, какъ никогда въ мірѣ. Онъ, какъ мальчикъ, радовался и не могъ удержаться, чтобы не разсказать Ванюшѣ не только то, что онъ подарилъ лошадь Лукѣ, но и зачѣмъ подарилъ, и всю свою новую теорію счастія. Ванюша не одобрилъ этой теоріи и объявилъ, что *ларжанъ ильняна*, и потому все это пустяки.

Лукашка забѣжалъ домой, соскочилъ съ коня и отдалъ его матери, наказавъ пустить его въ казачій табунъ; самъ же онъ въ ту же ночь долженъ былъ вернуться на кордонъ. Нѣмая взялась свести коня и знаками показывала, что она какъ увидитъ человѣка, который подарилъ лошадь, такъ и поклонится ему въ ноги. Старуха только покачала головой на разсказъ сына, и въ душѣ порѣшила, что Лукашка укралъ лошадь, и потому приказала нѣмой вести коня въ табунъ еще до свѣта.

Лукашка пошелъ одинъ на кардонъ и все раздумывалъ о

поступкѣ Оленина. Хотя конь и не хороши былъ по его мнѣнію, однако стоилъ по крайней мѣрѣ сорокъ монетовъ, и Лукашка былъ очень радъ подарку. Но зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ подарокъ, этого онъ не могъ понять, и потому не испытывалъ ни малѣйшаго чувства благодарности. Напротивъ, въ головѣ его бродили неясныя подозрѣнія въ дурныхъ умыслахъ юнкера. Въ чёмъ состояли эти умыслы, онъ не могъ дать себѣ отчета, но и допустить мысль, что такъ, ни за что, по добротѣ, незнакомый человѣкъ подарилъ ему лошадь въ сорокъ монетовъ, ему казалось невозможно. Коли бы пьянъ былъ, тогда бы еще понятно было: хотѣлъ покуражиться. Но юнкеръ былъ трезвъ, а потому, вѣро, хотѣлъ подкупить его на какое-нибудь дурное дѣло. „Ну да врешь!“ думалъ Лукашка. — Конь-то у меня, а тамъ видно будетъ. Я самъ малый не промахъ. Еще кто кого проведеть! Посмотримъ!“ думалъ онъ, испытывая потребность быть пасторожъ противъ Оленина, и потому возбуждая въ себѣ къ нему недоброжелательное чувство. Онъ никому не рассказывалъ, какъ ему достался конь. Однимъ говорилъ, что купилъ; отъ другихъ отдѣлялся уклончивымъ отвѣтомъ. Однако, въ станицѣ скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевичъ и другіе казаки, узнавшіе о безпричинномъ подаркѣ Оленина, пришли въ недоумѣніе и стали опасаться юнкера. Несмотря на такія опасенія, поступокъ этотъ возбудилъ въ нихъ большое уваженіе къ простотѣ и богатству Оленина.

— Слыши, Лукашкѣ коня въ пятьдесятъ монетовъ бросилъ юнкирь-то, что у Ильи Васильевича стоитъ,—говорилъ одинъ.—Богачъ.

— Слыхалъ,—отвѣчалъ другой глубокомысленно.—Должно

услужилъ ему. Поглядимъ, поглядимъ, что изъ него будетъ. Эко Урвану счастіе.

— Экой народъ продувной изъ юнкерей, бѣда! — говорилъ третій: — какъ разъ подожжетъ или что.

XXIII.

Жизнь Оленина шла однообразно, ровно. Съ начальствомъ и товарищами онъ имѣлъ мало дѣла. Положеніе богатаго юнкера на Кавказѣ особенно выгодно въ этомъ отношеніи. На работы и на ученіе его не посыпали. За экспедицію онъ былъ представленъ въ офицеры, а до того времени оставляли его въ покой. Офицеры считали его аристократомъ, и потому держали себя въ отношеніи къ нему съ достоинствомъ. Картежная игра и офицерскіе кутежи съ пѣсеппаками, которые онъ испыталъ въ отрядѣ, казались ему не привлекательными, и онъ съ своей стороны тоже удалялся офицерскаго общества и офицерской жизни въ станицѣ. Офицерская жизнь въ станицахъ давно уже имѣть свой определенный складъ. Какъ каждый юнкеръ или офицеръ въ крѣпости регулярно пьетъ портеръ, играетъ въ штосъ, толкуетъ о наградахъ за экспедиціи, такъ въ станицѣ регулярно пьетъ съ хозяевами чихирь, угощаетъ дѣвокъ закусками и медомъ, волочится за казачками, въ которыхъ влюбляется; иногда и женится. Оленинъ жилъ всегда своеобразно, и имѣлъ безсознательное отвращеніе къ битымъ дорожкамъ. И здѣсь также не пошелъ онъ по избитой колѣ жизни кавказскаго офицера.

Само собою слѣдалось, что онъ просыпался вмѣстѣ съ свѣтомъ. Напившись чаю и полюбовавшись съ своего кры-

лечка на горы, на утро и на Марьинку, онъ надѣвалъ оборванный зипунъ изъ воловьей шкуры, размоченную обувь, называемую поршнями, подпоясывалъ кинжалъ, бралъ ружье, мѣшечекъ съ закуской и табакомъ, звалъ за собой собаку, и отправлялся часу въ шестомъ утра въ лѣсъ за станицу. Часу въ седьмомъ вечера онъ возвращался усталымъ, голоднымъ, съ пятью-шестью фазанами за поясомъ, иногда съ звѣремъ, съ нетронутымъ мѣшечкомъ, въ которомъ лежали закуска и папиросы. Ежели бы мысли въ головѣ лежали такъ же, какъ папиросы въ мѣшкѣ, то можно было бы видѣть, что за всѣ эти четырнадцать часовъ ни одна мысль не пошевелилась въ немъ. Онъ приходилъ домой морально свѣжій, сильный и совершенно счастливый. Онъ не могъ бы сказать, о чѣмъ онъ думалъ все это время. Не то мысли, не то воспоминанія, не то мечты бродили въ его головѣ,—бродили отрывки всего этого. Опомнится, спросить: о чѣмъ онъ думаетъ? И застаетъ себя или казакомъ, работающимъ въ садахъ съ казачкою-женою, или абрѣкомъ въ горахъ, или кабаномъ, убѣгающимъ отъ себя же самого. И все прислушивается, взглядываетъ и ждетъ фазана, кабана или оленя.

Вечеромъ ужъ непремѣнно сидѣтъ у него дядя Ерошка. Ванюша приноситъ осьмуху чихиря, и они тихо бесѣдуютъ, напиваются и оба довольные расходятся спать. На-завтра опять охота, опять здоровая усталость, опять за бесѣдой такъ же напиваются, и опять счастливы. Иногда, въ праздникъ или въ день отдыха, онъ цѣлый день проводитъ дома. Тогда главнымъ занятіемъ была Марьинка, за каждымъ движениемъ которой, самъ того не замѣчая, онъ жадно слѣдилъ изъ своихъ оконъ или съ своего крыльца. Онъ смот-

рѣль на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) такъ же, какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между нимъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкой-дѣвкой. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то, что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое полное наслажденіе, созерцаніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. При томъ же, въ отношеніи къ этой женщинѣ, онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія, доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Однажды лѣтомъ Оленинъ не пошелъ на охоту и сидѣлъ дома. Совершенно неожиданно вошелъ къ нему его московский знакомый, очень молодой человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ:

— Ахъ, mon cher, мой дорогой, какъ я обрадовался, узнавъ, что вы здѣсь!—началъ онъ на московско-французскомъ языке и такъ продолжалъ, пересыпая свою рѣчь французскими словами.—Миѣ говорять: „Оленинъ“. Какой Оленинъ? Я такъ обрадовался... Вотъ привела судьба свидѣться. Ну какъ вы? что? зачѣмъ?

И князь Бѣлецкій рассказалъ всю свою исторію: какъ онъ поступилъ на время въ этотъ полкъ, какъ главнокомандующій звалъ его въ адъютанты, и какъ онъ послѣ похода поступить къ нему, несмотря на то, что вовсе этимъ не интересуется.

— Служа здѣсь, въ этой трущобѣ, надо по крайней мѣрѣ

сдѣлать карьеру... крестъ... чинъ... въ гвардію переведутъ. Все это необходимо, хоть не для меня, но для родныхъ, для знакомыхъ. Князь меня принялъ очень хорошо; онъ очень порядочный человѣкъ, — говорилъ Бѣлецкій, не умолкая.—За экспедицію представленъ къ Аннѣ. А теперь проживу здѣсь до похода. Здѣсь отлично. Какія женщины! Ну, а вы какъ живете? Миѣ говорилъ нашъ капитанъ—знаете, Старцевъ: доброе глупое существо... онъ говорилъ, что вы ужаснымъ дикаремъ живете, ни съ кѣмъ не видитесь. Я понимаю, что вамъ не хочется сближаться съ здѣшними офицерами. Я радъ, теперь мы съ вами будемъ видѣться. Я тутъ остановился у урядника. Какая тамъ дѣвочка, Устенька! Я вамъ скажу, прелестъ!

И еще, и еще сыпались французскія и русскія слова изъ того міра, который, какъ думалъ Оленинъ, былъ покинутъ имъ навсегда. Общее мнѣніе о Бѣлецкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый. Можетъ-быть, онъ и дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на его добродушное, хоропеньковое лицо, чрезвычайно непріятенъ. Такъ и пахнуло отъ него всею тою гадостью, отъ которой онъ отрекся. Досадиѣ же всего ему было то, что онъ не могъ, рѣшительно не былъ въ силахъ рѣзко оттолкнуть отъ себя этого человѣка изъ того міра, какъ-будто этотъ старый, бывшій его міръ имѣлъ на него не-отразимыя права. Онъ злился на Бѣлецкаго и на себя, и противъ своей воли вставлялъ французскія фразы въ свой разговоръ, интересовался главнокомандующимъ и московскими знакомыми, и на основаніи того, что они оба въ казачьей станицѣ говорили на французскомъ діалектѣ, съ презрѣніемъ относился о товарищахъ - офицерахъ, о каза-

кахъ, и дружески обошелся съ Бѣлецкимъ, обѣщаясь бы-
вать у него и приглашая заходить къ нему. Самъ Оленинъ,
однако, не ходилъ къ Бѣлецкому. Ванюша одобрилъ Бѣлец-
каго, сказавъ, что это настоящій баринъ.

Бѣлецкій сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго кав-
казскаго офицера въ станицѣ. На глазахъ Оленина, онъ въ
одинъ мѣсяцъ сталъ какъ бы старожиломъ станицы: онъ
под паивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки и самъ ходилъ на
вечеринки къ дѣвкамъ, хвастался побѣдами и даже дошелъ
до того, что дѣвки и бабы прозвали его почему-то дѣдуш-
кой, а казаки, ясно опредѣлявшіе себѣ этого человѣка, лю-
бившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему и даже по-
любили его больше, чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ
загадкой.

XXIV.

Было 5 часовъ утра. Ванюша раздувалъ голенищемъ са-
моваръ на крыльцѣ хаты. Оленинъ уже уѣхалъ верхомъ
купаться на Тerekъ. (Онъ недавно выдумалъ себѣ новое
удовольствіе—купать въ Тerekѣ лошадь). Хозяйка была въ
своей избушкѣ, изъ трубы которой поднимался черный гу-
стой дымъ растапливавшейся печи; дѣвка въ клѣти доила
буйволицу. „Не постоитъ, проклятая!—слышался оттуда ея
нетерпѣливый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздавался равно-
мѣрный звукъ доенія. На улицѣ, около дома, послышался
бойкій шагъ лошади, и Оленинъ *охлепью*, на красивомъ,
невысохшемъ, глянцевито-мокромъ, темно-сѣромъ конѣ, подъ-
ѣхалъ къ воротамъ. Красивая голова Марьяны, повязан-
ная однимъ краснымъ платкомъ (называемомъ сорочкой),
высунулась изъ клѣти и снова скрылась. На Оленинѣ была

красная канатовая рубаха, бѣлая черкеска, стянутая ремнемъ съ кинжаломъ, и высокая шапка. Онъ нѣсколько изысканно сидѣлъ на мокрой спинѣ сѣтой лошади и, придерживая ружье за спиной, нагнулся, чтобы отворить ворота. Волоса его еще были мокры, лицо сияло молодостью и здоровьемъ. Онъ думалъ, что онъ хорошъ, ловокъ и похожъ на джигита; но это было несправедливо. На взглядъ всякаго опытнаго кавказца, онъ все-таки былъ солдатъ. Замѣтивъ высунувшуюся голову дѣвки, онъ особенно бойко пригнулся, откинувшись плетеньемъ воротъ и, поддержавъ поводья, взмахнувъ плетью, вѣхалъ на дворъ. „Готовъ чай, Ванюша?“ крикнулъ онъ весело, не глядя на дверь клѣти; онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ поджимая задѣ, попрашивая поводья и содрогаясь каждымъ мускуломъ, красивый конь, готовый со всѣхъ ногъ перескочить черезъ заборъ, отбивалъ шагъ по засохшей глини дворца. „Се пре!“ отвѣчалъ Ванюша. Оленину казалось, что красивая голова Марьянны все еще смотритъ изъ клѣти, но онъ не оглянулся на нее. Соскочивъ съ лошади, Оленинъ зацѣпилъ ружьемъ за крылечко, сдѣлалъ неловкое движеніе и испуганно оглянулся на клѣть, въ которой никого не было видно, а слышались тѣ же равномѣрные звуки доеня.

Войдя въ хату, онъ черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда на крылечко и съ книгой и трубкой, за стаканомъ чаю, усѣлся въ сторонѣ, не облитой еще косыми лучами утра. Онъ никуда не сбирался до обѣда въ этотъ день и намѣревался писать давно откладывавшіяся письма; но почему-то жалко было ему оставить свое мѣстечко на крыльце, и, какъ въ тюрьму, не хотѣлось вернуться въ хату. Хозяйка вытопила печь, дѣвка угнала скотину и, вернувшись, стала

собирать и лѣпить кизяки по забору. Оленинъ читалъ, но ничего не понималъ изъ того, что было написано въ раскрытой передъ нимъ книгѣ. Онъ безпрестанно отрывалъ отъ нея глаза и смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ сильную молодую женщину. Заходила ли эта женщина въ сырую утреннюю тѣнь, падавшую отъ дома, выходила ли она на средину двора, освѣщенаго радостнымъ молодымъ свѣтомъ, и вся стройная фигура ея въ яркой одеждѣ блистала на солнцѣ и клала черную тѣнь, — онъ одинаково боялся потерять хоть одно изъ ея движеній. Его радовало видѣть, какъ свободно и граціозно сгибался ея станъ, какъ розовая рубаха, составлявшая всю ея одежду, драпировалась на груди и вдоль стройныхъ ногъ; какъ выпрямлялся ея станъ, и подъ ея стянутой рубахой твердо обозначались черты дышащей груди; какъ узкая ступня, обутая въ красные, старые черевики, не перемѣняя формы, становилась на землю; какъ сильныя руки, съ засученными рукавами, напрягая мускулы, будто сердито бросали лопатой, и какъ глубокіе черные глаза взглядывали иногда на него. Хотя и хмурились тонкія брови, но въ глазахъ выражалось удовольствіе и чувство своей красоты.

— Что, Оленинъ, ужъ вы давно встали? — сказалъ Бѣлецкій, въ кавказскомъ офицерскомъ сюртукѣ, входя на дворъ и обращаясь къ Оленину.

— А, Бѣлецкій! — отозвался Оленинъ, протягивая руку: — какъ вы такъ рано?

— Что дѣлать! Выгнали. У меня нынче балъ. Марьяна, ты вѣдь придешь къ Устенкѣ? — обратился онъ къ дѣвкѣ.

Оленинъ удивился, какъ могъ Бѣлецкій такъ просто обращаться къ этой женщинѣ. Но Марьяна, какъ-будто не слы-

хавъ, нагнула голову и, перекинувъ на плечо лопату, своею бойкою мужскою походкою пошла къ избушкѣ.

— Стыдится, нянюка, стыдится,—проговорилъ ей вслѣдъ Бѣлецкій,—васъ стыдится,—и, весело улыбаясь, взбѣжалъ на крыльцо.

— Какъ баль у васъ? Кто васъ выгналъ?

— У Устенъки, у моей хозяйки, баль, и вы приглашены. Баль, то-есть пирогъ и собраніе дѣвокъ.

— Да что жъ мы-то будемъ дѣлать?

Бѣлецкій хитро улыбнулся и, подмигнувъ, показалъ головой на избушку, въ которой скрылась Марьяна.

Оленинъ пожалъ плечами и покраснѣлъ.

— Ей-Богу, вы странный человѣкъ!—сказалъ онъ.

— Ну, рассказывайте!

Оленинъ нахмурился. Бѣлецкій замѣтилъ это и искательно улыбнулся.—Да какъ же, помилуйте,—сказалъ онъ,—живете въ одномъ домѣ; и такая славная дѣвка, отличная дѣвочка, совершенная красавица...

— Удивительная красавица! Я не видывалъ такихъ женщинъ,—сказалъ Оленинъ.

— Ну такъ что же? — совершенно ничего не понимая, спросилъ Бѣлецкій.

— Оно, можетъ-быть, странно,—отвѣчалъ Оленинъ, — но отчего же мнѣ не говорить того, что есть? Съ тѣхъ поръ какъ я живу здѣсь, для меня какъ-будто не существуетъ женщинъ. И такъ хорошо, право! Ну да и что можетъ быть общаго между нами и этими женщинами? Ерошка — другое дѣло; съ нимъ у насъ общая страсть — охота.

— Ну, вотъ! Что общаго! А что общаго между мной и Амалией Ивановной? То же самое. Скажете, что грязь-

неньки онъ, ну это другое дѣло. A la guerre, comme à la guerre!

— Да я Амалій Ивановиѣ не зналъ и никогда не умѣль съ ними обращаться,—отвѣчалъ Оленинъ.—Но тѣхъ нельзя уважать, а этихъ я уважаю.

— Ну и уважайте! Кто жъ вамъ мѣшаетъ!

Оленинъ не отвѣчалъ. Ему, видимо, хотѣлось договорить то, что онъ началъ. Оно было ему слишкомъ къ сердцу.

— Я знаю, что я составляю исключеніе. (Онъ, видимо, былъ смущенъ). Но жизнь моя устроилась такъ, что я не вижу не только никакой потребности измѣнять свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь, не говорю уже жить такъ счастливо, какъ живу, ежели бы я жилъ по-вашему. И потомъ, я совсѣмъ другого ищу, другое вижу въ нихъ, чѣмъ вы.

Бѣлецкій недовѣрчиво поднялъ брови. — Все-таки приходите ко мнѣ вечеркомъ, и Марьяна будетъ, я васъ познакомлю. Приходите пожалуйста! — Ну, скучно будетъ, вы уйдете. Придете?

— Я бы пришелъ; но по правдѣ вамъ скажу, я боюсь серьезно увлечься.

— О, о, о! — закричалъ Бѣлецкій. — Приходите только, я вѣсъ успокою. Придете? Честное слово?

— Я бы пришелъ, но право я не понимаю, что мы будемъ дѣлать, какую роль мы будемъ играть.

— Пожалуйста, я вѣсъ прошу. Придете?

— Да, приду, можетъ-быть,—сказалъ Оленинъ.

— Помилуйте, прелестныя женщины какъ нигдѣ, и жить монахомъ! что за охота? Изъ чего портить себѣ жизнь и не пользоваться тѣмъ, что есть? Слышали вы, наша рота въ Воздвиженскую пойдетъ.

— Едва ли. Мнѣ говорили, что 8-я рота пойдетъ,—сказалъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я получилъ письмо отъ адъютанта. Онъ пишетъ, что князь будетъ самъ въ походѣ. Я радъ: мы съ нимъ увидимся. Ужъ мнѣ начинаетъ надоѣдать здѣсь.

— Говорятъ, что въ набѣгъ скоро.

— Не слыхалъ; а слыхалъ, что Криновицыну за набѣгъ-то Анна вышла. Онъ ждалъ поручика,—сказалъ Бѣлецкій, смѣясь.—Вотъ попался-то. Онъ въ штабъ поѣхалъ...

Стало смеркаться, и Оленинъ началъ думать о вечеринкѣ. Притглашеніе мучило его. Ему хотѣлось итти, но странно, дико и немного страшно было подумать о томъ, что тамъ будетъ. Онъ зналъ, что ни казаковъ, ни старухъ, никого, кромѣ дѣвокъ, не должно быть тамъ. Что такое будетъ? Какъ вести себя? Что говорить? Что онѣ будутъ говорить? Какія отношенія между нимъ и этими дикими казачьими дѣвками? Бѣлецкій разсказывалъ про такія страныя, циническія и вмѣстѣ строгія отношенія... Ему странно было думать, что онъ будетъ тамъ въ одной хатѣ съ Марьяной и, можетъ-быть, ему придется говорить съ ней. Ему это казалось невозможнымъ, когда онъ вспоминалъ ея величавую осанку. Бѣлецкій же разсказывалъ, что все это такъ просто. „Неужели Бѣлецкій и съ Марьяной будетъ такъ же обращаться? Это интересно,—думалъ онъ.—Нѣтъ, лучше неходить. Все это гадко, иошло, а главное ни къ чему“. Но опять его мучилъ вопросъ: какъ это все будетъ? И его какъ-будто связывало данное слово. Онъ пошелъ, не решившись ни на что, но дошелъ до Бѣлецкаго и вошелъ къ нему.

Хата, въ которой жилъ Бѣлецкій, была такая же, какъ

и хата Оленина. Она стояла на столбахъ въ два аршина отъ земли и состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой, въ которую вошелъ Оленинъ по крутой лѣсенкѣ, лежали пуховики, ковры, одѣяла, подушки на казачій манеръ, красиво и изящно прибранныя другъ къ другу у одной лицевой стѣны. Тутъ же, на боковыхъ стѣнахъ, висѣли мѣдные тазы и оружіе; подъ лавкой лежали арбузы и тыквы. Во второй комнатѣ была большая печь, столъ, лавки и старовѣрческія иконы. Здѣсь помѣщался Бѣлецкій съ своею складкою кроватью, выочными чемоданами, съ коврикомъ, на которомъ висѣло оружіе, и съ разставленными на столѣ туалетными вещицами и портретами. Шелковый халатъ былъ брошенъ на лавкѣ. Самъ Бѣлецкій, хорошенъкій, чистенькій лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ *Les trois mousquetaires*.

Бѣлецкій вскочилъ.

— Вотъ видите, какъ я устроился. Славно? Ну хорошо, что пришли. Ужъ у нихъ идетъ работа страшная. Вы знаете изъ чего дѣлается пирогъ? Изъ тѣста съ свининой и виноградомъ. Да не въ томъ сила. Посмотрите-ка, что тамъ кипить!

Дѣйствительно, выглянувъ въ окно, они увидѣли необыкновенную суетню въ хозяйствской хатѣ. Дѣвки то съ тѣмъ, то съ другимъ, выбѣгали изъ сѣней и вѣбѣгали обратно. — Скоро ли? — крикнулъ Бѣлецкій.

— Сейчасъ! Аль проголодался, дѣдушка? — и изъ хаты послышался звонкій хохотъ.

Устенька, пухленъкай, румянецъкай, хорошенъкай, съ засученными рукавами, вѣжала въ хату Бѣлецкаго за тарелками.

— Ну ты! Воть тарелки разобью, — завизжала она на Бѣлецкаго.—Ты бы шель подсоблять,—прокричала, она смѣясь, на Оленина.—Да закусокъ-то *) дѣвкамъ припаси.

— А Марьянка пришла?—спросилъ Бѣлецкій.

— А то какъ же? Она тѣста принесла.

— Вы знаете ли, — сказалъ Бѣлецкій, — что ежели бы одѣть эту Устеньку да подчистить, похолить немножко, она была бы лучше всѣхъ нашихъ красавицъ. Видѣли вы казачку Борщеву? Она вышла замужъ за полковника. Прелесты! какая dignit ! Откуда что взялось...

— Я не видалъ Борщевой, а по мѣрѣ лучше этого наряда ничего быть не можетъ.

— Ахъ, я такъ умѣю примириться со всякою жизнью! — сказалъ Бѣлецкій, весело вздыхая: — пойду посмотрю, что у нихъ.

Онъ накинулъ халатъ и побѣжалъ.—А вы озабочтесь закусками! —крикнулъ онъ.

Оленинъ послалъ деньщика за пряниками и медомъ; и такъ ему вдругъ гадко показалось давать деньги, будто онъ подкупалъ кого-то, что онъ ничего опредѣленного не отвѣтилъ на вопросъ деньщика „сколько купить мятныхъ, сколько медовыхъ“.

— Какъ знаешь.

— На всѣ-съ?—значителько спросилъ старый солдатъ.—Мятные дороже. По шестнадцати продавали.

— На всѣ, на всѣ,—сказалъ Оленинъ и сѣль къ окну, самъ удивляясь, почему у него сердце стучало такъ, какъ будто онъ на что-то важное и нехорошее готовился.

*) Закусками называются пряники и конфеты.

Онъ слышалъ, какъ въ дѣвичьей хатѣ поднялся крикъ и визгъ, когда вошелъ туда Бѣлецкій, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ, какъ съ визгомъ, возней и смѣхомъ, онъ выскочилъ оттуда и сбѣжалъ съ лѣсенки.

— Выгнали, — сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Устенька вошла въ хату и торжественно пригласила гостей, объявивъ, что все готово.

Когда они вошли въ хату, все дѣйствительно было готово, и Устенька оправляла пуховики въ стѣнѣ. На столѣ, накрытомъ несоразмѣрно малою салфеткой, стоялъ графинъ съ чихиремъ и супоная рыба. Въ хатѣ пахло тѣстомъ и виноградомъ. Человѣкъ шесть дѣвокъ, въ нарядныхъ бешметахъ и необязанныя платками, какъ обыкновенно, жались въ углу за печкою, шептались, смѣялись и фыркали.

— Просимъ покорно моего ангела помолить, — сказала Устенька, приглашая гостей къ столу.

Оленинъ въ толпѣ дѣвокъ, которыхъ всѣ безъ исключенія были красивы, разсмотрѣлъ Марьянку, и ему больно и досадно стало, что онъ сходится съ нею въ такихъ пошлыхъ и неловкихъ условіяхъ. Онъ чувствовалъ себя глупымъ и неловкимъ и рѣшился дѣлать то же, что дѣлалъ Бѣлецкій. Бѣлецкій нѣсколько торжественно, но самоувѣренno и развязно подошелъ къ столу, выпилъ стаканъ вина за здоровье Устеньки и пригласилъ другихъ сдѣлать то же. Устенька объявила, что дѣвки не пьютъ.

— Съ медкомъ бы можно, — сказалъ чей-то голосъ изъ толпы дѣвокъ.

Кликнули деньгичика, только что вернувшагося изъ лавочки съ медомъ и закусками. Деньщикъ, исподлобья, не то съ завистью, не то съ презрѣніемъ, оглядѣвъ *тулявшихъ* по

его мнѣнію господь, старательно и добросовѣстно передалъ завернутые въ сѣрую бумагу кусокъ меда и пряники, и стало-было распространяться о цѣнѣ и сдачѣ; но Бѣлецкій прогналъ его.

Размѣшавъ медъ въ налитыхъ стаканахъ чихиря и роскошно раскинувъ три фунта пряниковъ по столу, Бѣлецкій вытащилъ дѣвокъ силой изъ ихъ угла, усадилъ за столъ и принялъ одѣвать ихъ пряниками. Оленинъ невольно замѣтилъ, какъ загорѣлая, но небольшая рука Марьянки захватила два круглые мятные и одинъ коричневый пряникъ, не зная, что съ ними дѣлать. Бесѣда шла неловкая и не-пріятная, несмотря на развязность Устенъки и Бѣледкаго и желаніе ихъ развеселить компанію. Оленинъ мялся, придумывалъ, что бы сказать, чувствовалъ, что внушаетъ любопытство, можетъ-быть, вызываетъ насмѣшку и сообщаетъ другимъ свою застѣнчивость. Онъ краснѣлъ, и ему казалось, что въ особенности Марьянѣ было неловко. „Вѣрно они ждутъ, что мы дадимъ имъ денегъ,—думалъ онъ.—Какъ это мы будемъ давать? И какъ бы поскорѣе дать и уйти!“

XXV.

— Какъ же ты своего постояльца не знаешь?—сказалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянкѣ.

— Какъ же его знать, когда къ намъ никогда не ходить?—сказала Марьяна, взглянувъ на Оленина.

Оленинъ испугался чего-то, вспыхнулъ и, самъ не зная что говорить, сказалъ: — я твоей матери боюсь. Она меня такъ разбранила въ первый разъ, какъ я зашелъ къ вамъ.

Марьянка захохотала.

— А ты и испугался? — сказала она, взглянула на него и отвернулась.

Тутъ въ первый разъ Оленинъ увидалъ все лицо красавицы, а прежде онъ видаль ее обвязанною до глазъ платкомъ. Не даромъ она считалась первою красавицей въ станицѣ. Устенъка была хорошенъкая дѣвочка, маленькая, полненькая, румяная, съ веселыми карими глазками, съ вѣчною улыбкою на красныхъ губкамъ, вѣчно смѣющаяся и болтающая. Марьяна, напротивъ, была отнюдь не хорошенъкая, но красавица! Черты ея лица могли показаться слишкомъ мужественными и почти грубыми, ежели бы не этотъ большой стройный ростъ и могучая грудь и плечи, и главное — ежели бы не это строгое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе длинныхъ черныхъ глазъ, окруженныхъ темною тѣнью подъ черными бровями, и ласковое выраженіе рта и улыбки. Она улыбалась рѣдко, но за то ея улыбка всегда поражала. Отъ нея вѣяло дѣвственnoю силой и здоровьемъ. Всѣ дѣвки были красивы, но и сами онѣ, и Бѣлецкій, и деньщикъ, вонедѣль съ пряниками, всѣ невольно смотрѣли на Марьяну и, обращаясь къ дѣвкамъ, обращались къ ней. Она гордою и веселою царицей казалась между другими.

Бѣлецкій, стараясь поддерживать приличіе вечеринки, не переставая болтать, заставлялъ дѣвокъ подносить чихирь, возился съ ними, и безпрестанно дѣлалъ Оленину неприличные замѣчанія по-французски о красотѣ Марьянки, называя ее „вша“, *la vÔtre*, и приглашая его дѣлать то же, что онъ самъ. Оленину становилось тяжеле и тяжеле. Онъ придумалъ предлогъ, чтобы выйти и уѣхать, когда Бѣлецкій провозгласилъ, что именинница Устенъка должна подносить чихирь съ поцѣлуями. Она согласилась, но съ

тѣмъ уговоромъ, чтобы ей на тарелку клали деньги, какъ это дѣлается на свадьбахъ. „И чортъ меня запесъ на эту отвратительную пирушку!“ сказалъ про себя Оленинъ и, вставъ, хотѣлъ уйти.

— Куда вы?

Я пойду табакъ принесу,—сказалъ, онъ, намѣреваясь бѣжать, но Бѣлецкій ухватилъ его за руку.

— У меня есть деньги,—сказалъ онъ ему по-французски.

„Нельзя уйти, тутъ надо платить,—подумалъ Оленинъ, и ему стало такъ досадно на свою неловкость.—Неужели я не могу то же дѣлать, что и Бѣлецкій? Не надо было идти, но разъ пришелъ, не надо портить ихъ удовольствія. Надо пить по-казацки“, и взявъ чапуру (деревянную чашку, вмѣщающую въ себѣ стакановъ восемь), налилъ вина и выпилъ почти всю. Дѣвки съ недоумѣніемъ и почти съ испугомъ смотрѣли на него, когда онъ пилъ. Это имъ казалось странно и неприлично. Устенька поднесла имъ еще по стакану и поцѣловалась съ обоими.—Вотъ, дѣвки, загуляемъ,—сказала она, встряхивая на тарелкѣ четыре монеты, которые положили они.

Оленину уже не было неловко. Онъ разговорился.

— Ну, теперь ты, Марьяна, поднеси съ поцѣлуемъ,—сказалъ Бѣлецкій,—схватывая ее за руку.

— Да я тебя такъ поцѣлюю!—сказала она, шутя замахиваясь на него.

— Дѣдушку и безъ денегъ поцѣловать можно, — подхватали другая дѣвка.

— Вотъ умница!—сказалъ Бѣлецкій и поцѣловалъ отбивавшуюся дѣвку.—Нѣть, ты поднеси,—настаивалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянѣ.—Постояльцу поднеси.

И взявъ ее за руку, онъ подвель ее къ лавкѣ и посадилъ рядомъ съ Оленинымъ.

— Какова красавица! — сказалъ онъ, поворачивая ея голову въ профиль.

Марьяна не отбивалась, а, гордо улыбаясь, повела на Оленина своими длинными глазами.

— Красавица-дѣвка,—повторилъ Бѣлецкій.

„Какова я красавица!“ повторилъ, казалось, взглядъ Марьяны. Оленинъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, обнялъ Марьюну и хотѣлъ поцѣловать ее. Она вдругъ вырвалась, столкнула съ ногъ Бѣлецкаго и крышку со стола, и отскочила къ печи. Начался крикъ, хохотъ. Бѣлецкій шепталъ что-то дѣвкамъ, и вдругъ всѣ онъ выбѣжали изъ избы въ сѣни и заперли дверь.

— За что же ты Бѣлецкаго поцѣловала, а меня не хочешь? — спросилъ Оленинъ.

— А такъ, не хочу, и все, — отвѣчала она, вздергивая нижнею губою и бровью. — Онъ дѣдушка, — прибавила она, улыбаясь. Она подопыла къ двери и стала стучать въ нее. — Что заперлись, черти?

— Чтожъ, пускай они тамъ, а мы здѣсь, — сказалъ Оленинъ, приближалась къ ней.

Она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукой. И вновь такъ величественно хороша показалась она Оленину, что онъ опомнился, и ему стыдно стало за то, что онъ дѣлаетъ. Онъ подошелъ къ двери и сталъ дергать ее.

— Бѣлецкій, отоприте! что за глупыя шутки?

Марьяна опять засмѣялась своимъ свѣтлымъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ай боишься меня? — сказала она.

— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

— А ты бы больше сѣ Ерошкой сидѣлъ, такъ тебя дѣвки за это и любить бы стали.—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Онъ не зналъ, что говорить.—А если бъ я къ вамъ ходилъ?..—сказалъ онъ нечаянно.

— Другое бы было,—проговорила она, встряхнувъ головой.

Въ это время Бѣлецкій, толкнувъ, отворилъ дверь, и Марьяна отскочила отъ Оленина, такъ что бедромъ ударилась о его ногу.

„Все пустяки, что я прежде думалъ: и любовь, и самоотверженіе, и Лукашка. Одно есть счастье: кто счастливъ, тотъ и правъ“, мелькнуло въ головѣ Оленина, и, съ неожиданною для себя силой, онъ схватилъ и поцѣловалъ красавицу Марьянку въ високъ и щеку. Марьяна не разсердилась, а только громко захахотала и выбѣжала къ другимъ дѣвкамъ.

Вечеринка тѣмъ и кончилась. Старуха, Устенъкина мать, вернувшись съ работы, разругала и разогнала всѣхъ дѣвокъ.

XXVI.

„Да,—думалъ Оленинъ, возвращаясь домой,—стоило бы мнѣ пемного дать себѣ поводья, я бы могъ безумно влюбиться въ эту казачку“. Онъ легъ спать съ этими мыслями, но думалъ, что все это пройдетъ, и онъ вернется къ старой жизни.

По старая жизнь не вернулась. Отношенія его къ Марьянѣ стали другія. Стѣна, раздѣлявшая ихъ прежде, была разрушена. Оленинъ уже здоровался съ нею каждый разъ, какъ встречался.

Хозяинъ, прѣхавъ получить деньги за квартиру и узнавъ о богатствѣ и щедрости Оленина, пригласилъ его къ себѣ. Старуха ласково принимала его и со дня вечеринки Оленинъ часто по вечерамъ заходилъ къ хозяевамъ и сиживалъ у нихъ до ночи. Онъ, казалось, по-старому продолжалъ жить въ станицѣ, но въ душѣ у него все перевернулось. День онъ проводилъ въ лѣсу, а часовъ въ восемь, какъ смеркалось, заходилъ къ хозяевамъ одинъ или съ дядей Ерошкой. Хозяева ужъ такъ привыкли къ нему, что удивлялись, когда его не было. Платилъ онъ за вино хорошо, и человѣкъ былъ смиренный. Ванюша приносилъ ему чай; онъ садился въ уголь къ печи; старуха, не стѣсняясь, дѣлала свое дѣло, и они бесѣдовали за чаемъ и за чихирѣмъ о казачьихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о Россіи, про которую Оленинъ рассказывалъ, а они разспрашивали. Иногда онъ бралъ книгу и читалъ про себя. Марьяна, какъ дикая коза, поджавъ ноги, сидѣла на печи или въ темномъ углу. Она не принимала участія въ разговорѣ, но Оленинъ видѣлъ ея глаза, лицо, слышалъ ея движеніе, пощелкиваніе сѣмечекъ, и чувствовалъ, что она слушаетъ всѣмъ существомъ своимъ, когда онъ говорилъ, и чувствовалъ ея присутствіе, когда онъ молча читалъ. Иногда ему казалось, что ея глаза устремлены не него, и, встрѣчаясь съ ихъ блескомъ, онъ невольно замолкалъ и смотрѣлъ на нее. Тогда она сейчасъ же пряталась, а онъ, притворяясь, что очень занятъ разговоромъ съ старухой, прислушивался къ ея дыханію, ко всѣмъ ея движеніямъ, и сповѣ дождался ея взгляда. При другихъ она была большею частью весела и ласкова съ нимъ, а наединѣ дика и груба. Иногда онъ приходилъ къ нимъ, когда Марьяна еще не возвращалась съ улицы: вдругъ заслыщатся ея сильные шаги,

и мелькнетъ въ отворенной двери ея голубая ситцевая рубаха. Выйдетъ она на середину хаты, увидить его,—и глаза ея чуть замѣтно ласково улыбнутся, и ему станетъ весело и страшно.

Онъ ничего не искалъ, не желалъ отъ нея, а съ каждымъ днемъ ея присутствіе становилось для него все болѣе и болѣе необходимостью.

Оленинъ такъ вжился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно, вѣтъ того міра, въ которомъ онъ жилъ, во-все не занимало его. Получая письма изъ дома, отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушились, какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ онъ, въ своей станицѣ, считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ, кто не велъ такую жизнь, какъ онъ. Онъ былъ убѣждено, что никогда не будетъ раскаиваться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни, и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ-подъ крыльышка дяди Ерошки, изъ своего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особенности при воспоминаніи о Марьянкѣ и Лукашкѣ, ему ясна казалась вся та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ, и болѣе человѣкомъ. Совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ и не нашелъ здѣсь ничего похожаго на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. „Никакихъ здѣсь нѣть бурокъ, стреминъ, Амалатъ-бековъ, героевъ и злодѣевъ,—думалъ онъ:—

люди живутъ, какъ живеть природа; умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ёдятъ, раздуются, и опять умираютъ, и никакихъ условий, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣть“... И оттого люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, приспаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ,—только не на Марьянѣ, которую онъ уступалъ Лукашкѣ,—и жить съ дядей Ерошкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, а съ казаками въ походы. „Что жъ я не дѣлаю этого? Чего жъ я жду?“ спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя: „или я боюсь сдѣлать то, что самъ пахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, никому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе, чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде, — быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?“ Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобы онъ подождалъ и не решался. Его удерживало смутное сознаніе, что онъ не можетъ жить вполнѣ жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастіе, — его удерживала мысль о томъ, что счастіе состоить въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его. Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собою для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастія, и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опоминался и тот-

часть же хватался за мысль сознательного самоотвержения, и на основании ея спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастіе.

XXVII.

Лукашка передъ уборкой винограда верхомъ заѣхалъ къ Оленину. Онъ еще болѣе смотрѣлъ молодцомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Ну что же ты, женишься? — спросилъ Оленинъ, весело встрѣчая его.

Лукашка не отвѣчалъ прямо.

— Вотъ коня вашего промѣнялъ за рѣкой. Ужъ и конь! Кабардинскій ловъ-тавро *). Я охотникъ.

Они осмотрѣли новаго коня, продживитовали по двору. Конь, дѣйствительно, былъ необыкновенно хорошъ; гнѣдой, широкій и длинный меринъ съ глянцевитою шерстью, пушистымъ хвостомъ и нѣжною тонкою породистою гривой и холкой. Онъ былъ сытъ такъ, что на спинѣ его *только спать ложись*, какъ выразился Лукашка. Копыта, глазъ, оскалъ, все это было изящно и рѣзко выражено, какъ бываетъ только у лошадей самой чистой крови. Оленинъ не могъ не любоваться конемъ. Онъ еще не встрѣчалъ на Кавказѣ такого красавца.

— А Ѣзда-то, — говорилъ Лукашка, трепля его по шеѣ: — проѣздъ какой! А умный! Такъ и бѣгаешь за хозяиномъ.

— Много придачи даль? — спрашивалъ Оленинъ.

*) Тавро заводъ кабардинскихъ лошадей. Лова считается однимъ изъ лучшихъ на Кавказѣ.

— Да не считалъ,—улыбаясь отвѣчалъ Лукашка:—отъ кунака досталъ.

— Чудо, красавица лошадь! Что возьмешь за нее?—спросилъ Оленинъ.

— Давали полтораста монетовъ, а вамъ такъ отдамъ,—сказалъ Лукашка весело.—Только скажите, отдамъ. Разсѣдаю и бери. Минъ какого-нибудь давай служить.

— Нѣтъ, ни за что.

— Ну, такъ вотъ я вамъ *пешкешъ* привезъ,—и Лукашка распоясался и снялъ одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ.—За рѣкой досталъ.

— Ну спасибо.

— А виноградъ матушка обѣщала сама принести.

— Не нужно: еще сочтемся. Вѣдь я не стану же давать тебѣ деньги за кинжалъ.

— Какъ можно,—кунаки! Меня такъ-то за рѣкой Гирейханъ привелъ въ саклю, говоритъ: выбирай любое. Вотъ я эту шашку и взялъ. Такой у насъ законъ.

Они вошли въ хату и вышли.

— Что жъ, ты поживешь здѣсь?—спросилъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я проститься пришелъ. Меня теперь съ кордона услали въ сотню за Терекомъ. Нынче ёду съ Назаромъ, съ товарищемъ.

— А свадьба когда же?

— Вотъ скоро прѣду, сковоръ будеть, да и опять на службу,—неохотно отвѣчалъ Лука.

— Какъ же такъ, невѣstu не увидишь?

— Да такъ же! Что на нее смотрѣть-то? вы какъ въ походѣ будете, спросите у насъ въ сотнѣ Лукашку широкаго. И кабановъ тамъ что! Я двухъ убиль. Я васъ свожу.

— Ну, прощай! Спаси тебя Христосъ.

Лукашка сѣлъ на коня и, не заѣхавъ къ Марьянкѣ, выѣхалъ, джигитуя, на улицу, гдѣ уже ждалъ его Назарка.

— А что? Не заѣдемъ?—спросилъ Назарка, подмигивая на ту сторону, гдѣ жила Ямка.

— Вона,—сказалъ Лукашка;—на! веди къ ней коня, а коли я долго не приду, ты коню сѣна дай. Къ утру все въ сотнѣ буду.

— Что, юнкирь не подарилъ чего еще?

— Нѣ! Спасибо отдалилъ его кинжаломъ, а то коня было просить сталъ,—сказалъ Лукашка, слѣзая съ лошади и отдавая ее Назаркѣ.

Подъ самыемъ окномъ Оленина шмыгнуль онъ на дворъ и подошелъ къ окну хозяїйской хаты. Было ужъ совсѣмъ темно. Марьянка въ одной рубахѣ чесала косу, собираясь спать.

— Это я,—пропшепталъ казакъ.

Лицо Марьянки было строго равнодушно; но оно вдругъ ожило, какъ только она услыхала свое имя. Она подняла окно, и испуганно и радостно высунулась въ него.

— Чего? Чего надо?—заговорила она.

— Отложи,—проговорилъ Лукашка.—Пусти меня на ми-
нуточку. Ужъ какъ наскучило мнѣ! Страсть!

Онъ въ окно обнялъ ея голову и поцѣловалъ.

— Право, отложи.

— Что говоришь пустое! Сказано, не пущу. Что жъ, надолго?

Онъ не отвѣчалъ и только цѣловалъ ее. И она не спрашивала больше.

— Вишь, и обнять-то въ окно не достанешь хорошенъко,—
сказалъ Лукашка.

— Марьянушка! — послышался голос старухи: — съ кѣмъ ты?

Лукашка скинула шапку, чтобы по ней не примѣтили его, и присѣлъ подъ окно.

— Иди скорѣй, — прошептала Марьяна.

— Лукашка заходилъ, — отвѣчала она матери: — батяку спрашивалъ.

— Что жъ, пошли его сюда.

— Ушелъ, говоритъ — некогда.

Дѣйствительно, Лукашка быстрыми шагами, согнувшись, выѣжалъ подъ окнами на дворъ и побѣжалъ къ Ямкѣ; только одинъ Оленинъ и видѣлъ его. Выпивъ чапуры двѣ чихиря, они выѣхали съ Назаркой за станицу. Ночь была теплая, темная и тихая. Ониѣхали молча, только слышались шаги коней. Лукашка запѣлъ — было пѣсню про казака Мингала, но не допѣвъ первого стиха, затихъ и обратился къ Назаркѣ.

— Вѣдь не пустила, — сказалъ онъ.

— О! отозвался Назарка: — я зналъ, что не пустить. Что мнѣ Ямка сказывала: юнкирь къ нимъ ходить сталъ. Дядя Ерошка хвасталъ, что онъ съ юнкира флинту за Марьянку взялъ.

— Брешетъ онъ, чортъ! — сердито сказалъ Лукашка: — не такая дѣвка. А то я ему, старому чорту, бока-то отомну, — и онъ запѣлъ свою любимую пѣсню.

Изъ села было Измайлова,
Изъ любимаго садочка сударева,
Тамъ ясенъ соколь изъ садочка вылетывалъ,
За нимъ скоро выѣзжалъ младъ охотничекъ,
Манилъ онъ яснаго сокола на праву руку.

Отвѣтъ держитъ ясень соколь:
„Не умѣль ты меня держать въ золотой клѣткѣ:
И на правой рукѣ не умѣль держать,
Теперь я полечу на сине море;
Убью я себѣ бѣлаго лебедя
Наклююсь я мяса сладкаго, лебединаго“

XXVIII..

У хозяевъ былъ сговоръ. Лукашка пріѣхалъ въ станицу, но не зашелъ къ Оленину. И Оленинъ не пошелъ на сговоръ по приглашенню хорунжаго. Ему было грустно, какъ не было еще ни разу съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ станицѣ. Онъ видѣлъ какъ Лукашка, нарядный, съ матерью прошелъ передъ вечеромъ къ хозяевамъ, и его мучила мысль: за что Лукашка такъ холodenъ къ нему; Оленинъ заперся въ свою хату и сталъ писать свой дневникъ.

„Много я передумалъ и много измѣнился въ это послѣднее время,—писаль Оленинъ,—и дошелъ до того, что написано въ азбучкѣ. Для того, чтобы быть счастливымъ, надо одно—любить, и любить съ самоотверженiemъ, любить всѣхъ и все, раскидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадется, того и братъ. Такъ я поймалъ Ванюшу, дядю Ерошку, Лукашку, Марьянку“.

Въ то время, какъ Оленинъ дописывалъ это, къ нему вошелъ дядя Ерошка.

Ерошка былъ въ самомъ веселомъ расположениѣ духа. На дняхъ зайдя къ нему вечеромъ, Оленинъ засталъ его на дворѣ передъ кабаньемъ тушией, которую онъ, съ счастливымъ и гордымъ лицомъ, ловко снималъ маленькимъ ножичкомъ. Собаки, и между ними любимецъ Лямъ, лежали окон-

ло и слегка помахивали хвостами, глядя на его дѣло. Мальчишки съ уваженiemъ смотрѣли на него черезъ заборъ, и даже не дразнили какъ обыкновенно. Бабысосѣдки, вообще не слишкомъ ласковыя къ нему, здоровались съ нимъ и несли ему, кто чихиря кувшинчикъ, кто каймаку, кто мучицы. На другое утро Ерошка сидѣлъ у себя въ клѣти весь въ крови, и отпускалъ по фунтамъ свѣжину: кому за деньги, кому за вино. На лицѣ его написано было: „Богъ даль счастіе, убилъ звѣря; теперь дядя нужень сталъ“. Вследствіе этого, разумѣется, онъ запилъ и, не выходя изъ станицы, пиль уже четвертый день. Кромѣ того, онъ пиль на говорѣ.

Дядя Ерошка пришелъ изъ хозяйствкой хаты къ Оленину мертвецки пьяный, съ краснымъ лицомъ, растрепанною бородой, но въ новомъ красномъ бешметѣ, обшитомъ галунами, и съ балалайкой изъ травянки, которую онъ принесъ изъ-за рѣки. Онъ давно уже обѣщалъ Оленину это удовольствіе и былъ въ духѣ. Увидавъ, что Оленинъ пишетъ, онъ огорчился.

— Пиши, пиши, отецъ мой,—сказалъ онъ шопотомъ, какъ будто предполагая, что какой-нибудь духъ сидитъ между имъ и бумагой, и, боясь спугнуть его, безъ шума, потихоньку, сѣлъ на полъ. Когда дядя Ерошка бывалъ пьянъ, любимое положеніе его бывало на полу. Оленинъ оглянулся, велѣлъ подать вина и продолжалъ писать. Ерошкѣ было скучно пить одному; ему хотѣлось поговорить.

— У хозяевъ на говорѣ былъ. Да что, швиньи! Не хочу! Пришелъ къ тебѣ.

— А балалайка откуда у тебя? — спросилъ Оленинъ, и продолжалъ писать.

— За рѣкой быль, отецъ мой, балалайку досталь,— скажаль онъ такъ же тихо. — Я мастеръ играть: татарскую, казацкую, господскую, солдатскую, какую хошь.

Оленинъ еще разъ взглянулъ на него, усмѣхнулся и продолжалъ писать.

Улыбка эта ободрила старика.

— Ну, брось, отецъ ты мой! Брось! — сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.— Ну! обидѣли тебя:—брось ихъ, илюнь! Ну что пишешь, пишешь! что толку?

И онъ передразнилъ Оленина, постукивая своими толстыми пальцами по полу и изогнувъ свою толстую рожу въ презрительную гримасу.—Что клязузы писать? Гуляй лучше, будешь молодецъ!

О писаніи въ его головѣ не умѣщалось другого понятія, кромѣ какъ о вредной кляузѣ.

Оленинъ расхохотался. Ерошка тоже. Онъ вскочилъ съ пола и принялъся показывать свое искусство въ игрѣ на балалайкѣ и пѣть татарскія пѣсни.

— Что писать, добрый человѣкъ! Ты вотъ послушай лучше, я тебѣ спою. Сдохнешь, тогда пѣсни не услышишь. Гуляй!

Сначала онъ спѣлъ своего сочиненія пѣсню съ припляскою:

А ди-ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?
На базарѣ въ лавкѣ,
Продаеть булавки.

Потомъ онъ спѣлъ пѣсню, которой научилъ его бывшій его фельдфебель:

Въ понедѣльникъ я влюбился,
Весь овторникъ прострадалъ,

Въ середу въ любви открылся,
Въ четвертокъ отвѣту ждалъ,
Въ пятницу пришло рѣшенье,
Чтобъ не ждать мнѣ утѣшенья.
А во свѣтлую субботу
Жисть окончить предприняль;
Но, храня души спасенье,
Я раздумалъ въ воскресенье.

И опять:

А ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?

Потомъ подмигивая, подергивая плечами и выплясывая,
спѣлъ:

Поцѣлую, обойму,
Алой лентой перевью,
Надеженькой назову.
Надеженька ты моя,
Вѣрно ль любишь ты меня?

И такъ разгулялся, что, лихо подыгрывая, сдѣлалъ молодецкую выходку и пошелъ одинъ плясать по комнатѣ.

Пѣсни: *ди-ди-ли* и тому подобныя, *юстодскія*, онъ спѣлъ только для Оленина; но потомъ, вышивъ еще стакана три чихиря, онъ вспомнилъ старину и запѣлъ настоящія казацкія и татарскія пѣсни. Въ серединѣ одной любимой его пѣсни, голосъ его вдругъ задрожалъ, и онъ замолкъ, только продолжая бренчать по струнамъ балалайки.

— Ахъ, другъ ты мой! — сказалъ онъ.

Оленинъ оглянулся на странный звукъ его голоса: старикъ плакалъ. Слезы стояли въ его глазахъ, и одна текла по щекѣ.

— Прошло ты, мое времячко, не воротишься, — всхлипывая проговорилъ онъ, и замолкъ. — Пей, что не пьешь! —

вдругъ крикнулъ онъ своимъ оглушающимъ голосомъ, не отирая слезъ.

Особенно трогательна была для него одна тавлинская пѣсня. Словъ въ ней было мало, но вся прелестъ ея заключалась въ печальномъ припѣвѣ: „ай! дай! далалай!“ Ерошка перевелъ слова пѣсни: „молодецъ погналъ баранту изъ аула въ горы, русскіе пришли, зажгли ауль, всѣхъ мужчинъ перебили, всѣхъ бабъ въ плѣнъ побрали. Молодецъ пришелъ изъ горъ: гдѣ былъ ауль, тамъ пустое мѣсто; матери нѣтъ, братьевъ нѣтъ, дома нѣтъ; одно дерево осталось. Молодецъ сѣлъ подъ дерево и заплакалъ. Одинъ, какъ ты, одинъ остался, и запѣлъ молодецъ: ай! дай! далалай!“ И этотъ завывающій, за душу хваталоцій припѣвъ старики повторилъ нѣсколько разъ.

Допѣвая послѣдній припѣвъ, Ерошка схватилъ вдругъ со стѣны ружье, торопливо выбѣжалъ на дворъ и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ вверхъ. И опять еще печальнѣе запѣлъ: „ай! дай! далалай а-а!“ и замолкъ.

Оленинъ, выйдя за нимъ на крыльцо, молча глядѣлъ въ темное звѣздное небо по тому направленію, гдѣ блеснули выстрѣлы. Въ домѣ у хозяевъ были огни, слышались голоса. На дворѣ дѣвки толпились у крыльца и оконъ, и перебѣгали изъ избушки въ сѣни. Нѣсколько казаковъ выскочили изъ сѣней и не выдержали, загикали, вторя окончанію пѣсни и выстрѣламъ дяди Ерошкі.

— Что жъ ты не на сговорѣ? — спросилъ Оленинъ.

— Богъ съ ними, Богъ съ ними! — проговорилъ старики, котораго, видимо, чѣмъ-нибудь тамъ обидѣли. — Не люблю, не люблю! Эхъ, народъ! Пойдемъ въ хату! Они сами по себѣ, а мы сами по себѣ гуляемъ.

Оленинъ вернулся въ хату.

— А что Лукашка, весель? Не зайдеть онъ ко мнѣ? — спросилъ онъ.

— Что Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу,—сказалъ старикъ шепотомъ. — А что дѣвка? будеть наша, коли захотимъ: денегъ дай больше—и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.

— Нѣть, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, коли не любить. Лучше не говори про это.

— Нелюбимы мы съ тобою, сироты,—вдругъ сказалъ дядя Ерошка и опять заплакалъ.

Оленинъ выпилъ болѣе обыкновенного, слушая разсказы старика. „Такъ вотъ теперь Лукашка мой счастливъ“, думаль онъ; но ему было грустно. Старикъ напился въ этотъ вечеръ до того, что повалился на полъ, и Ванюшка долженъ былъ призвать себѣ на помощь солдатъ и, отплевываясь, вытащить его. Онъ былъ такъ озлобленъ па старика за его дурное поведеніе, что уже ничего не сказалъ по-французски.

XXIX.

Былъ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не было ни облачка на небѣ; солнце пекло невыносимо, и съ утра дулъ теплый вѣтеръ, поднимая въ бурунахъ и по дорогѣ облака горячаго песку, и разнося его по воздуху, черезъ камыши, деревья и станицы. Трава и листья на деревахъ были покрыты пылью; дороги и солончаки были обнажены и звучно тверды. Вода давно сбыла въ Терекѣ и быстро сбѣгала и сохла по канавамъ. Въ прудѣ, около станицы, оголялись истоптаные скотиной иловатые берега пруда, и

цѣлый день слышны были въ водѣ всплески и крики дѣвокъ и мальчишекъ. Въ степи уже засыхали буруны и камыши, и скотина, мыча днемъ, убѣгала въ поля. Звѣрь откочевывалъ въ дальние камыши и въ горы за Терекъ. Комары и мошки тучами стояли надъ низами и станицами. Сиѣговыя горы закрывались сѣрымъ туманомъ. Воздухъ былъ рѣдокъ и смраденъ. Абреши, слышно было, переправились черезъ обмелѣвшую рѣку и рыскали по сю сторону. Солнце каждый вечеръ садилось въ горячее красное зарево. Было время самое рабочее. Все населеніе станицъ кишѣло на арбузныхъ бахчахъ и въ виноградникахъ. Сады глухо заросли вьющеюся зеленью и прохладною густою тѣнью. Вездѣ чернѣли изъ-за широкихъ просвѣщающихъ листьевъ спѣлые тяжелыя кисти. По пыльной дорогѣ, ведущей къ садамъ, тянулись скрипучія арбы, верхомъ наложенные черными виноградомъ. На пыльной дорогѣ, измятые колесами, валялись кисти. Мальчишки и дѣвчинки въ испачканныхъ винограднымъ сокомъ рубашонкахъ, съ кистями въ рукахъ и во рту, бѣгали за матерями. На дорогѣ безпрестанно попадались оборванные работники, неся на сильныхъ плечахъ плетушки винограда. Обвязанныя до глазъ платками мамуки вели быковъ, запряженныхъ въ высоко наложенный виноградомъ арбы. Солдаты, встрѣчая арбу, просили у казачекъ винограда, и казачка, па ходу влѣзая на арбу, брала охапку винограда и сыпала ее въ полу солдата. На нѣкоторыхъ дворахъ уже жали виноградъ. Запахъ чарпы наполнялъ воздухъ. Кровяные красные корыта виднѣлись подъ навѣсами, и ногайцы-работники, съ засученными ногами и окрашенными икрами, виднѣлись по дворамъ. Свиньи, фыркая, лопали выжимки и валялись въ нихъ. Плоскія крыши

избушекъ были сплошь уложены черными янтарными кистями, которые вяли на солнцѣ. Вороны и сороки, подбирая зерна, жались около крыши и перепархивали съ мѣста на мѣсто.

Плоды годовыхъ трудовъ весело собирались, и нынѣшній годъ плоды были необычайно обильны и хороши.

Въ тѣнистыхъ зеленыхъ садахъ, среди моря виноградника, со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ, пѣсни, веселье, женскіе голоса, и мелькали яркія цвѣтныя одежды женщинъ.

Въ самый полдень Марьяна сидѣла въ своемъ саду, въ тѣни персикового дерева, и изъ-подъ отпряженной арбы вынимала обѣдъ для своего семейства. Противъ нея, на разостланной попонѣ, сидѣлъ хорунжій, вернувшійся изъ школы, и мыль руки изъ кувшинчика. Мальчишка, ея братъ, только что прибѣжавшій изъ пруда, отираясь рукавами, беспокойно поглядывалъ на сестру и мать въ ожиданіи обѣда и тяжело переводилъ дыханіе. Старуха-мать, засучивъ сильныя загорѣлые руки, раскладывала виноградъ, сущеную рыбу, каймакъ и хлѣбъ на низенькомъ кругломъ татарскомъ столикѣ. Хорунжій, оттеревъ руки, снялъ шапку, перекрестился и придвинулся къ столу. Мальчишка схватился за кувшинъ и жадно принялся пить. Мать и дочь, поджавъ ноги, сѣли къ столу. И въ тѣни пекло невыносимо. Въ воздухѣ надъ садомъ стоялъ смрадъ. Теплый сильный вѣтеръ, проходившій сквозь вѣти, не приносилъ прохлады, а только однообразно гнуль вершины разсыпанныхъ по садамъ грушевыхъ, персиковыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Хорунжій, еще разъ помолившись, досталъ изъ-за спины закрытый винограднымъ листомъ кувшинчикъ съ чихиремъ, и выпивъ изъ горлышка, подалъ старухѣ. Хорун-

жій быль въ одной рубахѣ, растегнутой на шеѣ и открывавшій мускулистую, мохнатую грудь. Тонкое хитроѣ лицо его было весело. Ни въ позѣ, ни въ говорѣ его не проглядывало его обычной политичности; онъ быль веселъ и натураленъ.

— А къ вечеру кончимъ за лапазомъ край? — сказалъ онъ, утирая мокрую бороду.

— Уберемся,—отвѣчала старуха, — только бы погода не задержала. Демкины еще половины не убрали, — прибавила она.—Одна Устенька работаетъ, убивается.

— Гдѣ же имъ!—гордо сказалъ стариkъ.

— На, испей, Марьянушка! — сказала старуха, подавая кувшинъ дѣвкѣ.—Богъ, Богъ дастъ, будетъ чѣмъ свадьбу сыграть,—сказала старуха.

— Дѣло впереди,—сказалъ хорунжій, слегка нахмурившись. Дѣвка опустила голову.

— Да что жъ не говорить?—сказала старуха:—дѣло покончили, ужъ и время недалече.

— Не загадывай,—опять сказалъ хорунжій.—Теперь убираться надо.

— Видаль коня-то новаго у Лукашки? — спросила старуха:—что Митрій-то Андреичъ подарилъ, того ужъ нѣть; онъ вымѣнялъ.

— Нѣть, не видаль. А говорилъ я съ холопомъ постоянно лѣтевымъ нынче,—сказалъ хорунжій:—говорить, опять получилъ тысячу рублей.

— Богачъ, одно слово,—подтвердила старуха.

Все семейство было весело и довольно.

Работа подвигалась успѣшино. Винограду было больше, и онъ быль лучше чѣмъ они сами ожидали.

Марьяна, пообѣдавъ, подложила быкамъ травы, свернула свой бешметъ подъ голову и легла подъ арбой на примятую, сочную траву. На ней была одна красная сорочка, то-есть шелковый платокъ на головѣ, и голубая полинялая ситцевая рубаха; но ей было невыносимо жарко. Лицо ея горѣло, ноги не находили мѣста, глаза были подернуты влагой сна и усталости; губы невольно открывались, и грудь дышала тяжело и высоко.

Рабочая пора уже началась двѣ недѣли тому назадъ, и тяжелая непрестанная работа занимала всю жизнь молодой дѣвки. Раннимъ утромъ на зарѣ она вскакивала, обмывала лицо холодною водой, укутывалась платкомъ и босикомъ бѣжала къ скотинѣ. Наскоро обувалась, надѣвала бешметъ и, взявъ въ узелокъ хлѣба, запрягала быковъ и на цѣлый день уѣзжала въ сады. Тамъ только часокъ отдыхала, рѣзала, таскала плетушки, и вечеромъ, веселая и неусталая, таша быковъ за веревку и погоняя ихъ длинною хворостиной, возвращалась въ станицу. Убравъ скотину сумерками, захвативъ сѣмечекъ въ широкій рукавъ рубахи, она выходила на уголъ посмѣяться съ дѣвками. Но только потухала заря, она уже шла въ хату и, поужинавъ въ темной избушкѣ съ отцомъ, матерью и братишкой, беззаботная, здоровая, входила въ хату, садилась на печь и въ полуурѣмотѣ слушала разговоры постояльца. Какъ только онъ уходилъ, она бросалась на постель и до утра засыпала не-пробуднымъ спокойнымъ сномъ. На другой день было то же. Лукашку она не видала съ самаго дня говора и спокойно ждала времени свадѣбы. Къ постояльцу она привыкла и съ удовольствiемъ чувствовала на себѣ его пристальные взгляды.

XXX.

Несмотря на то, что отъ жару некуда было дѣваться, что комары роями вились въ прохладной тѣни арбы, и что мальчишка, ворочаясь, толкалъ ее, Марьяна натянула себѣ на голову платокъ и ужъ засыпала, какъ вдругъ Устенька, со сѣдка, прибѣжала къ ней и, нырнувъ подъ арбу, легла съ ней рядомъ.

— Ну, спать, дѣвки! спать! — говорила Устенька, укладываясь подъ арбой.—Стой,—сказала она, вскакивая:—такъ неладно.

Она вскочила, нарвала зеленыхъ вѣтокъ и съ двухъ сто-
ронъ привѣсила къ колесамъ арбы, еще сверху накинувъ
бешметомъ.

— Ты пусти,—закричала она мальчишкѣ, подлѣзая опять подъ арбу:—развѣ казакамъ мѣсто съ дѣвками? Ступай!

Оставшись подъ арбой одна съ подругой, Устенька вдругъ обхватила ее обѣими руками и, прижимаясь къ ней, начала цѣловать Марьяну въ щеки и шею.

— Миленький! братецъ!—приговаривала она, заливаясь сво-
имъ тоненьkimъ, отчетливымъ смѣхомъ.

— Видишь, у *дѣдушки* научилась, — отвѣчала Марьяна
отбивааясь.—Ну, брось!

И онѣ обѣ такъ расхохотались, что мать крикнула на
нихъ.

— Аль завидно?—шопотомъ сказала Устенька.

— Что врешь! Давай спать. Ну зачѣмъ пришла?

Но Устенька не унималась.—А что я тебѣ скажу, такъ ну!
Марьяна приподнялась на локоть и поправила сбившійся
платокъ.—Ну что скажешь?

- Про твоего постояльца я что знаю.
— Нечего знать,—отвѣчала Марьяна.
— Ахъ ты плутъ дѣвка! — сказала Устенька, толкая ее локтемъ и смѣясь.—Ничего не разскажешь. Ходитъ къ вамъ?
— Ходитъ. Такъ что жъ!—сказала Марьяна и вдругъ покраснѣла.

— Вотъ я дѣвка простая, я всѣмъ разскажу. Что мнѣ прятаться,—говорила Устенька, и веселое румяное лицо приняло задумчивое выраженіе. — Развѣ я кому дурно дѣлаю? Люблю его, да и все тутъ!

- Дѣдунику-то, что ль?
— Ну да.
— А грѣхъ?—возразила Марьяна.

— Ахъ, Машенька! Когда же и гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казака пойду, рожать стану, нужду узнаю. Вотъ ты поди замужъ за Лукашку, тогда и въ мысль радость не пойдетъ, дѣти пойдутъ да работа.

— Чтожъ? Другимъ и замужемъ жить хорошо. Все равно!—спокойно отвѣчала Марьяна.

— Да ты разскажи хоть разъ, что у васъ съ Лукашкой было?

— Да что было. Сваталъ. Батюшка на годъ отложилъ; а нынче сговорили, осенью отдадутъ.

— Да онъ что тебѣ говорилъ?
Марьяна улыбнулась.

— Извѣстно, что говорилъ. Говорилъ, что любить. Все просилъ въ сады съ нимъ пойти.

— Виши смола какой! Вѣдь ты не пошла, чай. А онъ какой теперь молодецъ сталъ! первый джигитъ. Все и въ сотни гуляетъ. Намеднись прїезжалъ напѣтъ Кирка, гово-

риль: коня какого вымѣнялъ! А все чай по тебѣ скучаетъ.
А еще что онъ говорилъ? — спросила Марьину Устенька.

— Все тебѣ знать надо, — засмѣялась Марьина. — Разъ на
конѣ ночью прѣхалъ къ окну пьяный. Просился.

— Что жъ, не пустила?

— А то пустить! Я разъ слово сказала, и будетъ! Твердо,
какъ камень, — серьезно отвѣчала Марьина.

— А молодецъ! Только захоти, никакая дѣвка имъ не
побрзгаетъ.

— Пускай къ другимъ ходить, — гордо отвѣтила Марьина.

— Не жалѣшь ты его?

— Жалѣю, а глупости не сдѣлаю. Это дурно.

Устенька вдругъ упала головой на грудь подругъ, об-
хватила ее руками и вся затряслась отъ давившаго ее
смѣха. — Глупая ты дура! — проговорила она запыхавшись; —
счастья себѣ не хочешь, — и опять принялась щекотать
Марьину.

— Ай, брось! — говорила Марьина, вскрикивая сквозь
смѣхъ. — Лазутку раздавила.

— Вишь, черти, разыгрались, не умаялись, — послышался
опять изъ-за арбы сонный голосъ старухи.

— Счастья не хочешь, — повторила Устенька шепотомъ
и привставая. — А счастлива ты, ей-Богу! Какъ тебя лю-
бятъ? Ты корявая такая, а тебя любятъ. Эхъ, кабы я да
на твоемъ мѣстѣ была, я бы постояльца какъ окрутила!
Посмотрѣла я на него, какъ у насъ были, такъ кажется и
сѣѣль бы онъ тебя глазами. Мой дѣдушка, и тотъ чего мнѣ
не надавалъ! А вашъ, слышь, изъ русскихъ богачъ первый.
Его деньщикъ сказывалъ, что у нихъ свои холопы есть.

Марьина привстала и, задумавшись, улыбнулась.

— Что онъ мнѣ разъ сказалъ, постоялецъ-то,—проговорила она, перекусывая травинку.—Говоритъ: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть или твоимъ братишкой, Лазуткой. Къ чему это онъ такъ сказалъ?

— А такъ вретъ, что на умъ взбрело, — отвѣчала Устенька.—Мой чего не говорить! Точно порченый!

Марьяна бросилась головой на свернутый бешметъ, кинула руку на плечо Устенькѣ и закрыла глаза.

— Нынче хотѣлъ въ сады работать притти; его батюшка звалъ,—проговорила она, помолчавъ немногого, и заснула.

XXXI.

Солнце вышло уже изъ-за груши, отѣнявшей арбу, и косями лучами, даже сквозь вѣтви переплетенныя Устенькой, жгло лица дѣвокъ, спавшихъ подъ арбой. Марьяна проснулась и стала убираться платкомъ. Оглядѣвшись кругомъ, она увидала за грушей постояльца, который съ ружьемъ на плечѣ стоялъ и разговаривалъ съ ея отцомъ. Она толкнула Устеньку и молча, улыбнувшись, указала ей на него.

— Вчера я ходилъ, ни одного не нашелъ,—говорилъ Оленинъ, беспокойно поглядывая кругомъ и изъ-за вѣтокъ не видя Марьянъ.

— А вы вонъ къ тому краю, прямо по циркулю пройдите, тамъ въ заброшенномъ саду, пустыремъ прозывается, всегда зайцы находятся,—сказалъ хорунжій, тотчасъ измѣнясь свой языкъ.

— Легко ли въ рабочую пору ходить зайцевъ искать! Приходили бы лучше намъ подсобить. Съ дѣвками поработали

бы,—сказала весело старуха.—Ну, девки, вставать!—крикнула она.

Марьяна и Устенька шепталась и едва удерживались от смеха подъ арбой.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что Оленинъ подриль коня въ пятьдесятъ монетовъ Лукашкъ, хозяева его стали ласковѣе; особенно хорунжій, казалось, видѣлъ съ удовольствіемъ его сближеніе съ дочерью.

— Да я не умѣю работать,—сказалъ Оленинъ, стараясь не смотрѣть сквозь зеленые вѣтви подъ арбой, гдѣ онъ замѣтилъ голубую рубаху и красный платокъ Марьяны.

— Приходи, шепталокъ дамъ,—сказала старуха.

— По казачьей гостепріимной старинѣ, одна старушечья глупость,—сказалъ хорунжій, объясняя и какъ бы исправляя слова старухи:—въ Россіи, я думаю, не только шепталокъ, сколько ананасныхъ вареній и моченій кушали въ свое удовольствіе.

— Такъ въ заброшенномъ саду есть?—спросилъ Оленинъ:— я схожу,—и, бросивъ быстрый взглядъ сквозь зеленые вѣтви, онъ приподнялъ папаху и скрылся между правильными зелеными рядами виноградника.

Уже солнце спряталось за оградой садовъ и раздробленными лучами блестѣло сквозь прозрачные листья, когда Оленинъ вернулся въ садъ къ своимъ хозяевамъ. Вѣтеръ стихалъ, и свѣжая прохлада начинала распространяться въ виноградникахъ. Еще издалека какимъ-то инстинктомъ Оленинъ узналъ голубую рубаху Марьяны сквозь ряды лозъ, и, обрывая ягоды, подошелъ къ ней. Зарывшая собака тоже иногда схватывала слонявшимъ ртомъ низко висѣвшую кисть. Раскраснѣвшись, засучивъ рукава и опустивъ платокъ ниже

подбородка; Марьяна быстро срѣзала тяжелыя кисти и складывала ихъ въ плетушку. Не выпуская изъ рукъ плети, которую она держала, она остановилась, ласково улыбнулась и снова принялась за работу. Оленинъ приблизился и перекинулъ ружье за плечи, чтобы освободить руки. „А твои гдѣ? Богъ помочь! Ты одна?“ хотѣлъ онъ сказать, но ничего не сказалъ и только приподнялъ папаху. Ему было неловко наединѣ съ Марьянкой, но онъ, какъ-будто нарочно мучая себя, подошелъ къ ней.

— Ты этакъ бабъ изъ ружья застрѣлишь, — сказала Марьяна.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

Они оба помолчали.

— Ты бы подсобилъ.

Онъ досталъ ножичекъ и сталъ молча рѣзать. Доставъ снизу изъ-подъ листьевъ тяжелую, фунта въ три, сплошную кисть, въ которой всѣ ягоды сплющились одна на другую, не находя себѣ мѣста, онъ показалъ ее Марьянѣ.

— Всѣ рѣзать? Эта не зелена?

— Давай сюда.

Руки ихъ столкнулись. Оленинъ взялъ ея руку, а она, улыбаясь, глядѣла на него.

— Что, ты скоро замужъ выйдешь? — сказалъ онъ.

Она не отвѣчая отвернулась и повела на него своими строгими глазами.

— Что, ты любишь Лукашку?

— А тебѣ что?

— Мнѣ завидно.

— Легко ли!

— Право, ты такая красавица!

И ему вдругъ стало страшно совѣстно за то, что онъ сказалъ. Такъ пошло, казалось ему, звучали его слова. Онъ вспыхнулъ, растерялся и взялъ ее за обѣ руки.

— Какая ни есть, да не про тебя! Что смѣяться — то! — отвѣчала Марьяна, но взглядъ ея говорилъ, какъ твердо она знала, что онъ не смѣялся.

— Какъ смѣяться! Ежели бы ты знала, какъ я...

Слова звучали еще пошлѣе, еще несогласнѣе съ тѣмъ, что онъ чувствовалъ; но онъ продолжалъ: — я не знаю, что готовъ для тебя сдѣлать...

— Отстань, смола!

Но ея лицо, ея блестящіе глаза, ея высокая грудь, стройныя ноги говорили совсѣмъ другое. Ему казалось, что она понимала, какъ было пошло все, что онъ говорилъ ей, но стояла выше такихъ соображеній; ему казалось, что она давно знала все то, что онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей, но хотѣла послушать, какъ онъ это скажетъ ей. И какъ ей не знать, думалъ онъ, когда онъ хотѣлъ сказать ей лишь только все то, что она сама была? Но она не хотѣла понимать, не хотѣла отвѣчать, думалъ онъ.

— Ау! — вдругъ послышался недалеко за виноградникомъ голосокъ Устенъки и ея тонкій смѣхъ. — Приходи, Митрій Андреичъ, миѣ подсоблять. Я одна! — прокричала она Оленину, высовывая изъ-за листьевъ свое круглое наивное лицико.

Оленинъ ничего не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста.

Марьяна продолжала рѣзать, но безпрестанно взглядала на постояльца. Онъ началъ-было говорить что-то, но остановился, вздернувъ плечами и, вскинувъ ружье, скорыми шагами пошелъ изъ сада.

XXXII.

Раза два онъ останавливался, прислушиваясь къ звонкому смѣху Марьяны и Устенъки, которыхъ, сойдясь вмѣстѣ, кричали что-то. Цѣлый вечеръ Оленинъ проходилъ въ лѣсу на охотѣ. Ничего не убивъ, онъ вернулся ужъ сумерками. Пройдя по двору, онъ замѣтилъ отворенную въ хозяйствской избушкѣ дверь и виднѣвшуюся изъ нея голубую рубаху. Онъ особенно громко кликнулъ Ванюшу, чтобы дать знать о своемъ приходѣ, и сѣлъ на крыльцѣ на обычное мѣсто. Хозяева уже вернулись изъ садовъ; они вышли изъ избушки, прошли въ свою хату и не позвали его къ себѣ. Марьана два раза выходила за ворота. Одинъ разъ въ полусвѣтѣ, ему показалось, что она оглянулась на него. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, но не рѣшился подойти къ ней. Когда она скрылась въ хатѣ, онъ сошелъ съ крыльца и началъ ходить по двору. Но Марьана уже не выходила. Цѣлую почь Оленинъ провелъ безъ сна на дворѣ, прислушиваясь къ каждому звуку въ хозяйствской хатѣ. Онъ слышалъ, какъ съ вечера они говорили, какъ ужинали, какъ вытаскивали пуховики и укладывались спать; слышалъ, какъ чему-то засмѣялась Марьана; слышалъ потомъ, какъ все затихло. Хорунжій переговаривалъ что-то шепотомъ съ старухой, и кто-то дышалъ. Онъ зашель въ свою хату. Ванюша, не раздѣваясь, спалъ. Оленинъ позавидовалъ ему и опять принялъся ходить по двору, все ожидая чего-то; но никто не выходилъ, никто не шевелился; только слышалось равномѣрное дыханіе трехъ человѣкъ. Онъ зналъ дыханіе Марьяны и все слушалъ его, и слушалъ стукъ своего сердца. Въ станицѣ все затихло, поздній мѣсяцъ взошелъ, и стала виднѣть скотина,

пыхтѣвшая по дворамъ, ложившаяся и медленно встававшая. Оленинъ со злобой спрашивалъ себя: „чего миѣ нужно“ и не могъ оторваться оть своей ночи. Вдругъ ясно послышались ему шаги и скрипъ половицы въ хозяйствской хатѣ. Онъ бросился къ дверямъ; но опять ничего не было слышно кромѣ равномѣрнаго дыханія, и опять на дворѣ, послѣ тяжелаго вздоха, поворачивалась буйловица, вставая на переднія колѣни, потомъ на всѣ ноги, взмахивала хвостомъ, и равнотѣрно шлепало что-то по сухой глины двора, и опять со вздохомъ укладывалась она въ мѣсячной мглѣ... Онъ спрашивалъ себя: „что мнѣ дѣлать?“ и рѣшительно собирался итти спать; но опять послышались звуки, и въ воображеніи его возникалъ образъ Марьянки, выходившей на эту мѣсячную туманную ночь, и опять онъ бросался къ окну, и опять слышалъ шаги. Уже передъ свѣтомъ подошелъ онъ къ окну, толкнулъ въ ставень, перебѣжалъ къ двери, и дѣйствительно заслышался вздохъ Марьянки и шаги. Онъ взялся за щеколду и постучалъ. Босые осторожные шаги, чуть скрипя половицами, приближались къ двери. Защевелилась щеколда, скрипнула дверь, пахнуло запахомъ душицы и тыквы, и на порогъ показалась вся фигура Марьянки. Онъ видѣлъ ее только мгновеніе при мѣсячномъ свѣтѣ. Она захлопнула дверь и, что-то прошептавъ, побѣжала легкими шагами назадъ. Оленинъ сталъ стучать слегка, ничто не отзывалось. Онъ перебѣжалъ къ окну и сталъ слушать. Вдругъ рѣзкий визгливый мужской голосъ поразилъ его.

— Славно! — сказалъ невысокій казаченокъ въ бѣлой папахѣ, близко подходя со двора къ Оленину: — я видѣлъ, славно!

Оленинъ узналъ Назарку и молчалъ, не зная, что дѣлать и говорить.

— Славно! Вотъ я въ станичноѣ пойду, докажу и отцу скажу. Вишь хорунжиха какая! Ей одного мало.

— Чего ты отъ меня хочешь, что тебѣ надо?—выговорилъ Оленинъ.

— Ничего, я только въ станичномъ скажу.

Назарка говорилъ очень громко, видимо нарочно.

— Вишь ловкій юнкиръ какой!

Оленинъ дрожалъ и блѣднѣлъ.

— Поди сюда, сюда!

Онъ сильно ухватилъ его за руку и отвелъ къ своей хатѣ.

— Вѣдь ничего не было, она меня не пустила, и я ничего... Она честная...

— Ну тамъ, разбирать...—сказалъ Назарка.

— Да я все равно тебѣ дамъ... Вотъ постой!...

Назарка замолчалъ. Оленинъ вбѣжалъ въ свою хату, и выпесъ казаку десять рублей.

— Вѣдь ничего не было, да все равно, я виноватъ; вотъ я и даю! Только ради Бога, чтобы никто не зналъ. Да ничего не было...

— Счастливо оставаться, — смѣясь сказалъ Назарка, и вышелъ.

Назарка прїѣзжалъ въ эту ночь въ станицу, по порученію Лукашки приготовить мѣсто для краденої лошади и, проходя домой по улицѣ, заслышалъ звуки шаговъ. Онъ вернулся на другое утро въ сотню и, хвастаясь, рассказалъ товарищу, какъ онъ ловко добылъ десять монетовъ. На другое утро Оленинъ видѣлся съ хозяевами, и никто ничего не зналъ. Съ Марьиной онъ не говорилъ, и она только посмѣивалась, глядя на него. Ночь онъ опять провелъ безъ сна, тщетно бродя по двору. Слѣдующій день онъ нарочно

провель на охотъ, и вечеромъ, чтобы бѣжать отъ себя, ушелъ къ Бѣлецкому. Онъ боялся себя и далъ себѣ слово не заходить больше къ хозяевамъ. На слѣдующую ночь разбудилъ Оленина фельдфебель. Рота тотчасъ же выступала въ набѣгъ. Оленинъ обрадовался этому случаю, и думалъ не вернуться уже болѣе въ станицу.

Набѣгъ продолжался четыре дня. Начальникъ пожелалъ видѣть Оленина, съ которымъ онъ былъ въ родствѣ, и предложилъ ему остаться въ штабѣ. Оленинъ отказался. Онъ не могъ жить безъ своей станицы и просился домой. За набѣгъ ему навѣсили солдатскій крестъ, котораго онъ такъ желалъ прежде. Теперь же онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому кресту, и еще болѣе равнодушенъ къ представлению въ офицеры, которое все еще не выходило. Онъ безъ оказіи проѣхалъ съ Ванюшой на линію, и нѣсколькими часами опередилъ свою роту. Оленинъ весь вечеръ провелъ на крыльцѣ, глядя на Марьяну. Всю ночь онъ опять безъ цѣли, безъ мысли, ходилъ по двору.

XXXIII.

На другое утро Оленинъ проснулся поздно. Хозяевъ уже не было. Онъ не пошелъ на охоту, и то брался за книгу, то выходилъ на крыльцо и опять входилъ въ хату и ложился на постель. Ванюша думалъ, что онъ боленъ. Передъ вечеромъ Оленинъ рѣшительно всталъ, принялъ писать, и писалъ до поздней ночи. Онъ написалъ письмо, но не послалъ его, потому что никто все-таки бы не понялъ того, что онъ хотѣлъ сказать, да и не зачѣмъ кому бы то ни было понимать это, кромѣ самого Оленина. Вотъ что онъ писалъ:

Ми ъ пишуть изъ Россіи письма соболѣзнованія; боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глухи. Говорять про меня: онъ загрубѣеть, отъ всего отстанетъ, станетъ пить, и еще чего доброго женится на казачкѣ. Недаромъ, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: кто десять лѣтъ прослужитъ на Кавказѣ, тотъ либо сопьется съ кругу, либо женится на распутной женщинѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ, не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастіе стать мужемъ графини Б***, камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ все гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастіе и что такая жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безъискусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные, неприступные сиѣга горы и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губить, кто живеть въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представится мнѣ, вместо моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостиныя, эти женщины съ припомаженными волосами, надѣ подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящіяся губки, эти спрятанные и изуродованные слабые члены и этотъ лепетъ гостиныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это,— мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатыя невѣсты съ выражениемъ лица, говорящимъ: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста“; эти усаживанья и пересаживанья, это наглое сводничанье паръ, и эта вѣчная сплетня, притворство; эти

правила—кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ, и, наконецъ, эта вѣчная скуча въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно, съ убѣждениемъ въ необходимости). Поймите одно или повѣрьте одному. Надо видѣть и понять, что такое правда и красота и въ прахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанья счастія и за меня, и за себя. Счастіе — это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней. „Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и совсѣмъ пропадетъ для свѣта“, воображаю, говорять они обо мнѣ съ истиннымъ состраданіемъ. А я только одного и желаю, совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого потому, что это было бы верхъ счастія, котораго я недостоинъ.

„Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предразсудки того міра, изъ котораго я вышелъ, еще были свѣжи во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту женщину. Я любовался ею какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна, какъ и онъ. Потомъ я почувствовалъ, что созерданіе этой красоты сдѣлалось необходимостью въ моей жизни, и я сталъ спрашивать себя: не люблю ли я ее; но ничего похожаго на то, какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это было чувство не похожее ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую любовь, которую я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть, слышать ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то что счастливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣстѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что

между мной и этой женщиной существует неразрывная, хотя и непризнанная связь, против которой нельзя бороться. Но я еще боролся; я говорил себе: неужели можно любить женщину, которая никогда не поймет задушевныхъ интересовъ моей жизни. Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую? — спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

„Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ вѣнчайшей природы; послѣ вечеринки, она стала для меня человѣкомъ. Я сталъ встречать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу и по цѣлымъ вечерамъ просиживать у нихъ. И въ этихъ близкихъ сношеніяхъ, она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она была ласкова, но большею частью каждый взглядъ, каждое слово, каждое движение ея выражали это равнодушіе, не презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то, и съ мукою страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ ней. Она видѣла, что я притворяюсь: но прямо, весело и просто смотрѣла на меня. Мне стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней и хотѣлъ сказать все, что я думаю, что я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить потому, что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому, что она неизмѣримо выше стояла

этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣжалось невыносимо. Я не хотѣлъ уничтожься, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убийство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я?—тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, негармонического, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія сибирскія горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно возможное на свѣтѣ счастіе, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ, не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобы она по-

няла мое уродство и мои мученія. Ночи я не спалъ, и безъ всякой цѣли проводилъ подъ ея окнами и не отдавалъ отчета себѣ въ томъ, что со мною было. 18-го числа наша рота ходила въ набѣгъ. Я три дня провелъ въ станицы. Мне было грустно, и все равно. Въ отрядѣ пѣсни, карты, попойки, толки о наградахъ мнѣ были противнѣе обыкновеннаго. Я нынче вернулся домой, увидалъ ее, свою хату, дядю Ерошку, снѣговые горы съ своего крылечка, и такое сильное новое чувство радости охватило меня, что я все понялъ. Я люблю эту женщину настоящую любовью, въ первый и единственный разъ моей жизни. Я знаю, что со мной. Я не боюсь унизиться своимъ чувствомъ, не стыжусь своей любви, я гордъ ею. Я не виноватъ, что я полюбиль. Это сдѣлалось противъ моей воли. Я спасался отъ своей любви въ самоотверженіи, я выдумывалъ себѣ радость въ любви казака Лукашки съ Марьянкой и только раздражалъ свою любовь и ревность. Это не идеальная, такъ называемая возвышенная любовь, которую я испытывалъ прежде; не то чувство влеченія, въ которомъ любуешься на свою любовь, чувствуешь въ себѣ источникъ своего чувства, и все дѣлаешь самъ. Я испытывалъ и это. Это еще меньшее желаніе наслажденія, это что-то другое. Можетъ-быть, я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго природы; но я не имѣю своей воли, а черезъ меня любить ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій; вся природа вдавливаетъ любовь эту въ мою душу и говоритъ: люби. Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божіяго міра. Я писалъ прежде о своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, которые вынесъ изъ своей одинокой жизни;

но никто не можетъ знать, какимъ трудомъ выработались они во мнѣ, съ какою радостью созналъ я ихъ и увидаль новый, открытый путь въ жизни. Дороже этихъ убѣждений ничего во мнѣ не было... Ну... пришла любовь, и ихъ нѣть теперь, нѣть и сожалѣнія о нихъ! Даже понять, что я могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроениемъ, для меня трудно. Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣть обѣ исчезнувшемъ! Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженного несчастія, спасеніе отъ зависимости къ чужому счастію. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ?—когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе—любить ее и жить съ нею, ея жизнью. Не для другихъ, не для Лукашки, я теперь желаю счастія. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣе меня, руководящее мною. Я мучаюсь, но прежде я былъ мертвъ, а теперь только я живу. Нынче я пойду къ нимъ и все скажу ей“.

XXXIV.

Написавъ это письмо, Оленинъ поздно вечеромъ пошелъ къ хозяевамъ. Старуха сидѣла на лавкѣ за печью и сучила коконы. Марьяна съ непокрытыми волосами шила у свѣчи. Увидавъ Оленина, она вскочила, взяла платокъ и подошла къ печи.

- Что жъ, посиди съ нами, Марьянушка,—сказала мать.
- Нѣ, я простоголовая.—И она вскочила на печь.

Оленину видно было только ея колѣно и стройная спущенная нога. Онъ угощалъ старуху чаемъ. Старуха угостила гостя каймакомъ, за которымъ посыпала Марьяну. Но поставивъ тарелку на столъ, Марьяна опять вскочила на печь, и Оленинъ чувствовалъ только ея глаза. Они разговорились о хозяйствѣ. Бабука Улита расходилась и пришла въ восторгъ гостепріимства. Она принесла Оленину моченаго винограду, лепешку съ виноградомъ, лучшаго вина, и съ тѣмъ особеннымъ, простонароднымъ, грубымъ и гордымъ гостепріимствомъ, которое бываетъ только у людей физическими трудами добывающихъ свой хлѣбъ, принялась угощать Оленина. Старуха, которая сначала такъ поразила Оленина своею грубостью, теперь часто трогала его своею простою нѣжностью въ отношении къ дочери.

— Да что Бога гнѣвить, батюшка! Все у насъ есть, слава Богу, и чихирю нажали, и насолили, и продадимъ бочки три винограду, и пить останется. Ты уходить-то погоди. Гулять съ тобой будемъ на свадьбѣ.

— А когда свадьба?—спросилъ Оленинъ, чувствуя какъ вся кровь вдругъ хлынула ему къ лицу и сердце неровно и мучительно забилось.

За печью зашевелилось, и послышалось щелканье сѣмечка.

— Да что, надо бы на той недѣль сыграть. Мы готовы,— отвѣчала старуха просто, спокойно, какъ-будто Оленина не было и нѣтъ на свѣтѣ. — Я все для Марьянушки собрала и припасла. Мы хорошо отдадимъ. Да вотъ немножко неладно. Лукашка-то напѣтъ что-то ужъ загулялъ очень. Вовсе загулялъ! Шалитъ! Намедни прїѣзжалъ казакъ изъ сотни, сказывалъ, онъ въ ногахъ ъездилъ.

— Какъ бы не попался,—сказалъ Оленинъ.

— И я говорю: ты, Лукашка, не шали. Ну, молодой человекъ, извѣстно куражится. Да вѣдь на все время есть. Ну отбилъ, украдъ, абрека убиль, молодецъ! Ну и смиро бы пожилъ. А то ужъ вовсе скверно.

— Да, я его раза два видѣлъ въ отрядѣ, онъ все гуляетъ. Еще лошадь продалъ,—сказалъ Оленинъ и оглянулся на печь.

Большие черные глаза блестѣли на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

— Что жъ! Онъ никому худа не дѣлаетъ,—вдругъ сказала Марьяна.—На свои деньги гуляетъ,—и спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Оленинъ слѣдилъ за ней глазами, покуда она была въ хатѣ; потомъ смотрѣлъ на дверь, ждалъ и не понималъ ничего, что ему говорила бабука Улита. Черезъ нѣсколько минутъ вошли гости: старикъ, братъ бабуки Улиты, съ дядей Ерошкой, и вслѣдъ за ними Марьяна съ Устенькой.

— Здорово дневали?—пропищала Устенька.—Все гуляешь,—обратилась Устенька къ Оленину.

— Да, гуляю,—отвѣчалъ онъ, и ему отчего-то стыдно стало и неловко.

Онъ хотѣлъ уйти и не могъ. Молчать ему тоже казалось невозмозжно. Старикъ помогъ ему: онъ попросилъ выпить, и они выпили. Потомъ Оленинъ выпилъ съ Ерошкой. Потомъ еще съ другимъ казакомъ. Потомъ еще съ Ерошкой. И чѣмъ больше пилъ Оленинъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ему на сердцѣ. Но старики разгулялись. Дѣвки обѣ засѣли на печку и шушукали, глядя на нихъ, а они пили до вечера. Оленинъ ничего не говорилъ и пилъ больше всѣхъ. Казаки что-то кричали. Старуха выгоняла ихъ воинъ

и не давала больше чихиря. Дѣвки смеялись надъ дядей Ерошкой, и ужъ было часовъ десять, когда всѣ вышли на крыльцо. Старики сами назывались итти догуливать ночь у Оленина. Устенъка побѣжала домой. Ерошка повелъ казака къ Ванюшѣ. Старуха пошла прибирать въ избушкѣ, Марьяна оставалась одна въ хатѣ. Оленинъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ какъ-будто онъ сейчасъ проснулся. Онъ все замѣчалъ и, пропустивъ впередъ стариковъ, вернулся въ хату; Марьяна укладывалась спать. Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ ей сказать что-то, но голосъ оборвался у него. Она сѣла на постель, подобрала подъ себя ноги, отодвинулась отъ него въ самый уголъ, и молча, испуганнымъ, дикимъ взглядомъ, смотрѣла на него. Она, видимо, боялась его. Оленинъ чувствовалъ это. Ему стало жалко и совѣстно за себя, и вмѣсть съ тѣмъ онъ почувствовалъ гордое удовольствіе, что возбуждаетъ въ ней хоть это чувство.

— Марьяна! — сказалъ онъ. — Неужели ты никогда не скалишься надо мной? Я не знаю, какъ я люблю тебя.

Она отодвинулась еще дальше.

— Вишь вино-то что говорить. Ничего тебѣ не будетъ!

— Нѣтъ, не вино. Не выходи за Лукашку. Я женюсь на тебѣ. — „Что же это я говорю?“ — подумалъ онъ въ то самое время, какъ выговаривалъ эти слова. „Скажу ли я тоже завтра? Скажу, навѣрно скажу и теперь повторю“, отвѣтилъ ему внутренній голосъ.

— Пойдешь за меня?

Она серьезно посмотрѣла на него, и испугъ ея какъ-будто прошелъ.

— Марьяна! я съ ума сойду. Я не свой. Что ты велишь, то и сдѣлаю, — и безумно-нѣжныя слова говорились сами собой.

— Ну что брешешь,—прервала она его, вдругъ схвативъ за руку, которую онъ протягивалъ къ ней. Но она не отталкивала его руки, а крѣпко сжала ее своими сильными жесткими пальцами.—Развѣ господа на мамукахъ женятся? Иди!

— Да пойдешь ли? Я все...

— А Лукашку куда дѣнемъ?—сказала она, смѣясь.

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала, и сильно обнялъ ея молодое тѣло. Но она какъ лань вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленинъ опомнился и ужаснулся на себя. Онъ опять показался самъ себѣ невыразимо гадокъ въ сравненіи съ нею. Но ни минуты не раскаиваясь въ томъ, что онъ сказалъ, онъ пошелъ домой и, не взглянувъ на пившихъ у него стариковъ, легъ и заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не спалъ.

XXXV.

На другой день былъ праздникъ. Вечеромъ весь народъ, блестя на заходящемъ солнцѣ праздничнымъ нарядомъ, былъ на улицѣ. Вина было напято больше обыкновенного. Народъ освободился отъ трудовъ. Казаки черезъ мѣсяцъ сбирались въ походъ, и во многихъ семействахъ готовились свадьбы.

На площади, передъ станичнымъ правленіемъ и около двухъ лавочекъ,—одной съ закусками и сѣмечками, другой съ платками и ситцами,—больше всего стояло народа. На завалинкѣ дома правленія сидѣли и стояли старики, въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ зипунахъ, безъ галуновъ и украшеній. Старики спокойно, мѣрными голосами, бесѣдовали

между собой объ урожаяхъ и молодыхъ ребятахъ, объ общественныхъ дѣлахъ и о старинѣ, величаво и равнодушно потлдывая на молодое поколѣніе. Проходя мимо ихъ, бабы и дѣвки пріостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шагъ и, снимая папахи, держали ихъ нѣкоторое время предъ головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково, осматривали они проходящихъ, и медленно снимали и снова надѣвали папахи.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а собравшись кружками въ яркоцвѣтныхъ бешметахъ и бѣлыхъ платкахъ, обвязывающихъ голову и глаза, сидѣли на землѣ и завалинкахъ хатъ, въ тѣни отъ косыхъ лучей солнца, и звонко болтали и смѣялись. Мальчишки и дѣвчонки играли въ лалту, зажигая мячъ высоко въ ясное небо, и съ крикомъ и пискомъ бѣгали по площади. Дѣвочки-подростки на другомъ углѣ площади уже водили хороводы, и тоненькими, несмѣлыми голосами пищали пѣсню. Писаря, льготные и вернувшись на праздникъ молодые ребята, въ нарядныхъ бѣлыхъ и новыхъ красныхъ черкескахъ, обшитыхъ галунами, съ праздничными, веселыми лицами, по двое, по трое, взявшись рука съ рукой, ходили отъ одного кружка бабъ и дѣвокъ къ другому и, останавливаясь, шутили и заигрывали съ казачками. Армялинъ-лавочникъ, въ синей черкескѣ тонкаго сукна съ галунами, стоялъ у отворенной двери, въ которую виднѣлись ярусы свернутыхъ цвѣтныхъ платковъ и, съ гордостью восточного торговца и сознаниемъ своей важности, ожидалъ покупателей. Два краснобородые босые чеченца, пришедшие изъ-за Терека полюбоваться на праздникъ, сидѣли на корточкахъ у дома своего знакомца и, небрежно покуривая изъ маленькихъ трубочекъ и поплевывая, переки-

дывались, глядя на народъ, быстрыми гортанными звуками. Изрѣдка непраздничный солдатъ въ старой шинели торопливо проходилъ между пестрыми группами по площади. Кое-гдѣ уже слышались пьяные пѣсни загулявшихъ казаковъ. Всѣ хаты были заперты, крылечки съ вечера вымыты. Даже старухи были на улицѣ. По сухимъ улицамъ вездѣ въ пыли, подъ ногами, валялась шелуха арбузныхъ и тыквеныхъ сѣмечекъ. Въ воздухѣ было тепло и неподвижно, въ ясномъ небѣ голубо и прозрачно. Бѣло-матовый хребетъ горъ, виднѣвшійся изъ-за крыши, казался близокъ и розовѣль въ лучахъ заходящаго солнца. Изрѣдка, съ зарѣчной стороны, доносился дальний гулъ пушечного выстрѣла. Но надъ станицей, сливаясь, носились разнообразные веселые, праздничные звуки.

Оленинъ все утро ходилъ по двору, ожидая увидать Марьяну. Но она, убравшись, пошла къ обѣдѣ въ часовню, потомъ, то сидѣла на завалинѣ съ дѣвками, щелкая сѣмя, то съ товарками же забѣгалася домой и весело, ласково взглядала на постояльца. Оленинъ боялся заговоривать съ ней шутливо и при другихъ. Онъ хотѣлъ договорить ей вчерашнее и добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. Онъ ждалъ опять такой же минуты, какъ вчера вечеромъ; но минута не приходила, а оставаться въ такомъ нерѣшительномъ положеніи онъ не чувствовалъ въ себѣ болѣе силы. Она вышла опять на улицу, и немного погодя, самъ не зная куда, пошелъ и онъ за нею. Онъ миновалъ уголь, гдѣ она сидѣла, блестя своимъ атласнымъ, голубымъ бешметомъ и съ болью сердца услыхалъ за собою дѣвичій хохотъ.

Хата Бѣлецкаго была на площади. Оленинъ, проходя мимо ея, услыхалъ голосъ Бѣлецкаго:—заходите, и зашель.

Поговоривъ, они оба сѣли къ окну. Скоро къ нимъ присоединился Ерошкъ въ новомъ бешметѣ и усѣлся подлѣ нихъ на поль.

— Вотъ это аристократическая кучка,—говорилъ Бѣлецкій, указывая папироской на пеструю группу на углу и улыбаясь.—И моя тамъ, видите, въ красномъ. Это обновка.—Что же хороводы не начинаются?—прокричалъ Бѣлецкій, выглядывая изъ окна.—Вотъ погодите, какъ смеркнется, и мы пойдемъ. Потомъ позовемъ ихъ къ Устенкѣ; надо имъ баль задать.

— И я приду къ Устенкѣ,—сказалъ Оленинъ рѣшиительно;—Марьяна будетъ?

— Будетъ, приходите!—сказалъ Бѣлецкій, нисколько не удивляясь.—А вѣдь очень красиво,—прибавилъ онъ, указывая на пестрыя толпы.

— Да, очень!—поддакнулъ Оленинъ, стараясь казаться равнодушнымъ:—на такихъ праздникахъ,—прибавилъ онъ,—меня всегда удивляетъ, отчего такъ, вслѣдствіе того, что нынче, напримѣръ, пятнадцатое число, вдругъ всѣ люди стали довольны и веселы? На всемъ видѣнѣ праздники. И глаза, и лица, и голоса, и движения, и одежда, и воздухъ, и солнце, все праздничное. А у насъ уже нѣть праздниковъ.

— Да,—сказалъ Бѣлецкій, не любившій такихъ разсужденій.—А ты, что не пѣешь, старикъ?—обратился онъ къ Ерошкѣ.

Ерошкъ мигнула Оленину на Бѣлецкаго:—да что, онъ гордый, кунакъ-то твой!

Бѣлецкій поднялъ стаканъ.—*Алла бирды*,—сказалъ онъ и выпилъ. (*Алла бирды*, значитъ: Богъ далъ: это обыкновенное привѣтствіе, употребляемое кавказцами, когда пьютъ вмѣстѣ).

— *Сау булъ* (будь здоровъ), — сказалъ Ерошка, улыбаясь и выпилъ свой стаканъ.

— Ты говоришь праздникъ! — сказалъ онъ Оленину, поднимаясь и глядя въ окно. — Это что за праздникъ! Ты бы посмотрѣлъ, какъ въ старину гуляли! Бабы выйдутъ, бывало, одѣнутся въ сарафаны, галунами обшиты. Грудь всю золотыми въ два ряда обвѣшаютъ. На головѣ кокошники золотые носили. Какъ пройдетъ, такъ фр! фр! шумъ подымется. Каждая баба какъ княгиня была. Бывало выйдутъ, табунъ цѣлый, заиграютъ пѣсни, такъ стонъ стоить; всю ночь гуляютъ. А казаки бочки выкатятъ на дворъ, засядутъ, всю ночь до разсвѣта пьютъ. А то схватятся рука съ рукой, пойдутъ по станицѣ лавой. Кого встрѣтятъ, съ собой забираютъ. Да отъ одного къ другому и ходятъ. Другой разъ, три дня гуляютъ. Батюшка бывало придетъ, еще я помню, красный, распухнетъ весь, безъ шапки, все растеряетъ, придется и ляжетъ. Матушка ужъ знаетъ, бывало: свѣжей икры и чихирю ему принесеть опохмѣлиться, а сама бѣжать по станицѣ шапку его искать. Такъ двое сутокъ спить! Вотъ какие люди были! А нынче что!

— Ну а дѣвки-то въ сарафанахъ какъ же? Однѣ гуляли? — спросилъ Вѣлецкій.

— Да, однѣ! Придутъ, бывало, казаки или верхомъ сядутъ, скажутъ, пойдемъ хороводы разбивать, и поѣдутъ, а дѣвки дубье возьмутъ. На масляницѣ, бывало, какъ разлетится какой молодецъ, а онъ бьютъ, лошадь бьютъ, его бьютъ. Прорвѣтъ стѣну, подхватитъ какую любить и увезетъ. Матушка, душенька, ужъ какъ хочетъ любить. Да и дѣвки жъ были! королевны!

XXXVI.

Въ это время изъ боковой улицы выѣхали на площадь два всадника. Одинъ изъ нихъ былъ Назарка, другой Лукашка. Лукашка сидѣлъ нѣсколько бокомъ на своемъ сытомъ гіѣдомъ кабардинцѣ, легко ступавшемъ по жесткой дорогѣ и подкидывавшемъ красивою головой съ глянцевитою тонкою холкой. Ловко приложенное ружье въ чехлѣ, пистолеть за спиной и свернутая за сѣдломъ бурка доказывали, что Лукашкаѣхалъ не изъ мирнаго и ближняго мѣста. Въ его боковой щегольской посадкѣ, въ небрежномъ движениіи руки, похлоопывавшей чуть слышно плетью подъ брюхо лошади, и особенно въ его блестящихъ черныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ, гордо прищуриваясь, вокругъ, выражались сознаніе силы и самонадѣянность молодости. Видали молодца? казалось говорили его глаза, поглядывая по сторонамъ. Статная лошадь, съ серебрянымъ наборомъ сбруя и оружіе, и самъ красивый казакъ, обратили на себя вниманіе всего народа, бывшаго на площади. Назарка, худощавый и малорослый, былъ одѣтъ гораздо хуже Лукашки. Проѣзжая мимо стариковъ, Лукашка пріостановился и приподнялъ бѣлую курчавую папаху надъ стриженою черною головой.

— Что много ль ногайскихъ коней уgnалъ? — сказалъ худенький старичокъ съ нахмуреннымъ мрачнымъ взглядомъ.

— А ты небось считалъ, дѣдука, что спрашиваешь, — отвѣчалъ Лукашка, отворачиваясь.

— То-то парня-то съ собой напрасно водишь, — проговорилъ старикъ еще мрачнѣе.

— Вишь, чортъ, все знаетъ, — проговорилъ про себя Лукашка, и лицо его приняло озабоченное выраженіе; но взгля-

нувъ на уголь, гдѣ стояло много казачекъ, онъ повернулъ къ нимъ лошадь.

— Здорово дневали, дѣвки! — крикнулъ онъ сильнымъ заливистымъ голосомъ, вдругъ останавливая лошадь. — Соста-рѣлись безъ меня, вѣдьмы. — И онъ засмѣялся.

— Здорово, Лукашка, здорово, батяка! — послышались веселые голоса. — Денегъ много привезъ? Закусокъ купи дѣвкамъ-то! Надолго прѣѣхалъ? И то давно не видали.

— Съ Назаркой на ночку погулять прилетѣли, — отвѣчалъ Лукашка, замахиваясь плетью на лошадь и наѣзжая на дѣвокъ.

— И то Марьянка ужъ забыла тебя совсѣмъ, — прошипала Устенька, толкая локтемъ Марьяну и заливаясь тонкимъ смѣхомъ.

Марьяна отодвинулась отъ лошади и, закинувъ назадъ голову, блестящими большими глазами спокойно взглянула на казака.

— И то давно не бывалъ! Что лошадью топчешь-то? — сказала она сухо и отвернулась.

Лукашка казался особенно весель. Лицо его сияло удалостью и радостью. Холодный отвѣтъ Марьяны видимо поразилъ его. Онъ вдругъ нахмурилъ брови.

— Становись въ стремя, въ горы увезу, мамочка! — вдругъ крикнулъ онъ, какъ бы разгоняя дурные мысли и джигитул между дѣвокъ. Онъ нагнулся къ Марьянѣ. — Поцѣлую, ужъ такъ поцѣлую, что ну!

Марьяна встрѣтилась съ нимъ глазами и вдругъ покраснѣла. Она отступила.

— Ну тебя совсѣмъ! Ноги отдавиши, — сказала она и, опустивъ голову, посмотрѣла на свои стройныя ноги, обтя-

шутыя голубыми чулками со стрѣлками, въ красныхъ, ножныхъ чувахахъ, обшитыхъ узенъкимъ серебрянымъ галуномъ.

Лукашка обратился къ Устенъкѣ, а Марьяна сѣла рядомъ съ казачкой, державшею на рукахъ ребенка. Ребенокъ потянулся къ дѣвкѣ и пухленькою рученкой ухватился за читку монистовъ, висѣвшихъ на ея голубомъ бешметѣ. Марьяна нагнулась къ нему и искоса поглядѣла на Лукашку. Лукашка въ это время доставалъ изъ-подъ черкески, изъ кармана чернаго бешмета, узелокъ съ закусками и сѣмечками.

— На всѣхъ жертвую,—сказалъ онъ, передавая узелокъ Устенъкѣ, и съ улыбкой глянула на Марьянку.

Снова замѣшательство выразилось на лицѣ дѣвки. Прекрасные глаза подернулись какъ туманомъ. Она спустила платокъ ниже губъ и, вдругъ припавъ головой къ бѣлому лицу ребенка, державшаго ее за монисты, начала жадно цѣловать его. Ребенокъ упирался рученками въ высокую грудь дѣвки и кричалъ, открывая беззубый ротикъ.

— Что душишь парнишку-то?—сказала мать ребенка, отнимая его у неї и растегивая бешметъ, чтобы дать ему груди.—Лучше бы съ парнемъ здоровкалась.

— Только коня уберу, придемъ съ Назаркой, цѣлую ночь гулять будемъ,—сказалъ Лукашка, хлопнувъ плетью лошадь и поѣхалъ прочь отъ дѣвокъ.

Свернувъ въ боковую улицу съ Назаркой вмѣстѣ, они подѣхали къ двумъ стоявшимъ рядомъ хатамъ.

— Дорвались, братъ! Скорѣй приходи! — крикнулъ Лукашка товарищу, слѣзая у сосѣднаго двора и осторожно проводя коня въ плетеные ворота своего двора. — Здорово, Степка!—обратился онъ къ нѣмой, которая тоже празднично

разряженная, шла съ улицы, чтобы принять коня. И онъ знаками показалъ ей, чтобы она поставила коня къ сѣну и не разсѣдывала его.

Нѣмая загудѣла, зачмокала, указывая на коня, и поцѣловала его въ носъ. Это значило, что она любить коня, и что конь хорошъ.

— Здорово, матушка! Что, аль на улицу еще не выходитила?—прокричалъ Лукашка, поддерживая ружье и поднимаясь на крыльцо.

Старуха-мать отворила ему дверь.

— Вотъ не ждала, не гадала,—сказала старуха,—а Кирка сказывалъ, ты не будешь.

— Принеси чихирьку, поди, матушка. Ко мнѣ Назарка придетъ, *праздникъ помолимъ*.

— Сейчасъ, Лукаша, сейчасъ,—отвѣчала старуха.—Бабы-то наши гуляютъ. Я чай и наша нѣмая ушла.

И захвативъ ключи, она торопливо пошла въ избушку.

Назарка, убравъ своего коня и снявъ ружье, вошелъ къ Лукашкѣ.

XXXVII.

— Будь здоровъ,—говорилъ Лукашка, принимая отъ матери полную чашку чихиря и осторожно поднося ее къ нагнутой головѣ.

— Виши дѣло-то, — сказалъ Назарка, — дѣдука бурлакъ что сказалъ: „много ли коней укралъ?“ Видно знаетъ.

— Колдунъ!—коротко отвѣчалъ Лукашка.—Да это что?— прибавилъ опъ, встряхнувъ головой. — Ужъ они за рѣкой. Іщи.

— Все неладно.

— А что неладно! Снеси чихирю ему завтра. Такъ-то гулять надо, и ничего не будетъ. Теперь гулять. Пей! — крикнулъ Лукашка тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ старикъ Ерошка произносилъ это слово.— На улицу гулять пойдемъ, къ дѣвкамъ. Ты сходи меду возьми, или я нѣмую пошлю. До утра гулять будемъ.

Назарка улыбался.

— Что жъ долго побудемъ? — сказалъ онъ.

— Дай погуляемъ! Бѣги за водкой! На, деньги!

Назарка послушно побѣжалъ къ Ямкѣ.

Дядя Ерошака и Ергушовъ, какъ хищныя птицы, пронюхавъ гдѣ гулянье, оба пьяные, одинъ за другимъ ввалились въ хату.

— Давай еще полведра! — крикнулъ Лукашка матери, въ отвѣтъ на ихъ здоровканье.

— Ну сказывай, чортъ, гдѣ укралъ? — прокричалъ дядя Ерошака.— Молодецъ! Люблю!

— То-то люблю, — отвѣчалъ смѣясь Лукашка. — Дѣвкамъ закуски отъ юнкирѣй носишь. Эхъ, старый!

— Неправда, вотъ и неправда! Эхъ, Марка! (Старикъ расхохотался). Ужъ какъ просиль меня чортъ энтотъ! Поди, говоритъ, похлопочи. Флинту даваль. Нѣть, Богъ съ нимъ! Я бы обдѣлалъ, да тебя жалѣю. Ну, сказывай, гдѣ былъ.— И старикъ заговорилъ по-татарски.

Лукашка бойко отвѣчалъ ему.

Ергушовъ, плохо знавшій по-татарски, лишь изрѣдка вставляя русскія слова.

— Я говорю, коней угналъ. Я твердо знаю, — поддакивалъ онъ.

— Поѣхали мы съ Гирейкой, — рассказывалъ Лукашка.

(Что онъ Гирей-хана называлъ Гирейкой, въ томъ было замѣтное для казаковъ молодечество). — За рѣкой все храбрился, что онъ всю степь знаетъ, прямо приведеть, а выѣхали, ночь темная, спутался мой Гирейка, стала елозить, а все толку нѣть. Не найдетъ аула, да и шабашъ. Правѣй мы, видно, взяли. Почитай до полуночи искали. Ужъ спасибо собаки завыли.

— Дураки,—сказалъ дядя Ерошка.—Такъ-то мы, бывало, спутаемся ночью въ степи. Чортъ ихъ разберетъ! Выѣду, бывало, на бугоръ, завою по-бирючиному, вотъ такъ-то! (Онъ сложилъ руки у рта и завыль будто стадо волковъ, въ одну ноту). Какъ разъ собаки откликнутся. Ну, досказывай. Ну что жъ, нашли?

— Живо обратали. Назарку было поймали ногайки-бабы, пра!

— Да, поймали,—обиженно сказалъ вернувшійся Назарка.

— Выѣхали, опять Гирейка спутался, вовсе-было завель въ буруны. Такъ вотъ все кажеть, что къ Тереку, а вовсе прочь ёдемъ.

— А ты по звѣздамъ бы смотрѣль,—сказалъ дядя Ерошка.

— И я говорю,—подхватилъ Ергушовъ.

— Да, смотри тутъ, какъ темно все. Ужъ я бился, бился! Поймалъ кобылу одну, обраталъ, а своего коня пустилъ; думаю, выведеть. Такъ что же ты думаешь? Какъ фыркнетъ, фыркнетъ, да носомъ по земи... Выскакаль впередъ, такъ прямо въ станицу и вывелъ. И то спасибо ужъ свѣтло вовсе стало; только успѣли въ лѣсу коней склонить. Нагимъ изъ-за рѣки приѣхалъ, взяль.

Ергушовъ покачалъ головой. — Я и говорю: ловко! А много ль?

— Всъ тутъ,—сказалъ Лукашка, хлопая по карману.

Старуха въ это время вошла въ избу. Лукашка не договорилъ.

— Пей!—прокричалъ онъ.

— Такъ-то мы съ Гирчакомъ разъ поздно поѣхали... — началъ Ерошка.

— Ну, тебя не переслушаешь!—сказалъ Лукашка.—А я пойду.—И, дошивъ вино изъ чапурки и затянувъ туже ремень пояса, Лукашка вышелъ на улицу...

XXXVIII.

Ужъ было темно, когда Лукашка вышелъ на улицу. Осенняя ночь была свѣжа и безвѣтрена. Полный золотой мѣсяцъ выплывалъ изъ-за черныхъ раинъ, поднимавшихся на одной сторонѣ площади. Изъ трубъ избушекъ шелъ дымъ и, сливаясь съ туманомъ, стлался надъ станицею. Въ окнахъ кое-гдѣ свѣтились огни. Запахъ кизяка, чапры и тумана былъ разлитъ въ воздухѣ. Говоръ, смѣхъ, пѣсни и щелканье сѣмечекъ звучали такъ же смѣшанно, но отчетливѣе, чѣмъ днемъ. Бѣлые платки и папахи кучками виднѣлись въ темнотѣ около заборовъ и домовъ.

На площади, противъ отворенной и освѣщенной двери лавки, чернѣется и бѣлѣется толпа казаковъ и дѣвокъ, и слышатся громкія пѣсни, смѣхъ и говоръ. Схвативши рука съ рукой, дѣвки кружатся, плавно выступая на пыльной площади. Худощавая и самая некрасивая изъ дѣвокъ запѣваетъ:

Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго,
Ай да лули!
Изъ-за садику саду зеленаго

Вотъ и шли-прошли два молодца,
Два молодца, да оба холости,
Они шли прошли, да становились,
Они становились, разбранились.
Выходила къ нимъ красна дѣвица,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Вотъ кому-нибудь изъ васъ достануся.
Доставалася да парню бѣлому,
Парню бѣлому, бѣлокурому.
Онъ берѣ, береть за праву руку,
Онъ ведѣ, ведеть, да вдоль по кругу,
Всѣмъ товарищамъ порасхвастался:
Какова, братцы, хозяюшка!

Старухи стоять около, прислушиваясь къ пѣснямъ. Мальчишки и дѣвченки бѣгаютъ кругомъ въ темнотѣ, догоняя другъ друга. Казаки стоять кругомъ, затрогивая проходящихъ дѣвокъ, изрѣдка разрывая хороводъ и входя въ него. По темную сторону двери лавки стоять Бѣлецкій и Оленинъ въ черкескахъ и папахахъ, и не казачьимъ говоромъ, не громко, но слышно, разговариваютъ между собой, чувствуя, что обращаютъ на себя вниманіе. Рядомъ въ хороводѣ ходятъ толстенькая Устенька, въ красномъ бешметѣ, и величавая фигура Марьяны, въ новой рубахѣ и бешметѣ. Оленинъ съ Бѣлецкимъ разговаривали о томъ, какъ бы имъ отбить отъ хоровода Марьянку съ Устенькой. Бѣлецкій думалъ, что Оленинъ хотѣлъ только повеселиться, а Оленинъ ждалъ рѣшенія своей участіи. Онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ нынче же видѣть Марьяну одну, сказать ей все и спросить ее, можетъ ли и хочетъ ли она быть его женою. Несмотря на то, что вопросъ этотъ давно былъ рѣшенъ для него отрицательно, онъ надѣялся, что будетъ въ силахъ разсказать ей все, что чувствуетъ, и что она пойметъ его.

— Что вы мнѣ раньше не сказали, — говорилъ Бѣлецкій: — я бы вамъ устроилъ черезъ Устенъку. Вы такои странный!

— Что дѣлать? Когда-нибудь, очень скоро, я вамъ все скажу. Теперь только, ради Бога, устройте, чтобы она пришла къ Устенъку.

— Хорошо. Это легко... Что же ты парню бѣлому до-сташешься, Марьянка, а? а не Лукашкѣ? — сказалъ Бѣлецкій, для приличія обращаясь сначала къ Марьянкѣ; и не дождавшись отвѣта, онъ подошелъ къ Устенъку и началъ просить ее привести съ собою Марьяну. Не успѣлъ онъ договорить, какъ запѣвала заиграла другую пѣсню, и дѣвки потянули другъ дружку. Онѣ пѣли:

Какъ за садомъ, за садомъ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Вдоль улицы въ конецъ.
Онъ во первый разъ иде,
Машетъ правою рукой,
Во другой онъ разъ иде,
Машетъ шляпой пуховой,
А во третій разъ иде,
Осталавливается.
Останавливается, переправливается.
„Я хотѣлъ къ тебѣ пойти,
Тебѣ, милой, попенять:
Отчего же, моя милая,
Ты не идешь во садъ гулять?
Али ты, моя милая,
Мною чвалишься?
Опосля, моя милал
Успокоишься.
Зашли сватать, буду свагать,
Беру замужъ за себя,

Будешь плакать отъ меня“.
Ужъ я знала, что сказать,
И не смѣла отвѣтить.
Я не смѣла отвѣтить,
Выходила въ садъ гулять.
Прихожу я въ зеленъ садъ,
Дружку кланилась.
„А я, дѣвица, поклонъ,
И платочекъ изъ рукъ вонъ.
Изволь, милая, принять,
Во бѣлые руки взять.
Во бѣлые руки бери,
Меня, дѣвица, люби,
Я не знаю, какъ мнѣ быть,
Чѣмъ мнѣ милую дарить,
Подарю своей милой,
Большой шалевой платокъ.
Я за этотъ за платокъ,
Поцѣлую разъ пятокъ“

Лукашка съ Назаркой, разорвавъ хороводъ, пошли ходить между дѣвками. Лукашка подтягивалъ рѣзкимъ подголоскомъ и, размахивая руками, ходилъ по серединѣ хоровода. „Что же, выходи какая!“ проговорилъ онъ. Дѣвки толкали Марьинку; она не хотѣла выйти. Изъ-за пѣсни слышался тонкій смѣхъ, удары, поцѣлуи, шопотъ.

Проходя мимо Оленина, Лукашка ласково кивнула ему головой.

— Митрій Андреичъ! И ты пришелъ посмотреть? — сказала онъ.

— Да,—рѣшительно и сухо отвѣчалъ Оленинъ.

Бѣлецкій наклонился на ухо Устенъкѣ и сказалъ ей что-то. Она хотѣла отвѣтить, но не успѣла и, проходя во второй разъ, сказала:

— Хорошо, придемъ.

— И Марьяна тоже?

Оленинъ нагнулся къ Марьянѣ. — Придешь? Пожалуйста, хоть на минуту. Мне нужно поговорить съ тобой.

— Дѣвки придутъ, и я приду.

— Скажешь мнѣ, что я просилъ? — спросилъ онъ опять, нагибаясь къ ней. — Ты нынче весела.

Она ужъ уходила отъ него. Онъ пошелъ за ней.

— Скажешь?

— Чего сказать?

— Что третьяго дня спрашивалъ,—сказалъ Оленинъ, нынче гибаясь къ ея уху. — Пойдешь за меня?

Марьяна подумала.

— Скажу, — отвѣчала она, — нынче скажу.

И въ темпотѣ глаза ея весело и ласково блеснули на молодого человѣка.

Онъ все шелъ за ней. Ему радостно было наклониться къ ней поближе.

Но Лукашка, продожая пѣть, дернулъ ее сильно за руку и вырвалъ изъ хоровода на середину. Оленинъ, успѣвъ только проговорить: „приходи же къ Устенкѣ“, отошелъ къ своему товарищу. Пѣсня кончилась. Лукашка обтеръ губы, Марьянка тоже, и они поцѣловались. „Нѣтъ, разъ пятокъ“, говорилъ Лукашка. Говоръ, смѣхъ, бѣготия замѣнили плавное движение и плавные звуки. Лукашка, который казался уже сильно вышивши, сталъ одѣлять дѣвокъ закусками.

— На всѣхъ жертвую, — говорилъ онъ съ гордымъ комическими трогательными самодовольствомъ. — А кто къ солдатамъ гулять, выходи изъ хоровода вонъ, — прибавилъ онъ вдругъ, злобно глянувъ на Оленина.

Дѣвки хватали у него закуски и, смѣясь, отбивали другъ у друга. Бѣлецкій и Оленинъ отошли къ сторонѣ.

Лукашка, какъ бы стыдясь своей щедрости, снявъ папаху и отирая лобъ рукавомъ, подошелъ къ Марьянкѣ и Устенькѣ.

— Али ты, моя милая, мною изванишься? — повторилъ онъ слова пѣсни, которую только что пѣли, и обращаясь къ Марьянкѣ: — мною изванишься? — еще повторилъ онъ сердито. — Пойдешь замужъ, будешь плакать отъ меня, — прибавилъ онъ, обнимая вмѣстѣ Устеньку и Марьяну.

Устенька вырвалась и, размахнувшись, ударила его по спинѣ такъ, что руку себѣ ушибла.

— Что жъ, станете еще водить? — спросилъ онъ.

— Какъ дѣвки хотятъ, — отвѣчала Устенька, — а я домой пойду, и Марьянка хотѣла къ намъ придти.

Казакъ, продолжая обнимать Марьянку, отвелъ ее отъ толпы къ темному углу дома.

— Не ходи, Машенька, — сказалъ онъ, — послѣдній разъ погуляемъ. Иди домой, я къ тебѣ приду.

— Чего мнѣ дома дѣлать? На то праздникъ, чтобы гулять. Къ Устенькѣ пойду, — сказала Марьяна.

— Вѣдь все равно женюсь.

— Ладно, — сказала Марьяна, — тамъ видно будетъ.

— Что жъ, пойдешь? — строго сказалъ Лукашка и, прижавъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ щеку.

— Ну брось! Что присталъ? — И Марьянка, вырвавшись, отошла отъ него.

— Эхъ, дѣвка! Худо будетъ, — укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головой. — Будешь плакать отъ меня, — и, отвернувшись отъ нея, крикнулъ на дѣвокъ: — играй, что ль!

Марьяну какъ-будто испугало и разсердило то, что онъ сказалъ. Она остановилась.—Что худо будетъ?

— А то.

— А что?

— А то, что съ постояльцемъ-солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила.

— Захотѣла, разлюбила. Ты мтѣ не отецъ, не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.

— Такъ, такъ!—сказалъ Лукашка:—помни жъ!—Онъ подошелъ къ лавкѣ.—Дѣвки!—крикнулъ:—что стали? Еще хороводъ играйте. Назарка! бѣги, чихиря неси.

— Что жъ, придутъ онѣ? — спрашивалъ Оленинъ у Бѣлецкаго.

— Сейчасъ придутъ, — отвѣчалъ Бѣлецкій. — Пойдемте, надо приготовить балъ.

XXXIX.

Ужъ поздно ночью, Оленинъ вышелъ изъ хаты Бѣлецкаго вслѣдъ за Марьиной и Устенькой. Бѣлый платокъ дѣвки бѣлѣлся въ темной улицѣ. Мѣсяцъ, золотясь, спускался къ степи. Серебристый туманъ стоялъ надъ станицей. Все было тихо, огней нигдѣ не было, только слышались шаги удалившихся женщинъ. Сердце Оленина билось сильно. Разгорѣвшееся лицо освѣжалось на сыромъ воздухѣ. Онъ взглянулъ на небо, оглянулся на хату, изъ которой вышелъ; въ ней потухла свѣча, и онъ снова сталъ всматриваться въ удалившуюся тѣнь женщинъ. Бѣлый платокъ скрылся въ туманѣ. Ему было страшно оставаться одному; онъ такъ былъ счастливъ! Онъ соскочилъ съ крыльца и побѣжалъ за дѣвками.

— Ну, тебя! Увидить кто! — сказала Устенька.

— Ничего.

Оленинъ подбѣжалъ къ Марьянѣ и обнялъ ее.

Марьяна не отбивалась.

— Не нацѣловались, — сказала Устенька. — Женишься, тогда цѣлуй, а теперь погоди.

— Прощай, Марьяна, завтра я приду къ твоему отцу, самъ скажу. Ты не говори.

Что мнѣ говорить! — отвѣчала Марьяна.

Обѣ дѣвки побѣжали. Оленинъ пошелъ одинъ, вспоминая все, что было. Онъ цѣлый вечеръ провелъ съ ней вдвоемъ въ углу, около печки. Устенька ни на минуту не выходила изъ хаты и возилась съ другими дѣвками и Бѣлецкимъ. Оленинъ шепотомъ говорилъ съ Марьянкой.

— Пойдешь за меня? — спрашивалъ онъ ее.

— Обманешь, не возьмешь, — отвѣчала она весело и спокойно.

— А любишь ли ты меня? — скажи ради Бога?

— Отчего же тебя не любить, ты не кривой! — отвѣчала Марьяна, смеясь и сжимая въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки. — Какія у тебя руки бѣ-лыя, бѣ-лыя, мягкія какъ каймакъ, — сказала она.

— Я не шучу. Ты скажи, пойдешь ли?

— Отчего не пойти, коли батюшка отдастъ?

— Помни жъ, я съ ума сойду, ежели ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать приду.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

— Что ты?

— Такъ смѣшио.

— Вѣрно! Я куплю садъ, домъ, запишусь въ казаки...

— Смотри, тогда другихъ бабъ не люби! Я на это сердитая.

Оленинъ съ наслажденiemъ повторялъ въ воображениі всѣ эти слова. При этихъ воспоминаніяхъ то становилось ему больно, то душъ захватывало отъ счастія. Больно ему было, потому что она все такъ же была спокойна, говоря съ нимъ, какъ и всегда. Ее нисколько, казалось, не волновало это новое положеніе. Она какъ-будто не вѣрила ему, и не думала о будущемъ. Ему казалось, что она его любила только въ минуту настоящаго, и что будущаго для нея не было съ нимъ. Счастливъ же онъ былъ потому, что всѣ ея слова казались ему правдой, и она соглашалась принадлежать ему. „Да,— говорилъ онъ самъ себѣ,— только тогда мы поймемъ другъ друга, когда она вся будетъ моей. Для такой любви неѣтъ словъ, а нужна жизнь, цѣлая жизнь. Завтра все объяснится. Я не могу такъ жить больше, завтра я все скажу ея отцу, Бѣлецкому, всей станицѣ...“

Лукашка послѣ двухъ безсонныхъ ночей такъ много выпилъ на праздникъ, что свалился въ первый разъ съ ногъ, и спалъ у Ямки.

XL.

На другой день Оленинъ проснулся раньше обыкновенаго, и въ первое мгновеніе пробужденія ему пришла мысль о томъ, что предстоитъ ему, и онъ съ радостью вспомнилъ ся поцѣлуи, пожатіе жесткихъ рукъ и ея слова: „какія у тебя руки бѣлые!“ Онъ вскочилъ и хотѣлъ тотчасъ же ити къ хозяевамъ и просить руки Марьяны. Солнце еще не вставало, и Оленину показалось, что на улицѣ было необыкновенное волненіе: ходили, верхомъ щѣздили и говорили. Онъ

накинулъ на себя черкеску и выскочилъ на крыльцо. Хозяева еще не вставали. Пять человѣкъ казаковъ щхали верхомъ и о чмъ-то шумно разговаривали. Впереди всѣхъ, на своемъ широкомъ кабардинцѣ, щхалъ Лукашка. Казаки всѣ говорили, кричали: ничего хорошенько разобрать было нельзя.

— Къ верхнему посту выѣзжай! — кричалъ одинъ.

— Сѣдлай и догоняй живѣе, — говорилъ другой.

— Съ тѣхъ воротъ ближе выѣзжать.

— Толкуй тутъ, — кричалъ Лукашка: — въ среднія ворота щхать надо.

— И то оттуда ближе, — говорилъ одинъ изъ казаковъ, — запыленый и на плотной лошади. Лицо у Лукашки было красное, опухшее отъ вчерашней попойки; папаха была сдвинута на затылокъ. Онъ кричалъ повелительно, будто быть начальникъ.

— Что такое? Куда? — спросилъ Оленинъ, съ трудомъ обращая на себя вниманіе казаковъ.

— Абрековъ ловить щдемъ, засѣли въ бурунахъ. Сейчасъ щдемъ, да все народу мало.

И казаки, продолжая кричать и собираться, проѣхали дальше по улицѣ. Оленину пришло въ голову, что нехорошо будетъ, если онъ не поѣдетъ; притомъ онъ думалъ рано вернуться. Онъ одѣлся, зарядилъ пулами ружье, вскочилъ на кое-какъ осѣдланную Ванюшой лошадь и догналъ казаковъ на выѣздѣ изъ станицы. Казаки, спѣшившись, стояли кружкомъ и, наливая чихирю изъ привезенного боченка въ деревянную чапуру, подносили другъ другу, и молили свою поѣздку. Между ними былъ и молодой франтъ хорунжий, случайно находившійся въ станицѣ и принявший начальство надъ собравшимися девятью казаками. Собрав-

шісся казаки все были рядовые и, хотя хорунжій принималъ начальническій видъ, всѣ слушались только Лукашку. На Оленина казаки не обращали никакого вниманія. И когда всѣ сѣли на лошадей и поѣхали, и Оленинъ подъѣхалъ къ хорунжему и стала разспрашивать въ чемъ дѣло, то хорунжій, обыкновенно ласковый, относился къ чemu съ высоты своего величія. Насилу, насилу Оленинъ могъ добиться отъ него, въ чемъ дѣло. **Обѣздъ**, посланный для розыска абрековъ, засталъ нѣсколько горцевъ, верстъ за восемь отъ станицы, въ бурунахъ. Абреки засѣли въ ямѣ, стрѣляли и грозили, что не отдадутся живыми. Урядникъ, бывшій въ обѣздѣ съ двумя казаками, остался тамъ караулить ихъ, и прислалъ одного казака въ станицу звать другихъ на помощь.

Солнце только что начинало подниматься. Верстахъ въ трехъ отъ станицы, со всѣхъ сторонъ оказалась степь, и ничего не было видно, кроме однообразной печальной сухой равнины, съ испещреннымъ слѣдами скотины пескомъ, съ поблекшою кое-гдѣ травой, съ низкими камышами въ лощинахъ, съ рѣдкими чуть проторенными дорожками и съ на-гайскими кочевьями, далеко - далеко виднѣвшимися на горизонте. Во всемъ поражало отсутствіе тѣни и суровый тонъ мѣстности. Солнце входить и заходитъ всегда красно въ степи. Когда бываетъ вѣтеръ, то вѣтеръ переносить цѣлыя горы песку. Когда тихо, какъ было въ это утро, то тишина, не нарушаемая ни движеніемъ, ни звукомъ, особенно поразительна. Въ это утро въ степи было тихо, пасмурно, несмотря на то, что солнце поднялось; было какъ-то особенно пустынно и мягко. Воздухъ не шелохнулся; только и слышно было, какъ ступали лошади и пофыркивали; да и этотъ

звукъ раздавался слабо и тотчасъ же замиралъ. Казаки ъхали большою частью молча. Оружіе на казакѣ всегда приложено такъ, чтобы оно не звенѣло и не бренчало. Бренчашее оружіе—величайшій срамъ для казака. Два казака изъ станицы догнали ихъ по дорогѣ и перекинулись двумя-тремя словами. Подъ Лукашкой не то спотыкнулась, не то зацепилась за траву и заторопилась лошадь. Это дурная примѣта у казаковъ. Казаки оглянулись и торопливо отвернулись, стараясь не обращать вниманія на это обстоятельство, имѣвшее особенную важность въ настоящую минуту. Лукашка вздернулъ поводья, строго нахмурился, стиснулъ зубы и взмахнулъ плетью надъ головой. Добрый кабардинецъ засѣменилъ всѣми ногами вдругъ, не зная на какую ступить и какъ бы желая на крыльяхъ подняться кверху; но Лукашка разъ огрѣлъ его плетью по сыртымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій,—и кабардинецъ, оскаливъ зубы и, распустивъ хвостъ, фыркала, заходилъ на заднихъ ногахъ и на нѣсколько шаговъ отѣлился отъ кучки казаковъ.

— Эхъ, добра лошадь!—сказалъ хорунжій.

Что онъ сказалъ добра лошадь, а не конь, это означало особенную похвалу коню.

— Левъ конь,—подтвердилъ одинъ изъ старшихъ казаковъ.

Казаки молча ъхали, то шагомъ, то рысцой, и только одно это обстоятельство прервало на мгновеніе тишину и торжественность ихъ движенія.

По всей степи, верстъ на восемь дороги, они встрѣтили живого только одну ногайскую кибитку, которая, будучи поставлена на арбу, медленно двигалась въ верстѣ отъ нихъ. Это былъ ногаецъ, перебѣгавшій съ своимъ семействомъ

съ одного кочевья на другое. Еще встрѣтили они въ одной лощинѣ двухъ оборванныхъ, скуластыхъ ногайскихъ женщинъ, которыхъ, съ плетушками за спинами, собирали въ нихъ для кизяка навозъ отъ ходившей по степи скотины. Хорунжій, плохо говорившій по-кумызки, сталъ что-то разспрашивать у ногаекъ; но онъ не понимали его и, видимо робѣя, переглядывались между собою.

Подъѣхалъ Лукашка, остановилъ лошадь, бойко произнесъ обычное привѣтствіе, и ногайки, видимо, обрадовались и заговорили съ нимъ свободно, какъ съ своимъ братомъ.

— *Ай, ай, копъ абрекъ!* — говорили онъ жалобно, указывая руками по тому направлению, куда ѿхали казаки. Оленинъ понялъ, что онъ говорили: „много абрековъ“.

Никогда не видавшій подобныхъ дѣлъ, имѣвшій о нихъ понятіе только по рассказамъ *дяди Ерошки*, Оленинъ хотѣлъ не отставать отъ казаковъ и все видѣть. Онъ любовался на казаковъ, приглядывался ко всему, прислушивался и дѣлалъ свои наблюденія. Хотя онъ и взялъ съ собой шашку и заряженное ружье, но замѣтивъ, какъ казаки чуждались его, онъ рѣшился не принимать никакого участія въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, храбрость его была уже доказана въ отрядѣ, а главное потому, что теперь онъ былъ очень счастливъ.

Вдругъ вдалекѣ послышался выстрѣль.

Хорунжій взволновался и сталъ дѣлать распоряженія, какъ казакамъ раздѣлиться и съ которой стороны подъѣзжать. Но казаки, видимо, не обращали никакого вниманія на эти распоряженія, слушали только то, что говорилъ Лукашка и смотрѣли только на него. Въ лицѣ и фигурѣ Луки выражалась спокойствіе и торжественность. Онъ вель проѣздомъ

своего кабардинца, за которым не поспѣвали шагомъ другія лошади, и щурясь все вглядывался впередь.

— Вонъ конный єдетъ,—сказалъ онъ, сдерживая лошадь и выравниваясь съ другими.

Оленинъ смотрѣлъ во всѣ глаза, но ничего не видѣлъ. Казаки скоро различили двухъ конныхъ, и спокойнымъ шагомъ поѣхали прямо на нихъ.

— Это абреки?—спросилъ Оленинъ.

Казаки ничего не отвѣчали на вопросъ, который былъ безмыслицей въ ихъ глазахъ. Абреки были бы дураки, если бы переправились на эту сторону съ лошадьми.

— Вонъ машетъ батяка Родька никакъ,—сказалъ Лукашка, указывая на двухъ конныхъ, которые виднѣлись уже ясно.—Вонъ къ намъ поѣхалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ ясно стало, что конные были объездные казаки, и урядникъ подѣхалъ къ Лукѣ.

XLI.

— Далече?—только спросилъ Лукашка.

Въ это самое время шагахъ въ тридцати послышался короткій выстрѣлъ. Урядникъ слегка улыбнулся.

— Нашъ Гурка въ нихъ палить,—сказалъ онъ, указывая головой по направлению выстрѣла.

Проехавъ еще нѣсколько шаговъ, они увидали Гурку, сидѣвшаго за песчанымъ бугромъ и заряжавшаго ружье. Гурка отъ скучи перестрѣливался съ абреками, сидѣвшими за другимъ песчанымъ бугромъ. Пулька просвистѣла оттуда.

Хорунжій былъ блѣденъ и путался. Лукашка слѣзъ съ лошади, кинулъ ее казаку и пошелъ къ Гуркѣ. Оленинъ,

сдѣлавъ то же самое и согнувшись, пошель за нимъ. Только что они подошли къ стрѣлявшему казаку, какъ двѣ пули просвистѣли надъ ними. Лукашка, смѣясь, оглянулся на Оленина и пригнулся.

— Еще застрѣлять тебя, Андреичъ, — сказалъ онъ. — Ступай-ка лучше прочь. Тебѣ тутъ не дѣло.

Но Оленину хотѣлось непремѣнно посмотреть абрековъ. Изъ-за бугра увидалъ онъ, шагахъ въ двухстахъ, шапки и ружья. Вдругъ показался дымокъ оттуда, свистнула еще пулька. Абреки сидѣли подъ горой въ болотѣ. Оленина поразило мѣсто, въ которомъ они сидѣли. Мѣсто было такое же, какъ и вся степь, но тѣмъ, что абреки сидѣли въ этомъ мѣстѣ, оно какъ-будто вдругъ отдѣлилось отъ всего осталь-наго и озnamеновалось чѣмъ-то. Оно ему показалось даже именно тѣмъ самымъ мѣстомъ, въ которомъ должны были сидѣть абреки. Лукашка вернулся къ лошади, и Оленинъ пошелъ за нимъ.

— Надо арбу взять съ сѣномъ, — сказалъ Лука: — а то перебьютъ. Вонъ за бугромъ стоитъ ногайская арба съ сѣномъ.

Хорунжій выслушалъ его, и урядникъ согласился. Возъ сѣна былъ привезенъ, и казаки, укрываясь имъ, принялись выдвигать на себѣ сѣно. Оленинъ взъѣхалъ на бугоръ, съ котораго ему было все видно. Возъ сѣна двигался; казаки жались за нимъ. Казаки двигались; чеченцы, — ихъ было девять человѣкъ, — сидѣли рядомъ, колѣно съ колѣномъ, и не стрѣляли.

Все было тихо. Вдругъ со стороны чеченцевъ раздались странные звуки заунывной пѣсни, похожей на *ай-да-ла-лам* дяди Ерошки. Чеченцы знали, что имъ не уйти, и, чтобы избавиться отъ искушенія бѣжать, они связались ремнями,

колько съ колѣномъ, приготовили ружья и запѣли предсмертную пѣсню.

Казаки съ возомъ сѣна подходили все ближе и ближе, и Оленинъ ежеминутно ждалъ выстрѣловъ; но тишина нарушалась только заунывною пѣснью абрековъ. Вдругъ пѣсня прекратилась, раздался короткій выстрѣль, пуля шлепнулась о гряду телѣги, послышались чеченскія ругательства и взвизги. Выстрѣль раздавался за выстрѣломъ, и пуля за пулей шлепала по возу. Казаки не стрѣляли и были не дальше пяти шаговъ.

Прошло еще мгновеніе, и казаки съ гиканіемъ выскочили съ обѣихъ сторонъ воза. Лукашка былъ спереди. Оленинъ слышалъ лишь нѣсколько выстрѣловъ, крикъ и стонъ. Онъ видѣлъ дымъ и кровь, какъ ему показалось. Бросивъ лошадь и не помня себя, онъ подбѣжалъ къ казакамъ. Ужасъ застлалъ ему глаза. Онъ ничего не разобралъ, но понялъ только, что все кончилось. Лукашка, блѣдный какъ платокъ, держалъ за руки раненаго чеченца и кричалъ: „не бей его! Живого возьму“! Чеченецъ былъ тотъ самый красный, братъ убитаго абрека, который пріѣзжалъ за тѣломъ. Лукашка крутилъ ему руки. Вдругъ чеченецъ вырвался и выстрѣлилъ изъ пистолета. Лукашка упалъ. На животъ у него показалась кровь. Онъ вскочилъ, но опять упалъ, ругаясь по-русски и по-татарски. Крови на немъ и подъ нимъ становилось больше и больше. Казаки подошли къ нему, и стали распоясывать. Одинъ изъ нихъ, Пазарка, прежде, чѣмъ взяться за него, долго не могъ вложить шашку въ ножны, попадая не тою стороной. Лезвіе шашки было въ крови.

Чеченцы, рыжіе, съ стрижеными усами, лежали убитые и изрубленные. Одинъ только, знакомый, весь израненный,

тотъ самый, который выстрѣлилъ въ Лукашку, быль живъ. Онъ, точно подстрѣленный ястребъ, весь въ крови (изъ-подъ праваго глаза текла у него кровь), стиснувъ зубы, блѣдный и мрачный, раздраженными огромными глазами озираясь во всѣ стороны, сидѣлъ на корточкахъ и держалъ книжалъ, готовясь еще защищаться. Хорунжій подошелъ къ нему и бокомъ, какъ будто обходя его, быстрымъ движеніемъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ухо. Чеченецъ рванулся, но не успѣлъ и упалъ.

Казаки, запыхавшись, растаскивали убитыхъ и снимали съ нихъ оружіе. Каждый изъ этихъ рыжихъ чеченцевъ быль человѣкъ, у каждого было свое особенное выраженіе. Лукашку понесли къ арбѣ. Онъ все бралился по-русски и по-татарски.

— Врешь, руками задушу! Отъ моихъ рукъ не уйдешь!
Анна сени!—кричалъ онъ порываясь. Скоро онъ замолкъ отъ слабости.

Оленинъ уѣхалъ домой. Вечеромъ ему сказали, что Лукашка при смерти, но что татаринъ изъ-за рѣки взялся лѣчить его травами.

Тѣла стаскали къ станичному правленію. Бабы и мальчишки торопились смотрѣть на нихъ.

Оленинъ вернулся сумерками и долго не могъ опомниться отъ всего, что видѣлъ; но къ ночи опять нахлынули на него вчерашнія воспоминанія; онъ выглянулъ въ окно; Марьяна ходила изъ дома въ клѣть, убинаясь по хозяйству. Мать ушла на виноградъ. Отецъ былъ въ правленіи. Оленинъ не дождался, пока она совсѣмъ убралась, и пошелъ къ ней. Она была въ хатѣ и стояла спиной къ нему. Оленинъ думалъ, что она стыдится.

— Марьяна! — сказалъ онъ, — а Марьяна! Можно войти къ тебѣ?

Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтны слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

Оленинъ повторилъ:

— Марьяна! я пришелъ...

— Оставь, — сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у нея изъ глазъ.

— О чёмъ ты? Что ты?

— Что? — повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ. — Казаковъ перебили, вотъ что.

— Лукашку? — сказалъ Оленинъ.

— Уйди, чего тебѣ надо.

— Марьяна! — сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— Марьяна, не говори, — умолялъ Оленинъ.

— Уйди, постылый! — крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, и что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины, была несомнѣнная правда.

Оленинъ ничего не сказалъ ей и выбѣжалъ изъ хаты.

XLI.

Вернувшись домой, онъ часа два неподвижно лежалъ на постели, потомъ отправился къ ротному командиру и отпросился въ штабъ. Не простившись ни съ кѣмъ, и черезъ

Ванюшку расплатившись съ хозяевами, онъ собралсяѣхать въ крѣость, гдѣ стоялъ полкъ. Одинъ дядя Ерошка провожалъ его. Они вышли, еще выпили и еще выпили. Такъ же какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у подъѣзда. Но Оленинъ уже не считался, какъ тогда, самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что все, что онъ думалъ и дѣлалъ здѣсь, было *не то*. Онъ уже не обѣщалъ себѣ новой жизни. Онъ любилъ Марьяну больше, чѣмъ прежде, и зналъ теперь, что никогда не можетъ быть любимъ ею.

— Ну, прощай, отецъ мой, — говорилъ дядя Ерошка. — Пойдешь въ походъ, будь умнѣй, меня старика послушай. Когда придется быть въ набѣгѣ или гдѣ (вѣдь, я старый волкъ, всего видѣлъ), да коли стрѣляютъ, ты въ кучу не ходи, гдѣ народу много. А то все, какъ вашъ братъ оробѣть, такъ къ народу и жметесь, думаетъ веселѣй въ народѣ. А тутъ хуже всего: по народу - то и цѣлять. Я все, бывало, отъ народа подальше, одинъ и хожу: вотъ ни разу меня и не ранили. А чего не видаль на своемъ вѣку?

— А въ спинѣ-то у тебя пуля сидитъ, — сказалъ Ванюша, убиравшійся въ комнатѣ.

— Это казаки баловались, — отвѣчалъ Ерошка.

— Какъ казаки? — спросилъ Оленинъ.

— Да такъ! Пили. Ванька Ситкинъ казакъ былъ, разгулялся, да какъ бацнетъ, прямо мнѣ въ это мѣсто изъ пистолета и угодилъ.

— Что жъ, больно было? — спросилъ Оленинъ. — Ванюша, скоро ли? — прибавилъ онъ.

— Эхъ! Куда спѣшишь! Дай разскажу... Да какъ трес-

нуль онъ меня, пуля кость-то не пробила, тутъ и осталась. Я и говорю: ты вѣдь меня убилъ, братецъ мой. А? Что ты со мной сдѣлалъ? Я съ тобой такъ не разстанусь. Ты мнѣ ведро поставилъ.

— Что жъ, больно было?—опять спросилъ Оленинъ, почти не слушая рассказа.

— Дай доскажу. Ведро поставилъ. Выпили. А кровь все льетъ. Всю избу прилилъ кровью-то. Дѣдука Бурлакъ и говорить: „вѣдь малый-то издохнетъ. Давай еще штофъ сладкой, а то мы тебя засудимъ“. Притащили еще. Дули-дули...

— Да что жъ, больно ли было тебѣ? — опять спросилъ Оленинъ.

— Какое больно! Не перебивай: не люблю. Дай доскажу. Дули-дули, гуляли до утра, такъ и заснуль на печи, пьяный. Утромъ проснулся не разогнешься никакъ.

— Очень больно было?—повторилъ Оленинъ, полагая, что теперь онъ добился, наконецъ, отвѣта на свой вопросъ.

— Развѣ я тебѣ говорю, что больно! Не больно, а разогнуться нельзя, ходить не давало.

— Ну и зажило? — сказалъ Оленинъ, даже не смѣясь, такъ ему было тяжело на сердцѣ.

— Зажило, да пулька все тутъ. Вотъ пощупай.—И онъ, заворотивъ рубаху, показалъ здоровенную спину, на которой около кости каталась пулька.

— Виши ты, такъ и катается, — говорилъ онъ, видимо утѣшаюсь этою пулькой, какъ игрушкой.—Вотъ къ заду перекатилась.

— Чтѣ, будетъ ли живъ Лукашка? — спросилъ Оленинъ.

— А Богъ его знаетъ! Дохтура нѣть. Поѣхали.

— Откуда же привезутъ, изъ Грозной? — спросилъ Оленинъ.

— Нѣ, отецъ мой, вапихъ-то русскихъ я бы давно перевѣшалъ, кабы царь былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали, ногу отрѣзали. Стало, дураки. На что теперь Баклашевъ го-дится? Нѣтъ, отецъ мой, въ горахъ дохтура есть на-стоящіе. Такъ-то Ворчика, няню моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто въ грудь, такъ дохтура ваши отказались, а изъ горъ пріѣхалъ Саibъ, вылѣчилъ. Травы, отецъ мой, знаютъ.

— Ну, полно вздоръ говорить,—сказалъ Оленинъ. — Я лучше изъ штаба лѣкаря пришло.

— Вздоръ?—передразнилъ старикъ. — Дуракъ, дуракъ! Вздоръ! Лѣкаря пришло! Да кабы ваши лѣчили, такъ казаки да чеченцы къ вамъ бы лѣчиться ъздили, а то ваши офицеры да полковники изъ горъ дохтуровъ выписываютъ. У васъ фальчъ, одна все фальчъ.

Оленинъ не сталъ отвѣтить. Онъ слишкомъ былъ согла-сень, что все было фальшь въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ и въ который возвращался.

— Чѣдъ жъ Лукашкѣ? Ты быль у него?—спросилъ онъ.

— Да лежитъ какъ мертвый. Не ъстъ, не пьетъ, только водку и принимаетъ душа. Ну, водку пьетъ; ничего. А то жаль малаго. Хорошъ малый былъ, джигитъ какъ я. Такъ-то я умиралъ разъ: ужъ выли старухи, выли. Жаръ въ го-ловѣ стоялъ. Поль святые меня сперли. Такъ-то лежу, а надо мнай на печкѣ все такіе, вотъ такіе маленькие бара-башники все, да такъ-то отжаривають зорю. Крикну на нихъ, они еще пуще отдираютъ. (Старикъ засмѣялся). Привели ко

мпъ бабы уставщика, хоронить меня хотѣли, бають: онъ мірился, съ бабами гуляль, души губиль, скоромился, въ балалайку игралъ. Покайся, говорятъ. Я и сталъ каяться. Грѣшень, говорю. Чѣдни скажетъ попъ, а я говорю все грѣшень. Онъ про балалайку спрашивать сталъ. Гдѣ жъ она, проклятая, говорить, у тебя, ты покажь, да ее разбей. А я говорю, у меня и пѣть ея. А самъ ее въ избушкѣ въ сѣть запряталъ; знаю, что не найдутъ. Такъ и бросили меня. Такъ отдохъ же. Какъ пошелъ въ балалайку чесать... Такъ чѣдни биши я говорилъ?—продолжалъ онъ,—ты меня слушай, отъ народа-то подальше ходи, а то такъ дурно убываютъ. Я тебя жалѣю, право. Ты пьяница, я тебя люблю. А то ваша братья все на бугры ъздить любятъ. Такъ-то у насъ одинъ жиль, изъ Россіи прїѣхалъ, все на бугоръ ъздили, какъ-то чудно холкомъ бугоръ называлъ. Какъ завидитъ бугорокъ, такъ и поскачеть. Поскакалъ такъ-то разъ. Выскакалъ и радъ. А чеченецъ его стрѣлилъ, да и убилъ. Эхъ, ловко съ подсошекъ стрѣляютъ чеченцы! Ловчѣй меня есть. Не люблю, какъ такъ дурно убываютъ. Смотрю я, бывало, на солдатъ на вашихъ, дивлюся. То-то глупость! Идутъ сердечные всѣ въ кучѣ, да еще красные воротники нашаютъ. Тутъ какъ не попасть! Убываютъ одного, упадетъ, поволокутъ сердечнаго, другой пойдетъ. То-то глупость!—повторилъ старикъ, покачивая головой.—Что бы въ стороны разойтись, да по одному? Такъ честно и иди. Вѣдь онъ тебя не узнаетъ. Такъ-то ты дѣлай.

— Ну спасибо! Прощай, дядя! Богъ дастъ, увидимся,—сказалъ Оленинъ, вставая и направляясь къ сѣнямъ.

Старикъ сидѣлъ на полу и не вставалъ.

— Такъ развѣ прощаются. Дуракъ! дуракъ!—заговорилъ

онъ.—Эхъ-ма, какой народъ сталъ! Кампанию водили, водили годъ цѣлый: прощай, да и ушелъ. Вѣдь я тебя люблю, я тебя какъ жалѣю! Такой ты горькій, все одинъ, все одинъ. Нелюдимый ты какой-то! Другой разъ не сплю, подумаю о тебѣ, такъ-то жалѣю. Какъ пѣсня поется:

„Мудрено, родимый братецъ,
На чужой сторонкѣ жить“.

Такъ-то и ты.

— Ну, прощай,—сказалъ опять Оленинъ.

Старикъ всталъ и подалъ ему руку; онъ пожаль ее и хотѣлъ итти.

— Мурло-то, мурло-то давай сюда.

Старикъ взялъ его обѣими толстыми руками за голову, поцѣловалъ три раза мокрыми усами и губами, и запла-
калъ.

— Я тебя люблю, прощай!

Оленинъ сѣлъ въ тельгу.

— Чтожъ, такъ и уѣзжаешь! Хоть подари что на память, отецъ мой. Флинту-то подари. Куды тебѣ двѣ, — говорилъ старикъ, всхлипывая отъ искреннихъ слезъ.

Оленинъ досталъ ружье и отдалъ ему.

— Что передавали этому старику! — ворчалъ Ванюша:— все мало! Попрошайка старый. Все необстоятельный народъ,— проговорилъ онъ, увертываясь въ пальто и усаживаясь на передкѣ.

— Молчи, швинья!—крикнулъ старикъ, смѣясь. — Випъ, скупой.

Марьяна вышла изъ кѣсти, равнодушно взглянула на тройку и, поклонившись, прошла въ хату.

— *Ла филь!*—сказалъ Ванюша, подмигнувъ и глупо захочатъ.

— Пашель,—сердито крикнулъ Оленинъ.

— Прощай, отецъ! Прощай. буду помнить тебя!—кричалъ Ерошка.

Оленинъ оглянулся. Дядя Ерошка разговаривалъ съ Марьянкой, видимо, о своихъ дѣлахъ, и ни старики, ни дѣвка не смотрѣли на него.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРѢ 1854, ВЪ МАѢ И АВГУСТѢ 1855 ГОДА.

(1854—1856 годѣ.)

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРЬ 1854 ГОДА.

Утренняя заря только что начинаетъ окрашивать и ебо склонъ надъ Сапунъ-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила съ себя уже сумракъ ночи и ждетъ перваго луча, чтобы заиграть веселымъ блескомъ; съ бухты несетъ холодъ и туманомъ; снѣга нѣтъ — все черно, но утренний рѣзкій морозъ хватаетъ за лицо и трещитъ подъ ногами, и далекій неумолкаемый гулъ моря, изрѣдка прерываемый раскатистыми выстрелами въ Севастополь, одинъ нарушаетъ типину утра. На корабляхъ глухо; бьетъ 8-я стеклянка.

На сѣверной денная дѣятельность понемногу начинаеть замѣнять спокойствіе ночи: гдѣ прошла смѣна часовыхъ, побрякивая ружьями, гдѣ докторъ уже спѣшить къ госпиталю, гдѣ солдатикъ вылѣзъ изъ землянки, моетъ оледенѣлою водой загорѣлое лицо и, оборотясь на зардѣвшійся востокъ, быстро крестясь, молится Богу; гдѣ высокая тяжелая *маджара* на верблюдахъ со скрипомъ протащилась на кладбище хоронить окровавленныхъ покойниковъ, которыми она чуть не до верху наложена... Вы подходите къ пристани — особенный запахъ каменнаго угля, навоза.

сырости и говядины поражаетъ васъ; тысячи разнородныхъ предметовъ: дрова, мясо, туры, мука, желѣзо и т. д.—кучей лежать около пристани; солдаты разныхъ полковъ, съ мѣшками и ружьями, безъ мѣшковъ и безъ ружей толпятся тутъ, курятъ, бранятся, перетаскиваютъ тяжести на пароходъ, который, дымясь, стоитъ около помоста; вольные ялики, наполненные всякаго рода народомъ — солдатами, моряками, купцами, женщинами, — причаливаютъ и отчаливаютъ отъ пристани.

— На Графскую, ваше благородіе? пожалуйте, — предлагають вамъ свои услуги два или три отставныхъ матроса, вставая изъ яликовъ.

Вы выбираете тотъ, который къ вамъ поближе, шагаетъ черезъ полуусгнившій трупъ какой-то гнѣдой лошади, которая тутъ въ грязи лежитъ около лодки, и проходите къ рулю. Вы отчалили отъ берега. Кругомъ васъ блестящее уже на утреннемъ солнѣцѣ море, впереди — старый матросъ въ верблюжьемъ пальто и молодой бѣлоголовый мальчикъ, которые молча усердно работаютъ веслами. Вы смотрите на полосатыя громады кораблей, близко и далеко разсыпанныхъ по бухтѣ, и на черныя небольшія точки шлюпокъ, движущихся по блестящей лазури, и на красивыя свѣтлыя строенія города, окрашенныя розовыми лучами утренняго солнца, виднѣющіяся на той сторонѣ, и на пѣнящуюся бѣлую линію мола и затопленныхъ кораблей, отъ которыхъ кой-гдѣ грустно торчатъ черные концы мачтъ, и на далекій непріятельскій флотъ, маячашій на хрустальномъ горизонти моря, и на пѣнящіяся струи, въ которыхъ прыгаютъ соляные пузырки, поднимаемые веслами; вы слышите равномѣрные звуки голосовъ, по водѣ долетающихъ до васъ, и всѣ

личественные звуки стрѣльбы, которая, какъ вамъ кажется, усиливается въ Севастополѣ.

Не можетъ быть, чтобы при мысли, что и вы въ Севастополѣ, не проникнуло въ душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтобы кровь не стала быстрѣе обращаться въ вашихъ жилахъ.

— Ваше благородіе! прямо подъ Кистентинъ *) держите, — скажетъ вамъ стариkъ матросъ, оборотясь назадъ, чтобы повѣрить направлениe, которое вы даете лодкѣ, вправо руля.

— А на немъ пушки-то еще всѣ, — замѣтить бѣловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то какъ же: онъ новый, на немъ Корниловъ жиль, — замѣтилъ стариkъ, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, гдѣ разорвало! — скажетъ мальчикъ, послѣ долгаго молчанія взглядывая на бѣлое облачко расходящающееся дыма, вдругъ появившагося высоко надъ южною бухтой и сопровождаемаго рѣзкимъ звукомъ разрыва бомбы.

— Это онъ съ новой батареи нынче палитъ, — прибавитъ стариkъ, равнодушно поплевывая на руки. — Ну, навались, Мишка! баркасъ перегонимъ. — И вашъ яликъ быстрѣе подвигается впередъ по широкой зыби бухты, дѣйствительно перегоняетъ тяжелый баркасъ, на которомъ навалены какието кули и неровно гребутъ неловкіе солдаты, и пристаетъ между множествомъ причаленныхъ всякаго рода лодокъ къ Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы сѣрыхъ солдатъ, черныхъ матросовъ и пестрыхъ женщинъ. Бабы про-

*) Корабль „Константинъ“.

дають булки, русские мужики съ самоварами кричать: *сбить горячий*; и тутъ же на первыхъ ступеняхъ валяются заржавѣвшія ядра, бомбы, картечи и чугунныя пушки разныхъ калибровъ; немного далѣе большая площадь, на которой валяются какіе-то огромные брусья, пушечные стакки, спящіе солдаты, стоять лошади, повозки, зеленые орудія и ящики, пѣхотные козлы; двигаются солдаты, матроны, офицеры, женщины, дѣти и куницы; Ѣздали телѣги съ сѣномъ, съ кулями и съ бочками; кой-гдѣ проѣдутъ казакъ и офицеръ верхомъ, генералъ въ дрожкахъ. Направо улица загорожена барrikадой, на которой въ амбразурахъ стоятъ какія-то маленькия пушки, и около нихъ сидѣтъ матросъ, покуривая трубочку. Налѣво красивый домъ съ римскими цифрами на фронтонѣ, подъ которымъ стоятъ солдаты и окровавленныя носилки, — вездѣ вы видите непріятные слѣды военнаго лагеря. Первое впечатлѣніе ваше непремѣнно самое непріятное: странное смѣшеніе лагерной и городской жизни, красиваго города и грязнаго бивуака не только не красиво, но кажется отвратительнымъ беспорядкомъ; вамъ даже покажется, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ что дѣлать. Но взгляните ближе въ лица этихъ людей, движущихся вокругъ васъ, и вы поймете совсѣмъ другое. Посмотрите хоть на этого фурштадтскаго солдатика, который ведетъ поить какую-то гнѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкастъ себѣ что-то подъ носъ, что, очевидно, онъ не заблудится въ этой разнородной толпѣ, которой для него и не существуетъ, но что онъ исполняетъ свое дѣло, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудія — такъ же спокойно, самоувѣренно и равнодушно, какъ бы все это

происходило гдѣ-нибудь въ Тулѣ или въ Саранскѣ. То же выраженіе читаете вы и на лицѣ этого офицера, который, въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ, проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который курить, сидя на баррикадѣ, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками дожидающихся на крыльцѣ бывшаго собранія, и въ лицѣ этой девицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ чрезъ улицу.

— Да! вамъ непремѣнно предстоитъ разочарованіе, если вы въ первый разъ въѣзжаете въ Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, растерянности или даже энтузіазма, готовности къ смерти, рѣшимости; ничего этого нѣтъ: вы видите будничныхъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ, такъ что, можетъ-быть, вы упрекнете себя въ излишней восторженности, усомнитесь немного въ справедливости понятія о геройствѣ защитниковъ Севастополя, которое составилось въ васъ по разсказамъ, описаніямъ и по виду и звукамъ съ Сѣверной стороны. Но прежде чѣмъ сомнѣваться, сходите на бастіоны, посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты или, лучше, зайдите прямо напротивъ въ этотъ домъ, бывшій прежде севастопольскимъ собраніемъ и на крыльцѣ котораго стоять солдаты съ носилками,—вы увидите тамъ защитниковъ Севастополя, увидите тамъ ужасныя и грустныя, великия и забавныя, но изумительныя, возвышающія душу зрѣлица.

Вы входите въ большую залу собранія. Только что вы отворили дверь, видѣть и запахъ 40 или 50 ампутированныхъ и самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большую частью на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрь-

те чувство, которое удерживаетъ въсъ на порогѣ залы— это дурное чувство; идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли *смотретьть* на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человѣческое сочувствующее лицо, любятъ разскажать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите по срединѣ постелей и ищете лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти, чтобы побесѣдоватъ.

— Ты куда раненъ? — спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного старого исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: „робко спрашиваете“, потому что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокоеуваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу,—отвѣтаетъ солдатъ; но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу теперь,—прибавляетъ онъ: —на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ-будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На 5-мъ баксіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталь отходить, этакимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, какъ онъ ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился. Глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ-будто. Оно первое дѣло, ваше благородіе, *не думать ничего*: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ намъ подходитъ женщина въ сѣренѣкомъ полосатомъ платьѣ и повязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшиваются въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ рассказывать про него, про его страдашія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ, бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ чтобы посмотретьъ на залпъ нашей батареи, какъ великие князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобы учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотрить то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ-будто не слушая ея, щиплетъ у себя на подушкѣ корпю, и глаза ея блестятъ какимъ-то особыеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! — замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто говоритъ: „ужъ вы ее извините. Извѣстно, бабье дѣло — глупыя слова говорить“.

Вы начинаете понимать защитниковъ Севастополя; вамъ становится почему-то совсѣмъ за самого себя предъ этимъ человѣкомъ. Вамъ хотѣлось бы сказать ему слишкомъ много, чтобы выразить ему свое сочувствіе и удивленіе; но вы не наход-

дите словъ или недовольны тѣми, которыя приходятъ вамъ въ голову,—и вы молча склоняетесь передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величиемъ и твердостью духа, этою стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ.

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться, — говорите вы ему и останавливаитесь передъ другимъ больнымъ, который лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничь, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху, и изъ-подъ сбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертваго тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренній жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ-будто и васъ.

— Что, онъ безъ памяти? — спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на родного, смотрить на васъ.

— Нѣть, еще слышитъ, да очень плохо, — прибавляетъ она шепотомъ. — Я его нынче чаемъ поила — что жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть, — такъ ужъ не пиль почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— У сердцѣ гхорить.

Немнogo далѣе вы видите старого солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣть: она вы-

щелущена въ плечѣ. Онъ сидить бодро, онъ поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобѣ и морщинамъ лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое, блѣдное и иѣжное лицо женщины, на которомъ играеть во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой,— скажетъ вамъ ваша путеводительница: — она мужу на бастіонъ обѣдать носила.

— Что жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

Теперь ежели нервы ваши крѣпки, пройдите въ дверь нальво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операциі. Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми физіономіями, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый, подъ вліяніемъ хлороформа. Доктора заняты отвратительнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ ампутацій. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое здоровое тѣло, увидите, какъ съ ужаснымъ, раздирающимъ крикомъ и проклятіями раненый вдругъ приходитъ въ чувство, увидите, какъ фельдшеръ бросить въ уголъ отрѣзанную руку, увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонетъ, не столько отъ физической боли, сколько отъ моральныхъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища, увидите войну не въ правильномъ красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ

боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарциющими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи,—въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти...

Выходя изъ этого дома страданій, вы непремѣнно испытаете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости пойдете на бастіоны...

„Что значать смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями:“ Но видъ чистаго неба, блестящаго солнца, красиваго города, отворенной церкви и движущагося по разнымъ направленіямъ военнаго люда скоро приведетъ вашъ духъ въ нормальное состояніе легкомыслія, маленькихъ заботъ и увлеченія однимъ настоящимъ.

Навстрѣчу попадутся вамъ, можетъ-быть, изъ церкви похороны какого-нибудь офицера, съ розовымъ гробомъ и музыкой и развѣвающимися хоругвями; до слуха вашего долетятъ, можетъ-быть, звуки стрѣльбы съ бастіоновъ, но это не наведетъ васъ на прежнія мысли, похороны покажутся вамъ весьма красивымъ воинственнымъ зрѣлищемъ, звуки,—весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни съ этимъ зрѣлищемъ, ни съ этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданіяхъ и смерти, какъ вы это сдѣлали на перевязочномъ пункѣ.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдете въ самую оживленную, внутреннюю жизнью, часть города. Съ обѣихъ сторонъ вывѣски лавокъ, трактировъ. Купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры,—все гово-

рить о твердости духа, самоувѣренности, безопасности жителей.

Зайдите въ трактиръ направо, ежели вы хотите послушать tolki моряковъ и офицеровъ: тамъ ужъ вѣрно идутъ разсказы про нынѣшнюю ночь, про Феньку, про дѣло 24-го, про то, какъ дорого и нехорошо подаютъ котлетки, и про то, какъ убить тотъ-то и тотъ-то товарищъ.

— Чортъ возьми, какъ нынче у насъ плохо! — говоритъ басомъ бѣлобрысенъкій, безусый морской офицерикъ въ зеленомъ вязаномъ шарфѣ.

— Гдѣ у насъ? — спрашивается его другой.

— На 4-мъ бастіонѣ, — отвѣчаетъ молоденький офицеръ, и вы непремѣнно съ болѣшимъ вниманіемъ и даже нѣкоторымъ уваженіемъ посмотрите на бѣлобрысенъкаго офицера при словахъ: „на 4-мъ бастіонѣ“. Его слишкомъ большая развязность, размахивание руками, громкій смѣхъ и голосъ, казавшіеся вамъ нахальствомъ, покажутся вамъ тѣмъ особымъ бретерскимъ настроениемъ духа, которое пріобрѣтаютъ иные очень молодые люди послѣ опасности; но все-таки вы подумаете, что онъ станетъ вамъ рассказывать, какъ плохо на 4-мъ бастіонѣ отъ бомбъ и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. „Пройти на батарею нельзя“, скажетъ онъ, показывая на сапоги, выше икоръ покрытые грязью. „А у меня нынче лучшаго комендора убило, прямо въ лобъ вѣшило“, скажетъ другой. „Кого это? Митюхина? Нѣтъ... да что, дадутъ ли мнѣ телятины? вотъ канальи!“ прибавилъ онъ къ трактирному слугѣ... „Не Митюхина, а Абрамова. Молодецъ такой въ шести вылазкахъ быль“.

На другомъ углу стола, за тарелками котлетъ съ горошкомъ и бутылкой кислаго крымскаго вина, называемаго „бордо“,

сидять два пѣхотныхъ офицера: одинъ, съ краснымъ воротникомъ и съ двумя звѣздочками на шинели, молодой, разсказываетъ другому, съ чернымъ воротникомъ и безъ звѣздочекъ, про альминское дѣло. Первый уже немного выпилъ, и по остановкамъ, которыя бываютъ въ его разсказѣ, по нерѣшительному взгляду, выражающему сомнѣніе въ томъ, что ему вѣрятъ, и главное, что слишкомъ велика роль, которую онъ играетъ во всемъ этомъ, и слишкомъ все страшно, замѣтно, что онъ сильно отклоняется отъ строгаго повѣстований истины. Но вамъ не до этихъ разсказовъ, которые вы долго еще будете слушать во всѣхъ углахъ Россіи: вы хотите скорѣе ити на бастіоны, именно на 4-й, про который вамъ такъ много и такъ различно рассказывали. Когда кто-нибудь говоритъ, что онъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, онъ говоритъ это съ особеннымъ удовольствиемъ и гордостью; когда кто говоритъ: я иду на 4-й бастіонъ, непремѣнно замѣтны въ немъ маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе; когда хотятъ подшутить надъ кѣмъ-нибудь, говорятъ: тебя бы поставить на 4-й бастіонъ; когда встрѣчаютъ носилки и спрашиваютъ: откуда? большою частью отвѣчаятъ: съ 4-го бастіона. Вообще же существуютъ два, совершенно различные мнѣнія про этотъ страшный бастіонъ: тѣхъ, которые никогда на немъ не были, и которые убѣждены, что 4-й бастіонъ есть вѣрная могила для каждого, кто пойдетъ на него, и тѣхъ, которые живутъ на немъ, какъ бѣлобрысенскій мичманъ, и которые, говоря про 4-й бастіонъ, скажутъ вамъ, сухо или грязно тамъ, тепло или холодно въ землянкѣ и т. д.

Въ полчаса, которые вы провели въ трактире, погода успѣла перемѣниться: туманъ разстилавшійся по морю, собрался въ сѣрыя, скучныя, сырья тучи и закрылъ солнце;

какая-то печальная изморозь сыплется сверху и мочить крыши, тротуары и солдатскія шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите изъ дверей направо и поднимаетесь вверхъ по большой улицѣ. За этою баррикадой, дома по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, вывѣсокъ лѣтъ, двери закрыты досками, окна выбиты, гдѣ отбитъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. Строенія кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ-будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и въ ямы съ водой, вырытыя въ камennомъ грунте бомбами. По улицѣ встрѣчаете вы и обгоняете команды солдатъ, пластуновъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчаются женщина или ребенокъ, но женщина уже не въ шляпкѣ, а матроска въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькой изволокъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не дома, а какія-то странныя груды развалинъ, камней, досокъ, глины, бревенъ; впереди себя на крутой горѣ видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ... Здесь народу встрѣчается еще меньше, женщинъ совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и не-премѣнно встрѣтите тутъ четырехъ солдатъ съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: „куда раненъ?“ носильщики сердито, не поворачиваясь къ вамъ, скажутъ: въ ногу или въ руку, ежели онъ раненъ легко; или сурово промолчатъ, ежели изъ-за носилокъ не видно головы и онъ уже умеръ или тяжело раненъ.

Недалекій свистъ ядра или бомбы, въ то самое время,

какъ вы станете подниматься въ гору, непріятно поразить васъ. Вы вдругъ поймете, и совсѣмъ иначе, чѣмъ понимали прежде, значеніе тѣхъ звуковъ выстрѣловъ, которые вы слышали въ городѣ. Какое-нибудь тихо отрадное воспоминаніе вдругъ блеснетъ въ вашемъ воображеніи; собственная ваша личность начнетъ занимать васъ больше, чѣмъ наблюденія: у васъ станетъ меныше вниманія ко всему окружающему и какое-то непріятное чувство нерѣшимости вдругъ овладѣсть вами. Несмотря на этотъ подленький голосъ при видѣ опасности, вдругъ заговорившій внутри васъ, вы, особенно взглянувъ на солдата, который, размахивая руками и оскальзаясь подъ гору по жидкой грязи, рысью, со смѣхомъ бѣжитъ мимо васъ,—вы заставляете молчать этотъ голосъ, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверхъ на скользкую глинистую гору. Только что вы немного выбрались въ гору, справа и слѣва васъ, начинаютъ жужжать штуцерныя пули, и вы, можетъ-быть, призадумаетесь, не итти ли вамъ по траншеѣ, которая ведетъ параллельно съ дорогой; но траншея эта наполнена такою жидкою, желтою, вонючею грязью выше колѣна, что вы непремѣнно выберете дорогу по горѣ, тѣмъ болѣе, что вы видите, *всп. идутъ по дорогѣ*. Пройдя шаговъ двѣсти, вы выходите въ изрытое, грязное пространство, окруженнное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагороженнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на батареѣ сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по серединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій че-

резь батареи и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Но вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ, видите черепки, неразорванныя бомбы, ядра, слѣды лагеря, и все это затопленное въ жидкой вязкой грязи. Какъ вамъ кажется, недалеко отъ себя слышите вы ударъ ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется, слышите различные звуки пуль—жужжащія, какъ пчела, свистящія, быстрыя или визжащія, какъ струна,—слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающей всѣхъ васъ, и который вамъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

„Такъ вонъ онъ, 4-й бастіонъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто!“ думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастіонъ. Это Язоновскій редутъ—мѣсто, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы ити на 4-й бастіонъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ-быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники минъ, землянки въ грязи, въ которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ баталіоновъ, которые тамъ переобуваются, щдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею—на площадку, изрытую ямами и обставлennую турями, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ-быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ. и морского офицера,

который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствиемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей афектаціи говорить съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ—но только, ежели вы его разспросите—про бомбардированье 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ, и какъ все-таки на другое утро 6-го онъ палилъ *) изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30—40 саженяхъ. Одного я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуры, чтобы посмотретьъ непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменистый валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ всыхиваютъ бѣлые дымки, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель—онъ, какъ говорятъ солдаты и матросы.

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ, изъ тщеславія или просто такъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе, захочетъ при васъ пострѣлять немногого. „Послать комендора

*) Моряки всѣ говорятъ палить, а не стрѣлять:

и прислугу къ пушкѣ“, и человѣкъ четырнадцать матросовъ живо, весело, кто засовывал въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивал подкованными сапогами по платформѣ, подойдутъ къ пушкѣ и зарядятъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго скуластаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу русскаго,—простоты и упрямства; но здѣсь на каждомъ лицѣ кажется вамъ, что опасность, злоба и страданія войны, кромѣ этихъ главныхъ признаковъ, приложили еще слѣды сознанія своего достоинства, и высокой мысли и чувства.

Вдругъ ужаснѣйшій, потрясающій не одни ушные органы, но все существо ваше, гуль поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удалющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся по ней матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго вы не ожидали видѣть, можетъ-быть,—это чувство злобы, мщенія врагу, которое гаится въ душѣ каждого. „Въ самую амбразуру попало; кажется, убило двухъ... вонъ понесли“, услышите вы радостныя восклицанія. „А вотъ онъ разсерчаетъ: сейчасъ пустить сюда“, скажетъ кто-нибудь, и, дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ: „пу-ушка!“ И вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвигнетъ ядро, шлепнется въ землю и во-

ронкой взбросить вкругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердится за это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія, непріятель тоже станетъ отвѣтать намъ, и вы испытаете интересныя чувства, услышите и увидите интересныя вещи. Часовой опять закричитъ: „пушка!“ и вы услышите тотъ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги, или закричть: „маркела“ *), и вы услышите равномѣрное, довольно пріятное и такое, съ которыми съ трудомъ соединяется мысль объ ужасномъ, посвистываніе бомбы, услышите приближающеся къ вамъ и ускоряющееся это посвистываніе, потомъ увидите черный шаръ, ощутительный ударъ о землю и звездящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршать въ воздухѣ камни и забрызгаетъ васъ грязью. При этихъ звукахъ вы испытаете странное чувство наслажденія и вмѣстѣ страха. Въ ту минуту, какъ снарядъ, вы знаете, летить на васъ, вамъ непремѣнно придется въ голову, что снарядъ этотъ убьетъ васъ; но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ, и никто не замѣчаетъ ножа, который рѣжетъ вамъ сердце. Но зато когда снарядъ пролетѣлъ, не задѣвъ васъ, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо пріятное чувство, но только на мгновеніе, овладѣваетъ вами, такъ что вы находите какую-то особенную прелестъ въ опасности, въ этой игрѣ жизнью и смертью; вамъ хочется, чтобы еще и еще поближе упали около васъ ядро или бомба. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: „маркела!“ еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы, но вмѣстѣ съ этимъ звукомъ васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который, въ

) Мортира.

крови и грязи, имѣть какой-то странный нечеловѣческій видъ, въ одно время съ носилками. У матроса вырвана часть груди. Въ первыя минуты на забрызганномъ грязью лицѣ его видны одинъ испугъ и какое-то притворное преждевременное выраженіе страданія, свойственное человѣку въ такомъ положеніи; но въ то время, какъ ему приносятъ носилки, и онъ самъ на здоровый бокъ ложится на нихъ, вы замѣчаете, что выраженіе это смѣняется выраженіемъ какой-то восторженности и высокой невысказанной мысли: глаза горить ярче, зубы сжимаются, голова съ усиліемъ поднимается выше, и въ то время, какъ его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ товарищамъ: „простите, братцы!“ еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ еще разъ: „простите, братцы!“ Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно размахивая руками, возвращается къ своему орудію. „Это каждый день этаکъ человѣкъ семь или восемь“, говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса, выражавшагося на вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папиросу изъ желтой бумаги...

Итакъ, вы видѣли защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты и идете назадъ, почему-то не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушенного театра,—идете съ спокойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное, отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли—это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа,—и эту невозмож-

ность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитро-сплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, премахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ же спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бѣднія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждого, — любовь къ родинѣ. Только теперь рассказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрѣплений, не было войскъ, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю, — о временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „умремъ, ребята, а не отадимъ Севастополя“, и наши русские, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „умремъ! ура“ — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались

достовѣрностью, фактъмъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину. Надолго оставить въ Россіи великие слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...

Уже вечерѣеть. Солнце предъ самымъ закатомъ вышло изъ-за сѣрыхъ тучъ, покрывающихъ небо, и вдругъ багрянымъ свѣтомъ освѣтило лиловыя тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровною широкою зыбью, и бѣлая строенія города, и народъ, движущійся по улицамъ. По водѣ разносятся звуки какого-то стариннаго вальса, который играетъ полковая музыка на бульварѣ, и звуки выстрѣловъ съ бастіоновъ, которые странно вторятъ имъ.

Севастополь
1855 г. 25 апр.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ МАѢ 1855 ГОДА.

I.

Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастіоновъ Севастополя и взрыло землю на работахъ непріятеля, и съ тѣхъ поръ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншее и изъ траншеи на бастіоны, и ангелъ смерти не переставалъ парить надъ ними.

Тысячи людскихъ самолюбій успѣли оскорбиться, тысячи успѣли удовлетвориться, надуться, тысячи—успокоиться въ объятіяхъ смерти. Сколько розовыхъ гробовъ и полотняныхъ покрововъ! А всѣ тѣ же звуки раздаются съ бастіоновъ, все такъ же съ невольнымъ трепетомъ и страхомъ смотрять въ ясный вечеръ французы изъ своего лагеря на желтоватую, изрытую землю бастіоновъ Севастополя, на черныя движущія по нимъ фигуры нашихъ матросовъ, и считаютъ амбразуры, изъ которыхъ сердито торчатъ чугунныя пушки; все такъ же въ трубу разсматриваетъ съ вышки телеграфа штурманскій унтеръ-офицеръ пестрыя фигуры французовъ,

ихъ батареи, палатки, колонны, движущіяся по зеленой горѣ, и дымки, вспыхивающіе въ траншеяхъ,— и все съ тѣмъ же жаромъ стремятся съ различныхъ сторонъ свѣта разнородныя толпы людей, съ еще болѣе разнородными желаніями, къ этому роковому мѣсту. А вопросъ, не решенный дипломатами, все еще не решается порохомъ и кровью.

II.

Въ осажденномъ городѣ Севастополь, на бульварѣ, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщинъ празднично двигались по дорожкамъ. Свѣтлое весеннее солнце вышло съ утра надъ англійскими работами, перешло на бастіоны, потомъ на городъ, на Николаевскую казарму и, одинаково радостно свѣти для всѣхъ, теперь спускалось къ далекому синему морю, которое, мѣрно колыхаясь, свѣтилось серебрянымъ блескомъ.

Высокій, немного сутуловатый пѣхотный офицеръ, натягивая на руку не совсѣмъ бѣлую, но опрятную перчатку, вышелъ изъ калитки одного изъ маленькихъ матросскихъ домиковъ, настроенныхъ на лѣвой сторонѣ Морской улицы, и, задумчиво глядя себѣ подъ ноги, направился въ гору къ бульвару. Выраженіе некрасиваго лица этого офицера не изобличало большихъ умственныхъ способностей, но просто-душное, разсудительность, честность и склонность къ порядочности. Онъ былъ дурно сложенъ, не совсѣмъ ловокъ и какъ-будто стыдливъ въ движеніяхъ. На немъ была мало поноженная фуражка, тонкая, немного странного лиловатаго цвѣта шинель, изъ-подъ борта которой виднѣлась золотая цѣпочка часовъ, панталоны со штрипками и чистые, блестящіе опоясанные

ковые салоги. Онъ долженъ быть или нѣмецъ, ежели бы не изобличали черты лица его чистаго русскаго происхожденія, или адъютантъ, или квартирмейстеръ полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицеръ, на время кампаниі перешедшій изъ кавалеріи, а можетъ и изъ гвардіи. Онъ, дѣйствительно, былъ офицеръ, перешедшій изъ кавалеріи, и въ настоящую минуту, поднимаясь къ бульвару, думалъ о письмѣ, которое сейчасъ получилъ отъ бывшаго товарища, теперь отставнаго помѣщика Т. губерніи, и жены его, блѣдно-голубо-глазої Наташи, своей большой пріятельницы. Онъ вспомнилъ одно мѣсто письма, въ которомъ товарищъ пишетъ:

„Когда приносятъ намъ *Инвалидъ*, то *Пупка* (такъ отставной уланъ называлъ жену свою) бросается опрометью въ переднюю, хватаетъ газету и бѣжитъ съ ней на *эсъ* въ *бесѣдку*, въ *гостиную* (въ которой, помнишь, какъ славно мы проводили съ тобой зимніе вечера, когда полѣ стояль у насъ въ городѣ), и съ такимъ жаромъ читаетъ *вашіи* геройскіе подвиги, что ты себѣ представить не можешь. Она часто про тебя говорить: „Вотъ Михайловъ, говорить она, такъ это *душка* человѣкъ. Я готова расцѣловать его, когда увижу. Онъ сражается на *бастіонахъ* и непремѣнно получить георгіевскій крестъ, и про него въ газетахъ напишутъ...“ и т. д., и т. д... такъ что я рѣшительно начинаю ревновать къ тебѣ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „до насть газеты доходить ужасно поздно, а хотя изустныхъ новостей и много, не всѣмъ можно вѣрить. Напримеръ, знакомыя тебѣ *барышни* съ *музыкоj* рассказывали вчера, что ужъ будто Наполеонъ поиманъ нашими казаками и отосланъ въ Петербургъ; но ты понимаешь, какъ много я этому вѣрю. Разсказывалъ же намъ

одинъ пріѣзжій изъ Петербурга (онъ у министра по особымъ порученіямъ, премилый человѣкъ, и теперь какъ въ городѣ никого нѣтъ, такая для насъ *ресурсъ*, что ты себѣ представить не можешь...) такъ онъ говоритъ навѣрное что наши заняли Евпаторію, *такъ что французамъ нынѣ уже сообщенія съ Балаклавой*, и что у насъ при этомъ убито 200 человѣкъ, а у французовъ до 15 тысячъ. Жена была въ такомъ восторгѣ по этому случаю, что *кутила цѣлую ночь*, и говоритъ, что ты навѣрное, по ея предчувствію, былъ въ этомъ дѣлѣ и отличился".

Несмотря на тѣ слова и выраженія, которыя я нарочно отмѣтилъ курсивомъ, и на весь тонъ письма, штабсъ-капитанъ Михайловъ съ невыразимо грустнымъ наслажденіемъ вспомнилъ о своемъ губернскомъ блѣдномъ другѣ и какъ онъ сиживалъ, бывало, съ нимъ по вечерамъ въ бесѣдкѣ и говорилъ о *чувствахъ*, вспомнилъ о добромъ товарищѣ-уланѣ, какъ онъ сердился и ремизился, когда они, бывало, въ кабинетѣ составляли пульку по копейкѣ, какъ жена смѣялась надъ нимъ,—вспомнилъ о дружбѣ къ себѣ этихъ людей (можетъ-быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны блѣднаго друга): всѣ эти лица съ своею обстановкой мелькнули въ его воображеніи въ удивительно сладкомъ, отрадно-розовомъ свѣтѣ, и онъ, улыбаясь своимъ воспоминаніямъ, дотронулся рукою до кармана, въ которомъ лежало это *милое* для него письмо.

Отъ воспоминаній штабсъ-капитанъ Михайловъ невольно перешелъ къ мечтамъ и надеждамъ. „И каково будетъ удивленіе и радость Наташи, — думалъ онъ, шагая по узень-кому переулочку,—когда онъ вдругъ прочтетъ въ *Инвалидѣ* описание, какъ я первый влѣзъ на пушку и получилъ Ге-

оргія! Капитана я долженъ получить по старому представлению. Потомъ очень легко я въ этомъ же году могу получить майора по линіи, потому что много перебито, да и сще, вѣрно, много перебьютъ нашего брата въ эту кампанію. А потомъ будетъ опять дѣло, и мнѣ, какъ извѣстному чelu вѣку, поручать полкъ.... подполковникъ.... Анну на шею.... полковникъ.... “—и онъ былъ уже генераломъ, удостоивающимъ посѣщенія Наташу, вдову товарища, который, по его мечтамъ, умреть къ этому времени, когда звуки бульварной музыки яснѣ долетѣли до слуха, толпы народа кинулись ему въ глаза, и онъ очутился на бульварѣ прежнимъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ.

III.

Онъ подошелъ сначала къ павильону, подлѣ которого стояли музыканты, которымъ вмѣсто попитровъ другіе солдаты того же полка, раскрывъ, держали ноты и около которыхъ, больше смотря, чѣмъ слушая, составили кружокъ писаря, юнкера, князьки съ дѣтьми. Кругомъ павильона стояли, сидѣли и ходили большею частью моряки, адъютанты и офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ. По большой аллѣи бульвара ходили всякихъ сортовъ офицеры и всякихъ сортовъ женщины, изрѣдка въ шляпкахъ, большею частью въ плащикахъ (были безъ платочековъ и безъ шляпокъ), но ни одной не было старой, а замѣчательно, что всѣ молодыя. Внизу, по тѣнистымъ пахучимъ аллеямъ бѣлыхъ акацій, ходили и сидѣли уединенные группы.

Никто особенно радъ не былъ, встрѣтивъ на бульварѣ штабсъ-капитана Михайлова, исключая, можетъ-быть, его полка капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые

съ горячностью пожали ему руки; но первый былъ въ верблюжьихъ штанахъ, безъ перчатокъ, въ обношенной шинели и съ такимъ краснымъ, вспотѣвшимъ лицомъ, а второй кричалъ такъ громко и развязно, что совсѣмъ было ходить съ ними, особенно передъ офицерами въ бѣлыхъ перчаткахъ (изъ которыхъ съ однимъ адьютантомъ штабсъ-капитанъ Михайловъ кланялся, а съ другимъ штабсъ-офицеромъ могъ бы кланяться, потому что два раза встрѣчалъ его у общаго знакомаго). Притомъ же, что веселаго было ему гулять съ этими господами Обжоговымъ и Сусликовымъ, когда онъ, и безъ того по шести разъ на день, встрѣчалъ и пожималъ имъ руки? Не для этого же онъ пришелъ на музыку.

Ему бы хотѣлось подойти къ адьютанту, съ которымъ онъ кланялся, и поговоривъ съ этими господами, совсѣмъ не для того, чтобы капитаны Обжоговъ и Сусликовъ и поручикъ Паштецкій и другіе видѣли, что онъ говоритъ съ ними, но просто для того, что они пріятные люди, притомъ знаютъ всѣ новости—поразсказали бы.

Но отчего же штабсъ-капитанъ Михайловъ боится и не рѣшается подойти къ нимъ? „Что, ежели они вдругъ мнѣ не поклонятся,—думаетъ онъ, „или поклонятся и будутъ продолжать говорить между собою, какъ-будто меня нѣть, или вовсе уйдутъ отъ меня, и я тамъ останусь одинъ между аристократами?“ Слово аристократы (въ смыслѣ высшаго, отборнаго круга, въ какомъ бы то ни было сословіи) получило у насть, въ Россіи, гдѣ бы, кажется, вовсе не должно было быть его, съ нѣкотораго времени большую популярность и проникло во всѣ края и во всѣ слои общества, куда проникло только тицеславіе (а въ какія условія времени и обстоятельства не проникаетъ эта жалюзія наклонность?): между

купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, въ Саратовъ, въ Мамадыши, въ Винницы, вездѣ, ~~гдѣ~~ есть люди. А такъ какъ въ осажденномъ городѣ Севастополь людей много, слѣдовательно и тщеславія много, то есть и *аристократы*, несмотря на то, что ежеминутно виситъ смерть надъ головой каждого *аристократа* и *не-аристократа*.

Для капитана Обжогова штабсъ-капитанъ Михайловъ *аристократъ*, для штабсъ-капитана Михайлова адъютантъ Калугинъ *аристократъ*, потому что онъ адъютантъ и на „ты“ съ другимъ адъютантомъ. Для адъютанта Калугина графъ Нордовъ *аристократъ*, потому что онъ флигель-адъютантъ.

Тщеславіе, тщеславіе и тщеславіе вездѣ, даже на краю гроба и между людьми, готовыми къ смерти изъ-за высокаго убѣжденія. Тщеславіе! Должно-быть, оно есть характеристическая черта и особенная болѣзнь нашего вѣка. Отчего между прежними людьми не слышно было обѣ этой страсти, какъ обѣ осирѣ или холерѣ? Отчего въ нашъ вѣкъ есть только три рода людей: однихъ—принимающихъ начало тщеславія, какъ фактъ необходимо существующій, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; другихъ—принимающихъ его какъ несчастное, но непреодолимое условіе, и третьихъ—безсознательно-рабски дѣйствующихъ подъ его вліяніемъ? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу, про страданія, а литература нашего вѣка есть только безконечная повѣсть снобсовъ и тщеславія?

Штабсъ-капитанъ два раза въ нерѣшительности прошелъ мимо кружка *своихъ аристократовъ*, въ третій разъ сдѣлалъ усилие надъ собой и подошелъ къ нимъ. Кружокъ этотъ состоялъ изъ четырехъ офицера: адъютантъ Калугинъ, знакомый Михайлова, адъютантъ князь Гальцинъ, бывшій даже немножко

аристократомъ для самого Калугина, полковникъ Нефердовъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ *ста-двадцати-двухъ* свѣтскихъ людей (поступившихъ на службу въ эту кампанію изъ отставки) и ротмистръ Праскухинъ, тоже одинъ изъ этихъ ста-двадцати-двухъ. Къ счастію Михайлова, Калугинъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа (генераль только-что поговорилъ съ нимъ весьма довѣренно, и князь Гальцинъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, остановился у него): онъ счелъ не унизительнымъ подать руку штабсъ-капитану Михайлову, чего не рѣшился, однако, сдѣлать Праскухинъ, весьма часто встрѣчавшійся на бастіонѣ съ Михайловымъ, неоднократно пившій его вино и водку и даже должный ему по преферансу двѣнадцать рублей съ полтиной. Не зная еще хо-рошенъко князя Гальцина, ему не хотѣлось изобличать предъ нимъ свое знакомство съ простымъ пѣхотнымъ штабсъ-ка-питаномъ. Онъ слегка поклонился ему.

— Что, капитанъ,— сказалъ Калугинъ,—когда опять на бастіончикъ? Помните, какъ мы съ вами встрѣтились на Шварцевомъ редутѣ—жарко было? а?

— Да, жарко, — сказалъ Михайловъ, вспоминая о томъ, какъ онъ въ ту ночь, пробираясь по траншѣ на бастіонъ, встрѣтилъ Калугина, который шелъ такимъ молодцомъ, бодро побрякивая саблей.

— Мнѣ, по-настоящему, приходится завтра итти: но у насъ боленъ,— продолжалъ Михайловъ,— одинъ офицеръ, такъ...

Онъ хотѣлъ разскказать, что чередъ былъ не его, но такъ какъ командиръ 8-й роты былъ нездоровъ, а въ ротѣ оставался прaporщикъ только, то онъ счелъ своею обязанностью предложить себя на мѣсто поручика Непписеца и потому шелъ нынче на бастіонъ. Калугинъ не дослушалъ его.

— А я чувствую, что на дняхъ что-нибудь будетъ, —
сказалъ онъ князю Гальцину.

— А что, не будетъ ли нынче чего-нибудь? — робко спро-
силъ Михайловъ, поглядывая то на Калугина, то на Галь-
цина.

Никто не отвѣчалъ ему. Князь Гальцинъ только смор-
щился какъ-то, пустилъ глаза мимо его фуражки и, помол-
чавъ немного, сказалъ:

— Славная дѣвочка эта въ красномъ платочкѣ. Вы ее
не знаете, капитанъ?

— Это около моей квартиры, дочь одного матроса, — от-
вѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Пойдемте, посмотримъ ее хорошенько.

И князь Гальцинъ взялъ подъ руку съ одной стороны
Калугина, съ другой — штабсъ-капитана, впередъ увѣрен-
ный, что это не можетъ не доставить послѣднему большого
удовольствія, что, дѣйствительно, было справедливо.

Штабсъ-капитанъ былъ суевѣренъ и считалъ большими
грѣхомъ предъ дѣломъ заниматься женщинами; но въ этомъ
случаѣ онъ притворился развратникомъ, чemu видимо не вѣ-
рили князь Гальцинъ и Калугинъ, и что чрезвычайно удив-
ляло дѣвицу въ красномъ платочкѣ, которая не разъ замѣ-
чала, какъ штабсъ-капитанъ краснѣлъ, проходя мимо ея
окошка. Праскухинъ шелъ сзади и все толкалъ за руку
князя Гальцина, дѣлая разныя замѣчанія на французскомъ
языкѣ; но, такъ какъ вчетверомъ нельзя было итти по до-
рожкѣ, онъ принужденъ былъ итти одинъ и только на второмъ
кругѣ взялъ подъ руку подошедшаго сзади и загово-
рившаго съ нимъ извѣстнаго храбраго морскаго офицера
Сервянина, желавшаго тоже присоединиться къ кружку ари-

стократовъ. И извѣстный храбрецъ съ радостью просунулъ свою мускулистую честную руку за локоть, всѣмъ и самому Сервягину хорошо извѣстному за неслишкомъ хорошаго человѣка, Праскухину. Когда Праскухинъ, объясняя князю Гальцину свое знакомство съ этимъ морякомъ, шепнулъ ему, что это былъ извѣстный храбрецъ, князь Гальцинъ, бывшій вчера на четвертомъ бастіонѣ и видѣвшій отъ себя въ двадцати шагахъ лопнувшую бомбу, считая себя не меныши мъ храбрецомъ, чѣмъ этотъ господинъ, и предполагая, что весьма много репутаціи пріобрѣтается задаромъ, не обратилъ на Сервягина никакого вниманія.

Штабсъ - капитану Михайлову такъ пріятно было гулять въ этомъ обществѣ, что онъ забылъ про милое письмо изъ Т. и про мрачныя мысли, осаждавшія его при предстоящемъ отправленіи на бастіонъ. Онъ пробылъ съ ними до тѣхъ поръ, пока они не заговорили исключительно между собой, избѣгая его взглядовъ, давая тѣмъ знать, что онъ можетъ итти, и наконецъ совсѣмъ ушли отъ него. Но штабсъ-капитанъ все-таки былъ доволенъ и, проходя мимо юнкера барона Песта, который былъ особенно гордъ и самонадѣянъ со вчерашней ночи, которую онъ въ первый разъ провелъ въ блиндажѣ пятаго бастіона, и считалъ себя, вслѣдствіе этого героемъ, онъ нисколько не огорчился подозрительно-высокомѣрнымъ выражениемъ, съ которымъ юнкеръ вытянулся и снялъ предъ нимъ фуражку.

IV.

По едва штабсъ - капитанъ перешагнулъ порогъ своей квартиры, какъ совсѣмъ другія мысли пошли ему въ го-

лову. Онъ увидалъ свою маленькую комнатку съ землянымъ неровнымъ поломъ и кривыми окнами, залѣплеными бумагой, свою старую кровать съ прибитымъ надъ ней ковромъ, на которомъ изображена была амазонка и висѣли два тульские пистолета, грязную, съ ситцевымъ одѣяломъ постель юнкера, который жилъ съ нимъ; увидалъ своего Никиту, который со взбудораженными сальными волосами, почесываясь, всталъ съ полу; увидалъ свою старую шинель, личные сапоги и узелокъ, изъ которого торчали конецъ сыра и горлышко портерной бутылки съ водкой, приготовленной для него на бастіонъ, и вдругъ вспомнилъ, что ему нынче на цѣлую ночь итти съ ротою въ ложементы.

„Навѣрное, мнѣ быть убитымъ нынче, — думалъ штабсъ-капитанъ, — я чувствую. И главное, что не мнѣ надо было итти, а я самъ вызвался. И ужъ это всегда убьютъ того, кто напрашивается. И чѣмъ боленъ этотъ проклятый Непшицецкій? Очень можетъ быть, что и вовсе не боленъ: а тутъ изъ-за него убьютъ человѣка, непремѣнно убьютъ. Впрочемъ ежели не убьютъ, то, вѣрно, представятъ. Я видѣлъ, какъ полковому командиру понравилось, когда я сказалъ: позвольте мнѣ итти, ежели поручикъ Нешшицецкій боленъ. Ежели не выйдетъ майора, то Владимира навѣрное. Вѣдь я ужъ тринадцатый разъ иду на бастіонъ. Охъ, 13 скверное число. Непремѣнно убьютъ, чувствую, что убьютъ; но надо же было кому-нибудь итти, нельзя съ прaporщикомъ роты итти. А что-нибудь бы случилось, вѣдь это честь полка, честь армii отъ этого зависить. Мой долгъ былъ итти... да, святой долгъ. А есть предчувствіе“. Штабсъ-капитанъ забывалъ, что подобное предчувствіе, въ болѣе или менѣе сильной степени, приходило ему не въ первый разъ, когда

пужно было итти на бастіонъ, и не зналъ, что то же, въ болѣе или менѣе сильной степени, предчувствіе испытываетъ всякий, кто идетъ въ дѣло. Успокоивъ себя понятіемъ долга, которое у штабсъ-капитана было особенно развито и сильно, онъ сѣлъ къ столу и сталъ писать прощальное письмо къ отцу. Черезъ десять минутъ, написавъ письмо, онъ ~~всталъ~~ отъ стола съ мокрыми отъ слезъ глазами и, мысленно ~~чай~~ всѣ молитвы, которыя зналъ, сталъ одѣваться. Пьяный и грубый слуга лѣниво подалъ ему новый сюртукъ (~~старый~~, который обыкновенно надѣвалъ штабсъ-капитанъ, ~~на~~ на бастіонъ, не былъ починенъ).

— Отчего не починенъ сюртукъ? ~~Тебѣ~~ только бы все спать, этакой! — сердито сказалъ Михайловъ.

— Чего спать? — проворчалъ Никита: — день деньской ~~бы~~ гаешь, какъ собака: умаешься небось, а тутъ не засни ~~еще~~!

— Ты опять пьянъ, я вижу.

— Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

— Молчи, болванъ! — крикнулъ штабсъ-капитанъ, готовый ударить человѣка, еще прежде разстроенный, а теперь окончательно выведенный изъ терпѣнія и огорченный грустью Никиты, котораго онъ любилъ, баловалъ даже, и съ ~~пото-~~ ~~мокро~~рымъ жилъ уже 12 лѣтъ.

— Болванъ? болванъ? — повторилъ слуга: — и что руга-тесь болваномъ, сударь? вѣдь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайловъ вспомнилъ, куда онъ идетъ и ему стыдно стало.

— Вѣдь ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія, Никита! — сказалъ онъ кроткимъ голосомъ. — Письмо это къ батюшкѣ на столѣ оставь, такъ и не трогай, — прибавилъ онъ, краснѣя.

— Слушаю-сь,—сказалъ Никита, расчувствовавшійся подъ вліяніемъ вина, которое онъ выпилъ, какъ говорилъ: *на ссии денни*, и съ видимымъ желаніемъ заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльцѣ штабсъ-капитанъ сказалъ: „прощай, Никита!“ то Никита вдругъ разразился принужденными рыданіями и бросился цѣловать руки своего барина. „Прощайте, баринъ!“ всхлипывая говорилъ онъ. Старуха-матроска, стоявшая на крыльцѣ, какъ женщина, не могла не присоединиться тоже къ этой чувствительной сценѣ, начала утирать глаза грязнымъ рукавомъ и приговаривать что-то о томъ, что ужъ на что господа, и тѣ какія муки принимаютъ, и что она, бѣдный человѣкъ, вдовой осталась, и рассказала въ сотый разъ пьяному Никитѣ о своемъ горѣ: какъ ея мужа убили еще въ первую *бандировку*, и какъ ея домишко весь разбили (тотъ, въ которомъ она жила, принадлежалъ не ей) и т. д. По уходѣ барина Никита закурилъ трубку, попросилъ хозяйскую дѣвочку сходить за водкой и весьма скоро пересталъ плакать, а, напротивъ, побрился со старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

„А можетъ-быть, только ранятъ, — разсуждалъ самъ съ собою штабсъ-капитанъ, уже сумерками, подходя съ ротой къ бастіону“. — Но куда? какъ? сюда или сюда? думалъ онъ мысленно, указывая на животъ и на грудь. — „Вотъ ежели бы сюда (онъ думалъ о верхней части ноги) да кругомъ бы обопла. Ну, а какъ сюда да осколкомъ—кончено!“

Штабсъ-капитанъ по траншеямъ благополучно дошелъ до ложементовъ, разставилъ съ сапернымъ офицеромъ, уже въ совершенной темнотѣ, людей на работу и сѣлъ въ ямочку подъ брустверомъ. Стрѣльба была малая; только изрѣдка

вспыхивали то у насть, то у него молни, и свѣтящаяся трубка бомбы прокладывала огненную дугу на темномъ звѣздномъ небѣ. Но всѣ бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, въ которомъ въ ямочкѣ сидѣлъ штабсъ-капитанъ. Онъ выпилъ водки, закусилъ сыромъ, закурилъ папироску и, помолясь Богу, хотѣлъ заснуть немногого.

V.

Князь Гальцинъ, подполковникъ Нефердовъ и Праскухинъ, котораго никто не звалъ, съ которымъ никто не говорилъ, но который не отставалъ отъ нихъ, всѣ съ бульвара пошли пить чай къ Калугину.

— Ну такъ ты мнѣ не доказалъ про Ваську Менделя,— говорилъ Калугинъ, снявъ шинель, сидя около окна на мягкому покойномъ креслѣ, и разстегивая воротникъ чистой крахмаленной голландской рубашки:—какъ же онъ женился?

— Умора, братецъ! je vous dis, il y avait un temps, on ne parlait que de ça à Petersbourg,—сказалъ, смѣясь, князь Гальцинъ, вскакивая отъ фортепьянъ, у которыхъ онъ сидѣлъ, и садясь на окно подлъ окна Калугина:—просто умора. Ужъ я все это знаю подробно...

И онъ весело, умно и бойко сталъ рассказывать какуюто любовную исторію, которую мы пропустимъ, потому что она для насть не интересна. Но замѣчательно то, что не только князь Гальцинъ, но и всѣ эти господа, расположившись здѣсь кто на окнѣ, кто задравъ ноги, кто за фортепьяно, казались совсѣмъ другими людьми, чѣмъ на бульварѣ: не было этой смѣшиной надутости, высокомѣрности, которая они выказывали пѣхотнымъ офицерамъ; здѣсь они были меж-

ду своими въ натурѣ, особенно Калугинъ и князь Гальцинъ, очень милыми, веселыми и добрыми ребятами. Разговоръ шелъ о петербургскихъ сослуживцахъ и знакомыхъ.

— Что Масловский?

— Который? лейбъ-уланъ или конногвардеецъ?

— Я ихъ обоихъ знаю. Конногвардеецъ при мнѣ мальчишка былъ, только что изъ школы вышелъ. Что старший ротмистръ?

— О! ужъ давно.

— Что, все возится съ своею цыганкой?

— Нѣтъ, бросиль...—и т. д. въ этомъ родѣ.

Потомъ князь Гальцинъ сѣлъ къ фортепьяно и славно спѣлъ цыганскую пѣсенку. Праскухинъ, хотя никто не просилъ его, сталъ вторить, и такъ хорошо, что его ужъ прошли вторить, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ.

Человѣкъ вошелъ съ чаемъ, со сливками и крендельками на серебряномъ подносѣ.

— Подай князю,—сказалъ Калугинъ.

— А вѣдь странно подумать, — сказалъ Гальцинъ, взявъ стаканъ и отходя къ окну:—что мы здѣсь въ осажденномъ городѣ: *фортоплясы*, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желалъ бы такую имѣть въ Петербургѣ.

— Да ужъ ежели бы еще этого не было,—сказалъ всѣмъ недовольный старый подполковникъ: — просто было бы невыносимо это постоянное ожиданіе чего-то... видѣть, какъ каждый день бываютъ, бываютъ—и все нѣтъ конца, ежели при этомъ бы жить въ грязи и не было бы удобствъ.

— А какъ же наши пѣхотные офицеры,—сказалъ Калугинъ, — которые живутъ на бастіонахъ съ солдатами, въ блиндажѣ и Ѣдятъ солдатскій борщъ,—какъ имъ-то?

— Какъ имъ-то? Они хоть, правда, по десяти дней бѣлья не перемѣняютъ, а это герои, удивительные люди.

Въ это время въ комнату вошелъ пѣхотный офицеръ.

— Я... мнѣ приказано... я могу ли явиться къ ген... къ его превосходительству отъ генерала N?—спросилъ онъ застѣнчиво, кланяясь.

Калугинъ всталъ, но, не отвѣчая на поклонъ офицера, съ оскорбительною учтивостью и натянутую официальную улыбкой спросилъ офицера, не угодно ли имъ подождать, и, не попросивъ его сѣсть, не обращая на него больше вниманія, повернулся къ Гальцину и заговорилъ по-французски, такъ что бѣдный офицеръ, оставшись по срединѣ комнаты, рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своею персоной.

— По крайнельному дѣлу-сь,—сказалъ офицеръ послѣ минутнаго молчанія.

— А! такъ пожалуйте,—сказалъ Калугинъ, надѣвая шинель и провожая его къ двери.

— Eh bien, messieurs, je crois, que cela chauffera cette nuit,—сказалъ Калугинъ, выходя отъ генерала.

— А? что? вылазка?—стали спрашивать всѣ.

— Ужъ не знаю—сами увидите,—отвѣчалъ Калугинъ съ таинственнюю улыбкой.

— И мой командиръ на бастіонѣ—стало-быть и мнѣ надо итти,—сказалъ Праскухинъ, надѣвая саблю.

Но никто не отвѣчалъ ему: онъ самъ долженъ былъ знать, итти ли ему или нѣть.

Праскухинъ и Нефердовъ вышли, чтобъ отправиться къ своимъ мѣстамъ. „Прощайте, господа!“ „До свиданья, господа! Еще нынче ночью увидимся!“ проокричалъ Калугинъ изъ

окошка, когда Праскухинъ и Нефердовъ, нагнувшись на луки казачьихъ съдѣль, прорысили по дорогѣ. Топотъ казачьихъ лошадей скоро стихъ въ темной улицѣ.

— Non, dites moi, est-ce qu'il y aura véritablement quelque chose cette nuit, — сказалъ Гальцинъ, лежа съ Калугинымъ на окошкѣ и глядя на бомбы, которые поднимались надъ бастіонами.

— Тебѣ я могу разсказать, видишь ли... вѣдь ты былъ на бастіонахъ? (Гальцинъ сдѣлалъ знакъ согласія, хотя онъ былъ только разъ на 4-мъ бастіонѣ). Такъ противъ нашего люнета была траншея,—и Калугинъ, какъ человѣкъ не специальный, хотя и считавшій свои военные сужденія весьма вѣрными, началъ, немного запутанно и перевиная фортификаціонныя выраженія, разсказывать положеніе нашихъ и непріятельскихъ работъ и планъ предполагавшагося дѣла.

— Однако, начинаютъ попукивать около ложементовъ. Ого это наша или *его*? вотъ лопнула, — говорили они, лежа на окнѣ, глядя на огненныя линіи бомбъ, скрещивающіяся въ воздухѣ, на молнии выстрѣловъ, на мгновеніе освѣщавшія темносинее небо, и бѣлый дымъ пороха, и прислушиваясь къ звукамъ все усиливающейся и усиливающейся стрѣльбы.

— Quel charmant coup d'œil! а? — сказалъ Калугинъ, обращая вниманіе своего гостя на это дѣйствительно красивое зрѣлище.—Знаешь, не различишь звѣзды отъ бомбы иногда.

— Да, я сейчасъ думалъ, что это звѣзда; а она опустилась... вотъ лопнула. А эта большая звѣзда — какъ ее зовутъ? точно какъ бомба.

— Знаешь, я до того привыкъ къ этимъ бомбамъ, что, я увѣренъ, въ Россіи въ звѣздную ночь мнѣ будетъ казаться, что это все бомбы: такъ привыкнешь.

— Однако, не пойти ли мнѣ на эту вылазку? — сказалъ килязъ Гальцинъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Полпо, братецъ! и не думай; да я тебя и не пущу, — отвѣчалъ Калугинъ. — Еще успѣшь, братецъ!

— Серъезно? Такъ думаешь, что не надо ходить? а?...

Въ это время, въ томъ направленіи, по которому смотрѣли эти господа, за артиллерійскимъ гуломъ послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленькихъ огней, безпрестанно вспыхивая, заблестѣли по всей линіи.

— Вотъ оно, когда пошло настоящее! — сказалъ Калугинъ. — Этого звука ружейнаго я слышать не могу хладнокровно: какъ-то, знаешь, за душу беретъ. Вонъ и *ура!* — прибавилъ онъ, прислушиваясь къ дальнему протяжному гулу сотенъ голосовъ: „а-а-аа“, доносившихся до него съ бастіона.

— Чье это *ура?* ихъ или наше?

— Не знаю; но это ужъ рукопашная пошла, потому что стрѣльба затихла.

Въ это время подъ окномъ къ крыльцу подскакалъ офицеръ съ казакомъ и слѣзъ съ лошади.

— Откуда?

— Съ бастіона. Генерала нужно.

— Пойдемте. Ну, что?

— Атаковали ложементы... заняли... Французы подвели огромные резервы... атаковали нашихъ... было только два баталіона, — говорилъ, запыхавшись, тотъ же самый офицеръ, который приходилъ вечеромъ, съ трудомъ переводя духъ, но совершенно развязно направляясь къ двери.

— Что жъ, отступили? — спросилъ Гальцинъ.

— Нѣть, — сердито отвѣчалъ офицеръ: — подоспѣлъ бата-

лонъ — отбили; но полковой командиръ убитъ, офицеровъ много, приказано просить подкрепленія...

И съ этими словами онъ съ Калугинымъ прошелъ къ генералу, куда уже мы не послѣдуемъ за нимъ.

Черезъ пять минутъ Калугинъ уже сидѣлъ верхомъ на казачьей лошади (и опять тою особенною quasi-казацкою посадкой, въ которой, я замѣчалъ, всѣ адъютанты видѣть почему-то что-то особенно пріятное) рысцой въехалъ на бастіонъ съ тѣмъ, чтобы передать туда искоторые приказанія и дождаться извѣстій объ окончательномъ результатаѣ дѣла; а князь Гальцинъ, подъ вліяніемъ того тяжелаго волненія, которое производятъ обыкновенно близкіе признаки дѣла на зрителя, не принимающаго въ немъ участія, вышелъ на улицу и безъ всякой цѣли сталъ взадъ и впередъ ходить по ней.

VI.

Солдаты несли на носилкахъ и вели подъ руки раненыхъ. На улицѣ было совершенно темно; только рѣдко кое-гдѣ свѣтились окна въ госпиталь или у засидѣвшихся офицеровъ. Съ бастіоновъ доносился тотъ же грохотъ орудій и ружейной перепалки, и тѣ же огни вспыхивали на черномъ небѣ. Изрѣдка слышались топотъ лошади проскакавшаго ординарца, стонъ раненаго, шаги и говоръ носильщиковъ или женскій говоръ испуганныхъ жителей, вышедшихъ на крылечко посмотреть на канонаду.

Въ числѣ послѣднихъ были и знакомый намъ Никита, старая матроска, съ которою онъ помирился уже, и десятилѣтняя дочь ея. „Господи, Мати Пресвятая Богородица!“ говорила про себя, вздыхая, старуха, глядя на бомбы,

которые, какъ огненные мячики, безпрестанно перелетали съ одной стороны на другую:—страсти-то, страсти какія! И-и-хи-хи! Такого и въ первую бандировку не было. Вишь гдѣ лопнула, проклятая! прямо надъ нашимъ домомъ въ слободкѣ”.

— Нѣтъ, это дальше, къ тetenькѣ Аринкѣ въ садъ все попадаютъ,—сказала дѣвочка.

— И гдѣ-то, гдѣ-то баринъ мой таперича?—сказалъ Никита, нараспѣвъ и еще пьяный немнога.—Ужъ какъ я люблю эвтаго барина своего, такъ самъ не знаю,—такъ люблю, что если, избави Богъ, да убьютъ его грѣшнымъ дѣломъ, такъ, вѣрите ли, тetenька, я послѣ эвтаго самъ не знаю, что могу надъ собою произвести,—ей-Богу. Ужъ такой баринъ, что одно слово! Развѣ съ эвтими смынить, что тутъ въ карты играютъ? это что — тѣфу! одно слово!—заключилъ Никита, указывалъ на свѣтящееся окно комнаты барина, въ которой, во время отсутствія штабс-капитана, юнкеръ Жвадческій позвалъ къ себѣ на кутежъ, по случаю получения креста, гостей: подпоручика Угровича и подпоручика Непшицецкаго, который былъ нездоровъ флюсомъ...

— Звѣздочки-то, звѣздочки такъ и катятся! — глядя на небо, прервала дѣвочка молчаніе, послѣдовавшее за словами Никиты: — вонъ, вонъ еще скатилась. Къ чему это такъ? а, маинька?

— Совсѣмъ разобьютъ домишко нашъ,—сказала старуха, вздыхая и не отвѣчая на вопросъ дѣвочки.

— А какъ мы нынче съ дяинькой ходили туда, маинька,—продолжала пѣвучимъ голосомъ разговорившаяся дѣвочка:—такъ большу-ущая такая ядро въ самой комнаткѣ подлѣ шкафа лежитъ; она сѣнцы, видно, пробила да въ горницу и влѣтѣла... такая большущая, что не поднимешь.

— У кого были мужья да деньги, такъ повышали,—говорила старуха:—а тутъ послѣдній домишко и тотъ разбили. Вишь какъ, вишь какъ палить, злодѣй. Господи, Господи!

— А какъ намъ только выходить, какъ одна бомба прилети-ить, какъ лопни-ить, какъ засыпли-ить землею, такъ даже чуть-чуть насть съ дрянькой однимъ оскреткомъ не задѣло.

VII.

Все больше и больше раненыхъ на носилкахъ и пѣшкомъ, поддерживаемыхъ одни другими и громко разговаривающихъ между собой, встрѣчалось князю Гальцину.

— Какъ они подскочили, братцы мои,—говорилъ басомъ одинъ высокій солдатъ, неспѣшъ два ружья за плечами:—какъ подскочили, какъ крикнутъ: „Алла, Алла!“ *) такъ другъ на друга и лѣзутъ. Однихъ бѣешь, а другіе лѣзутъ—ничего не сдѣлаешь. Видимо-невидимо...

Но въ этомъ мѣстѣ разсказа Гальцина остановилъ его.

— Ты изъ бастіона?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Ну, что тамъ было? Расскажи.

— Да что было? Подступила ихъ, ваше благородіе, *сила*, лѣзутъ на валъ, да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли? Да вѣдь вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда *ею* вся *сила* подошла: перебили всѣхъ нашихъ, а сикурсу не подаютъ.

*) Наши солдаты, воюя съ турками, такъ привыкли къ этому крику враговъ, что теперь рассказываютъ, что французы тоже кричать „Алла!“

Солдатъ ошибался, потому что траншея была за нами; но это—странный, которую всякий можетъ замѣтить: солдатъ, раненый въ дѣлѣ, всегда считаетъ его проиграннымъ и ужасно кровопролитнымъ.

— Какъ же мнѣ говорили, что отбили?—съ досадой сказала Гальцинъ:—можетъ-быть, послѣ тебя отбили? Ты давно оттуда?

— Сейчасъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ солдатъ:—врядъ ли; должно за нимъ траншея осталась... совсѣмъ одолѣлъ.

— Ну, какъ вамъ не стыдно—отдали траншѣю. Это ужасно!—сказалъ Гальцинъ, огорченный этимъ равнодушіемъ.

— Что жъ, когда *сила!*—проворчалъ солдатъ.

— И, ваши благородія, — заговорилъ въ это время солдатъ съ носилокъ, поравнявшихся съ ними: — какъ же не отдать, когда перебилъ всѣхъ почитай? Когда бы наша сила была, ни въ жисть бы не отдали. А то что сдѣлаешь? Я одного закололъ, а тутъ меня какъ ударить... О-охъ, легче, братцы, ровнѣе братцы, ровнѣе иди... о-о-о!—застоналъ раненый.

— А въ самомъ дѣлѣ, кажется, много лишняго народа идетъ,—сказалъ Гальцинъ, останавливая опять того же высокаго солдата съ двумя ружьями.—Ты зачѣмъ идешь? Эй, ты, остановись!

Солдатъ остановился и лѣвой рукой снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? — закричалъ онъ на него строго.—Него...

Но въ это время совсѣмъ вплоть подойдя къ солдату, онъ замѣтилъ, что правая рука его была за обшлагомъ и въ крови выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе!

— Чѣмъ ранеть?

— Сюда-то, должно, пулей,—сказалъ солдатъ, указывая на руку:—а ужъ здѣсь не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло и, нагнувъ ее, показалъ окровавленные и слившіеся волоса на затылкѣ.

— А ружье другое чье?

— Студеръ французскій, ваше благородіе! отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не эвтаго солдатика проводить; а то упадетъ неравно,—прибавилъ онъ, указывая на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои несправедливыя подозрѣнія. Онъ почувствовалъ, что краснѣеть, отвернулся и, уже больше не разспрашивая раненыхъ и не наблюдалъ за ними, пошелъ на перевязочный пунктъ.

Съ трудомъ пробившись на крыльцѣ между пѣшкомъ шедшими ранеными и носильщиками, входившими съ ранеными и выходившими съ мертвыми, Гальцинъ вошелъ въ первую комнату, взглянулъ и тотчасъ же невольно повернулся назадъ и выбѣжалъ на улицу: это было слишкомъ ужасно!

VIII.

Большая высокая темная зала, освѣщенная только четырьмя или пятью свѣчами, съ которыми доктора подходили осматривать раненыхъ, была буквально полна. Носильщики безпрестанно вносили раненыхъ, складывали ихъ одинъ подлѣ другого на полъ, на которомъ уже было такъ тѣсно, что несчастные толкались и мокли въ крови другъ друга, и шли за новыми. Лужи крови, видныя на мѣстахъ не занятыхъ,

горячечное дыханіе нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ и испареніе рабочихъ съ носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючій смрадъ, въ которомъ пасмурно горѣли свѣчи на различныхъ концахъ залы. Говорь разпообразныхъ стоновъ, вздоховъ, хрипѣній, прерываемый иногда пронзительнымъ крикомъ, носился по всей комнатѣ. Сестры, со спокойными лицами и съ выражениемъ не того пустого женского болѣзненно-слезнаго состраданія, а дѣятельнаго практическаго участія, то тамъ, то сямъ, шагая чрезъ раненыхъ, съ лѣкарствомъ, съ водой, бинтами, корпіей, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами. Доктора, съ заусенными рукавами, стоя на колѣняхъ предъ ранеными, около которыхъ фельдшера держали свѣчи, осматривали, ощупывали и зондировали раны, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцевъ. Одинъ изъ докторовъ сидѣлъ около двери за столикомъ и, въ ту минуту, какъ въ комнату вошелъ Гальцинъ, записывалъ уже 532.

— Иванъ Богаевъ, рядовой 3-й роты С. полка, *fractura femoris complicata!* — кричалъ другой изъ конца залы, ощущая разбитую ногу.—Переверни-ка его.

— О-ой, отцы мои, вы наши отцы! — кричалъ солдатъ, умоляя, чтобы его не трогали.

— *Perforatio capitis.*

— Семенъ Нефердовъ, подполковникъ Н. пѣхотнаго полка. Вы немного потерпите, полковникъ; а то этакъ нельзя: я брошу,—говорилъ третій, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ головѣ несчастнаго подполковника.

— Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорѣй, скорѣй, ради а-а-а-а-а!

— *Perforatio pectoris...* Севастьянъ Середа, рядовой... ка-

кого полка? впрочемъ, не пишите: moritur. Несите его,—
сказалъ докторъ, отходя отъ солдата, который, закативъ
глаза, хрипѣль уже.

Человѣкъ сорокъ солдатъ-носильщиковъ, дожидаясь ноши
перевязанныхъ въ госпиталь, и мертвыхъ въ часовню, стол-
ли у дверей и, молча, изрѣдка тяжело вздыхая, смотрѣли
на эту картину...

IX.

По дорогѣ къ бастіону Калугинъ встрѣтилъ много раненыхъ; но, по опыту зная, какъ въ дѣлѣ дурно дѣйствуетъ па духъ человѣка это зрелице, онъ не только не останавливался разспрашивать ихъ, но, напротивъ, старался не обращать на нихъ никакого вниманія. Подъ горой ему попался ординарецъ, который маршъ-маршъ скакалъ съ ба-
стіона.

- Зобкинъ! Зобкинъ! постойте на минутку.
- Ну, что?
- Вы откуда?
- Изъ ложементовъ.
- Ну, какъ тамъ? жарко?
- Ахъ, ужасно!

И ординарецъ поскакалъ дальше.

Дѣйствительно, хотя ружейной стрѣльбы было мало, ка-
понада завязалась съ новымъ жаромъ и ожесточеніемъ.

„Ахъ, скверно!“ подумалъ Калугинъ, испытывая какое-то
непріятное чувство, и ему тоже пришло предчувствіе, то-есть
мысль очень обыкновенная,—мысль о смерти. Но Калугинъ
быть самолюбивъ и одаренъ деревянными нервами, то, что
называютъ храбръ, однимъ словомъ. Онъ не поддался пер-

вому чувству и стала ободрять себя, вспомнилъ про *одного адъютанта*, кажется Наполеона, который, передавъ приказанія, маршь-маршъ съ окровавленною головой подскакалъ къ Наполеону.

„*Vous êtes blessé?*“ сказалъ ему Наполеонъ. — „*Je vous demande pardon, sire, je suis mort,*“ и адъютантъ упалъ съ лошади и умеръ на мѣстѣ.

Ему показалось это очень хорошо, и онъ вообразилъ се-
бя даже немножко этимъ адъютантомъ, потомъ ударилъ ло-
шадь плетью, и принялъ еще болѣе лихую *казацкую посадку*, оглянулся на казака, который, стоя на стременахъ, ры-
силъ за нимъ, и совершиеннымъ молодцомъ пріѣхалъ къ тому
мѣсту, гдѣ надо было слѣзать съ лошади. Здѣсь онъ нашелъ
четырехъ солдатъ, которые, усѣвшись на камешки, курили
трубки.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — крикнулъ онъ на нихъ.

— Раненаго отводили, ваше благородіе, да отдохнуть при-
сѣли, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, пряча за спину трубку,
и снимая шапку.

— То-то отдохнуть! маршъ къ своимъ мѣстамъ.

И онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ по траншеѣ въ гору, на
каждомъ шагу встрѣчая раненыхъ. Поднявшись въ гору, онъ
повернулся нальво и, пройдя по ней нѣсколько шаговъ, очу-
тился совершенно одинъ. Близехонько отъ него прожужжалъ
осколокъ и ударился въ траншею. Другая бомба поднялась
предъ нимъ и, казалось, летѣла прямо на него. Ему вдругъ
сдѣлалось страшно: онъ рысью пробѣжалъ шаговъ пять и
прилегъ на землю. Когда же бомба лопнула, и далеко отъ
него, ему стало ужасно досадно на себя, и онъ всталъ, огляды-
вался, не видаль ли кто-нибудь его паденія; но никого не было.

Уже разъ проникнувъ въ душу, страхъ не скоро уступа-
етъ мѣсто другому чувству. Онъ, который всегда хвастался,
что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чуть-чуть
не ползкомъ пошелъ по траншеѣ. „Ахъ! не хорошо!“ подумалъ
онъ, споткнувшись, — непремѣнно убьютъ“, и, чувствуя, какъ
трудно дышалось ему и какъ потъ выступалъ по всему тѣ-
лу, онъ удивлялся самому себѣ, но уже не пытался преодо-
лѣвать своего чувства.

Вдругъ чьи то шаги послышались впереди его. Онъ бы-
стро разогнулся, поднялъ голову и, бодро побрякивая са-
блей, пошелъ уже не такими скорыми шагами, какъ прежде.
Онъ не узнавалъ себя. Когда онъ сошелся со встрѣтив-
шимся ему сапернымъ офицеромъ и матросомъ, и первый
крикнулъ ему: „ложитесь!“ указывая на свѣтлую точку бом-
бы, которая, свѣтлѣе и свѣтлѣе, быстрѣе и быстрѣе при-
ближалась, шлепнулась около траншеи, онъ только немногого
и невольно, подъ вліяніемъ испуганного крика, нагнулъ го-
лову и пошелъ дальше.

— Вишь, какой бравый! — сказалъ матросъ, который пре-
спокойно смотрѣлъ на падавшую бомбу и опытнымъ глазомъ
сразу разс切尔ъ, что осколки ея не могутъ задѣть въ тран-
шеѣ: — и ложиться не хочетъ.

Уже нѣсколько шаговъ только оставалось Калугину пе-
рейти черезъ площадку до блиндажа командира бастіона,
какъ опять на него нашли затмѣніе и этотъ глупый страхъ;
сердце забилось сильнѣе, кровь хлынула въ голову, и ему
нужно было усиліе надѣть собою, чтобы пробѣжать до блин-
дажа.

— Что вы такъ запыхались? — сказалъ генераль, когда
онъ ему передалъ приказанія.

— Шель скоро очень, ваше превосходительство!

— Не хотите ли вина стаканъ?

Калугинъ выпилъ стаканъ вина и закурилъ папиросу. Дѣло уже прекратилось; только сильная канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Въ блиндажѣ сидѣли генераль N, командиръ бастіона и еще человѣкъ шесть офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Праскухинъ, и говорили про разныя подробности дѣла. Сидя въ этой уютной комнатѣ, обитой голубыми обоями, съ диваномъ, кроватью, столомъ, на которомъ лежали бумаги, стѣнными часами и образомъ, предъ которымъ горѣла лампада, глядя на эти признаки жилья и на толстыя аршинныя балки, составлявшія потолокъ, и слушая выстрѣлы, казавшіеся слабыми въ блиндажѣ, Калугинъ рѣшительно понять не могъ, какъ онъ два раза позволилъ себѣ одолѣть такой непростительной слабости. Онъ сердился на себя, и ему хотѣлось опасности, чтобы снова испытать себя.

— А вотъ я радъ, что и вы здѣсь, капитанъ,—сказалъ онъ морскому офицеру въ штабъ-офицерской шинели, съ большими усами и Георгіемъ, который вошелъ въ это время въ блиндажъ и просилъ генерала дать ему рабочихъ, чтобы исправить на его батареѣ двѣ амбразуры, которыя были засыпаны.—Мнѣ генералъ приказалъ узнать, — продолжалъ Калугинъ, когда командиръ батареи пересталъ говорить съ генераломъ:—могутъ ли ваши орудія стрѣлять по траншеѣ картечью?

— Одно только орудіе можетъ, — угрюмо отвѣчалъ капитанъ.

— Все-таки пойдемте, посмотримъ.

Капитанъ нахмурился и сердито крякнулъ.

— Ужъ я всю ночь тамъ простоялъ, пришель хоть отдохнуть немногого, — сказалъ онъ: — нельзя ли вамъ однимъ сходить? тамъ мой помощникъ, лейтенантъ Карцъ, вамъ все покажеть.

Капитанъ уже шесть мѣсяцевъ командовалъ этой одною изъ самыхъ опасныхъ батарей, — и даже, когда не было блиндажей, не выходя, съ начала осады, жилъ на бастіонѣ и между моряками имѣлъ репутацію храбрости. Поэтому-то отказъ его особенно поразилъ и удивилъ Калугина. „Вотъ репутаций!“ подумалъ онъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ, если вы позволите, — сказалъ онъ нѣсколько насыщеннымъ тономъ капитану, который, однако, не обратилъ на его слова никакого вниманія.

По Калугинъ не сообразилъ того, что онъ въ разныя времена всего-на-всего провелъ часовъ пятьдесятъ на бастіонахъ, тогда какъ капитанъ жилъ тамъ шесть мѣсяцевъ. Калугина еще возбуждали тщеславіе, желаніе блеснуть, надежда на награды, на репутацію и прелесть риска; капитанъ же ужъ прошелъ черезъ все это: сначала тщеславился, храбрился, рисковалъ, надѣялся на награды и репутацію и даже пріобрѣлъ ихъ, но теперь уже всѣ эти побудительныя средства потеряли для него силу, и онъ смотрѣлъ на дѣло иначе: исполняль въ точности свою обязанность; но, хорошо понимая, какъ мало ему оставалось случайностей жизни, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія на бастіонѣ, уже не рисковалъ этими случайностями безъ строгой необходимости, такъ что молодой лейтенантъ, съ недѣлю тому назадъ поступившій на батарею и показывавшій теперь ее Калугину, съ которымъ они безполезно другъ предъ другомъ высоки

вались въ амбразуры и вылѣзали на банкеты, казался въ десять разъ храбрѣе капитана.

Осмотрѣвъ батарею и направляясь назадъ къ блиндажу, Калугинъ наткнулся въ темнотѣ на генерала, который со своими ординарцами шелъ на вышку.

— Ротмистръ Праскухинъ! — сказалъ генералъ: — сходите, пожалуйста, въ правый ложементъ и скажите второму баталіону М* полка, который тамъ на работѣ, чтобы онъ оставилъ работу, не шумя вышелъ оттуда и присоединился къ своему полку, который стойтъ подъ горой въ резервѣ... Понимаете? сами отведите къ полку.

— Слушаю-съ.

И Праскухинъ рысью побѣжалъ къ ложементу. Стрѣльба становилась рѣже.

X.

— Это второй баталіонъ М* полка? спросилъ Праскухинъ, прибѣжавъ къ мѣсту и наткнувшись на солдата, которые въ мѣшкахъ носили землю.

— Такъ точно-съ.

— Гдѣ командиръ?

Михайловъ, полагая, что спрашиваютъ ротнаго команда-ри, вылѣзъ изъ своей ямки и, принимая Праскухина за начальника, держа руку у козырька, подошелъ къ нему.

— Генералъ приказалъ... вамъ... извольте итти... поско-рѣе... и, главное, потише... назадъ... не назадъ, а къ ре-зерву, — говорилъ Праскухинъ, искоса поглядывая по напра-влению огней непріятеля.

Узнавъ Праскухина, опустивъ руку и разобравъ, въ чёмъ

дѣло, Михайловъ передалъ приказаніе, и баталіонъ зашевелился, забралъ ружья, надѣль шинели и двинулся.

Кто не испыталъ, тотъ не можетъ вообразить себѣ того наслажденія, которое ощущаетъ человѣкъ, уходя, послѣ трехъ часовъ бомбардированія, изъ такого опаснаго мѣста, какъ ложементы. Михайловъ въ эти три часа, уже нѣсколько разъ, не безъ основанія, считавшій свой конецъ неизбѣжнымъ, успѣлъ свыкнуться съ убѣждениемъ, что его непремѣнно убьютъ, и что онъ уже не принадлежитъ этому миру. Несмотря на то, однако, ему большого труда стоило удержать свои ноги, чтобъ они не бѣжали, когда онъ предъ ротой, рядомъ съ Праскухинымъ, вышелъ изъ ложементовъ.

— До свиданія,—сказалъ ему майоръ, командиръ другого баталіона, который оставался въ ложементахъ и съ которымъ они вмѣстѣ закусывали сыромъ, сидя въ ямочкѣ около бруствера,—счастливаго пути!

— И вамъ желаю счастливо отстоять. Теперь, кажется, затихло.

Но только что онъ успѣлъ сказать это, какъ непріятель, должно-быть замѣтивъ движение въ ложементахъ, сталъ палить чаще и чаще. Наши стали отвѣтчикъ ему, и опять поднялась сильная канонада. Звѣзды высоко, но не ярко блестѣли на небѣ. Ночь была темна хоть глазъ выколи; только огни выстрѣловъ и разрыва бомбъ мгновенно освещали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя другъ друга; только слышны были за безпрестанными раскатами выстрѣловъ мѣрный звукъ ихъ шаговъ по сухой дорогѣ, звуки столкнувшихся штыковъ или вздохъ и молитва какого-нибудь солдатика: — „Господи, Господи! что это такое!“ Иногда слышался стонъ раненаго и крики: „но-

силки!“ (Въ ротѣ, которою командовалъ Михайловъ, отъ одного артиллерійскаго огня выбыло въ ночь 26 человѣкъ). Вспыхивала молния на мрачномъ далекомъ горизонтѣ, часовой съ бастіона кричалъ: „пу-шка!“, и ядро, жужжа надъ ротой, взрывало землю и выбрасывало камни.

„Чортъ возьми! какъ они тихо идутъ, — думалъ Праскухинъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, шагая подлѣ Михайлова; — право, лучше побѣгу впередъ: вѣдь я ~~пере~~далъ приказаніе... Впрочемъ, нѣтъ: вѣдь могутъ ~~разсказывать~~ потомъ, что я трусь. Что будетъ, то будетъ: пойду рядомъ“.

„И зачѣмъ онъ идетъ за мной,—думалъ, съ своей стороны, Михайловъ,—сколько я ни замѣчалъ, онъ всегда приноситъ несчастіе. Вотъ она летить, прямо сюда, кажется“.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они столкнулись съ Калугинымъ, который бодро побрякивая саблей, шелъ къ ложементамъ, съ тѣмъ, чтобы по приказанію генерала узнать, какъ подвинулись тамъ работы. Но, встрѣтивъ Михайлова, онъ подумалъ, что, чѣмъ ему самому подъ этимъ страшнымъ огнемъ итти туда, чего и не было ему приказано, онъ можетъ разспросить все подробно у офицера, который былъ тамъ. И, дѣйствительно, Михайловъ подробно рассказалъ про работы. Пройдя еще немного съ нимъ, Калугинъ повернулся въ траншею, ведущую къ блиндажу.

— Ну, что новенькаго? — спросилъ офицеръ, который, ужиная, одинъ сидѣлъ въ комнатѣ.

— Да, ничего; кажется, что ужъ больше дѣла не будетъ.

— Какъ не будетъ? напротивъ, генералъ сейчасъ опять пошелъ на вышку. Еще полкъ пришелъ. Да вотъ она... слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачѣмъ

вамъ? — прибавилъ офицеръ, замѣтивъ движеніе, которое сдѣлалъ Калугинъ.

„А мнѣ по настоящему непремѣнно надо тамъ быть,—подумалъ Калугинъ,—но ужъ я и такъ пынче много подвергалъ себя опасности: стрѣльба ужасная“.

— И въ самомъ дѣлѣ, я ихъ лучше здѣсь подожду, — сказалъ онъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать генералъ вернулся вмѣстѣ съ офицерами, которые были при немъ; въ числѣ ихъ былъ и юнкеръ баронъ Пестъ, но Праскухина не было. Ложементы были отбиты и заняты пами.

Получивъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ, Калугинъ вмѣстѣ съ Пестомъ вышелъ изъ блиндажа.

XI.

— У васъ шинель въ крови: неужели вы дрались въ рукошаши? — спросилъ его Калугинъ.

— Ахъ, ужасно! можете себѣ представить...

И Пестъ сталъ рассказывать, какъ велъ свою роту, какъ ротный командиръ убить, какъ онъ закололъ француза и какъ, если бы не онъ, дѣло было бы проиграло.

Основанія этого разсказа, что ротный командиръ былъ убитъ и что Пестъ убилъ француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкеръ выдумывалъ и хвасталъ.

Хвасталъ онъ невольно, потому что во время всего дѣла находился въ какомъ-то туманѣ и забыть до такой степени, что все, что случилось, казалось ему случившимся гдѣ-то, когда-то и съ кѣмъ-то. Очень естественно, онъ старался воспроизвести эти подробности съ выгодной для себя стороны. Но вотъ какъ это было дѣйствительно:

Баталонъ, къ которому прикомандированъ былъ юнкеръ для вылазки, часа два подъ огнемъ стоялъ около какой-то стѣнки; потомъ баталонный командиръ впереди сказалъ что-то, — ротные командиры зашевелились, баталонъ тронулся, вышелъ изъ-за бруствера и, пройдя шаговъ сто, остановился, построясь въ ротныхъ колонны. Песту сказали, чтобы онъ сталъ на правомъ флангѣ второй роты.

Рѣшительно не отдавая себѣ отчета, гдѣ и зачѣмъ онъ былъ, юнкеръ сталъ на мѣсто и, съ невольно сдержаннѣмъ дыханіемъ и холодною дрожью, пробѣгавшей по спинѣ, безсознательно смотрѣлъ впередъ въ темную даль, ожидая чего-то страшнаго. Ему, впрочемъ, не столько страшно было, потому что стрѣльбы не было, сколько дико, странно было подумать, что онъ находился въ крѣпости, въ полѣ. Опять баталонный командиръ впереди сказалъ что-то. Опять шопотомъ заговорили офицеры, передавая приказанія, и черная стѣна первой роты вдругъ опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пестъ, ложась, накололъ руку на какую-то колючку. Не легъ только одинъ командиръ второй роты. Его невысокая фигура, съ вытянутой шпагой, которую онъ размахивалъ, не переставая говорить, двигалась передъ ротой.

— Ребята! смотри, молодцами у меня! Съ ружей не падить, а штыками ихъ, каналій! Когда я крикну: „ура“, замной и не отставать... дружнѣй, главное дѣло... покажемъ себя, не ударимъ лицомъ въ грязь, а, ребята? За царя-батюшку!

— Какъ фамилія нашего ротнаго командинра? — спросилъ Пестъ у юнкера, который лежалъ рядомъ съ нимъ: — какой онъ храбрый!

— Да, какъ въ дѣло, всегда...—отвѣчалъ юнкеръ.—Ли-
синковскій его фамилія.

Въ это время передъ самою ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался трескъ, оглушившій всю роту, высоко въ воздухѣ запуршали камни и осколки (по крайней мѣрѣ, секундъ черезъ пятьдесятъ одинъ камень упалъ сверху и отбилъ ногу солдату). Это была бомба съ элевационнаго станка, и то, что она попала въ роту, доказывало, что французы замѣтили колонну.

— Бомбами пускать!.. Дай только добраться, тогда по-пробуешь штыка трехгранныго русскаго, проклятый!—заговорилъ ротный командиръ такъ громко, что баталіонный командиръ долженъ былъ приказать ему молчать и не шумѣть такъ много.

Вслѣдъ за этимъ первая рота встала, за ней вторая. Приказано было взять ружья наперевѣсъ, и баталіонъ пошелъ впередъ. — Пестъ былъ въ такомъ страхѣ, что рѣшительно не помнилъ, долго ли, куда и кто что. Онъшелъ, какъ пьяный. Но вдругъ со всѣхъ сторонъ заблестѣлъ миллионъ огней, засвистѣло, затрешало что-то. Онъ закричалъ и побѣжалъ куда-то, потому что всѣ бѣжали и всѣ кричали. Потомъ онъ споткнулся и упалъ на что-то. Это былъ ротный командиръ (который былъ раненъ впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватилъ его за ногу). Потомъ, когда онъ вырвалъ ногу и приподнялся, на него въ темнотѣ спиной наскочилъ какой-то человѣкъ и чуть опять не сбилъ съ ногъ; другой человѣкъ кричалъ: „коли его! что смотришь!“ Кто-то взялъ ружье и воткнулъ штыкъ во что-то мягкое. „Ah, Dieu!“ закричалъ кто-то страшнымъ, пронзительнымъ голосомъ, и тутъ

только Пестъ понялъ, что онъ закололъ француза. Холодный потъ выступилъ у него по всему тѣлу, онъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и бросилъ ружье. Но это продолжалось только одно мгновеніе: ему тотчасъ же пришло въ голову, что онъ герой. Онъ схватилъ ружье, и, вместе съ толпой крича „ура!“, побѣжалъ прочь отъ убитаго француза. Пробѣжавъ шаговъ двадцать, онъ прибѣжалъ въ траншею. Тамъ были наши и баталіонный командиръ.

— А я закололъ одного! — сказалъ онъ баталіонному командиру.

— Молодцомъ, баронъ!

XII.

— А, знаете, Праскухинъ убитъ, — сказалъ Пестъ, провожая Калугина, который шелъ къ нему.

— Не можетъ быть!

— Какъ же: я самъ его видѣлъ.

— Прощайте, однако: мнѣ надо скорѣе.

„Я очень доволенъ, — думалъ Калугинъ, возвращаясь къ дому, — въ первый разъ на мое дежурство счастіе. Отличное дѣло: я и живъ, и цѣль, представленія будутъ отличныя и ужъ непремѣнно золотая сабля. Да, впрочемъ, я и этою ея“.

Доложивъ генералу все, что нужно было, онъ пришелъ въ свою комнату, въ которой, ужъ давно вернувшись и дожидалась его, сидѣлъ князь Гальцинъ, читая книгу, которую нашелъ на столѣ Калугина.

Съ удивительнымъ наслажденіемъ Калугинъ почувствовалъ себя дома, внѣ опасности, и, надѣвъ ночную рубаш-

ку, уже лежа въ постели, рассказалъ Гальцину подробности дѣла, передавая ихъ, весьма естественно, съ той точки зрењія, съ которой подробности эти доказывали, что онъ, Калугинъ, весьма дѣльный и храбрый офицеръ, на что, мнѣ кажется, излишне было бы намекать, потому что это все знали и не имѣли никакого права и повода сомнѣваться, исключая, можетъ-быть, покойнаго ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считалъ за счастіе ходить подъ руку съ Калугинымъ, вчера только по секрету рассказывалъ одному пріятелю, что Калугинъ очень хороший человѣкъ, но, между нами будь сказано, ужасно не любить ходить на бастіоны.

Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошелся съ Калугинымъ и, подходя къ менѣе опасному мѣсту, начиналъ уже оживать немногого, какъ онъ увидѣлъ, молнию, ярко блеснувшую сзади себя, услыхалъ крикъ часоваго: „маркела!“ и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: „какъ разъ на бастіонъ прилетитъ!“

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казалось, остановилась на своемъ зените въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направлениѣ. Но это продолжалось только мгновеніе: бомба быстрѣе и быстрѣе, ближе и ближе, такъ что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистываніе, опускалась прямо въ средину баталіона.

— Ложись,—крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ — бомбу не рвало. Праскухинъ испу-

гался: не напрасно ли онъ струсилъ? можетъ-быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствиемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его, недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтящею трубкой въ аршинъ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ,—холодный, исключающій всѣ другія мысли и чувства,—ужасъ объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда,—секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей, надеждъ, воспоминаній промелькнуль въ его воображеніи.

„Кого убеть—меня или Михайлова? или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я попрошу, чтобы непремѣнно съ хлороформомъ,—и я могу еще живъ остаться. А можетъ-быть, одного Михайлова убеть: тогда я буду рассказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня!“

Тутъ онъ вспомнилъ про двѣнадцать рублей, которые онъ былъ долженъ Михайлова; вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришелъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами; человѣкъ, которымъ онъ былъ оскорблена пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатилъ за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ нераздѣльно съ этимъ и тысячами другихъ воспоминаній чувство настоящаго—ожиданіе смерти—и на мгновеніе не покидало его. „Впрочемъ, можетъ-быть,

не лопнетъ“, — подумалъ онъ и съ отчаянною рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновеніе, еще сквозь закрытые вѣки, глаза его поразилъ красный огонь; съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди; онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

„Слава Богу! я только контуженъ“, было его первою мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ ихъ: „одинъ, два, три солдата; а вотъ, въ подвернутой шинели, офицеръ“, думалъ онъ. Потомъ молния блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно-быть, изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили; а вотъ еще солдаты: пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ; но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, чѣмъ это было мокро. „Вѣрно, я въ кровь разбился, какъ упалъ“, подумалъ онъ, и все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавятъ его, онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: „взмите меня!“ Но вместо этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на

него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди

XIII.

Михайловъ, увидавъ бомбу, упалъ на землю и такъ же, какъ Праскухинъ, необъятно много передумалъ и перечувствовалъ въ эти двѣ секунды, во время которыхъ бомба лежала неразорванною. Онъ мысленно молился Богу и все твердилъ: „да будетъ воля Твоя! И зачѣмъ я пошелъ въ военную службу,—вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ онъ,—и еще перешелъ въ пѣхоту, чтобы участвовать въ кампаниѣ. Не лучше ли было мнѣ оставаться въ уланскомъ полку въ городѣ Т., проводить время съ моимъ другомъ Наташой? А теперь вотъ что“. И онъ началъ считать: разъ, два, три, четыре, загадывая, что если разорветъ въ четъ, то онъ будетъ живъ, а въ нечетъ, то будетъ убитъ. „Все кончено: убить“, подумалъ онъ, когда бомбу разорвало (онъ не помнилъ, въ четъ или нечетъ), и онъ почувствовалъ ударъ и жестокую боль въ головѣ. „Господи! прости мои согрѣшенія“, проговорилъ онъ, всплеснувъ руками, приподнялся и безъ чувствъ упалъ навзничь.

Первое ощущеніе, когда онъ очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль въ головѣ, становившаяся гораздо слабѣе. „Это душа отходитъ,—подумалъ онъ,—что будетъ тамъ? Господи! пріими духъ мой съ миромъ.—Только одно странно,—разсуждалъ онъ,—что, умирая, я такъ ясно слышу шаги солдатъ и звуки выстрѣловъ“.

— Давай носилки... эй... ротнаго убило! — крикнулъ надъ его головой голосъ, который онъ невольно узналъ за голосъ барабанщика Игнатьева.

Кто-то взялъ его за плечи. Онъ попробовалъ открыть глаза и увидалъ надъ головой темно-синее небо, группы звѣздъ и двѣ бомбы, которые летѣли надъ нимъ, догоняя одна другую; увидалъ Игнатьева, солдатъ съ носилками и ружьями, валь, траншеи и вдругъ повѣрилъ, что онъ еще не на томъ свѣтѣ.

Онъ былъ камнемъ легко раненъ въ голову. Самое первое впечатлѣніе его было какъ будто сожалѣніе: онъ такъ было хорошо и спокойно приготовился къ переходу туда, что на него непріятно подѣйствовало возвращеніе къ дѣйствительности, съ бомбами, траншеями и кровью; второе впечатлѣніе его была безсознательная радость, что онъ живъ, а третье — желаніе уйти скорѣе съ бастіона. Барабанщикъ платкомъ завязалъ голову своему командиру и, взявъ его подъ руку, повелъ къ перевязочному пункту.

„Куда и зачѣмъ я иду, однако?“ подумалъ штабсъ-капитанъ, когда онъ опомнился немного. — „Мой долгъ оставаться съ ротой, а не уходить впередъ, — тѣмъ болѣе, что и рота скоро выйдетъ изъ-подъ огня“, шепнуль ему какой-то голосъ.

— Не нужно, братецъ, — сказалъ онъ, вырывая руку отъ услужливаго барабанщика: — я не пойду на перевязочный пунктъ: я останусь съ ротой.

И онъ повернулъ назадъ.

— Вамъ бы лучше перевязаться, ваше благородіе, какъ слѣдуетъ, — сказалъ Игнатьевъ: — вѣдь это сгоряча она только оказываетъ, что ничего; а то хуже бы не сдѣлать: вѣдь тутъ вонъ какая жарня идетъ... право, ваше благородіе!

— Михайловъ остановился на минуту въ нерѣшимости и, кажется, послѣдовалъ бы совѣту Игнатьева, ежели бы не вспомнилось, какъ много тяжело раненыхъ на перевязочномъ пункте. „Можетъ-быть, доктора улыбнутся моей царалинѣ“, подумалъ штабсъ-капитанъ и рѣшительно, несмотря на доводы барабанщика, пошелъ назадъ къ ротѣ.

— А гдѣ ординарецъ Праскухинъ, который шель со мной?—спросилъ онъ прaporщика, который велъ роту, когда они встрѣтились.

— Не знаю... убить, кажется,—неохотно отвѣчалъ прaporщикъ.

— Убить или раненъ, какъ же вы не знаете? вѣдь онъ съ нами шель. И отчего вы его не взяли?

— Гдѣ тутъ было братъ, когда жарня эта кая!

— Ахъ, какъ же это вы, Михаилъ Иванычъ,—сказалъ Михайловъ сердито:—какъ же бросить, ежели онъ живъ; да если и убить, такъ все-таки тѣло надо было взять.

— Гдѣ живъ, когда я вамъ говорю, я самъ подходилъ и видѣлъ!—сказалъ прaporщикъ. — Помилуйте! только бы своихъ уносить. Вонъ, каналья! ядрами теперь сталъ пускать,—прибавилъ онъ...

Михайловъ присѣлъ и схватился за голову, которая отъ движенія ужасно заболѣла у него.

— Нѣть, непремѣнно надо сходить взять: можетъ-быть, онъ еще живъ,—сказалъ Михайловъ.—Это нашъ долгъ, Михаилъ Иванычъ!

Михаилъ Иванычъ не отвѣчалъ.

„Вотъ онъ не взялъ тогда, а теперь надо солдатъ посыпать однихъ; а и посыпать какъ? подъ этимъ страшнымъ огнемъ могутъ убить задаромъ“, думалъ Михайловъ.

— Ребята! надо сходить назадъ взять офицера, что раненъ тамъ въ канавѣ,—сказалъ онъ не слишкомъ громко и повелительно, чувствуя, какъ непріятно будетъ солдатамъ исполнять это приказаніе,—и, дѣйствительно, такъ какъ онъ ни къ кому именно не обращался, никто не вышелъ, чтобы исполнить его.

„И точно можетъ, онъ уже умеръ и *не стдитъ* подвергать людей напрасной опасности; а виноватъ одинъ я, что не позаботился. Схожу самъ узнаю, живъ ли онъ. Это мой *долгъ*“, сказалъ самъ себѣ Михайловъ.

— Михаиль Иванычъ! ведите роту, а я вѣсь догою,—сказалъ онъ и, одною рукой подобравъ шинель, другою рукой дотрогиваясь безпрестанно до образа Митрофанія-угодника, въ котораго онъ имѣлъ особенную вѣру, рѣсью побѣжалъ по трапашѣ.

Убѣдясь въ томъ, что Праскухинъ былъ убитъ, Михайловъ, пыхтя и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болѣть у него, потащился назадъ. Баталіонъ былъ уже подъ горой на мѣстѣ и почти вѣсъ выстрѣловъ, когда Михайловъ догналъ его. Я говорю: *почти* вѣсъ выстрѣловъ, потому что изрѣдка залетали и сюда шальнойя бомбы.

„Однако, надо будетъ завтра сходить на перевязочный пунктъ записаться“, подумалъ штабсъ-капитанъ, въ то время, какъ пришедшій фельдшеръ перевязывалъ его.

XIV.

Сотни свѣжихъ окровавленныхъ тѣлъ людей, за два часа тому назадъ полныхъ разнообразныхъ, высокихъ и мелкихъ надеждъ и желаній, съ окоченѣлыми членами лежали на ро-

систой цвѣтущей долинѣ, отдѣляющей бастіонъ отъ траншеи, и на ровномъ полу часовни мертвыхъ въ Севастополь, сотни людей, съ проклятиями и молитвами на пересохшихъ устахъ, ползли, ворочались и стонали, одни между трупами на цвѣтущей долинѣ, другіе на носилкахъ, на койкахъ и на окровавленномъ полу перевязочного пункта; а все такъ же, какъ и въ прежніе дни, загорѣлась зарница надъ Сапунъ-горою, поблѣдѣли мерцающія звѣзды, потянулся бѣлый туманъ съ шумящаго темнаго моря, зажглась алая заря на востокѣ, разбѣжались багровыя длинныя тучки по свѣтло-лазурному горизонту, и все такъ же, какъ и въ прежніе дни, обѣщаю радость, любовь и счастіе всему ожившему миру, выплывало могучее прекрасное свѣтило.

XV.

На другой день вечеромъ опять егерская музыка играла на бульварѣ, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодыя женщины празднично гуляли около павильона и по нижнимъ аллеямъ изъ цвѣтущихъ душистыхъ бѣлыхъ акацій.

Калугинъ, князь Гальцинъ и какой-то полковникъ ходили подъ руки около павильона и говорили о вчерашнемъ дѣлѣ. Главною путеводительною нитью разговора, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было не самое дѣло, а то участіе, которое принималъ разсказывающій въ дѣлѣ. Лица и звукъ голосовъ ихъ имѣли серьезное, почти печальное выраженіе, какъ будто потери вчерашняго дня сильно трогали и огорчали каждого; но сказать по правдѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не потерялъ очень близкаго человѣка, это выраженіе печали было выраженіе официальное, которое они только считали обязанностью выказывать. Напротивъ,

Калугинъ и полковникъ были бы готовы каждый день видѣть такое дѣло съ тѣмъ, чтобы только каждый разъ получать золотую саблю и генераль-маиора, несмотря на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называютъ извергомъ какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбія губящаго миллионы. Да спросите по совѣсти прапорщика Петрушова и подпоручика Антонова и т. д.: всякий изъ насъ маленький Наполеонъ, маленький извергъ и сейчасъ готовъ затѣять сраженіе, убить человѣкъ сотню для того только, чтобы получить лишнюю звѣздочку или треть жалованья.

— Нѣтъ, извините,—говорилъ полковникъ: — прежде началось на лѣвомъ флангѣ. *Видѣлъ я было тамъ.*

— А можетъ-быть,—отвѣчалъ Калугинъ: — я больши бывалъ на правомъ; я два раза туда ходилъ: одинъ разъ отыскивалъ генерала, а другой разъ такъ, посмотреть ложементы пошелъ. Вотъ идти жарко было.

— Да ужъ, вѣрно, Калугинъ знаетъ,—сказалъ полковнику князь Гальцинъ.—Ты знаешь, мнѣ нынче В.... про тебя говорилъ, что ты молодцомъ...

— Потери только, потери ужасныя,—сказалъ полковникъ: — у меня въ полку четыреста человѣкъ выбыло. Удивительно, какъ я живъ вышелъ оттуда.

Въ это время, на встрѣчу этимъ господамъ, на другомъ концѣ бульвара показалась фигура Михайлова съ повязанной головой.

— Что, вы ранены, капитанъ?—сказалъ Калугинъ.

— Да, немножко, камнемъ,—отвѣчалъ Михайлова.

— Est-ce que le pavillon est baissé dÃ©jÃ ?—спросилъ князь Гальцинъ, глядя на фуражку штабс-капитана и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Non, pas encore,— отвѣчалъ Михайловъ, которому хотѣлось показать, что онъ знаетъ и поговорить по-французски.

— Неужели продолжается еще перемиріе?— сказалъ Гальчинъ, учтиво обращаясь къ нему по-русски и тѣмъ говоря— какъ это показалось штабсъ-капитану— что вамъ, должно быть, тяжело будетъ говорить по-французски, такъ не лучше ли ужъ просто?.. И съ этимъ адъютанты отошли отъ него. Штабсъ-капитанъ такъ же, какъ и вчера, почувствовалъ себя чрезвычайно одинокимъ и, поклонясь съ разными господами— съ одними не желая сходиться, а къ другимъ не рѣшалась подойти, сѣль около памятника Казарского и закурилъ папиросу.

Баронъ Пестъ тоже пришелъ на бульваръ. Онъ рассказывалъ, что былъ на перемиріи и говорилъ съ французскими офицерами, что будто одинъ французскій офицеръ сказалъ ему: *s'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi-heure, les embuscades auraient été reprises,* и какъ онъ отвѣчалъ ему: *monsieur! je ne dis pas non, pour ne pas vous donner un démenti,* и какъ это хорошо онъ сказалъ и т. д.

Въ сущности же, хотя и былъ на перемиріи, онъ не успѣлъ сказать тамъ ничего особенного, хотя ему и очень хотѣлось поговорить съ французами (вѣдь это ужасно весело говорить съ французами). Юнкеръ баронъ Пестъ долго ходилъ по линіи и все спрашивалъ французовъ, которые были близко къ нему: *de quel régiment êtes vous?* Ему отвѣчали— и больше ничего. Когда же онъ зашелъ слишкомъ далеко за линію, то французскій часовой, не подозрѣвая, что этотъ солдатъ знаетъ по-французски, въ третьемъ лицѣ выругалъ его. „*Il vient regarder nos travaux ce sacré...*“ сказалъ онъ, вслѣдствіе чего, не находя больше интереса на перемиріи,

юнкеръ баронъ Пестъ поѣхалъ домой и уже дорогой придума-
мъ тѣ французскія фразы, которыя теперь рассказывалъ.
На бульварѣ были и капитанъ Зобовъ, который громко раз-
говаривалъ, и капитанъ Обжоговъ въ растерзанномъ видѣ,
и артиллерійскій капитанъ, который ни въ комъ не заиски-
ваетъ, и счастливый въ любви юнкеръ, и всѣ тѣ же вчера-
шнія лица, и все съ тѣми же вѣчными побужденіями. Не
доставало только Праскухина, Нефердова и еще кой-кого,
о которомъ здѣсь едва ли помнилъ и думалъ кто-нибудь тѣ-
перь, когда тѣла ихъ еще не успѣли быть обмыты, уbraneы
и зарыты въ землю.

XVI.

На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выстав-
лены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долинѣ,
кучами лежать, безъ сапоговъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ,
изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ
на повозки. Запахъ мертваго тѣла наполняетъ воздухъ. Изъ
Севастополя и изъ французскаго лагеря толпы народа вы-
сыпали смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ и благо-
склоннымъ любопытствомъ стремятся однѣ къ другимъ.

Послушайте, что говорятъ между собой эти люди.

Вотъ въ кружкѣ собравшихся около него русскихъ и
французовъ, молоденький офицеръ, хотя плохо, но доста-
точно хорошо, чтобы его понимали, говорящій по-француз-
ски, рассматриваетъ гвардейскую сумку.

— Э сеси пуркуа се уазо ліе? — говорилъ онъ.

— Parce que c'est une giberne d'un r giment de la garde,
monsieur, qui porte l'aigle imp rial.

— Э ву де ла гаrd ?

— Pardon, monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште?—спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ куритъ папиросу.

— A Balaclava, monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли,—говоритъ офицеръ, руководимый въ разговорѣ не столько собственнымъ произволомъ, сколько словами, которыя онъ знаетъ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligeriez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ какъ французы, такъ и русскіе кажутся очень довольными и улыбаются.

Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинели въ накидку, въ сопровожденіи другихъ солдатъ, которые, руки за спину, съ веселыми любопытными лицами стоять за нимъ, подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высypаетъ огня русскому.

— Табакъ бунъ,—говорилъ солдатъ въ розовой рубашкѣ,— и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc, — говоритъ французъ:—et chez vous autres, tabac—russe? bon?

— Русъ—бунъ,—говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чёмъ присутствующіе покатываются со смѣху.—Франсе нѣть бунъ, бонжуръ мусье!—говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой зарядъ знаній языка и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— Ils ne sont pas jolis ces b... de Russes,—говорить одинъ зуавъ изъ толпы французовъ.

— De quoi de ce qu' ils rient donc? — говорить другой, черный, съ итальянскимъ выговоромъ, подходя къ нашимъ.

— Кафтанъ бунъ,—говорить бойкий солдатъ, разсматривал шитыя полы зуава, и опять смеются.

— Ne sors pas de ta ligne, à vos places, sacré nom! — кричть французский капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствиемъ расходятся.

А вотъ, въ кружкѣ французскихъ офицеровъ, нашъ молодой кавалерійскій офицеръ такъ и разсыпается. Рѣчь идетъ о какомъ-то comte Sozonoff, que j'ai beaucoup connu, monsieur, говорить французскій офицеръ съ однимъ эполетомъ—c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons.

— Il y a un Sazonoff, que j'ai connu,—говорить кавалеристъ:—mais il n'est pas comte, à moins, que je sache, un petit brun de votre âge à peu près.

— C'est ça, monsieur, c'est lui. Oh, que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous prie bien de lui faire mes compliments.—Capitaine Latour,—говорить онъ, кланяясь.

— N'est-ce pas terrible la triste besogne, que nous faisons? Ça chauffait cette nuit, n'est-ce pas?—говорить кавалеристъ, желая поддержать разговоръ и указывая на трупы.

— Oh, monsieur, c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir, que de se battre avec des gaillards comme eux.

— Il faut avouer que les vôtres ne se mouchent pas du pied non plus,—говорить кавалеристъ, кланяясь и воображая, что онъ очень миль.

Но довольно.

Посмотрите лучше на этого десятилетняго мальчишку, который, въ старомъ—должно-быть отцовскомъ—картузѣ, въ башмакахъ на босу ногу и нанковыхъ штанишкахъ, поддерживаемыхъ одною помочью, съ самаго начала перемирия вышелъ за валъ и все ходилъ по лощинѣ, съ тупымъ любопытствомъ глядя на французовъ и на трупы, лежащіе на землѣ, и набиралъ полевые голубые цветы, которыми усыпана эта долина. Возвращаясь домой съ большимъ букетомъ, онъ, закрывъ носъ отъ запаха, который наносило на него вѣтромъ, остановился около кучки снесенныхъ тѣлъ и долго смотрѣлъ на одинъ страшный безголовый трупъ, бывшій ближе къ нему. Постоявъ довольно долго, онъ подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченѣвшей руки трупа. Рука покачнулась немнога. Онъ тронулъ ее еще разъ и крѣпче. Рука покачнулась немнога и опять стала на свое мѣсто. Мальчикъ вдругъ вскрикнулъ, спряталъ лицо въ цветы и во весь духъ побѣжалъ прочь, къ крѣпости.

Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цветущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блестить на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди,—христіане, исповѣдующіе одинъ великий законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистѣть орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.

Вотъ я и сказалъ, что хотѣль сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолѣваетъ меня. Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ-быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взвалтывать, чтобы не испортить его.

Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны.

Ни Калугинъ съ своею блестящею храбростью—bravoure de gentilhomme—и тщеславiemъ, двигателемъ всѣхъ поступковъ, ни Праскухинъ, пустой, безвредный человѣкъ, хотя и павшій на брані за вѣру, престолъ и отечество, ни Михайловъ съ своею застѣнчивостью, ни Пестъ, ребенокъ безъ твердыхъ убѣжденій и правилъ, не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти.

Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ АВГУСТЪ 1855 ГОДА.

І.

Въ концѣ августа, по большой ущелистой севастопольской дорогѣ, между Дуванкой *) и Бахчисараемъ, шагомъ, въ густой и жаркой пыли, ѿхала офицерская телѣжка (та особенная, больше нигдѣ не встрѣчаемая телѣжка, составляющая нѣчто среднее между жидовскою бричкой, русскою повозкой и корзинкой).

Въ повозкѣ, спереди, на карточкахъ, сидѣлъ денщикъ, въ наинковомъ сюртукѣ и сдѣлавшейся совершенно мягкою, бывшей офицерской фуражкѣ, подергивавшій вожками; сзади, на узлахъ и выюкахъ, покрытыхъ солдатскою шинелью, сидѣлъ пѣхотный офицеръ въ лѣтней шинели. Офицеръ былъ, сколько можно было заключить о немъ въ сидячемъ положеніи, не высокъ ростомъ, но чрезвычайно широкъ, и не столько отъ плеча до плеча, сколько отъ груди до спины; онъ былъ широкъ и плотенъ, шея и затылокъ были у него

*) Послѣдняя станція къ Севастополю.

очень развиты и напружены. Такъ называемой талии — по-рехвата въ срединѣ туловища — у него не было, но и живота тоже не было; напротивъ, онъ былъ скорѣе худъ, особенно въ лицѣ, покрытомъ нездоровымъ желтоватымъ загаромъ. Лицо его было бы красиво, если бы не какая-то одутловатость и мягкія, нестарческія, крупныя морщины, слившія и увеличившія черты и дававшія всему лицу общее выраженіе несвѣжести и грубости. Глаза у него были небольшіе, каріе, чрезвычайно бойкіе, даже наглые; усы очень густые, но не широкіе и обкусанные; а подбородокъ и особенно скулы покрыты были чрезвычайно крѣпкою, частою и черною двухдневною бородой. Офицеръ былъ раненъ 10 мая осколкомъ въ голову, на которой еще до сихъ поръ онъ носилъ повязку, и теперь, чувствуя себя уже съ недѣлю совершенно здоровымъ, изъ симферопольского госпиталяѣхалъ къ полку, который стоялъ гдѣ-то тамъ, откуда слышались выстрѣлы, — но въ самомъ ли Севастополѣ, на Сѣверной или на Инкерманѣ, онъ еще ни отъ кого не могъ узнать хорошенько. Выстрѣлы уже слышались, особенно иногда, когда не мѣшали горы или доносилъ вѣтеръ, чрезвычайно ясно, часто и, казалось, близко: то какъ будто взрывъ потрясалъ воздухъ и невольно заставлялъ вздрогивать, то быстро другъ за другомъ слѣдовали менѣе сильные звуки, какъ барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительнымъ гуломъ, то все сливалось въ какой-то перекатывающейся трескъ, похожій на громовые удары, когда гроза во всемъ разгарѣ и только что полилъ ливень. Всѣ говорили, да и слышно было, что бомбардированіе идетъ ужасное. Офицеръ погонялъ денщика: ему, казалось, хотѣлось какъ можно скорѣй прїѣхать. Навстрѣчу шелъ большой обозъ русскихъ мужиковъ, при-

возившихъ провіантъ въ Севастополь, и теперь шедшій от туда, наполненный болѣыми и ранеными солдатами въ сѣрыхъ шинеляхъ, матросами въ черныхъ пальто, волонтерами въ красныхъ фескахъ и ополченцами съ бородами. Офицерская повозка должна была остановиться въ густомъ, не-подвижномъ облакѣ пыли, поднятомъ обозомъ, и офицеръ, щурясь и морщась отъ пыли, набивавшейся ему въ глаза и уши, смотрѣлъ на лица больныхъ и раненныхъ, двигавшихся мимо него.

— А это съ нашей роты солдатикъ слабый, — сказалъ дѣньщикъ, оборачиваясь къ барину и указывая на повозку, наполненную ранеными, въ это время поравнявшуюся съ ними.

На повозкѣ, спереди, сидѣлъ бокомъ русскій бородачъ, въ поярковой шляпѣ, и, локтемъ придерживая кнутовище связывалъ кнутъ. За нимъ въ телѣгѣ тряслись человѣки пять солдатъ, въ разныхъ положеніяхъ. Одинъ, съ подвязанной рукой, съ шинелью въ накидку на рубахѣ, хотя худой и блѣдный, сидѣлъ бодро въ срединѣ телѣги и взялся было за шапку, увидавъ офицера, но потомъ, вспомнивъ, вѣрио, что онъ раненый, сдѣлалъ видъ, какъ будто только почесать голову. Другой рядомъ съ нимъ, лежалъ на самомъ днѣ повозки; видны были только двѣ руки, которыми онъ держался за грядки повозки, и поднятые колѣни, какъ мочалы, мотавшіяся въ разныя стороны. Третій, съ опухшимъ лицомъ и обвязаною головой, на которой сверху торчала солдатская шапка, сидѣлъ съ боку, спустивъ ноги къ колесу, и, облокотясь руками и колѣни, казалось, дремалъ. Къ нему-то и обратился проѣзжій офицеръ.

— Должниковъ! — крикнулъ онъ.

— Я-о! — отвѣчалъ солдатъ, открывая глаза и снимая фуражку, такимъ густымъ и отрывистымъ басомъ, какъ-будто человѣкъ двадцать солдатъ крикнули вмѣстѣ.

— Когда ты раненъ, братецъ?

Оловянные заплывшіе глаза солдата оживились: онъ, видимо, узналъ своего офицера.

— Здравія желаемъ, вашбородіе! — тѣмъ же отрывистымъ басомъ проговорилъ онъ.

— Гдѣ нынче полкъ стоитъ?

— Въ Сивастополѣ стояли, въ середу переходить ходыли, вашбородіе!

— Куда?

— Неизвѣстно... должно, на Сивѣрную, вашбородіе! Нынче, вашбородіе, — прибавилъ онъ протяжнымъ голосомъ и надѣвавъ шапку: — уже скрость палить сталъ, все больше съ бомбовъ, ажно въ бухту доноситъ; нынче такъ бьетъ, что бѣда, ажно...

Дальше нельзя было слышать, что говорилъ солдатъ; но по выраженію его лица и позы видно было, что онъ, съ некоторою злобой страдающаго человѣка, говорилъ вещи неутѣшительныя.

Проехжий офицеръ, поручикъ Козельцовъ, былъ офицеръ недюжинный. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые живутъ такъ-то и дѣлаютъ то-то потому, что такъ живутъ и дѣлаютъ другіе: онъ дѣлалъ все, что ему хотѣлось, а другіе ужъ дѣлали то же самое и были увѣрены, что это хорошо. Его натура была довольно богата мелкими дарами: онъ хорошо пѣлъ, игралъ на гитарѣ, говорилъ очень бойко и писаль весьма легко, особенно казенные бумаги, на которых набилъ

руку въ свою бытность баталіоннымъ адъютантомъ; но болѣе всего замѣчательна была его натура самолюбивою энергией, которая, хотя и болѣе всего основанная на этой мелкой даровитости, была сама по себѣ черта рѣзкая и поразительная. У него было одно изъ тѣхъ самолюбій, которое до такой степени слилось съ жизнью и которое чаще всего развивается въ однихъ мужскихъ и особенно военныхъ кружкахъ, что онъ не понималъ другого выбора, какъ первенствовать или уничтожаться, и что самолюбіе было двигателемъ даже его внутреннихъ побужденій: онъ самъ съ собой любилъ первенствовать надъ людьми, съ которыми себя сравнивалъ.

— Какъ же! очень буду слушать, что *москва* *) болтаетъ! пробормоталъ поручикъ, ощущая какую-то тяжесть апатіи на сердцѣ и туманность мыслей, оставленныхъ въ немъ видомъ транспорта раненыхъ и словами солдата, значеніе которыхъ невольно усиливалось и подтверждалось звуками бомбардированія.— *Смѣшина эта москва...* Пошелъ, Николаевъ! трогай же... Что ты заснулъ! — прибавилъ онъ нѣсколько ворчливо на деньгика, поправляя полы шинели.

Вожжи задергались, Николаевъ зачмокалъ, и повозка покатилась рысью.

— Только покормимъ минутку и сейчасъ, нынче же... дальше,— сказалъ офицеръ.

II.

Уже въѣзжая въ улицу развалинъ остатковъ каменныхъ стѣнъ татарскихъ домовъ Дуванки, поручикъ Козель-

*) Во многихъ армейскихъ полкахъ офицеры, полуупрекательно, полуласкательно, называютъ солдата *москва* или еще *присяга*.

цовъ быль задержанъ транспортомъ бомбъ и ядеръ, шедшихъ въ Севастополь и столпившихся на дорогѣ.

Два пѣхотныхъ солдата сидѣли въ самой пыли на камняхъ разваленаго забора, около дороги, и ъли арбузъ съ хлѣбомъ.

— Далече идете, землячекъ? — сказалъ одинъ изъ нихъ, пережевывая хлѣбъ, солдату, который, съ небольшимъ мѣшкомъ за плечами, остановился около нихъ.

— Въ роту идемъ изъ губерніи, — отвѣчалъ солдатъ, глядя въ сторону отъ арбуза и поправляя мѣшокъ за спиной. — Мы вотъ, почитай, что третью недѣлю при сѣнѣ ротномъ находились, а теперь вишь потребовали всѣхъ; да неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ полкъ находится въ теперешнее время. Сказываютъ, что на Корабельную заступили наша вѣрошлий недѣль. Вы не слыхали, господа?

— Въ городу, братъ, стоитъ, въ городу, — проговорилъ другой, старый фурштадтскій солдатъ, копавшій складнымъ ножомъ въ неспѣломъ, бѣлесомъ арбузѣ. — Мы вотъ только съ полдня оттелѣ идемъ. Такая страсть, братецъ ты мой!

— А что такъ, господа?

— Рази не слышишь, нынче кругомъ палитъ, ажъ и мѣста цѣлаго нѣть. Что нашего брата перебилъ, и сказать нельзя!

И говорившій махнулъ рукой и поправилъ шапку.

Прохожій солдатъ задумчиво покачалъ головой, почмокалъ языкомъ, потомъ досталь изъ голенища трубочку, не накладывая, расковырялъ пригорѣлый табакъ, зажегъ кусочекъ трута у курившаго солдата и приподнялъ шапочку.

— Никто, какъ Богъ, господа! прощенья просимъ! — сказалъ онъ и, встряхнувъ за спину мѣшокъ, пошелъ по дорогѣ.

— Эхъ, обождалъ бы лучше! — сказалъ убѣдительно ко-
вырвавшій арбузъ.

— Все одно! — пробормоталъ прохожій, пролѣзая между
колесъ столпившихся повозокъ.

III.

Станція была полна народомъ, когда Козельцовъ подъ-
ѣхалъ къ ней. Первое лицо, встрѣтившееся ему еще на
крыльцѣ, былъ худощавый, очень молодой человѣкъ, смот-
ритель, который продолжалъ перебраниваться съ слѣдовав-
шими за нимъ двумя офицерами.

— И не то, что трое сутокъ, и десятеро сутокъ подо-
ждете! и генералы ждутъ, батюшка! — говорилъ смотритель,
съ желаніемъ кольнуть проѣзжающихъ: — а я вамъ не за-
прягусь же.

— Такъ никому не давать лошадей, коли иѣту!... А за-
ѣмъ даль какому-то лакею съ вещами? — кричалъ старшій
изъ двухъ офицеровъ, со стаканомъ чаю въ рукахъ и видимо
избѣгая мѣстоименія, но давая чувствовать, что очень легко
и *ты* сказать смотрителю.

— Вѣдь вы сами разсудите, господинъ смотритель, — го-
ворилъ съ запинками другой, молоденький офицеръ, — памъ
не для своего удовольствія нужноѣхать. Вѣдь мы тоже,
стало-быть, нужны, коли насъ требовали. А то я, право, ге-
нералу иепремѣнно скажу. А то вѣдь это что жъ... вы, зна-
читъ, не уважаете офицерскаго званія.

— Вы всегда испортите! — перебилъ его съ досадою стар-
шій: — вы только мѣшаєте мнѣ; надо умѣть съ нимъ гово-
рить. Вотъ онъ и потерялъ уваженіе. Лошадей сю мину-
ту! — я говорю.

— И радъ бы, батюшка, да гдѣ ихъ взять-то?...

Смотритель помолчалъ немнога, и вдругъ разгорячился и размахивая руками, началъ говорить:

— Я, батюшка, самъ понимаю и все знаю; да что ста-
нете дѣлать! Вотъ дайте мнѣ только (на лицахъ офицеровъ
выразилась надежда)... дайте только до конца мѣсяца до-
житъ — и меня здѣсь не будетъ. Лучше на Малаховъ кур-
ганъ пойду, чѣмъ здѣсь оставаться, ей-Богу! Пусть дѣлаютъ,
какъ хотятъ. На всей станціи теперь ни одной повозки крѣп-
кой нѣтъ, и клочка сѣна ужъ третій день лошади не видали.

И смотритель скрылся въ воротахъ.

Козельцовъ вмѣстѣ съ офицерами вошелъ въ комнату.

— Что жъ! — совершенно спокойно сказалъ старшій оди-
церь младшему, хотя за секунду предъ тѣмъ онъ казался
разъяреннымъ: — ужъ три мѣсяца єдемъ, подождемъ еще. Не
бѣда — успѣемъ.

Дымная, грязная комната была такъ полна офицерами и
чемоданами, что Козельцовъ едва нашелъ мѣсто на окнѣ,
гдѣ и присѣлъ; вглядываясь въ лица и вслушиваясь въ раз-
говоры, онъ началъ дѣлать папироску. Направо отъ двери,
около кривого сального стола, на которомъ стояло два само-
вара съ позеленѣлою кое-гдѣ мѣдью и разложенъ былъ са-
харъ въ разныхъ бумагахъ, сидѣла главная группа: моло-
дой безусый офицеръ, въ новомъ, стеганомъ архалукѣ, на-
ливавъ чайникъ; человѣка четыре такихъ же молоденькихъ
офицеровъ находились въ разныхъ углахъ комнаты: одинъ
изъ нихъ, подложивъ подъ голову какую-то шубу, спалъ на
диванѣ; другой, стоя у стола, рѣзаль жареную баранину без-
рукому офицеру, сидѣвшему у стола. Два офицера, одинъ —
въ адъютантской шинели, другой — въ пѣхотной, но тонкой,

и съ сумкой черезъ плечо, сидѣли около лежанки, и, по одному тому, какъ они смотрѣли на другихъ и какъ тотъ, который былъ съ сумкой, курилъ сигару, видно было, что они не фронтовые пѣхотные офицеры, и что они довольны этимъ. Не то, чтобы видно было презрѣніе въ ихъ манерѣ, но какое-то самодовольное спокойствіе, основанное частью на деньгахъ, частью на близкихъ сношеніяхъ съ генералами — сознаніе превосходства, доходящаго даже до желанія скрыть его. Еще молодой, губастый докторъ и артиллеристъ съ нѣмецкою физіономіей сидѣли почти на ногахъ молодого офицера, спавшаго на диванѣ, и считали деньги. Человѣка четыре денъщиковъ — одни дремали, другіе возились съ чепотками и узлами около двери. Козельцовъ между всѣми лицами не напелъ ни одного знакомаго; но онъ съ любопытствомъ сталъ вслушиваться въ разговоры. Молодые офицеры, которые, какъ онъ тотчасъ же по одному виду рѣшилъ, только что ѿхали изъ корпуса, понравились ему и, главное, напомнили, что братъ его, тоже изъ корпуса, на дняхъ долженъ былъ прїѣхать въ одну изъ батарей Севастополя. Въ офицерѣ же съ сумкой, котораго лицо онъ видѣлъ гдѣ-то, ему все казалось противно и нагло. Онъ даже съ мыслью: «осадить его, если бъ онъ вздумалъ что-нибудь сказать», перешелъ отъ окна къ лежанкѣ и сѣлъ на нее. Вообще, какъ чистый фронтовой и хороший офицеръ, не любилъ онъ штабныхъ, за которыхъ съ первого взгляда призналъ этихъ двухъ офицеровъ.

IV

— Однако, это ужасно какъ досадно, — говорилъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, что такъ уже близко, а нельзя

доѣхать. Можетъ-быть, нынче будеть дѣло, а нась не бу-
детъ.

Въ пискливомъ тонѣ голоса и въ пятновидномъ свѣжемъ
румяниї, набѣжавшемъ на молодое лицо этого офицера въ
то время, какъ онъ говорилъ, видна была эта милая моло-
дая робость человѣка, который безпрестанно боится, что не
такъ выходитъ его каждое слово.

Безрукій офицеръ съ улыбкой посмотрѣлъ на него.

— Постѣете еще, повѣрьте,—сказалъ онъ.

Молодой офицеръ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на исхуда-
лое лицо безрукаго, неожиданно просвѣтлѣвшее улыбкою,
замолчалъ и снова занялся чаемъ. Дѣйствительно, въ лишь
безрукаго офицера, въ его позѣ и особенно въ его пустомъ
рукавѣ шинели выражалось много того спокойнаго равно-
душія, которое можно объяснить такъ, что при всякомъ
дѣлѣ или разговорѣ онъ смотрѣлъ, какъ-будто говоря: „все
это прекрасно, все это я знаю и все это я могу сдѣлать,
если бъ я захотѣлъ только“.

— Какъ же мы рѣшимъ, — сказалъ снова молодой офи-
церъ своему товарищу въ архалукѣ: — ночуемъ здѣсь или
поѣдемъ на своей лошади.

Товарищъ отказалсяѣхать.

— Вы можете себѣ представить, капитанъ,—продолжалъ
разливавшій чай, обращаясь къ безрукому и поднимая по-
жись, который уронилъ totъ, — намъ сказали, что лошади
ужасно дороги въ Севастополь, мы и купили сообща лошадь
въ Симферополь.

— Дорого, я думаю, съ васъ содрали?

— Право, не знаю, капитанъ; мы заплатили съ повозкой
девяносто рублей. Это очень дорого?—прибавилъ онъ, обра-

щаясь ко всемъ и къ Козельцову, который смотрѣлъ на него.

— Недорого, коли молодая лошадь,—сказалъ Козельцовъ.

— Неправда ли? а намъ говорили, что дорого... Только она хромая немножко, но это пройдетъ. Намъ говорили, она крѣпкая така.

— Вы изъ какого корпуса? — спросилъ Козельцовъ, который хотѣлъ узнать о братѣ.

— Мы теперь изъ дворянскаго полка, настъ шесть человѣкъ, мы всѣ ѣдемъ въ Севастополь по собственному желанію,—говорилъ словоохотливый офицерикъ: — только мы не знаемъ, гдѣ наши батареи: одни говорятъ, что въ Севастополь, а вотъ они говорили, что въ Одесѣ.

— Въ Симферополь развѣ нельзѧ было узнать? — спросилъ Козельцовъ.

— Не знаютъ... Можете себѣ представить, напрѣкъ товарищъ ходилъ тамъ въ канцелярію: ему грубостей наговорили... можете себѣ представить, какъ непрѣятно... Угодно вамъ готовую папироску, — сказалъ онъ въ это время безрукому офицеру, который хотѣлъ достать свою сигарочницу.

Онъ съ какимъ-то подобострастнымъ восторгомъ услуживалъ ему.

— А вы тоже изъ Севастополя? — продолжалъ онъ. — Ахъ, Боже мой, какъ это удивительно! Вѣдь какъ мы всѣ въ Петербургѣ думали о васъ, о всѣхъ герояхъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ Козельцову съуваженіемъ и добродушной лаской.

— Какъ же, вамъ, можетъ, назадъ придется ѻхать? — спросилъ поручикъ.

— Вотъ этого-то мы и боимся. Можете себѣ представить,

что мы, какъ купили лошадь и обзавелись всѣмъ нужнымъ — кофейникъ спиртовой и еще разныя мелочи необходимыя, — у насъ денегъ совсѣмъ не осталось, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ и оглядываясь на своего товарища: — такъ что, если ъхать назадъ, мы ужъ и не знаемъ, какъ быть.

— Развѣ вы не получили подъемныхъ денегъ? — спросилъ Козельцовъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ шепотомъ: — только намъ обѣщали тутъ дать.

— А свидѣтельство у васъ есть?

— Я знаю, что главное — свидѣтельство, но мнѣ въ Москвѣ сенаторъ одинъ — онъ мнѣ дядя — какъ я у него былъ, сказалъ, что тутъ дадутъ: а то бы онъ самъ мнѣ далъ. Такъ дадутъ тамъ?

— Непремѣнно дадутъ.

— И я думаю, что тамъ дадутъ, — сказалъ онъ такимъ тономъ, который доказывалъ, что, спрашивая на тридцати станціяхъ одно и то же и вездѣ получая различные отвѣты, онъ уже никому не вѣрилъ хорошенько.

V.

— Кто борщу требовалъ? — провозгласила довольно грязная **хозяйка**, толстая женщина лѣтъ сорока, съ миской щей входя въ комнату.

Разговоръ тотчасъ же замолкъ, и всѣ, бывшіе въ комнатѣ, устремили глаза на харчевницу. Одинъ офицеръ даже подмигнулъ на нее другому.

— Ахъ, это Козельцовъ спрашивалъ, — сказалъ молодой офицеръ: — надо его разбудить. Вставай обѣдать, ска-

залъ онъ, подходя къ спавшему на диванѣ и толкая его за плечо.

Молодой мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ веселыми черными глазами и румянцемъ во всю щеку, вскочилъ энергически съ дивана и, протирая глаза, остановился по серединѣ комнаты.

— Ахъ, извините, пожалуйста, — сказалъ онъ доктору, котораго, вставая, толкнуль.

Поручикъ Козельцовъ тотчасъ же узналъ брата и подошелъ къ нему.

— Не узнаешь? — сказалъ онъ, улыбаясь.

— А-а-а! — закричалъ меньшой братъ: — вотъ удивительно! — и сталъ цѣловать брата.

Они поцѣловались три раза, но на третьямъ разѣ запнулись, какъ-будто обоимъ пришла мысль: зачѣмъ же непремѣнно нужно три раза?

— Ну, какъ я радъ! — сказалъ старшій, вглядываясь въ брата. — Пойдемъ на крыльцо — поговоримъ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Я не хочу борщу... ёшь ты, Федерсонъ! — сказалъ онъ товарищу.

— Да вѣдь ты хотѣлъ ёсть.

— Не хочу ничего.

Когда они вышли на крыльцо, меньшой все спрашивалъ у брата: „ну, что ты, какъ, рассказалъ“, и все говорилъ, какъ онъ радъ его видѣть, но самъ ничего не рассказывалъ.

Когда прошло минутъ пять, во время которыхъ они успѣли помолчать немного, старшій братъ спросилъ, отчего меньшой вышелъ не въ гвардію, какъ этого все ожидали.

— Поскорѣе въ Севастополь хотѣлось: вѣдь если здѣсь

счастливо пойдегъ, такъ можно еще скорѣе выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ такъ въ два года изъ подполковниковъ бывшіе генералы. Ну, а убютъ, такъ что жь дѣлать!

— Вотъ ты какой! — сказалъ братъ, улыбаясь.

— А главное, знаешь ли что, братъ, — сказалъ меньшой, улыбаясь и краснѣя, какъ-будто сбирался сказать что-нибудь очень стыдное: — все это пустяки; главное я затѣмъ просилъся, что все-таки какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ умираютъ за отечество. Да и съ тобой мнѣ хотѣлось быть, — прибавилъ онъ еще застѣнчивѣе.

— Какой ты смѣшной! — сказалъ старшій братъ, доставая папиросницу и не глядя на него. — Жалко только, что мы не вмѣстѣ будемъ.

— А что, скажи по правдѣ, страшно на бастіонахъ? — спросилъ вдругъ младшій.

— Сначала страшно, потомъ привыкнешь — ничего. Самъ увидишь.

— А вотъ еще что скажи: какъ ты думаешьъ, возьмутъ Севастополь? Я думаю, что ни за что не возьмутъ.

— Богъ знаетъ.

— Одно только досадно... Можешь вообразить, какое несчастіе; у насъ вѣдь дорогой цѣлый узелъ украли, и у меня въ немъ киверъ былъ, такъ что я теперь въ ужасномъ положеніи и не знаю, какъ я буду являться.

Козельцовъ второй, Владимиръ, былъ очень похожъ на брата Михайлу, но похожъ такъ, какъ похожъ распускающейся розанѣ на отцвѣтшій шиповникъ. Волоса у него были тоже русые, но густые и вьющіеся на вискахъ. На бѣломъ, нѣжномъ затылкѣ у него была русая косичка —

признакъ счастія, какъ говорятьъ нянюшки. По нѣжному, бѣлому цвѣту кожи лица не стояль, а вспыхивалъ, выдавалъ всѣ движенія души, полнокровный молодой румянецъ. Тѣ же глаза, какъ и у брата, были у него открытѣе и свѣтлѣе, что особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкою влагой. Русый пушекъ пробивался по щекамъ и надѣлъ красными губами, весьма часто складывавшимися въ застѣнчивую улыбку и открывавшими бѣлые блестящіе зубы. Стройный, широкоплечій, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой виднѣлась красная рубашка съ косымъ воротомъ, съ папироской въ рукахъ, облокотясь на перила крыльца, съ наивной радостью въ лицѣ и жестѣ, какъ онъ стояль передъ братомъ, это былъ такой пріятно-хорошенький мальчикъ, что все бы такъ и смотрѣль на него. Онъ чрезвычайно радъ былъ брату, съ уваженіемъ и гордостью смотрѣль на него, воображая его героемъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ разсужденіи свѣтскаго образованія, умѣнья говорить по-французски, быть въ обществѣ важныхъ людей, танцевать и т. д., онъ немножко стыдился за него, смотрѣль свысока и даже надѣялся, ежели можно, образовать его. Всѣ впечатлѣнія его еще были изъ Петербурга, изъ дома одной барыни, любившей хорошенькихъ и бравшей его къ себѣ на праздники, и изъ дома сенатора въ Москвѣ, где онъ разъ танцевалъ на большомъ балѣ.

VI.

Наговорясь почти досыта и дойдя наконецъ до того чувства, которое часто испытываешь, что общаго мало, хотя и любишь другъ друга, братья помолчали довольно долго.

— Такъ бери же свои вещи и ъдемъ сейчасъ,—сказалъ старшій.

Младшій вдругъ покраснѣлъ и замялся.

— Прямо въ Севастополь ъхать? — спросилъ онъ, послѣ минуты молчанія.

— Ну да. Вѣдь у тебя немного вещей, я думаю уложимъ.

— Прекрасно! сейчасъ и пойдемъ, — сказалъ младшій со вздохомъ и пошелъ въ комнату.

Но, не отворяя двери, онъ остановился въ сѣпяхъ, печально опустивъ голову, и началъ думать:

„Сейчасъ прямо въ Севастополь, подъ бомбы... ужасно! Однако, все равно, когда нибудь надо же было. Теперь, по крайней мѣрѣ, съ братомъ...“

Дѣло въ томъ, что только теперь, при мысли, что, сѣвъ въ телѣжку, онъ, не вылѣзая изъ нея, будетъ въ Севастополь, и что никакая случайность уже не можетъ задержать его, ему ясно представилась опасность, которой онъ искалъ, и онъ смущился при одной мысли о близости ея. Кое-какъ успокоивъ себя, онъ вошелъ въ комнату; но прошло четверть часа, а онъ все не выходилъ къ брату, такъ что этотъ послѣдній отворилъ, наконецъ, дверь, чтобы вызвать его. Меньшой Козельцовъ, въ положеніи провинившагося школьніка, говорилъ о чёмъ-то съ офицеромъ П. Когда братъ отворилъ дверь, онъ совершенно растерялся.

— Сейчасъ, сейчасъ я выйду! — заговорилъ онъ, махая рукой брату.—Подожди меня, пожалуйста, тамъ.

Черезъ минуту онъ выпелъ, дѣйствительно, и съ глубокимъ вздохомъ подошелъ къ брату.

— Можешь себѣ представить, я не могу съ тобой ъхать, братъ,—сказалъ онъ.

— Какъ? что за вздорь!

— Я тебѣ всю правду скажу, Миша! У насъ ужъ ни у кого денегъ нѣть, и мы все должны этому штабсъ-капитану, что ты тамъ видѣлъ. Ужасно стыдно!

Старшій братъ нахмурился и долго не прерывалъ молчанія.

— Много долженъ? — спросилъ онъ, исподлобья взглядывая на брата.

— Много... нѣть, не очень много; но совсѣмъ ужасно. Онъ на трехъ станціяхъ за меня платилъ, и сахаръ все его шелъ... такъ что я не знаю... да и въ преферансъ мы играли... я ему немножко остался долженъ.

— Это скверно, Володя! Ну что бы ты сдѣлалъ, если бы меня не встрѣтилъ? — сказалъ строго, не глядя на брата, старшій.

— Да я думалъ, братецъ, что получу эти подъемныя въ Севастополь, такъ отдамъ. Вѣдь можно такъ сдѣлать; да и лучше ужъ завтра я съ нимъ пріѣду.

Старшій братъ досталъ кошелекъ и съ нѣкоторымъ дрожаніемъ пальцевъ досталъ оттуда двѣ десятирублевые и одну трехрублевую бумажку.

— Вотъ мои деньги,—сказалъ онъ.—Сколько ты долженъ?

Сказавъ, что это были все его деньги, Козельцовъ говорилъ не совсѣмъ правду: у него было еще четыре золотыхъ, запитыхъ на всякий случай въ обшлагъ, но которыхъ онъ далъ себѣ слово ни за что не трогать.

Оказалось, что Козельцовъ и съ преферансомъ, и сахаромъ былъ долженъ только восемь рублей. Старшій братъ далъ ихъ ему, замѣтивъ только, что этакъ нельзя, когда денегъ нѣть, еще въ преферансъ играть.

— На что жъ ты играль.

Младший братъ не отвѣчалъ ни слова. Вопросъ брата показался ему сомнѣніемъ въ его честности. Досада на самого себя, стыдъ въ поступкѣ, который могъ подавать такія подозрѣнія, и оскорблѣніе отъ брата, котораго онъ такъ любилъ, произвели на впечатлительную натуру такое сильное, болѣзненное чувство, что онъ ничего не отвѣчалъ. Чувствуя, что не въ состояніи будетъ удержаться отъ слезливыхъ звуковъ, которые подступали ему къ горлу, онъ взялъ не глядя деньги и пошелъ къ товарищамъ.

VII.

Николаевъ, подкрѣпившій себя въ Дуванкѣ двумя крышками водки, купленными у солдата, продававшаго ее на мосту, подергивалъ вожжами, повозка подпрыгивала по каменной, кое-гдѣ тѣнистой дорогѣ, ведущей вдоль Бельбека къ Севастополю, а братья, поталкиваясь нога объ ногу, хотя всякую минуту думали другъ о другѣ, упорно молчали.

„Зачѣмъ онъ меня оскорбилъ,—думалъ менышой,—развѣ онъ не могъ не говорить про это? Точно, какъ будто онъ думалъ, что я воръ, да и тѣнерь, кажется сердится, такъ что мы ужъ навсегда разстроились. А какъ бы намъ славно было вдвоемъ въ Севастополѣ! Два брата, дружные между собой, оба сражаются съ врагомъ: одинъ старшій уже, хотя не очень образованный, но храбрый воинъ, и другой молодой... но тоже молодецъ... Черезъ недѣлю я бы всѣмъ доказалъ, что я ужъ не очень молоденький! Я и краснѣть перестану, въ лицѣ будетъ мужество, да и усы небольшіе, но порядочные вырастутъ къ тому времени,—и онъ

ущинулъ себя за пушокъ, показавшися у краевъ рта.
„Можетъ-быть, мы нынче прѣдемъ и сейчасъ же попадемъ
въ дѣло, вмѣстѣ съ братомъ. А онъ долженъ быть упорный
и очень храбрый, такой, что много не говоритъ, а дѣлаетъ
лучше другихъ. Я бы желалъ знать,—продолжалъ онъ,—на-
рочно или иначе онъ прижимаетъ меня къ самому краю по-
возки. Онъ, вѣрно, чувствуетъ, что мнѣ неловко, и дѣлаетъ
видъ, что будто не замѣчаетъ меня. Вотъ мы нынче прї-
ѣдемъ,—продолжалъ онъ разсуждать, прижимаясь къ краю
повоzки и боясь пошевелиться, чтобы не дать замѣтить брату,
что ему неловко,—и вдругъ прямо на бастіонъ: я съ оружи-
ми, а братъ съ ротой, и вмѣстѣ пойдемъ. Только вдругъ
французы бросаются на насъ. Я стрѣлять, стрѣлять: перебью
ужасно много; но они все-таки бѣгутъ прямо на меня. Ужъ
стрѣлять нельзя, и, конечно, мнѣ иѣть спасенія; только
вдругъ братъ выбѣжитъ впередъ съ саблей, и я схвачу
ружье, и мы вмѣстѣ съ солдатами побѣжимъ. Французы бро-
сятся на брата. Я побѣгу, убью одного француза, другого
и спасаю брата. Меня ранятъ въ одну руку, я схвачу ружье
въ другую и все-таки бѣгу. Только брата убьютъ пулей под-
лѣ меня; я остановлюсь на минутку, посмотрю на него этакъ
грустно, поднимусь и закричу: „за мнай! отмстимъ! Я лю-
биль брата больше всего на свѣтѣ,—я скажу,—и потерялъ
его. Отмстимъ, уничтожимъ враговъ или всѣ умремъ тутъ!”
Всѣ закричатъ, бросятся за мнай. Тутъ все войско фран-
цузское выйдетъ, самъ Пелиссье. Мы всѣхъ перебьемъ; но,
наконецъ, меня ранятъ другой разъ, третій разъ, и я упаду
при смерти. Тогда всѣ прибѣгутъ ко мнѣ. Горчаковъ при-
деть и будетъ спрашивать, чего я хочу. Я скажу, что ни-
чего не хочу,—только чтобы меня положили рядомъ съ бра-

томъ, что я хочу умереть съ нимъ. Меня принесутъ и положатъ подлѣ окровавленного трупа брата. Я приподнимусь и скажу только: „да, вы не умѣли цѣнить двухъ человѣкъ, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да простить вамъ Богъ!“ и умру“.

Кто знаетъ, въ какой мѣрѣ сбудутся эти мечты!

— Что, ты былъ когда-нибудь въ схваткѣ? — спросилъ онъ вдругъ у брата, совершенно забывъ, что не хотѣлъ говорить съ нимъ.

— Нѣтъ, ни разу,—отвѣчалъ старшій,—у насъ двѣ тысячи человѣкъ изъ полка выбыло, все на работахъ, и я раненъ тоже на работе. Война совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ ты думаешь, Володя!

Слово „Володя“ тронуло меньшаго брата: ему захотѣлось объясниться съ братомъ, который вовсе и не думалъ, что оскорбилъ Володю.

— Ты на меня не сердишься, Миша? — сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— За что?

— Нѣтъ, такъ... что у насъ было такъ... ничего.

— Нисколько,—отвѣчалъ старшій, поворачиваясь къ нему и похлопывая его по ногѣ.

— Такъ ты меня извини, Миша, если я тебя огорчилъ.

И меньшой братъ отвернулся, чтобы скрыть слезы, которые вдругъ выступили у него изъ глазъ.

VIII.

— Неужели это уже Севастополь? — спросилъ меньшой братъ, когда они поднялись на гору.

И передъ ними открылись бухта съ мачтами кораблей, море съ непріятельскимъ далекимъ флотомъ, бѣлыя приморскія батареи, казармы, водопроводы, доки и строенія города, и бѣлыя, лиловыя облака дыма, безпрестанно поднимавшіяся по желтымъ горамъ, окружающимъ городъ и стоявшимъ въ синемъ небѣ, при розоватыхъ лучахъ солнца, уже съ блескомъ отражавшагося и спускавшагося къ горизонту темнаго моря.

Володя безъ малѣйшаго содроганія увидѣлъ это страшное мѣсто, про которое онъ такъ много думалъ; напротивъ, онъ съ эстетическимъ наслажденіемъ и героическимъ чувствомъ самодовольства, что вотъ и онъ черезъ полчаса будетъ тамъ, смотрѣль на это, дѣйствительно, прелестно - оригинальное зрѣлище, и смотрѣль съ сосредоточеннымъ вниманіемъ до самого того времени, пока они не прѣѣхали на Сѣверную, въ обозъ полка брата, гдѣ должны были узнать павѣриое о мѣстѣ расположенія полка и батареи.

Офицеръ, завѣдывавшій обозомъ, жилъ около такъ называемаго новаго городка, — досчатыхъ бараковъ, построенныхъ матросскими семействами, въ палаткѣ, соединенной съ довольно большими балаганомъ, построеннымъ изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтокъ, не успѣвшихъ еще совершенно засохнуть.

Братья застали офицера передъ грязнымъ столомъ, на которомъ стоялъ стаканъ холоднаго чаю, подносъ съ водкой и крошками сухой икры и хлѣба, въ одной желтовато-грязной рубашкѣ, считающаго на большихъ счетахъ огромную кипу ассигнацій. Но прежде, чѣмъ говорить о личности офицера и его разговорѣ, необходимо пристально взглянуть на внутренность его балагана и познакомиться хотя пемногого съ его образомъ жизни и занятіями. Новый балаганъ былъ такъ

великъ, прочно заплетеиъ и удобно построенъ, со столика-ми и лавочками, плетеными изъ дерна, какъ строять только для генераловъ или полковыхъ командировъ; бока и верхъ, чтобы листъ не сыпался, были завѣшены тремя коврами, хотя весьма уродливыми, но новыми и, вѣро, дорогими. На **желѣзной** кровати, стоявшей подъ главнымъ ковромъ, съ изображеніемъ на ней амазонкой, лежали плюшевое, ярко-красное одѣяло, грязная прорванная подушка и спотовая шуба; на столѣ стояло зеркало въ серебряной рамѣ, серебряная, ужасно грязная щетка, изломанный, набитый масляными волосами роговой гребень, серебряный подсвѣчникъ, бутылка ликера, съ золотымъ, краснымъ, огромнымъ ярлыкомъ, золотые часы съ изображеніемъ Петра I, два золотыхъ пера, коробочка съ какими-то капсюлями, корка хлѣба и набросанныя старыя карты, и пустыя и полныя бутылки подъ кроватью. Офицеръ этотъ завѣдывалъ обозомъ полка и проводольствиемъ лошадей. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ его большой пріятель, комиссіонеръ, занимающійся операциями. Онъ въ то время, какъ вошли братья, спалъ въ палаткѣ, обозный же офицеръ дѣлалъ счеты казенныхъ денегъ передъ концомъ мѣсяца. Наружность обознаго офицера была очень красивая и воинственная: большой ростъ, большие усы, благородная плотность. Непріятны были въ немъ только какая-то потность и опухлость всего лица, почти скрывающая маленькие сѣрые глаза (какъ-будто онъ весь былъ налитъ портеромъ), и чрезвычайная нечистоплотность, отъ жидкихъ масляныхъ волосъ до большихъ босыхъ ногъ въ какихъ-то горностаевыхъ туфляхъ.

— Денегъ-то, денегъ-то! — сказалъ Козельцовъ 1-й, входя въ балаганъ и съ невольною жадностью устремляя глаза на

кучу ассигнацій: — хоть бы половину взаймы дали, Василій Михайлыч!

Обозный офицеръ покоробился, увидавъ гостя и, сбирая деньги, не поднимаясь, поклонился.

— Охъ, коли бы мои были! казенные, батюшка... А это кто съ вами?—сказалъ онъ, укладывая деньги въ шкатулку, которая стояла около него, и глядя на Володю.

— Это мой братъ, изъ корпуса прѣхалъ. Да вотъ мы заѣхали узнать у васъ, гдѣ полкъ стоитъ.

— Садитесь, господа,—сказалъ онъ, вставая, не обращая вниманія на гостей и уходя въ палатку.—Выпить не хотите ли? портерку, можетъ-быть?—сказалъ онъ.

— Не мѣшаетъ, Василій Михайлыч!

Володя былъ пораженъ величиемъ обознаго офицера, его небрежною манерой и уваженіемъ, съ которымъ обращался къ нему братъ.

„Должно-быть, это очень хороший у нихъ офицеръ, кото-
раго всѣ почитаютъ: вѣрно, простой, но гостепріимный и
храбрый“, подумалъ онъ, скромно и робко садясь на диванъ.

— Такъ гдѣ же нашъ полкъ стоитъ? — спросилъ черезъ палатку старшій братъ.

— Что?

Онъ повторилъ вопросъ.

— Нынче у меня Зейферъ былъ: онъ рассказывалъ, что перешли на пятый бастіонъ.

— Навѣрио?

— Коли я говорю, стало-быть вѣрно; а впрочемъ, чортъ его знаетъ! Онъ и соврать не дорого возьметъ. Что жъ, будете портеръ пить? — сказалъ обозный офицеръ, все изъ-за палатки.

— А пожалуй, выпью,—сказалъ Козельцовъ.

— А вы выпьете, Осипъ Игнатьевичъ?—продолжалъ голосъ въ палаткѣ, вѣрно, обращаясь къ спавшему комиссіонеру.— Полноте спать: ужъ пятый часъ.

— Чѣдѣ вы пристаете ко мнѣ! я не сплю,—отвѣчалъ лѣнивый тоненскій голосокъ.

— Ну, вставайте: мнѣ безъ васъ скучно.

И обозный офицеръ вышелъ къ гостямъ.

— Дай портеру симферопольскаго!—крикнулъ онъ.

Деньщикъ, съ гордымъ выражениемъ лица, какъ показалось Володѣ, вошелъ въ балаганъ и, толкнувъ Володю, досталъ портеръ изъ-подъ лавки.

Бутылка портера уже была выпита и разговоръ продолжался довольно долго въ томъ же родѣ, когда полы палатки распахнулись, и изъ нея выступилъ невысокій, свѣжій мужчина, въ синемъ халатѣ съ кисточками, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой. Онъ явился, поправляя свои черные усы, и, глядя куда-то на коверъ, едва замѣтнымъ движениемъ плеча отвѣтилъ на поклоны офицеровъ.

— Да-ка и я выпью стаканчикъ!—сказалъ онъ, садясь подъ стола.—Чѣдѣ это, вы изъ Петербурга ѿдете, молодой человѣкъ?—сказалъ онъ, ласково обращаясь къ Володѣ.

— Да-сть, въ Севастополь єду.

— Сами просились?

— Да-сть.

— И чѣдѣ вамъ за охота, господа! я не понимаю!—продолжалъ комиссіонеръ.—Я бы теперь, кажется, пѣшкомъ готовъ уйти, если бы пустили, въ Петербургъ. Опостылѣла, ей-Богу, эта жизнь проклятая!

— Чѣмъ же тутъ плохо вамъ?—сказалъ старшій Ко-

зельцовъ, обращаясь къ нему: — еще вамъ бы не жизнь здѣсь!

Комиссіонеръ посмотрѣлъ на него и отвернулся.

— Эта опасность, лишенія, ничего достать нельзя,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Володѣ.—И что вамъ за охота, я рѣшительно васъ не понимаю, господа! Хоть бы выгоды какія-нибудь были, а то такъ. Ну, хорошо ли это, въ ваши лѣта, вдругъ останетесь калѣкой на всю жизнь?

— Кому нужны доходы, а кто изъ чести служить! — съ досадой въ голосѣ опять вмѣшался Козельцовъ старшій.

— Что за честь, когда нечего ѿстѣ! — презрительно смѣясь, сказалъ комиссіонеръ, обращаясь съ обозному офицеру, который тоже засмѣялся при этомъ.—Заведи-ка изъ „Лучшій“: мы послушаемъ, — сказалъ онъ, указывая на коробочку съ музыкой: — я люблю ее.

— Что, онъ хороший человѣкъ, этотъ Василій Михайлович? — спросилъ Володя у брата, когда они, уже въ сумерки, вышли изъ балагана и поѣхали дальше къ Севастополю.

— Ничего, только такъ скупъ, что ужасъ! А комиссіонера этого я видѣть не могу, я его побью когда-нибудь.

IX.

Володя не то чтобы былъ не въ духѣ, когда, уже почти ночью, подѣзжалъ къ большому мосту чрезъ бухту, но онъ ощущалъ какую-то тяжесть на сердцѣ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, было такъ мало сообразно съ его прошедшими, недавними впечатлѣніями: паркетная свѣтлая, большая зала экзамена, веселые, добрые голоса и смѣхъ товарищей, новый мундиръ, любимый царь, котораго онъ

семь лѣтъ привыкъ видѣть, и который, прощаюсь съ ними, со слезами называлъ ихъ дѣтьми своими,—и такъ мало все, что онъ видѣлъ, было похоже на его прекрасныя, радужныя, великодушныя мечты.

— Ну, вотъ мы и прѣѣхали! — сказалъ старшій братъ, когда они подъѣхали къ Михайловской батареѣ, выйдя изъ повозки. — Если насъ пропустятъ по мосту, мы сейчасъ же пойдемъ въ Николаевскія казармы. Ты тамъ останься до утра, а я пойду въ полкъ—узнаю, гдѣ твоя батарея стоитъ, и завтра приду за тобой.

— Зачѣмъ же? лучше вмѣстѣ пойдемъ,—сказалъ Володя.—И я пойду съ тобой на бастіонъ. Вѣдь уже все равно: привыкать надо. Если ты пойдешь, и я могу.

— Лучше неходить.

— Нѣтъ, пожалуйста: я, по крайней мѣрѣ, узнаю, какъ...

— Мой советъ: неходить, а пожалуй...

Небо было чисто и темно; звѣзды и безпрестанно движущіеся огни бомбъ и выстрѣловъ уже ярко свѣтились во мракѣ. Большое бѣлое зданіе батареи и начало моста выдавались изъ темноты. Буквально, каждую секунду нѣсколько орудейныхъ выстрѣловъ и взрывовъ, быстро слѣдуя другъ за другомъ, или вмѣстѣ, громче и отчетливѣе потрясали воздухъ. Изъ-за этого гула, какъ-будто вторя ему, слышалось пасмурное ворчаніе бухты. Съ моря тянулся вѣтерокъ и пахло сыростью. Братья подошли къ мосту. Какой-то ополченецъ стукнулъ пеловко ружьемъ на руку и крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Солдатъ.

— Не велѣно пущать!

— Да какъ же? намъ нужно.

— Офицера спросите.

Офицеръ, дремавшій, сидя на якорѣ, приподнялся и велѣлъ пропустить.

— Туда можно, оттуда нельзя. Куда лѣзешь? всѣ разомъ!—крикнулъ онъ на полковыя повозки, высоко наложенные турками, которыхъ толпились у выѣзда.

Спускаясь на первый понтонъ, братья столкнулись съ солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

— Когда онъ амуничныя получилъ, значитъ, онъ въ разсчетѣ съ полнотью—вотъ что.

— Эхъ, братцы!—сказалъ другой голосъ:—какъ на Сѣверную перевалишь, свѣтъ увидишь, ей-Богу! совсѣмъ воздухъ другой.

— Говори больше!—сказалъ первый:—намеднись тутъ же прилетѣла окаянная: двумъ матросамъ ноги пообрала, такъ...

Братья прошли первый понтонъ, дожидаясь повозки, и остановились на второмъ, который мѣстами уже заливало водой. Вѣтеръ, казавшійся слабымъ въ полѣ, здѣсь былъ весьма силенъ и порывистъ; мостъ качало, и волны, съ шумомъ ударяясь о бревна и разрѣзаясь на якоряхъ и канатахъ, заливали доски. Направо туманно-враждебно шумѣло и чернѣло море, отдѣляясь безконечною, ровною, черной линіей отъ звѣзднаго, свѣтло-сѣроватаго въ сіянніи горизонта; далеко гдѣ-то свѣтились огни на непріятельскомъ флотѣ; нальво чернѣла темная масса нашего корабля и слышались удары волнъ о борта его; виднѣлся пароходъ, шумно и быстро двигающійся отъ Сѣверной. Огонь разорвавшійся около него бомбы освѣтилъ мгновенно wysoko нава-

ленные туры на палубъ, двухъ человѣкъ, стоящихъ на верху, и бѣлую пѣну и брызги зеленоватыхъ волнъ, разрѣзанныхъ пароходомъ. У края моста сидѣль, опустивъ ноги въ воду, какой-то человѣкъ въ одной рубахѣ и чинилъ что-то въ pontonъ. Впереди, надъ Севастополемъ носились тѣ же огни, и громче, и громче долетали страшные звуки. Набѣжавшая волна съ моря разлилась по правой сторонѣ моста и замочила ноги Володѣ; два солдата, шлепая ногами по водѣ, прошли мимо него. Что-то вдругъ съ трескомъ освѣтило мостъ впереди, бѣдущую по немъ новозку и верхового, и осколки, со свистомъ поднимая брызги, попадали въ воду.

— А, Михайло Семенычъ! — сказалъ верховой, останавливая лошадь противъ старшаго Козельцова: — что, уже совсѣмъ поправились?

— Какъ видите. Куда вѣсъ Богъ несетъ?

— На Сѣверную за патронами: вѣдь я нынче за полковаго адъютанта.... штурма ждемъ съ часу на часъ.

— А гдѣ же Марцовъ?

— Вчера ногу оторвало... въ городѣ, въ комнатѣ спалъ... Можетъ, вы его знаете?

— Полжь на пятомъ, правда?

— Да, на мѣсто м....довъ заступили. Вы зайдете на перевязочный пунктъ: тамъ наши есть — вѣсъ проводятъ.

— Ну, а квартирка моя на Морской цѣла?

— И, батюшка! ужъ давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя: ужъ женщинъ ни души нѣть, ни трактировъ, ни музыки; вчера послѣднее заведеніе перебѣжало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицеръ рысью побѣжалъ дальше.

Володѣ вдругъ сдѣлалось ужасно страшно: ему все казалось, что сейчасъ прилетитъ ядро или осколокъ и ударить его прямо въ голову. Этотъ сырой мракъ, всѣ звуки эти, особенно ворчливый плескъ воли, казалось, все говорило ему, чтобы онъ не шелъ дальше, что не ждетъ его здѣсь ничего добра, что нога его ужъ никогда больше не ступить на землю по ту сторону бухты, чтобы сейчасъ же онъ вернулся и бѣжалъ куда-нибудь какъ можно дальше отъ этого страшного мѣста смерти. „Но, можетъ, ужъ поздно, ужъ рѣшено теперь“, подумалъ онъ, содрогаясь частью отъ этой мысли, частью оттого, что вода прошла ему сквозь сапоги и мочила ноги.

Володя глубоко вздохнулъ и отошелъ немного въ сторону отъ брата.

„Господи! неужели же меня убьютъ, именно меня? Господи, помилуй меня!“ — сказалъ онъ шепотомъ и перекрестился.

— Ну, пойдемъ, Володя! — сказалъ старшій братъ, когда повозочка вѣхала на мостъ. — Видѣлъ бомбу?

На мосту встрѣчались братьямъ повозки съ ранеными, съ турами, одна съ мебелью, которую везла какая-то женщина. На той же сторонѣ никто не задержалъ ихъ.

Инстинктивно, придерживаясь стѣнки Николаевской батареи, братья, молча, прислушиваясь къ звукамъ бомбъ, лопавшихся уже тутъ надъ головами, и къ реву осколковъ, валившихся сверху, пришли къ тому мѣсту батареи, гдѣ образѣ. Тутъ узнали они, что пятая легкая, въ которую назначенъ былъ Володя, стоять на Корабельной, и рѣшили вмѣстѣ, несмотря на опасность, итти ночевать къ старшему брату на пятый бастіонъ, а оттуда завтра въ батарею.

Повернувшись въ коридоръ, шагая черезъ ноги спящихъ солдатъ, которые лежали вдоль всей стѣны батареи, они, наконецъ, пришли на перевязочный пунктъ.

X.

Войдя въ первую комнату, обставленную койками, на которыхъ лежали раненые, и пропитанную тяжелымъ, отвратительно-ужаснымъ госпитальнымъ запахомъ, они встрѣтили двухъ сестеръ милосердія, выходившихъ имъ на встрѣчу.

Одна женщина, лѣтъ пятидесяти, съ черными глазами и строгимъ выражениемъ лица, несла бинты и корпю и отдавала приказанія молодому мальчику, фельдшеру, который шелъ за ней; другая, весьма хорошенъкая дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ блѣднымъ и нѣжнымъ блокурымъ лицомъ, какъ-то особенно мило-безпомощно смотрѣвшимъ изъ-подъ бѣлаго чепчика, руки въ карманахъ передничка, шла подлѣ старшей и, казалось, боялась отставать отъ нея.

Козельцовъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, не знаютъ ли онѣ, гдѣ Марцовъ, которому вчера оторвало ногу.

— Это, кажется, II. полка? — спросила старшая. — Что онъ вамъ родственникъ?

— Нѣть-съ, товарищъ.

— Проводите ихъ, — сказала она молодой сестрѣ, по, французски: — вотъ сюда, — и сама подошла съ фельдшеромъ къ раненому.

— Пойдемъ же... что ты смотришь! — сказалъ Козельцовъ Володѣ, который, поднявъ брови съ какимъ-то страдальческимъ выражениемъ, не въ силахъ оторваться, смотрѣть на раненыхъ. — Пойдемъ же.

Володя пошел съ братомъ, но все продолжая оглядываться и безсознательно повторяя:

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!

— Вѣрно, они недавно здѣсь? — спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который, ахая и вздыхая, шелъ за ними по коридору.

— Только-что пріѣхалъ.

Хорошенькая сестра посмотрѣла на Володю и вдругъ заплакала. „Боже мой, Боже мой! когда это все кончится?“ сказала она, съ отчаяніемъ въ голосѣ. Они вошли въ офицерскую палату. Марповъ лежалъ навзничь, закинувъ жилистый, обнаженный до локтей руки за голову, съ выражениемъ на желтомъ лицѣ человѣка, который стиснулъ зубы, чтобы не кричать отъ боли. Цѣлая нога была въ чулкѣ высунута изъ-подъ одѣяла, и видно было, какъ онъ на ней судорожно перебиралъ пальцами.

— Ну что, какъ вамъ? — спросила сестра, своими тоненькими нѣжными пальцами, на одномъ изъ которыхъ Володя замѣтилъ золотое кольцо, поднимая его немнога плѣшивую голову и поправляя подушку. — Вотъ ваши товарищи пришли васъ провѣдать.

— Разумѣется, больно, — сердито сказалъ онъ. — Оставьте! такъ хорошо, — пальцы въ чулкѣ зашевелились еще быстрѣе. — Здравствуйте! Какъ вѣсть зовутъ? Извините... — сказала онъ, обращаясь къ Козельцову. — Ахъ, да! виноватъ! тутъ все забудешь, — сказалъ онъ, когда тотъ сказала ему свою фамилию. — Вѣдь мы съ тобой вмѣстѣ жили, — привавилъ онъ, безъ всякаго выраженія удовольствія вопросительно глядя на Володю.

— Это мой братъ, пынче пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Гм! А я-то вотъ и полный выслужилъ,—сказалъ онъ, морщась.—Ахъ, какъ больно!... Да ужъ лучше бы конецъ скорѣе.

Онъ вздернулъ ноги и, продолжая съ усиленною быстрой шевелить пальцами, закрылъ лицо руками.

— Его надо оставить,—сказала шопотомъ сестра, со слезами на глазахъ:—ужъ онъ очень плохъ.

Братья еще на Сѣверной рѣшили итти на 5 бастіонъ; но, выходя изъ Николаевской батареи, они какъ-будто условились не подвергаться напрасной опасности и, ничего не говоря объ этомъ предметѣ, рѣшили итти каждому порознь.

— Только какъ ты найдешь, Володя?—сказалъ старшій.—Впрочемъ, Николаевъ тебя проводить на Корабельную, а я пойду одинъ и завтра у тебя буду.

Больше ничего не было сказано въ это послѣднее прощеніе между двумя братьями.

XI.

Громъ пушекъ продолжался съ тою же силой, но Екатерининская улица, по которой шелъ Володя, со слѣдовавшимъ за нимъ молчаливымъ Николаевымъ, была пустынина и тиха. Во мракѣ виднѣлась ему только широкая улица, съ бѣлыми, во многихъ мѣстахъ разрушенными, стѣнами большихъ домовъ, и каменный тротуаръ, по которому онъ шелъ; изрѣдка встрѣчались солдаты и офицеры. Проходя по лѣвой сторонѣ около адмиралтейства, при свѣтѣ какого-то яркаго огня, горѣвшаго за стѣной, онъ увидалъ насаженные вдоль тротуара акаціи, съ зелеными подпорками, и жалкіе запыленные листья этихъ акацій. Шаги свои и Николаева, тяжело дыша шедшаго за нимъ, онъ слышалъ явственно. Онъ

ничего не думалъ: хорошенъкая сестра милосердія, нога Марцова съ движущимися въ чулкѣ пальцами, мракъ, бомбы и различные образы смерти смутно носились въ его воображеніи. Вся его молодая впечатлительная душа сжалась и ныла подъ вліяніемъ сознанія одиночества и всеобщаго равнодушія къ его участіи въ опасности. „Убьютъ, буду мучиться, страдать и никто не заплачетъ!“ И все это вмѣсто исполненной энергіи и сочувствія жизни героя, о которой онъ мечталъ такъ славно. Бомбы лопались и свистали все ближе и ближе, Николаевъ вздыхалъ чаще, не нарушая молчанія. Проходя черезъ мостъ, ведущій на Корабельную, онъ увидѣлъ, какъ что-то, свистя, влетѣло недалеко отъ него въ бухту, на секунду багрово освѣтило лиловыя волны, исчезло и потомъ съ брызгами поднялось оттуда.

— Виши, не задохлася! — сказалъ хрипло Николаевъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, невольно и неожиданно для себя, какимъ-то тоненьkimъ, пискливымъ голоскомъ.

Встрѣчались носилки съ ранеными, опять полковыя повозки съ турами; какой-то полкъ встрѣтился на Корабельной; верховые проѣзжали мимо. Одинъ изъ нихъ былъ офицеръ съ казакомъ. Онъ ѿхалъ рысью, но увидавъ Володю, пріостановилъ лошадь около него, взглянулъ ему въ лицо, отвернулся и поѣхалъ прочь, ударивъ плетью по лошади. „Одинъ, одинъ; всѣмъ все равно, есть ли я или нѣтъ“, подумалъ мальчикъ, и ему безъ шутокъ захотѣлось плакать.

Поднявшись на гору, мимо какой-то высокой бѣлой стѣны, онъ вошелъ въ улицу разбитыхъ маленькихъ домиковъ, безпрестанно освѣщаемыхъ бомбами. Пьяная, растерзанная женщина, выходя изъ калитки съ матросомъ, наткнулась на него.

— Потому, коли бы онъ былъ благородный чуаекъ,—пробормотала она,—пardonъ, ваше благородіе офицеръ!

Сердце все больше и больше ныло у бѣднаго мальчика; а на черномъ горизонте чаще и чаще вспыхивала молнія, и бомбы чаще и чаще свистѣли и лопались около него. Николаевъ вздохнулъ и вдругъ началъ говорить какимъ-то, какъ показалось Володѣ, испуганно-сдержанымъ голосомъ.

— Вотъ все торопились изъ губерніи ѻхать. Щахать да ѻхать. Есть куда торопиться!

— Да что-жъ, коли братъ ужъ здоровъ теперь,—отвѣчаъ Володя, надѣясь хоть разговоромъ разогнать ужасное чувство, овладѣвшее имъ.

— Здоровъ! Какое его здоровье, когда онъ вовсе боленъ! Которые и настояще здоровые-то, и тѣмъ лучше бы жить въ ошпиталѣ въ этакое время. Что тутъ-то радости много, что-ли? Либо ногу, либо руку оторвѣть—вотъ те и все! Долго-ли до грѣха! Ужъ на что здѣсь, въ городу, не то, что на бакстіонѣ, и то страсть какая. Идешь—молитвы всѣ перечитываешь. Ишь, бестія, такъ мимо тебя и дзанкнетъ!—прибавилъ онъ, обращая вниманіе на звукъ близко прокурившаго осколка.—Вотъ теперича,—продолжалъ Николаевъ:—вельзъ ваше благородіе проводить. Наше дѣло известно, что приказано, то долженъ исполнять; а вѣдь повозку такъ на какого-то солдатишку бросили, и узелъ развязанъ... Иди да иди; а что изъ имѣнія пропадетъ, Николаевъ отвѣчай.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они вышли на площадь Николаевъ молчаль и вздыхалъ.

— Вонъ антилерія ваша стойтъ, ваше благородіе! — сказалъ онъ вдругъ: — у часоваго спросите: онъ вамъ покажеть.

И Володя, пройдя нѣсколько шаговъ, пересталъ слышать за собой звуки вздоховъ Николаева.

Онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно, окончательно однимъ. Это сознаніе одиночества въ опасности передъ смертью, какъ ему казалось, ужасно тяжелымъ холоднымъ камнемъ легло ему на сердце. Онъ остановился посреди площади, оглянулся, не видѣть-ли его кто-нибудь, схватился за голову и съ ужасомъ проговорилъ и подумалъ: „Господи! неужели я трусъ, подлый, гадкій, ничтожный трусъ... неужели за отечество, за царя, за которого съ наслажденіемъ мечталъ умереть недавно? Нѣтъ! я несчастное, жалкое созданіе! И Володя, съ истиннымъ чувствомъ отчаянія и разочарованія въ самомъ себѣ, спросилъ у часоваго дома батарейнаго командаира и пошелъ по указанному направлению.

XII.

Жилище батарейнаго командира, которое указалъ ему часовой, былъ небольшой двухъэтажный домикъ, со входомъ со двора. Въ одномъ изъ оконъ, залѣпленномъ бумагой, свѣтился слабый огонекъ свѣчки. Деньщикъ сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Онъ пошелъ доложить батарейному командаиру и ввелъ Володю въ комнату. Въ комнатѣ между двухъ оконъ, подъ разбитымъ зеркаломъ, стоялъ столъ, заваленный казенными бумагами, нѣсколько стульевъ и желѣзная кровать съ чистою постелью и маленькимъ коврикомъ около нея.

Около самой двери стоялъ красивый мужчина съ большими усами—фельдфебель,—въ тесакѣ и шинели, на которой висѣли крестъ и венгерская медаль. По серединѣ комнаты взадъ и впередъ ходилъ невысокій, лѣтъ сорока штабъ-офи-

церь, съ подвязаною распухшою щекой, въ тонкой старенькой шинели.

— Честь имъ явиться, прикомандированный въ 5-ю легкую, прaporщикъ Козельцовъ 2-й,—проговорилъ Володя заученную фразу, входя въ комнату.

Батарейный командиръ сухо отвѣтилъ на поклонъ и, не подавая руки, пригласилъ его садиться.

Володя робко опустился на стулъ подлѣ письменаго стола, и сталъ перебирать въ пальцахъ ножницы, попавшіяся ему въ руки. Батарейный командиръ, заложивъ руки за спицу и опустивъ голову, только изрѣдка поглядывая на руки, вертѣвшія ножницы, молча продолжалъ ходить по комнатѣ, съ видомъ человѣка, припоминающаго что-то.

Батарейный командиръ былъ довольно толстый человѣкъ, съ большою плѣшью на маковкѣ, густыми усами, пущенными прямо и закрывавшими ротъ, и пріятными карими глазами. Руки у него были красивыя, чистыя и пухлыя, ножки очень вывернутыя и ступавшія съ увѣренностью и нѣкоторымъ щегольствомъ, показывавшимъ, что батарейный командиръ былъ человѣкъ незастѣнчивый.

— Да,—сказалъ онъ, останавливаясь противъ фельдфебеля: — ящичнымъ надо будетъ съ завтрашняго дня еще по гарнiцу прибавить: а то онъ у насъ худы. Какъ ты думаешь?

— Что-жъ, прибавить можно, ваше высокоблагородie! Теперь все подешевле овесь стала,—отвѣчалъ фельдфебель, шевеля пальцы на рукахъ, которые онъ держалъ по швамъ, но которые очевидно любили жестомъ помогать разговору.— А еще фуражиръ нашъ Франчукъ вчера мнѣ изъ обоза записку прислалъ, ваше высокоблагородie, что осей непремѣн-

но намъ нужно будеть тамъ купить—говорять, дешевы. Такъ какъ изволите приказать?

— Что-жъ, купить: вѣдь у него деньги есть.—И батарейный командиръ снова сталъ ходить по комнатѣ.—А гдѣ ваши вещи?—спросилъ онъ вдругъ у Володи, останавливаясь противъ него.

Бѣднаго Володю такъ одолѣвала мысль, что онъ трусъ, что въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ онъ находилъ презрѣніе къ себѣ, какъ къ жалкому трусу. Ему показалось, что батарейный командиръ уже проникъ его тайну и подтруниваетъ надъ нимъ. Онъ, смутившись, отвѣчалъ, что вещи на Графской и что завтра братъ обѣщалъ ихъ доставить ему.

Но подполковникъ не дослушалъ его и, обратясь къ фельдфебелю, спросилъ:

— Гдѣ бы намъ помѣстить прaporщика?

— Прaporщика-съ? — сказалъ фельдфебель, еще больше смущая Володю бѣглымъ, брошеннымъ на него взглядомъ, выражавшимъ какъ-будто вопросъ: „что это за прaporщикъ?“—Да вотъ-съ внизу, ваше высокоблагородіе, у штабсъ-капитана, могутъ помѣститься ихъ благородіе,—продолжалъ онъ, подумавъ немнogo:—теперь штабсъ-капитанъ на бак-сіонѣ, такъ ихняя койка пустая остается.

— Такъ вотъ не угодно ли-съ покамѣстъ?—сказалъ батарейный командиръ. Вы, я думаю, устали, а завтра лучше устроимъ.

Володя всталъ и поклонился.

— Не угодно ли чаю?—сказалъ батарейный командиръ, когда онъ уже подходилъ къ двери.—Можно самоваръ поставить.

Володя поклонился и вышелъ. Полковничій деньщикъ

провелъ его внизъ и ввелъ въ голую грязную комнату, въ которой валялся разный хламъ и стояла желѣзная кровать безъ бѣлья и одѣяла. На кровати, накрывшись толстою шинелью, спалъ какой-то человѣкъ въ розовой рубашкѣ.

Володя принялъ его за солдата.

— Петръ Николаичъ! — сказалъ дѣньщикъ, толкая за плечо спящаго. — Тутъ прапорщикъ лягутъ... Это нашъ юнкеръ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ прапорщику.

— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста! — сказалъ Володя; но юнкеръ, высокій, плотный, молодой мужчина, съ красивою, но весьма глупою физіономіей, всталъ съ кровати, накинулъ шинель и, видимо, не проснувшись еще хорошенько, вышелъ изъ комнаты.

— Ничего, я на дворѣ лягу, — пробормоталъ онъ.

XIII.

Оставшись наединѣ съ своими мыслями, первымъ чувствомъ Володи былъ страхъ того безпорядочнаго, безотраднаго состоянія, въ которомъ находилась душа его. Ему захотѣлось заснуть и забыть все окружающее и, главное, самого себя. Онъ потушилъ свѣчку, легъ на постель и, снявъ съ себя шинель, закрылся ею съ головою, чтобы избавиться отъ страха темноты, которому онъ еще съ дѣтства былъ подверженъ. Но вдругъ ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его. Онъ сталъ вслушиваться; надъ самою его головой слышались шаги батарейнаго командира.

„Впрочемъ, если и прилетитъ, „подумалъ онъ“, то прежде убьетъ наверху, а потомъ меня; по крайней мѣрѣ не меня одного“. Эта мысль успокоила его немного; онъ сталъ было

засыпать. „Ну что, если вдругъ ночью возьмутъ Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чѣмъ я буду защищаться?“— Онъ опять всталъ и походилъ по комнатѣ. Страхъ дѣйствительной опасности подавилъ таинственный страхъ мрака. Кромѣ сѣдла и самовара въ комнатѣ ничего твердаго не было. „Я подлецъ, я трусь, мерзкій трусъ!“ вдругъ подумалъ онъ и снова перешелъ къ тяжкому чувству презрѣнія, отвращенія даже къ самому себѣ. Онъ снова легъ и старался не думать. Тогда впечатлѣнія дня невольно возникали въ воображеніи, при непрестающихъ звукахъ, заставляющихъ дрожать стекла въ единственномъ окнѣ, и снова напоминали объ опасности: то ему грезились раненые и кровь, то бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенъкая сестра милосердія, дѣлающая ему, умирающему, перевязку и плачущая надъ нимъ, то мать его, провожающая его въ уѣздномъ городѣ и горячо со слезами молящая передъ чудотворною иконой, и снова сонъ кажется ему невозможенъ. Но вдругъ мысль о Богѣ всемогущемъ, который все можетъ сдѣлать и услышать всякую молитву, ясно пришла ему въ голову. Онъ сталъ на колѣни, перекрестился и сложилъ руки такъ, какъ его въ дѣтствѣ еще учили молиться. Эта жесть вдругъ перенесъ его къ давно забытому отрадному чувству.

„Если нужно умереть, нужно, чтобы меня не было, сдѣтай это, Господи,“ подумалъ онъ, „поскорѣе сдѣтай это; но если нужна храбрость, нужна твердость, которыхъ у меня нѣтъ, дай мнѣ ихъ, избави отъ стыда и позора, которыхъ я не могу переносить, но научи, что мнѣ дѣлать, чтобы исполнить Твою волю“.

Дѣтская, запуганная, ограниченная душа вдругъ возмужала, просвѣтѣла и увидѣла новые, обширные, свѣтлые

горизонты. Много еще передумалъ и перечувствовалъ онъ въ то короткое время, пока продолжалось это чувство. Онъ заснулъ скоро покойно и беспечно, подъ звуки продолжавшагося гула бомбардированія и дрожанія стеколъ.

Господи Великій! только Ты одинъ слышалъ и знаешь тѣ простиya, но жаркія и отчаянныя мольбы невѣдѣнія, смутнаго раскаянія, просьбы исцѣленія тѣла и просвѣтленія души, которыя восходили къ Тебѣ изъ этого страшнаго мѣста смерти, отъ генерала, за секунду передъ этимъ думавшаго о Георгіи на шею и со страхомъ чующаго близость Твою, до простого солдата, повалившагося на голомъ полу Николаевской батареи и просящаго Тебя дать ему тамъ безсознательно предчувствуемую имъ награду за всѣ страданія!...

XIV.

Старшій Козельцовъ, встрѣтивъ на улицѣ солдата своего полка, съ нимъ вмѣстѣ направился прямо къ 5-му бастіону.

— Подъ стѣнкой держитесь, ваше благородіе! — сказалъ солдатъ.

— А что?

— Опасно, ваше благородіе: вонъ она ужъ черезъ несетъ, — сказалъ солдатъ, прислушиваясь къ звуку просвистѣвшаго ядра, ударившагося о сухую дорогу по той сторонѣ улицы.

Козельцовъ, не слушая солдата, бодро пошелъ по срединѣ улицы.

Все тѣ же были улицы, тѣ же, даже болѣе частые огни, звуки, стоны, встрѣчи съ ранеными и тѣ же батареи, бруствера и траншеи, какіе были весною, когда онъ былъ въ

Севастополь; но все это почему-то было теперь грустнѣе и вмѣстѣ энергичнѣе; пробоинъ въ домахъ больше, огней въ окнахъ уже совсѣмъ нѣтъ, исключая Кущина дома (госпиталя), женщины ни одной не встрѣчается, на всемъ лежитъ не прежній характеръ привычки и беспечности, а какая-то печать тяжелаго ожиданія и усталости.

Но вотъ уже послѣдняя траншея, вотъ и голосъ солдатика П. полка, узнавшаго своего прежняго ротнаго командаира, вотъ и третій баталіонъ стоитъ въ темнотѣ, прижавшись у стѣники, изрѣдка, на мгновеніе освѣщаемый выстрѣлами и слышный сдержаннѣмъ говоромъ побрякиваніемъ ружей.

— Гдѣ командиръ полка? — спросилъ Козельцовъ.

— Въ блиндажѣ, у флотскихъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ услужливый солдатикъ. — Пожалуйте, я васъ провожу.

Изъ траншѣи въ траншею солдатъ привелъ Козельцова къ канавкѣ въ траншѣ. Въ канавкѣ сидѣлъ матросъ, покуривая трубочку; за нимъ виднѣлась дверь, въ щели которой просвѣчивалъ огонь.

— Можно войти?

— Сейчасъ доложу, — и матросъ вошелъ въ дверь.

Два голоса говорили за дверью.

— Если Пруссія будетъ продолжать держать нейтралитетъ, — говорилъ одинъ голосъ: — то Австрія тоже...

— Да что Австрія, — говорилъ другой, — когда славянскія земли... ну, проси.

Козельцовъ никогда не былъ въ этомъ блиндажѣ. Онъ поразилъ его своею щеголеватостью. Поль былъ паркетный, ширмочки закрывали дверь. Двѣ кровати стояли по стѣнамъ, въ углу стояла большая, въ золотой ризѣ, икона Божіей Матери и передъ ней горѣла розовая лампадка. На одной

изъ кроватей спалъ морякъ, совершенно одѣтый, на другой, передъ столомъ, на которомъ стояли ~~две~~ бутылки начатаго вина, сидѣли разговаривавшіе — новый полковой командиръ и адъютантъ. Хотя Козельцевъ далеко былъ не трусъ и рѣшительно ни въ чемъ не былъ виноватъ ни передъ правительствомъ, ни передъ полковымъ командиромъ, но онъ робѣлъ при видѣ полковника, бывшаго недавняго своего товарища: такъ гордо всталъ этотъ полковникъ и выслушалъ его. „Странно,—подумалъ Козельцовъ, глядя на своего командира“, только семь недѣль, какъ онъ принялъ полкъ, а какъ ужъ во всемъ его окружающемъ, въ его одеждѣ, осанкѣ, взглядѣ видна власть полкового командира. Давно ли“, думалъ онъ, „этотъ самый Батрищевъ кучивалъ съ нами, носилъ по недѣлимъ ситцевую немаркую рубашку и ъдалъ, никого не приглашая къ себѣ, вѣчные битки и вареники? а теперь! и въ глазахъ это выраженіе холодной гордости, которая говорить вамъ: хотя я тебѣ и товарищъ, потому что я полковой командиръ новой школы, но повѣрь, что я знаю, какъ ты готовъ бы полжизни отдать за то только, чтобы быть на моемъ ~~местѣ~~!“

— Вы долго лѣчились,—сказалъ полковникъ Козельцову холодно, глядя на него.

— Боленъ былъ, полковникъ! еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

— Такъ вы напрасно пріѣхали,—глядясь недовѣрчивымъ взглядомъ на полную фигуру офицера, сказалъ полковникъ.—Вы можете, однако, исполнять службу?

— Какъ же-съ, я могу-съ.

— Ну, я очень радъ-съ. Такъ вы примите отъ прaporщика Зайцева девятую роту — вашу прежнюю; сейчасъ же вы получите приказъ.

— Слушаю-сь.

— Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мнѣ полкового адъютанта,—заключилъ полковой командиръ, легкимъ поклономъ давая чувствовать, что аудиенція кончена.

Выйдя изъ блиндажа, Козельцовъ нѣсколько разъ промычалъ что-то и подернулъ плечами, какъ-будто ему было отчего-то больно, неловко или досадно, и досадно не на полкового командира (не за что), а самъ собою, всѣмъ окружающимъ онъ былъ какъ-будто недоволенъ.

XV.

Козельцовъ, прежде чѣмъ итти къ своимъ офицерамъ, пошелъ поздороваться съ своею ротой и посмотретьъ, гдѣ она стоитъ. Бруствера изъ туровъ, фигуры траншей, пушки, мимо которыхъ онъ проходилъ, даже осколки, бомбы, на которые онъ спотыкался по дорогѣ,—все это безпрестанно освѣщающее огнями выстреловъ, было ему хорошо знакомо; все это живо врѣзалось у него въ памяти, три мѣсяца тому назадъ, въ продолженіе двухъ недѣль, которыя онъ безвыходно провелъ на этомъ самомъ бастіонѣ. Хотя много было ужаснаго въ этомъ воспоминаніи, но какая-то прелестъ прошедшаго примѣшивалась къ нему, и онъ съ удовольствиемъ, какъ-будто пріятны были проведенные здѣсь двѣ недѣли, узнавалъ знакомые мѣста и предметы. Рота была расположена по оборонительной стѣнѣ къ 6-му бастіону.

Козельцовъ вошелъ въ длинный, совершенно открытый со стороны входа блиндажъ, въ которомъ, ему сказали, стоитъ 9-я рота. Буквально ноги некуда было поставить во всемъ блиндажѣ: такъ онъ отъ самого входа наполненъ былъ сол-

датами. Въ одной сторонѣ его свѣтилась сальная кривая свѣчка, которую лежа держалъ солдатикъ, освѣщая книгу, которую по складамъ читалъ другой. Около свѣчки, въ смрадномъ полусвѣтѣ блиндажа, видны были поднятыя головы, жадно слушающія чтеца. Книжка была азбука. Входя въ блиндажъ, Козельцовъ услышалъ слѣдующее:

„Мо-ли-тва послѣ уче-пія. Благодарю Те-бя Соз-да-телю...“

— Снимите со свѣчки-то! — сказалъ голосъ. — Книжка славная. — Богъ... мой... — продолжалъ чтецъ.

Когда Козельцовъ спросилъ фельдфебеля, чтецъ замолкъ, солдаты зашевелились, закашляли, засморкались, какъ всегда послѣ сдержаннаго молчанія, фельдфебель, застегиваясь, поднялся около группы чтеца и, шагая черезъ и по ногамъ тѣхъ, которымъ некуда было убрать ихъ, вышелъ къ офицеру.

— Здравствуй, братъ? Что, это все наша рота?

— Здравія желаемъ! съ пріѣздомъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова. — Какъ здоровьемъ поправились, ваше благородіе? Ну и слава Богу. А то мы безъ васъ соскучились.

Видно было сейчасъ, что Козельцова любили въ ротѣ.

Въ глубинѣ блиндажа послышались голоса: „старый ротный пріѣхалъ, что раненый былъ, Козельцовъ, Михаиль Семенычъ“, и т. п.; некоторые даже пододвинулись къ нему, барабанщикъ поздоровался.

— Здравствуй, Обанчукъ! — сказалъ Козельцовъ: — цѣль? — Здорово, ребята! — сказалъ онъ потомъ, возвышая голосъ.

— Здравія желаемъ! — загудѣло въ блиндажѣ.

— Какъ поживаете, ребята?

— Плохо, ваше благородіе: одолѣваетъ французъ, — такъ

дурно бьетъ изъ-за шанцевъ, да и шабашъ! а въ поле не выходитъ.

— Авось, на мое счастіе, Богъ дастъ и выйдуть въ поле, ребята!—сказалъ Козельцовъ.—Ужъ мнѣ съ вами не въ первый разъ: опять поколотимъ.

— Рады стараться, ваше благородіе!—сказало нѣсколько голосовъ.

— Что же, они, точно смѣлые,—сказалъ голосъ.

— Ужасно какіе смѣлые!—сказалъ барабанщикъ, не громко, но такъ, что слышно было, обращаясь къ другому солдату, какъ-будто оправдываясь передъ нимъ въ словахъ ротнаго командира и убѣждая его, что въ этихъ словахъ ничего не было хвастливаго и неправдоподобнаго.

Отъ солдатиковъ Козельцовъ перешель въ оборонительную казарму, къ товарищамъ офицерамъ.

XVI.

Въ большой комнатѣ казармы было пропасть народа: морские, артиллерійскіе и пѣхотные офицеры. Одни спали, другие разговаривали, сидя на какомъ-то ящики и лафетѣ крѣпостной пушки; третыи, составляя самую большую и шумную группу за сводомъ, сидѣли на полу, на двухъ разостланыхъ буркахъ, или портерѣ и играли въ карты.

— А! Козельцовъ, Козельцовъ! хорошо, что прѣхаль, молодецъ!.. Что рана?—посыпалось съ разныхъ сторонъ.—И здѣсь видно было, что его любятъ и рады его прѣздѣ.

Пожавъ руки знакомымъ, Козельцовъ присоединился къ шумной группѣ, составившейся изъ нѣсколькихъ офицеровъ, игравшихъ въ карты. Между ними были тоже его знакомые.

Красивый худощавый брюнетъ, съ длиннымъ сухимъ носомъ и большими усами, продолжавшимися отъ щекъ, металъ банкъ бѣлыми сухими пальцами, на одномъ изъ которыхъ былъ большой золотой перстень съ гербомъ. Онъ металъ прямо и неаккуратно, видимо чѣмъ-то взволнованный,—только желал казаться небрежнымъ. Подлѣ него, по правую руку, лежалъ, облокотясь, сѣдой майоръ и съ афектаціей хладнокровія понтировалъ по полтиннику и тотчасъ же расплакивался. По лѣвой руку, на корточкахъ, сидѣлъ красный, съ потнымъ лицомъ офицерикъ, принужденно улыбался и шутилъ. Когда били его карты, онъ шевелилъ безпрестанно одной рукой въ пустомъ карманѣ шароваръ. Онъ игралъ большой маркой, но очевидно уже не на чистыя, что именно и коробило красиваго брюнета. По комнатѣ, держа въ рукахъ большую кипу ассигнацій, ходилъ плѣшивый, съ огромнымъ носомъ и ртомъ, худой и блѣдный офицеръ и все ставилъ вабанкъ на наличныя деньги и выигрывалъ.

Козельцовъ выпилъ водки и подсѣлъ къ играющимъ.

— Понтириите-ка, Михаилъ Семеновичъ! — сказалъ ему банкометъ:— денегъ пропасть, я чай, привезли.

— Откуда у меня деньгамъ быть! напротивъ, послѣднія въ городѣ спустилъ.

— Какъ же! вздули ужъ вѣрно кого-нибудь въ Симферополь.

— Право, мало,—сказалъ Козельцовъ, но, видимо не желая, чтобъ ему вѣрили, разстегнулся и взялъ въ руки старые карты.

— Попытаться нечто: чѣмъ чортъ не шутить! и комаръ бываетъ, что, знаете, какія штуки дѣлаетъ. Выпить только надо для храбрости.

И въ непродолжительномъ времени онъ, выпивъ другую рюмочку водки и нѣсколько портера, проигрывалъ послѣдніе три рубля.

На маленькомъ вспотѣвшемъ офицерѣ было написано полтораста рублей.

— Нѣтъ, не везетъ,—сказалъ онъ небрежно приготавливая новую карту.

— Потрудитесь прислать,—сказалъ ему банкометъ, на минуту останавливаясь метать и взглѣдывая на него.

— Позвольте завтра прислать,—отвѣчалъ потный офицеръ, вставая и усиленно перебирая рукой въ пустомъ карманѣ.

— Гм!—промычалъ банкометъ и, злостно бросая направо, налево, дometаль талію.—Однако, этакъ нельзя,—сказалъ онъ, положивъ карты:—я бастую.—Этакъ нельзя, Захаръ Иванычъ,—прибавилъ онъ:—мы играли на чистыя, а не на мѣлокъ.

— Что жъ, развѣ вы во мнѣ сомнѣваетесь? Странно, право!

— Съ кого прикажете получить?—пробормоталъ маіоръ, выигравшій что-то рублей восемь.—Я прислать уже больше двадцати рублей, а выиграль,—ничего не получаю.

— Откуда же и я заплачу?—сказалъ банкометъ:—когда на столѣ денегъ нѣть.

— Я знать не хочу!—закричалъ маіоръ, поднимаясь:—я играю съ вами, а не съ ними.

Потный офицеръ вдругъ разгорячился.

— Я говорю, что заплачу завтра: какъ же вы смеете мнѣ говорить дерзости?

— Я говорю, что хочу! такъ не дѣлаютъ — вотъ что!—кричалъ маіоръ.

— Полноте, Федоръ Федоровичъ! — заговорили всѣ, удер-живая маюра.

Но опустимъ скорѣе завѣсу надъ этою сценой. Завтра, нынче же, можетъ-быть, каждый изъ этихъ людей весело и гордо пойдетъ на встрѣчу смерти и умретъ твердо и спо-койно; но одна отрада жизни въ тѣхъ, ужасающихъ самое холодное воображеніе, условіяхъ, отсутствія всего человѣческаго и безнадежности выхода изъ нихъ, одна отрада есть забвеніе, уничтоженіе сознанія. На днѣ души каждого лежить та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ горѣть ярко — придется роковая минута, она вспыхнетъ пламенемъ и освѣтить великия дѣла.

XVII.

На другой день бомбардированіе продолжалось съ тою же силою. Часовъ въ одиннадцать утра, Володя Козельцовъ сидѣлъ въ кружкѣ батарейныхъ офицеровъ и, уже успѣвъ немного привыкнуть къ нимъ, всматривался въ новыхъ лица, наблюдалъ, разспрашивалъ и рассказывалъ. Скромная, нѣсколько притязательная на ученость, бесѣда артиллерійскихъ офицеровъ внушала ему уваженіе и нравилась. Стыдливая же, невинная и красивая наружность Володи располагала къ нему офицеровъ. Старшій офицеръ въ батареѣ, капитанъ, невысокій, рыжеватый мужчина, съ хохолкомъ и гладенькими височками, воспитанный по старымъ преданіямъ артиллери, дамскій кавалеръ и будто бы ученый, разспрашивалъ Володю о знаніяхъ его въ артиллери, новыхъ изобрѣтеніяхъ, ласково подтрунивая надъ его молодостью и хорошенъкимъ лицомъ и вообще обращаясь съ нимъ, какъ отецъ съ сы-

номъ, что очень пріятно было Володѣ. Подпоручикъ Дяденко, молодой офицеръ, говорившій хохлацкимъ выговоромъ, въ оборванной шинели и съ взъерошенными волосами, хотя и говорилъ весьма громко и безпрестанно ловилъ случаи о чёмъ-нибудь желчно поспорить и имѣлъ рѣзкія движенія, все-таки нравился Володѣ, который подъ этою грубою виѣшнѣстю не могъ не видѣть въ немъ очень хорошаго и чрезвычайно доброго человѣка. Дяденко предлагалъ бестранныи Володѣ свои услуги и доказывалъ ему, что всѣ орудія въ Севастополѣ поставлены не по правиламъ. Поручикъ Черновицкій, съ высокоподнятymi бровями, хотя и былъ учтивѣ всѣхъ и одѣтъ въ сюртукъ довольно чистый, хотя и не новый, но тщательно заплатанный, и выказывалъ золотую цѣночку на атласномъ жилетѣ, не нравился Володѣ. Онъ все разспрашивалъ, что дѣлаютъ государь и военный министръ, и рассказывалъ ему съ ненатуральнымъ восторгомъ подвиги храбости, совершенные въ Севастополѣ, жалѣлъ о томъ, какъ мало было истинныхъ патріотовъ, вообще выказывалъ много знанія, ума и благородныхъ чувствъ; но почему-то все это казалось Володѣ непріятнымъ и неестественнымъ. Главное, онъ замѣчалъ, что прочие офицеры почти не говорили съ Черновицкимъ. Юнкеръ Влангъ, которого онъ разбудилъ вчера, тоже былъ тутъ. Онъ ничего не говорилъ, но, скромно сидя въ уголкѣ, смѣялся, когда было что-нибудь смѣшное, вспоминалъ, когда забывали что-нибудь, подавалъ водку и дѣлалъ папиросы для всѣхъ офицеровъ. Скромныя ли, учтивыя манеры Володи, который обращался съ нимъ такъ же, какъ и съ офицеромъ, и не помыкалъ имъ, какъ мальчишкой, или пріятная наружность плѣнили Влангу, какъ называли его солдаты, склоняя почему-то въ женскомъ родѣ его

фамилию, только онъ не спускалъ своихъ добрыхъ большихъ глазъ съ лица новаго офицера, предугадывалъ и предупреждалъ всѣ его желанія и все время находился въ какомъ-то любовномъ экстазѣ, который, разумѣется, замѣтили и подняли на смѣхъ офицеры.

Передъ обѣдомъ смѣнился штабсъ-капитанъ съ бастіона и присоединился къ ихъ обществу. Штабсъ-капитанъ Краутъ былъ бѣлокурый, красивый, бойкій офицеръ, съ большими рыжими усами и бакенбардами; онъ говорилъ по-русски отлично, но слишкомъ правильно и красиво для русскаго. Въ службѣ и въ жизни онъ былъ такъ же, какъ въ языке: онъ служилъ прекрасно, былъ отличный товарищъ, самый вѣрный человѣкъ по денежнымъ отношеніямъ; но просто, какъ человѣкъ, именно оттого, что все было какъ-то хорошо, чего-то не доставало. Какъ всѣ русскіе нѣмцы, по странной противоположности съ идеальными нѣмецкими нѣмцами, онъ былъ „praktisch“ въ высшей степени.

— Вотъ онъ, нашъ герой является! — сказалъ капитанъ, въ то время, какъ Краутъ, размахивая руками и побрякивая шпорами, входилъ въ комнату. — Чего хотите, Фридрихъ Крестьянычъ, чаю или водки?

— Я ужъ приказалъ себѣ чайку поставить, — отвѣчалъ онъ: — а водочки покамѣсть хватить можно для услажденія души. Очень пріятно познакомиться; прошу насть любить и жаловать, — сказалъ онъ Володѣ, который, вставъ, поклонился ему: — штабсъ-капитанъ Краутъ... мнѣ на бастіонѣ фейерверкеръ сказывалъ, что вы прибыли еще вчера.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу постель: я ночевалъ на ней.

— Покойно ли вамъ только было? тамъ одна ножка сло-

мана; да все некому починить—въ осадномъ-то положеніи,—
ее подкладывать надо.

— Ну, что, счастливо отдежурили?—спросилъ Дяденко.

— Да, ничего; только Скворцову досталось, да лафетъ
одинъ вчера починили. Вдребезги разбили станину.

Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить: видно было, что
онъ весь находился подъ вліяніемъ пріятнаго чувства чело-
вѣка, только что вышедшаго изъ опасности.

— Что, Дмитрій Гаврилычъ,—сказалъ онъ, потрясая ка-
питана за колѣнки: — какъ поживаете, батюшка? что ваше
представленіе—молчитъ еще.

— Ничего еще нѣтъ.

— Да и не будетъ ничего,—заговорилъ Дяденко:—я вамъ
доказывалъ это прежде.

— Отчего же не будетъ?

— Оттого, что не такъ написали реляцію.

— Ахъ вы, спорщикъ, спорщикъ!—сказалъ Краутъ, ве-
село улыбалась:—настоящій хохоль неуступчивый! Ну, вотъ
вамъ на зло же, выйдетъ вамъ поручика.

— Нѣтъ не выйдетъ.

— Влангъ! принесите-ка мнѣ мою трубочку, да набейте,—
сказалъ онъ, обратясь къ юнкеру, который тотчасъ же
охотно побѣжалъ за трубкой.

Краутъ всѣхъ оживилъ: рассказывалъ про бомбардирова-
ніе, разспрашивалъ, что безъ него дѣлалось, заговаривалъ
со всѣми.

XVIII.

— Ну, какъ? вы ужъ устроились у насть? — спросилъ
Краутъ у Володи... Извините, какъ ваше имя и отчество?

у насъ, вы знаете, ужъ такой обычай въ артиллериі. Лошадку верховую пріобрѣли?

— Нѣтъ,—сказалъ Володя: — я не знаю, какъ быть. Я капитану говорилъ; у меня лошади нѣтъ, да и денегъ тоже нѣтъ, покуда я не получу фурожныхъ и подъемныхъ. Я хочу просить покамѣстъ лошади у батарейнаго командира, да боюсь, какъ бы онъ не отказалъ мнѣ.

— Аполлонъ Сергѣичъ-то!—онъ произвель губами звукъ, выражавшій сильное сомнѣніе, и посмотрѣлъ на капитана:—врядъ!

— Что жъ? откажеть, не бѣда, — сказалъ капитанъ:—тутъ-то лошади, по правдѣ, и не нужно, а все попытать можно; я спрошу нынче.

— Какъ! вы его не знаете,—вмѣшался Дяденко:—другое что откажеть, а имъ ни за что... хотите пари?..

— Ну, да вѣдь ужъ извѣстно, вы всегда противорѣчите.

— Оттого противорѣчу, что я знаю: онъ на другое скупъ, а лошадь дастъ, потому что ему нѣтъ разсчета отказать.

— Какъ нѣтъ разсчета, когда ему здѣсь по восьми рублей овесь обходится!—сказалъ Краутъ:—разсчетъ-то есть не держать лишней лошади!

— Вы просите себѣ Скворца, Владіміръ Семенычъ! — сказалъ Влангъ, вернувшись съ трубкой Краута: — отличная лошадка.

— Съ которой вы въ Сорокахъ въ канаву упали? А? Вланга?—замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Нѣтъ, да что жъ вы говорите, по восьми рублей овесь,—продолжалъ спорить Дяденко:—когда у него справка по десяти съ полтиной; разумѣется не разсчетъ.

— А еще бы у него ничего не оставалось! Небось вы

будете батарейнымъ командиромъ, такъ въ городъ не дадите лошади съѣздить!

— Когда я буду батарейнымъ командиромъ, у меня будуть, батюшка, лошади по четыре гарнчика кушать, доходовъ не буду собирать, не бойтесь.

— Поживемъ, посмотримъ,—сказалъ штабсъ-капитанъ:— и вы будете такъ же поступать, и они, какъ будутъ батареей командавать, тоже, — прибавилъ онъ указывая на Володю.

— Отчего же вы думаете, Фридрихъ Крестьянычъ, что и они захотятъ воспользоваться?—вмѣшался Черновицкій;— можетъ у нихъ состояніе есть: такъ зачѣмъ же они станутъ пользоваться?

— Нѣть-съ, ужъ я... извините меня, капитанъ, — сказалъ Володя покраснѣвъ до ушей: — ужъ я это считаю неблагородно.

— Эге! какой онъ бѣдовыи! — сказалъ Краутъ.

— Да это все равно: я только думаю, что если не мои деньги, то я не могу ихъ брать.

— А я вамъ вотъ что скажу, молодой человѣкъ,—началь болѣе серьезнымъ тономъ штабсъ-капитанъ:—вы знаете ли, что когда вы командуете батареей, то вы, если хорошо поведете дѣла, ну и ладно; въ солдатское продовольствіе батарейный командръ не вмѣшивается: ужъ это такъ искони ведется въ артиллеріи. Если вы дурной хозяинъ, у васъ ничего не останется. Теперь, вы должны издерживать, противъ положенія, на ковку разъ (онъ загнуль одинъ палецъ), на аптеку — два (онъ загнуль другой палецъ), на канцелярію—три, на подручныхъ лошадей по пятисотъ цѣлковыхъ переплатять, батюшка—это четыре, вы должны воротники пере-

мѣнить солдатамъ, на уголь у васъ много выходитъ, столь вы держите для офицеровъ. Если батарейный командиръ, вы должны жить прилично: вамъ и коляску нужно, и шубу, и другое, и третье, и десятое... да что и говорить.

— А главное, — подхватилъ капитанъ, молчавшій все время: — вотъ что, Владимиръ Семенычъ: вы представьте себѣ, что человѣкъ, какъ я, напримѣръ, служить двадцать лѣтъ сперва на двухъ, а потомъ на трехстахъ рубляхъ жалованья: какъ не дать ему хоть за его службу кусокъ хлѣба подъ старость?

— Э! да что тутъ! — снова заговорилъ штабсъ-капитанъ: — вы не торопитесь судить, а поживите-ка да послужите.

Володѣ ужасно стало совѣстно и стыдно за то, что онъ такъ необдуманно сказалъ, и онъ пробормоталъ что-то и молча продолжалъ слушать, какъ Дяденко съ величайшимъ азартомъ принялъся спорить и доказывать противное.

Сиоръ былъ прерванъ приходомъ деньгищика полковника, который звалъ кушать.

— А вы нынче скажите Аполлону Сергеевичу, чтобы онъ вина поставилъ, — сказалъ Черновицкій, застегиваясь, капитану. — И что онъ скупится? убьютъ, никому не достанется!

— Да вы сами скажите.

— Нѣть ужъ. Вы старшій офицеръ: надо порядокъ во всемъ.

XIX.

Столъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и грязною скатертью накрытъ въ той самой комнатѣ, въ которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командиръ нынче подалъ ему руку и разспрашивалъ про Петербургъ и про дорогу.

— Ну-съ, господа, кто водку пьеть, милости просимъ.—
Прапорщики не пьють,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

Вообще батарейный командиръ казался нынче вовсе не такимъ суровымъ, какъ вчера; напротивъ, онъ имѣлъ видъ доброго гостепріимнаго хозяина и старшаго товарища между офицерами. Но, несмотря на то, всѣ офицеры, отъ стараго капитана до прaporщика Дяденки, по одному тому, какъ они говорили, учтиво глядя въ глаза командиру, и какъ робко подходили другъ за другомъ пить водку, показывали къ нему большоеуваженіе.

Обѣдъ состоялъ изъ большой миски щей, въ которой плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лавроваго листа, польскихъ зразовъ съ горчицей и колдуновъ съ не совсѣмъ свѣжимъ масломъ. Салфетокъ не было, ложки были жестяныя и деревянныя, стакановъ было два, и на столѣ стоялъ только графинъ воды съ отбитымъ горльшкомъ; но обѣдъ былъ не скученъ: разговоръ не умолкаль. Сначала рѣчь шла объ инкерманскомъ сраженіи, въ которомъ участвовала батарея, и изъ котораго каждый разъказывалъ свои впечатлѣнія и соображенія о причинахъ неудачи, и умолкалъ, когда начиналъ говорить самъ батарейный командиръ; потомъ разговоръ естественно перешелъ къ недостаточности калибра легкихъ орудій, къ новымъ облегченнымъ пушкамъ, при чемъ Володя успѣлъ показать свои знанія въ артиллериї. Но на настоящемъ ужасномъ положеніи Севастополя разговоръ не останавливался, какъ будто каждый слишкомъ много думалъ объ этомъ предметѣ, чтобы еще говорить о немъ. Тоже обѣзъ обязанностяхъ службы, которая должна быть нести Володя, къ его удивленію и огорченію, совсѣмъ не было рѣчи, какъ-будто онъ прі-

ѣхалъ въ Севастополь только затѣмъ, чтобы рассказывать обѣ облегченныхъ орудіяхъ и обѣдать у батарейнаго коман-дира. Во время обѣда, недалеко отъ дома, въ которомъ они сидѣли, упала бомба. Полъ и стѣны задрожали, какъ отъ землетрясенія, и окна застлало пороховымъ дымомъ.

— Вы этого, я думаю, въ Петербургѣ не видали; а здѣсь часто бываютъ такие сюрпризы,—сказалъ батарейный командиръ.

— Посмотрите, Влангъ, гдѣ это лопнула.

Влангъ посмотрѣлъ и донесъ, что на площади, и о бомбѣ больше рѣчи не было.

Передъ самимъ концомъ обѣда, старичокъ, батарейный писарь, вошелъ въ комнату съ тремя запечатанными конвертами и подалъ ихъ батарейному командиру. „Вотъ этотъ весьма нужный, сейчасъ казакъ привезъ отъ начальника артиллеріи“. Всѣ офицеры съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрѣли на опытные въ этомъ дѣлѣ пальцы батарейного командира, сламывавшіе печать конверта и достававшіе *весьма нужную* бумагу. „Что это могло быть?“ дѣлалъ себѣ вопросъ каждый. Могло быть совсѣмъ выступленіе на отдыхѣ изъ Севастополя, могло быть назначеніе всей батареи на бастоны.

— Опять!—сказалъ батарейный командиръ, сердито швыр-нувъ на столъ бумагу.

— О чёмъ, Аполлонъ Сергеевичъ?—спросилъ старшій офицеръ.

— Требуютъ офицера съ прислугой на какую-то тамъ мортирную батарею. У меня и такъ всего четыре человѣка офицеровъ и прислуки полной въ строй не выходить,—ворчалъ батарейный командиръ:—а тутъ требуютъ еще.—Однако, надо кому-нибудь итти, господа, — сказалъ онъ,

помолчавъ иемнога: — приказано въ семь часовъ быть на рогаткѣ... Послать фельдфебеля! Кому же итти, господа? рѣшайте,—повторилъ онъ.

— Да вотъ они еще нигдѣ не были,—сказалъ Черновицкій, указывая на Володю.

Батарейный командиръ ничего не отвѣтилъ.

— Да я желалъ бы, — сказалъ Володя, чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ у него на спинѣ и шеѣ.

— Нѣть зачѣмъ!—перебилъ капитанъ.—Разумѣется, никто не откажется, но и напрашиваться неслѣдѣ; а коли Аполлонъ Сергѣичъ предоставляетъ это намъ, то кинуть жребій, какъ и тотъ разъ дѣлали.

Всѣ согласились. Краутъ нарѣзalъ бумажекъ, скаталъ ихъ и насыпалъ въ фуражку. Капитанъ шутилъ и даже рѣшился при этомъ случаѣ просить вина у полковника, для храбрости, какъ онъ сказалъ. Дяденко сидѣлъ мрачный, Володя улыбался чему-то. Черновицкій увѣрялъ, что непремѣнно ему достанется, Краутъ былъ совершенно спокойенъ.

Володѣ первому дали выбирать. Онъ взялъ одну бумажку, которая была подлиннѣе, но тутъ же ему пришло въ голову перемѣнить,—взялъ другую, поменьше и тоньше, и, развернувъ, прочелъ на ней: „итти“.

— Миѣ,—сказалъ онъ вздохнувъ.

— Ну, и съ Богомъ. Вотъ вы и обстрѣляетесь сразу,—сказалъ батарейный, съ доброю улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика: — только поскорѣй собирайтесь. А чтобы вамъ веселѣе было, Влангъ пойдетъ съ вами за оружиемаго фейерверкса.

XX.

Влангъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ назначениемъ, живо побѣжалъ собираться и, одѣтый, пришелъ помочь Володѣ и все уговаривалъ его взять съ собой и койку, и шубу, старыя „Отечественные записки“, и кофейникъ спиртовой, и другія ненужныя вещи. Капитанъ посовѣтовалъ Володѣ прочесть сначала по „Руководству“ *) о стрѣльбѣ изъ мортира и выписать тотчасъ же оттуда таблицы. Володя тотчасъ же принялъ за дѣло и, къ удивленію и радости своей, замѣтилъ, что хотя чувства страха опасности и еще болѣе того, что онъ будетъ трусомъ, беспокоили еще его немнога, но далеко не въ той степени, въ какой это было наканунѣ. Отчасти причиной тому было вліяніе дня и дѣятельности, отчасти, и, главное то, что страхъ, какъ и каждое сильное чувство, не можетъ въ одной степени продолжаться долго. Однимъ словомъ, онъ уже успѣлъ перебояться. Часовъ въ семь, только что солнце начинало прятаться за Николаевскою казармой, фельдфебель вошелъ къ нему и объявилъ, что люди готовы и дожидаются.

— Я Влангъ списокъ отдалъ. Вы у него извольте спросить, ваше благородіе! — сказалъ онъ.

Человѣкъ двадцать артиллерийскихъ солдатъ, въ тесакахъ безъ принадлежности, стояли за угломъ дома. Володя вмѣстѣ съ юнкеромъ подошли къ нимъ. „Сказать ли имъ маленькую рѣчь, или просто сказать: здорово, ребята! или ничего не сказать?“ подумалъ онъ. — „Да и отчего жъ не сказать: здорово, ребята! это должно даже“. И онъ смѣло крикнулъ

*) Руководство для артиллерийскихъ офицеровъ, изданное Безакомъ.

своимъ звучнымъ голоскомъ: „здраво, ребята!“ Солдаты весело отзывались: молодой, свѣжій голосъ пріятно прозвучалъ въ ушахъ каждого. Володя бодро шелъ впередъ солдатъ, и, хотя сердце у него стучало такъ, какъ будто онъ пробѣжалъ во весь духъ нѣсколько верстъ, походка у него была легкая и лицо веселое. Подходя уже къ самому Малахову кургану, поднимаясь на гору, онъ замѣтилъ, что Влангъ, ни на шагъ не отстававшій отъ него и дома казавшійся такимъ храбрымъ, безпрестанно сторонился и нагибалъ голову, какъ будто вся бомбы и ядра, уже очень часто свистѣвшія тутъ, летали прямо на него. Нѣкоторые изъ солдатиковъ дѣлали то же, и вообще, на большей части ихъ лицъ выражалась если не боязнь, то беспокойство. Эти обстоятельства окончательно успокоили и ободрили Володю.

„Такъ вотъ и я на Малаховомъ курганѣ, который я воображаю въ тысячу разъ страшнѣе! И я могу итти, не кланяясь ядрамъ, и трушу даже гораздо менѣе другихъ! Такъ я не трусь?“ подумалъ онъ съ наслажденіемъ и даже нѣкоторымъ восторгомъ самодовольства.

Однако, это чувство было скоро поколеблено зрѣлищемъ, на которое онъ наткнулся въ сумеркахъ на Корниловской батареѣ, отыскивая начальника бастіона. Четыре человѣка матросовъ, около бруствера, за ноги и за руки держали окровавленный трупъ какого-то человѣка безъ сапогъ и шинели и раскачивали, желая перекинуть черезъ брустверь. (На второй день бомбардированія не вездѣ успѣвали убить тѣла на бастіонахъ и выкидывали ихъ въ ровъ, чтобы они не мѣшиали на батареяхъ). Володя съ минуту остался, увидавъ какъ трупъ ударился на вершину бруствера и потомъ скатился оттуда въ капаву; но на его сча-

стѣ тутъ же начальникъ бастіона встрѣтился ему, отдалъ приказанія и даль проводника на батарею и въ блиндажъ, назначенный для прислуги. Не будемъ разсказывать, сколько еще опасностей, разочараваній испыталъ нашъ герой въ тотъ же вечеръ: какъ, вмѣсто такой стрѣльбы, которую онъ видѣлъ на Волковомъ полѣ, при всѣхъ условіяхъ точности и порядка, который онъ надѣялся найти здѣсь, онъ нашелъ двѣ разбитыя мортирики, изъ которыхъ одна была смята ядромъ въ дулѣ, а другая стояла на щепкахъ разбитой платформы, какъ онъ не могъ до утра добиться рабочихъ, чтобы починить платформу, какъ ни одинъ зарядъ не былъ того вѣса, который означенъ былъ въ „Руководствѣ“, какъ ранили двухъ солдатъ его команды, и какъ двадцать разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти. По счастію, въ помошь ему назначенъ былъ огромнаго роста комендоръ, морякъ, сначала осады бывшій при мортирахъ и убѣдившій его въ возможности дѣйствовать изъ нихъ, съ фонаремъ водившій его ночью по всему бастіону, точно какъ по своему огороду, и обѣщавшій къ завтрау все устроить. Блиндажъ, къ которому привелъ его проводникъ, была вырыта въ каменномъ грунтѣ, въ двѣ кубическихъ сажени, продолговатая яма, накрытая аршинными дубовыми бревнами. Въ ней-то онъ помѣстился со всѣми своими солдатами. Влангъ первый, какъ только увидалъ въ аршинъ низенькую дверь блиндажа, опрометью, прежде всѣхъ, вбѣжалъ въ нее и, чуть не разбившись о каменный полъ, забился въ уголъ, изъ которого уже не выходилъ больше. Володя же, когда всѣ солдаты помѣстились вдоль стѣнъ на полу, и нѣкоторые закурили трубочки, разбилъ свою кровать въ углу, зажегъ свѣчку и, закуравъ папироску, легъ

на койку. Надъ блиндажемъ слышались безпрестанные выстрѣлы, но не слишкомъ громко, исключая одной пушки, стоявшей рядомъ и потрясавшей блиндажъ своимъ громомъ. Въ самомъ блиндажѣ было тихо; только солдаты, еще дичась новаго офицера, изрѣдка переговаривались, прося одинъ другого посторониться или огоньку трубочку закурить, крыса скреблась гдѣ-то между камнями, или Влангъ, не пришедшій еще въ себя и еще дико смотрѣвшій кругомъ, вздыхалъ вдругъ громкимъ вздохомъ. Володя на своей кровати, въ набитомъ народомъ тихомъ уголкѣ и освѣщенному одною свѣтлой, испытывалъ то чувство уютности, которое было у него, когда ребенкомъ, играя въ прятки, бывало, онъ залѣзалъ въ шкафъ или подъ юбку матери и, не переводя дыханія, слушалъ, боялся мрака и вмѣстѣ наслаждался чѣмъ-то. Ему было и жутко немножко, и весело.

XXI.

Минутъ черезъ десять, солдатики поосмѣлились и поразговорились. Поближе къ огню и кровати офицера расположились люди позначительнѣе: — два фейерверкера — одинъ сѣдой, старый, со всѣми медалями и крестами, исключая георгіевскаго; другой — молодой изъ кантонистовъ, курившій верченые папиросы. Барабанщикъ, какъ и всегда, взять на себѧ обязанность прислуживать офицеру. Бомбардиры и кавалеры сидѣли поближе, а ужъ тамъ, въ тѣни около входа, помѣстились покорные. Между ними-то и начался разговоръ. Поводомъ къ нему былъ шумъ быстро ввалившагося въ блиндажъ человѣка.

— Что, братъ, на улицѣ не посидѣль? или не весело дѣвки играютъ? — сказалъ одинъ голосъ.

— Такія пѣсни играютъ чудныя, что въ деревнѣ никогда не слыхивали, — сказалъ, смеясь, тотъ, который вбѣжалъ въ блиндажъ.

— А не любить Васинъ бомбовъ, ахъ, не любить! — сказалъ одинъ изъ аристократического угла.

— Что жъ! когда нужно, совсѣмъ другая статья! — сказалъ медленно голосъ Васина, который когда говорилъ, то всѣ другіе замолкали. — 24-го числа такъ палили по крайности; а то что жъ дурно-то? даромъ убьетъ, и начальство за это нашему брату спасибо не говоритъ.

При этихъ словахъ Васина всѣ засмѣялись.

— Вотъ Мельниковъ, тотъ, небось, все на дворѣ сидѣть, — сказалъ кто-то.

— А пошлите его сюда, Мельникова-то, — прибавилъ старый фейерверкеръ: — и въ самомъ дѣлѣ убьютъ такъ, понапрасну.

— Что это за Мельниковъ? — спросилъ Володя.

— А такой у насъ, ваше благородіе, глупый солдатикъ есть. Онъ ничего какъ есть не боится и теперь все на дворѣ ходитъ. Вы его извольте посмотрѣть: онъ и изъ себѣ-то на *ведмѣдя* похожъ.

— Онъ заговоръ знаетъ, — сказалъ медлительный голосъ Васина изъ другого угла.

Мельниковъ вошелъ въ блиндажъ. Это былъ толстый (что чрезвычайная рѣдкость между солдатами), рыжій, красный мужчина, съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ и выпуклыми ясно-голубыми глазами.

— Что, ты боишся бомбъ? — спросилъ его Володя.

— Чего бояться бомбовъ-то! — отвѣчалъ Мельниковъ, пожимаясь и почесываясь: — меня изъ бомбы не убьютъ, я знаю.

— Такъ ты бы захотѣлъ тутъ жить?

— А, извѣстно, захотѣлъ бы. Тутъ весело! — сказалъ онъ, вдругъ расхохотавшись.

— О, такъ тебя надо на вылазку взять! хочешь, я скажу генералу? — сказалъ Володя, хотя онъ не зналъ *здѣсь* ни одного генерала.

— А какъ не хотѣть! хочу!

И Мельниковъ спрятался за другихъ.

— Давайте въ носки, ребята! У кого карты есть? — послышался его торопливый голосъ.

Дѣйствительно, скоро въ заднемъ углу завязалась игра, — слышались удары по носу, смѣхъ и козырянье. Володя напился чаю изъ самовара, который наставилъ ему барабанщикъ, угощалъ фейерверкеровъ, шутилъ, разговаривалъ съ ними, желая заслужить популярность, и очень довольный тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали. Солдатики тоже, замѣтивъ, что баринъ простой, поразговорились. Одинъ рассказывалъ, какъ скоро кончится осадное положеніе Севастополя, потому что ему вѣрный флотскій человѣкъ разсказывалъ, какъ Константинъ, царевъ братъ, съ мериканскимъ флотомъ идетъ къ намъ на выручку, и еще какъ скоро уговоръ будетъ, чтобы не палить двѣ недѣли и отдохнуть дать, а коли кто выпалитъ, то за каждый выстрѣлъ семьдесятъ-пять копѣекъ платить будетъ.

Васинъ, который успѣлъ разсмотретьъ Володя, былъ маленький, съ большими добрыми глазами, бакенбардистъ, рассказалъ, при общемъ сначала молчаніи, а потомъ хохотѣ, какъ, пріѣхавъ въ отпускъ, сначала ему были рады, а потомъ отецъ его сталъ посыпать на работу, а за женой лѣничий поручикъ дрожки присыпалъ. Все это чрезвычайно за-

бавляло Володю. Онъ не только не чувствовалъ ни малѣйшаго страха или неудовольствія отъ тѣсноты и тяжелаго запаха въ блиндажѣ, но ему чрезвычайно весело и пріятно было.

Уже многіе солдаты храпѣли. Влангъ тоже растянулся на полу, и старый фейерверкеръ, разостлавъ шинель, крестясь, бормоталъ молитвы передъ сномъ, когда Володѣ захотѣлось выйти изъ блиндажа—посмотрѣть, что на дворѣ дѣлается.

— Подбирай ноги!—закричали другъ другу солдаты, только что онъ всталъ, и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу.

Влангъ, казавшійся спящимъ, вдругъ поднялъ голову и схватилъ Володю за полу шинели.

— Ну полноте, не ходите, какъ можно!—заговорилъ онъ слезливо убѣдительнымъ тономъ: — вы еще не знаете: тамъ безпрестанно падаютъ ядра; лучше здѣсь.

Но, несмотря на просьбы Вланга, Володя выбрался изъ блиндажа и сѣлъ на порогъ, на которомъ уже сидѣлъ Мельниковъ.

Воздухъ былъ чистый и свѣжий,—особенно послѣ блиндажа,—ночь была ясная и тихая. За гуломъ выстрѣловъ слышались: звукъ колесъ телѣгъ, привозившихъ туры, и говоръ людей, работающихъ на пороховомъ погребѣ. Надъ головами стояло высокое звѣздное небо, по которому безпрестанно пробѣгали огненные полосы бомбъ; налѣво, въ аршинъ, маленькое отверстіе вело въ другой блиндажъ, изъ котораго виднѣлись ноги и спины матросовъ, жившихъ тамъ, и слышались голоса ихъ; впереди виднѣлось возвышеніе порохового погреба, мимо котораго мелькали фигуры согнувшихся людей и на которомъ, на самомъ верху, подъ пулями и бомбами, которыхъ безпрестанно свистѣли въ этомъ мѣстѣ, стояла какая-то высокая фигура въ черномъ пальто,

съ руками въ карманахъ, и ногами притаптывала землю, которую мѣшками носили туда другіе люди. Часто бомба про летала и рвалась весьма близко отъ погреба. Солдаты, носившіе землю, пригибались, сторонились; черная же фигура не двигалась, спокойно утаптывая землю ногами и все въ томъ же положеніи оставалась на мѣстѣ.

— Кто этотъ черный?—спросилъ Володя у Мельникова.

— Не могу знать; пойду посмотрю.

— Не ходи: не нужно.

Но Мельниковъ, не слушая, всталъ, подошелъ къ черному человѣку и весьма долго такъ же равнодушно и неподвижно стоялъ около него.

— Это погребной, ваше благородіе!—сказалъ онъ, возвратясь:—погребокъ пробило бомбой, такъ пѣхотные землю носятъ.

Изрѣдка бомбы летѣли прямо, казалось, въ двери блиндажа. Тогда Володя прижимался за уголь и снова высовывался, глядя наверхъ, не летить ли еще сюда. Хотя Влангъ нѣсколько разъ изъ блиндажа умолялъ Володю вернуться, онъ часа три просидѣлъ на порогѣ, находя какое-то удовольствіе въ испытываніи судьбы и наблюденіи за полетомъ бомбъ. Подъ конецъ вечера ужъ онъ зналъ, откуда сколько стрѣляетъ орудій и куда ложатся ихъ снаряды.

XXII.

На другой день, 27-го числа, послѣ десятичасового сна, Володя, свѣжій, бодрый, рано утромъ вышелъ на порогъ блиндажа. Влангъ тоже было вылѣзъ вмѣстѣ съ нимъ, но, при первомъ звуки пули, стремглавъ, пробивая себѣ голо-

вой дорогу, бросился назад въ отверстіе блиндажа, при общемъ хотѣ тоже большою частью повышедшихъ на воздухъ солдатиковъ. Только Влангъ, старикъ-фейерверкеръ и нѣсколько другихъ выходили рѣдко въ траншею; остальныхъ нельзя было удержать: всѣ они повысыпали на свѣжій, утренній воздухъ изъ смраднаго блиндажа и, несмотря на столь же сильное, какъ и наканунѣ, бомбардированіе, расположились кто около порога, кто подъ брустверомъ. Мельниковъ уже съ самой зорьки прогуливался по батареямъ, равнодушно поглядывая вверхъ.

Около порога сидѣли два старыхъ и одинъ молодой, курчавый солдатъ, изъ жидовъ, прикомандированный изъ пѣхоты. Солдатъ этотъ, поднявъ одну изъ валявшихся пуль и черепкомъ расплюснувъ ее о камень, ножомъ вырѣзаль изъ нея крестъ на манеръ георгіевскаго; другіе, разговаривая, смотрѣли на его работу. Крестъ, дѣйствительно, выходилъ очень красивъ.

— А что, какъ еще постоимъ здѣсь сколько-нибудь,— говорилъ одинъ изъ нихъ:—такъ по замиреніи всѣмъ въ отставку срокъ выйдетъ.

— Какъ же, мнѣ и то всего четыре года до отставки оставалось, а теперь пять мѣсяцевъ простоять въ Севастополь.

— Къ отставкѣ не считается, слышь,—сказалъ другой.

Въ это время ядро просвистѣло надъ головами говорившихъ и въ аршинъ ударилось отъ Мельникова, подходившаго къ немъ по траншѣ.

— Чуть не убило Мельникова,—сказалъ одинъ.

— Не убеть,—отвѣчалъ Мельниковъ.

— Вотъ на же тебѣ крестъ за храбрость,—сказалъ молодой солдатъ, дѣлавшій крестъ, отдавая его Мельникову.

— Нѣтъ, братъ, тутъ, значитъ, мѣсяцъ за годъ ко всему считается, на то приказъ былъ,—продолжался разговоръ.

— Какъ ни суди, безпремѣнно по замиреніи сдѣлаются смотрѣцъ царскій въ Оршавѣ, и коли не отставка, такъ въ безсрочные выпустятъ.

Въ это время визгливая, зацѣпившаяся пулька пролетѣла надъ самыми головами разговаривавшихъ и ударила о камень.

— Смотри, еще до вечера въ чистую выйдешь,—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Всѣ засмѣялись.

И не только до вечера, но черезъ два часа уже двое изъ нихъ получили чистую, а пять были ранены; но остальные шутили точно такъ же.

Дѣйствительно, къ утру двѣ мортирки были приведены въ такое положеніе, что можно было стрѣлять изъ нихъ. Часу въ десятомъ, по полученному приказанію отъ начальника бастіона, Володя вызвалъ свою команду и съ нюю вмѣстѣ пошелъ на батарею.

Въ людяхъ незамѣтно было и капли того чувства боязни, которое выражалось вчера, какъ скоро они принялись за дѣло. Только Влангъ не могъ преодолѣть себя: прятался и гнулся все такъ же, и Васинъ потерялъ иѣсколько свое спокойствіе, суетился и присѣдалъ безпрестанно. Володя же былъ въ чрезвычайномъ восторгѣ: ему не приходила и мысль объ опасности. Радость, что онъ исполняетъ свою обязанность, что онъ не только не трусъ, но даже храбръ, чувство командованія и присутствіе двадцати человѣкъ, которые, онъ зналъ, съ любопытствомъ смотрѣли на него, сдѣлали изъ него совершенного молодца. Онъ даже тщеславил-

ся своею храбростью, франтиль передъ солдатами, вылезаль на банкетъ и нарочно разстегнуль шинель, чтобъ его ~~за~~мѣтище было. Начальникъ бастіона, обходившій въ это время свое хозяйство, какъ онъ выражался, какъ ни привыкъ въ восемь мѣсяцевъ ко всѣмъ родамъ храбости, не могъ не полюбоваться на этого хорошенъкаго мальчика, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой видна была красная рубашка, обхватывающая бѣлую, нѣжную шею, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, похлонывающаго руками и звонкимъ голоскомъ командующаго: „первое, второе!“ и весело вѣгающаго на брустверъ, чтобы посмотреть, куда падаетъ его бомба. Въ половигѣ двѣнадцатаго стрѣльба съ обѣихъ сторонъ затихла, а ровно въ двѣнадцать часовъ начался штурмъ Малахова кургана, 2-го, 3-го и 5-го бастіоновъ.

XXIII.

По сю сторону бухты, между Инкерманомъ и Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, на холмѣ телеграфа, около полудня стояли два моряка: одинъ—офицеръ, смотрѣвшій въ трубу на Севастополь, и другой, вмѣстѣ съ казакомъ только что подѣхавшій къ большой вехѣ.

Солнце свѣтло и высоко стояло надъ бухтой, игравшею съ своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселымъ и теплымъ блескомъ. Легкій вѣтерокъ едва шевелилъ листья засыхающихъ дубовыхъ кустовъ около телеграфа, надувалъ паруса лодокъ и колыхалъ волны. Севастополь, все тотъ же, съ своею недостроенною церковью, колонной, набережною, зеленѣющимъ на горѣ бульваромъ и изящнымъ строеніемъ библіотеки, съ своими маленькими лаврѣвыми бухточками, наполненными мачтами живописными

арками водопроводовъ и съ облаками синяго порохового дыма, освѣщаѣмыми иногда багровымъ пламенемъ выстрѣловъ, все тотъ же красивый, праздничный, гордый Севастополь, окруженный съ одной стороны желтыми дымящимися горами, съ другой—ярко-синимъ, играющимъ на солнцѣ моремъ, виднѣлся на той сторонѣ бухты. Надъ горизонтомъ моря, по которому дымилась полоса чернаго дыма какого-то парохода, ползли длинныя бѣлые облака, обѣщая вѣтеръ. По всей линіи укрѣплений, особенно по горамъ лѣвой стороны, по нѣсколько вдругъ, безпрестанно, съ молнией, блестѣвшую иногда даже въ полуденномъ свѣтѣ, раждались клубки густого, скатаго, бѣлаго дыма, разростались, принимая различныя формы, поднимались и темиже окрашивались въ небѣ. Дымки эти, мелькая то тамъ, то здѣсь, раждались по горамъ, на батареяхъ непріятельскихъ, и въ городѣ, и высоко на небѣ. Звуки взрывовъ не умолкали и, переливаясь, потрясали воздухъ...

Къ двѣнадцати часамъ дымки стали показываться рѣже и рѣже, воздухъ меньше колебался отъ гула.

— Однако 2-й бастіонъ ужъ совсѣмъ не отвѣчаетъ,—сказалъ гусарскій офицеръ, сидѣвшій верхомъ:—весь разбитъ! ужасно!

— Да и Малаховъ нечто на три ихъ выстрѣла посылаетъ одинъ,—отвѣчаетъ тотъ, который смотрѣлъ въ трубу:—это меня бѣситъ, что они молчатъ. Все прямо въ Корниловскую попадаютъ, и онъ ничего не отвѣчаетъ.

— А посмотри, къ двѣнадцати часамъ, я говорилъ, они всегда перестаютъ бомбардировать. Вотъ и нынче также. Пойдемъ лучше завтракать... насы ждутъ уже теперь... нечего смотрѣть

— Постой, не мѣшай! — отвѣчалъ смотрѣвшій въ трубу, съ особеною жадностью глядя на Севастополь.

— Что тамъ? что?

— Движеніе въ траншеяхъ, густыя колонны идутъ.

— Да и такъ видно, — сказалъ морякъ: — идутъ колоннами. Надо дать сигналъ.

— Смотри, смотри! вышли изъ траншеи.

Дѣйствительно, простымъ глазомъ видно было, какъ-будто темныя пятна двигались съ горы черезъ балку отъ французскихъ батарей къ бастіонамъ. Впереди этихъ пяты видны были темныя полосы, уже около нашей линіи. На бастіонахъ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы перебѣгая, бѣлые дымки выстрѣловъ. Вѣтеръ донесъ звуки ружейной, частой, какъ дождь бѣть по окнамъ, перестрѣлки. Черныя полосы двигались въ самомъ дыму, ближе и ближе. Звуки стрѣльбы, усиливалась и усиливаясь, слились въ продолжительный перекатывающійся грохотъ. Дымъ, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линіи и слился, наконецъ, въ одно лиловатое, свивающееся и развивающееся облако, въ которомъ кое-гдѣ едва мелькали огни и черныя точки; все звуки соединились въ одинъ перекатывающійся трескъ.

— Штурмъ! — сказалъ офицеръ, съ блѣднымъ лицомъ, отдавая трубку моряку.

Казаки проскакали по дорогѣ, офицеры верхами, главно-командующій въ коляскѣ и со свитой, проѣхалъ мимо. На каждомъ лицѣ видны были тяжелое волненіе и ожиданіе.

— Не можетъ быть, чтобы взяли! — сказалъ офицеръ на лошади.

— Ей-Богу, знамя! посмотри, посмотри! — сказалъ дру-

гой, задыхаясь и отходя отъ трубы:—французское на Малаховомъ.

— Не можетъ быть!

XXIV.

Козельцовъ старшій, успѣвшій отыграться въ ночь и снова спустить все, даже и зашитые въ обшлагѣ золотые, передъ утромъ спаль еще нездоровыемъ, тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ, въ оборонительной казармѣ 5-го баталіона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крикъ:

— Тревога!

— Что вы спите, Михайло Семенычъ! штурмъ!—крикнулъ ему чей-то голосъ.

— Вѣрно школьнікъ какой-нибудь,—сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря.

Но вдругъ онъ увидалъ офицера, бѣгающаго безъ всякой видимой цѣли изъ угла въ уголъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ все понялъ. Мысль, что его могутъ принять за труса, не хотѣвшаго выйти къ ротѣ въ критическую минуту, поразила его ужасно. Онъ во весь духъ побѣжалъ къ ротѣ. Стрѣльба орудійная кончилась; но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, какъ штуцерныя, а роями, какъ стадо осеннихъ птичекъ пролетаетъ надъ головами. Все то мѣсто, на которомъ стоялъ вчера его баталіонъ, было застлано дымомъ, были слышны недружные крики и возгласы. Солдаты, раненые и нераненые, толпами попадались ему навстрѣчу. Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидалъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли Шварца, — сказалъ молодой офицеръ. — Все пропало!

— Вздоръ, — сказалъ онъ сердито, выхватилъ свою маленькую желѣзную тупую сабельку и закричалъ:

— Впередъ ребята! ура-а!

Голосъ былъ звучный и громкій; онъ возбудилъ самого Козельцова. Онъ побѣжалъ впередъ вдоль траверса; человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, съ криками, побѣжали за нимъ. Онъ выбѣжалъ изъ-за траверса на открытую площадку. Пули посыпались, буквально, какъ градъ. Двѣ ударились въ него,—но куда и что онъ сдѣлали, контузили, ранили его, онъ не имѣлъ времени рѣшить. Впереди, въ дыму, видны были уже ему синіе мундиры, красные панталоны и слышны не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шапкой и кричалъ что-то. Козельцовъ былъ уверенъ, что его убьютъ: это-то и придавало ему храбрости. Онъ бѣжалъ впередъ и впередъ. Несколько солдатъ обогнали его; другие солдаты показались откуда-то сбоку и бѣжали тоже. Синіе мундиры оставались въ томъ же разстояніи, убѣгая отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; но подъ ногами попадались раненые и убитые. Добѣжавъ уже до вѣшияго оврага, всѣ смѣщались въ глазахъ Козельцова, и онъ почувствовалъ боль въ груди.

Черезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ, около Николаевской казармы, и зналъ, что онъ раненъ, но боли почти не чувствовалъ; ему только хотѣлось напиться чего-нибудь холоднаго и лечь попокойнѣе.

Маленький, толстый, съ большими черными бакенбардами докторъ подошелъ къ нему и разстегнуль шипель. Козельцовъ ерезъ подбородокъ смотрѣлъ на то, что дѣлаетъ док-

торъ съ его раной, на лицо доктора, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы объ полы пальто и, молча, не глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ безсознательно слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣжалось передъ нимъ, и вспомнивъ то, что было на 5-мъ бастіонѣ, съ чрезвычайно отраднымъ чувствомъ самодовольствія подумалъ, что онъ хорошо исполнилъ свой долгъ, что въ первый разъ за всю службу онъ поступилъ хорошо, какъ только можно было, и ни въ чёмъ не можетъ упрекнуть себя. Докторъ, перевязывая другого раненаго офицера, сказалъ что-то, указывая на Козельцова, священику съ большою рыжею бородой, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Что, я умру? — спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подаль крестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакаль.

— Что, выбиты французы? — твердо спросилъ онъ у священника.

— Вездѣ побѣда за нами осталась, — отвѣчалъ священникъ, чтобы утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.

— Слава Богу, — проговорилъ раненый, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ.

Мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ. «Дай Богъ ему такое же счастіе», — подумалъ онъ.

XXV.

Но не такая участь ожидала Володю. Онъ слушалъ сказку, которую рассказывалъ ему Васинъ, когда закричали: „Французы идутъ!“ Кровь прилила мгновенно къ сердцу Володи, и онъ почувствовалъ, какъ похолодѣли и поблѣднѣли его щеки. Съ секунду онъ оставался недвижимъ; но, взглянувъ кругомъ, онъ увидѣлъ, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылѣзали одинъ за другимъ,—одинъ даже—кажется, Мельниковъ,—шутливо сказалъ:

— Выходи съ хлѣбомъ-солью, ребята!

Володя вмѣстѣ съ Влангой, который ни на шагъ не отставалъ отъ него, вылѣзъ изъ блиндажа и побѣжалъ на батарею. Артиллерійской стрѣльбы ни съ той, ни съ другой стороны совершенно не было. Не столько видѣ спокойствія солдатъ, сколько жалкой нескрываемой трусости юнкера возбудилъ его. „Неужели я могу быть похожъ на него?“ — подумалъ онъ и весело побѣжалъ къ брустверу, около котораго стояли его мортиры. Ему ясно было видно, какъ французы бѣжали прямо на него по чистому мѣсту, и какътолпы ихъ, съ блестящими на солнцѣ штыками, шевелились въ ближайшихъ траншеяхъ. Одинъ, маленький, широкоплечий, въ зуавскомъ мундирѣ и со шпагой, бѣжалъ впереди и перепрыгивалъ черезъ ямы. „Стрѣлять картечью!“ крикнулъ Володя, сбѣгая съ банкета: но уже солдаты распорядились безъ него, и металлическій звукъ выпущенной картечи просвисталъ надъ его головой, сначала изъ одной, потомъ изъ другой мортиры. „Первая! вторая!“ — командовалъ Володя, перебѣгая въ длину отъ одной мортиры къ

другой и совершенно забывъ объ опасности. Сбоку слышались близкая трескотия ружей нашего прикрытия и суетливые крики.

Вдругъ пронзительный крикъ отчаянія, повторенный нѣсколькими голосами, послышался слѣва: „обходять! обходятъ!“ Володя оглянулся на крикъ. Человѣкъ двадцать французовъ показались сзади. Одинъ изъ нихъ, съ черною бородой, красивый мужчина, былъ впереди всѣхъ, но, добѣжалъ шаговъ на десять отъ батареи, остановился и выстрѣлилъ прямо въ Володю и потомъ снова побѣжалъ къ нему. Съ секунду Володя стоялъ, какъ окаменѣлый, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Когда онъ опомнился и оглянулся, впереди его на брустверѣ были синіе мундиры; даже два фрацузца, въ десяти шагахъ отъ него, заклеивали пушку. Кругомъ него, кромѣ Мельникова, убитаго пулею рядомъ съ нимъ, и Вланга, схватившаго въ руки гандшпугъ и, съ яростнымъ выражениемъ лица, опущенными зрачками, бросившагося впередъ, никого не было. „За мной, Владимиrь Семенычъ! за мной!“ кричалъ отчаянный голосъ Вланга, гандшпугомъ махавшаго на французовъ, зашедшихъ сзади. Яростная фигура юнкера озадачила ихъ. Одного, передняго, онъ ударилъ по головѣ, другое невольно простоялились, и Влангъ продолжая оглядываться и отчаянно кричать: „за мной, Владимиrь Семеновичъ! что вы стойте! Бѣгите!“ подбѣжалъ къ траншеѣ, въ которой лежала наша пѣхота, стрѣляя по французамъ. Вскочивъ въ траншею, онъ снова высунулся изъ нея, чтобы посмотретьъ, чтѣ дѣлаетъ его обожаемый прaporщикъ. Что-то въ шинелиничкомъ лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Володя, и все это мѣсто было наполнено французами, стрѣлявшими въ нашихъ.

XXVI.

Влангъ нашель свою батарею на 2-й оборонительной линии. Изъ числа двадцати солдатъ, бывшихъ на мортирной батареѣ, спаслось только восемь.

Въ девятомъ часу вечера Влангъ съ батареей, на пароходѣ, наполненномъ солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на ѿверную. Выстрѣловъ ~~шигдѣ~~ не было. Звѣзды такъ же, какъ и прошлую ночь, ярко блестѣли на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи; взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какие-то черные странные предметы и камни, взлетавшіе на воздухъ. Что-то горѣло около доковъ, и красное пламя отражалось въ водѣ. Мостъ, наполненный народомъ, освѣщался огнемъ съ Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, надъ водой на далекомъ мыску Александровской батареи и освѣщало низъ облака дыма, стоявшаго надъ нимъ, и тѣ же, какъ и вчера, спокойные, дерзкіе, далекіе огни блестѣли въ морѣ на непріятельскомъ флотѣ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту. При свѣтѣ зарева пожаровъ видны были мачты нашихъ утопающихъ кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили въ воду. Говора не слышно было на палубѣ: только изъ-за равномѣрного звука разрѣзанныхъ волнъ и пара слышно было, какъ лошади фыркали и топали ногами на шаландѣ, слышны были командныя слова капитана и стоны раненыхъ. Влангъ, не ѿвший цѣлый день, досталь кусокъ хлѣба изъ кармана и началъ жевать, но вдругъ, вспомнивъ о Володѣ, заплакалъ такъ громко, что солдаты, бывшіе подлѣ него, услыхали.

— Вишь, самъ хлѣбъ єсть, а самъ плачетъ Вланга-то яшь,—сказалъ Васинъ.

— Чудно!—сказалъ другой.

— Вишь, и наши казармы позажгли, — продолжалъ онъ, вздыхая: — и сколько тамъ нашего брата пропало; а ни за что французу досталось!

— По крайности сами живые вышли, и то слава те, Господи,—сказалъ Васинъ.

— А все обидно!

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется? Какъ же! гляди, наши опять отберутъ. Ужъ сколько бы нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ Императоръ— и отберутъ. Развѣ наши такъ оставлять ему? Какъ же! на вотъ тебѣ голыя стѣны; а шанцы-то всѣ повзорвали.... Небось, свой значокъ на курганѣ поставилъ, а въ городъ не суется. Погоди, еще разсчетъ будетъ съ тобой настоящій— дай срокъ,—заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ! — сказалъ другой съ убѣжденiemъ.

По всей линїи севастопольскихъ бастионовъ, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенною энергическою жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими умирающихъ героеvъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть и, наконецъ, восхищеніе враговъ, на севастопольскихъ бастионахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, придавившіе человѣческие русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страшною силой сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бом-

бы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось ба-гровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на ба-стіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣ-рить еще, подъ вліяніемъ сильного, спокойнаго отпора дня, чтобы исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шеве-лясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно треща всею своею массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Сѣверной, мед-ленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ,— отъ мѣста, всего облитаго его кровью,—отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага, и ко-торое теперь велѣно было оставить безъ боя.

Непонятно тяжело было для каждого русскаго первое впе-чатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ пре-слѣдованія. Люди чувствовали себя беззащитными, какъ толь-ко оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились во мракѣ у входа моста, который ка-чаль сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь пол-ками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталки-вались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоля-ли жители и деньщики съ клажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопив-шаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными сует-

ливыми занятіями, чувство самосохраненія и желанія выбраться какъ можно поскорѣе изъ этого страшаго мѣста смерти присутствовало въ душѣ каждого. Это чувство было и у смертельно раненаго солдата, лежащаго между пятьюстами такими же ранеными, на камennомъ полу Павловской набережной, и просияцаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу верхомъ проѣзжающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдатъ, и у матроса, попавшаго въ движущійся баталіонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющеюся толпой, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили на земль у Николаевской батареи, и артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощью товарищей, съ крутого берега въ бухту, и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко гребя, на баркасахъ отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство, какъ будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ Сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимою горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ.

РУБКА ЛѢСА

РАЗСКАЗЪ ЮНКЕРА

(1854 — 1855 го́да).

РУБКА ЛѢСА.

РАЗСКАЗЪ ЮНКЕРА.

I.

Въ серединѣ зимы 185... года дивизіонъ нашей батареи стоялъ въ отрядѣ въ Большой Чечнѣ. Вечеромъ 14-го февраля, узнавъ, что взводъ, которымъ я командовалъ за отсутствіемъ офицера, назначенъ въ завтрашней колоннѣ на рубку лѣса, и съ вечера же получивъ и передавъ нужныя приказанія, я раньше обыкновенного отправился въ свою палатку и, не имѣя дурной привычки нагрѣвать ее горячими углами, не раздѣваясь, легъ на свою построенную на кольшкахъ постель, надвинулъ на глаза палаху, закутался въ шубу и заснулъ тѣмъ особеннымъ, крѣпкимъ и тяжелымъ сномъ, которымъ спится въ минуту тревоги и беспокойства предъ опасностью. Ожиданіе дѣла на завтра привело меня въ это состояніе.

Въ три часа утра, когда еще было совершенно темно, съ меня сдернули обогрѣтый тулупъ, и багровый огонь свѣчки непріятно поразилъ мои заспанные глаза.

„Извольте вставать,—сказалъ чей-то голосъ. Я закрылъ

глаза, безсознательно натянулъ на себя опять тулуни и заснуль.—Извольте вставать,—повторилъ Дмитрій, безжалостно раскачивая меня за плечо.—Пѣхота выступаетъ“. Я вдругъ вспомнилъ дѣйствительность, вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Наскоро вышивъ стаканъ чаю и умывшись оледенѣлою водой, я вылѣзъ изъ палатки и пошелъ въ паркъ (мѣсто, гдѣ стоятъ орудія). Было темно, туманно и холодно. Ночные костры, свѣтившіеся тамъ и сямъ по лагерю, освѣщая фигуры сонныхъ солдатъ, расположившихся около нихъ, увеличивали темноту своимъ неяркимъ багровымъ свѣтомъ. Вблизи слышался разномѣрный спокойный храпъ, вдали движение, говоръ и бряканье ружей пѣхоты, готовившейся къ выступленію; пахло дымомъ, навозомъ, фителемъ и туманомъ; по спинѣ пробѣгала утренняя дрожь, и зубы противъ воли ощупывали другъ друга.

Только по фырканью и рѣдкому топоту можно было разобрать въ этой непроницаемой темнотѣ, гдѣ стоять запряженные передки и ящики, и по свѣтившимся точкамъ пальниковъ—гдѣ стоять орудія. Со словами: „съ Богомъ“, зазвенѣло первое орудіе, за нимъ зашумѣлъ ящикъ и взводъ тронулся. Мы все сняли шапки и перекрестились. Вступивъ въ интервалъ между пѣхотою, взводъ остановился и съ четверть часа дожидался сбора всей колонны и выѣзда начальника.

— А у насъ одного солдатика нѣтъ, Николай Петровичъ! — сказала, подходя ко мнѣ, черная фигура, которую я только по голосу узналъ за взводнаго фейерверкера Максимова.

— Кого?

— Веленчука нѣть-съ. Какъ запрягали, онъ все тутъ былъ,—я его видаль, а теперь нѣть.

Такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы колонна тронулась сейчасъ же, мы рѣшили послать отыскивать Веленчука строевого ефрейтора Антонова. Скоро послѣ этого мимо насъ въ темнотѣ прорысило нѣсколько конныхъ: это былъ начальникъ со свитой; а вслѣдъ затѣмъ зашевелилась и тронулась голова колонны, наконецъ и мы,—а Антонова и Веленчука не было. Однако, не успѣли мы пройти сто шаговъ, какъ оба солдата догнали насъ.

- Гдѣ онъ былъ?—спросилъ я у Антонова.
- Въ паркѣ спалъ.
- Что, онъ хмеленъ, что ли?
- Никакъ нѣтъ.
- Такъ отчего же онъ заснуль?
- Не могу знать.

Часа три мы медленно двигались по какимъ-то непаханнымъ, безсѣжнымъ полямъ и низкимъ кустамъ, хрустѣвшимъ подъ колесами орудій, въ томъ же безмолвіи и мракѣ. Наконецъ, перейдя неглубокій, но чрезвычайно быстрый ручей, насъ остановили, и въ авангардѣ послышались отрывчатые винтовочные выстрелы. Звуки эти, какъ и всегда, особенно возбудительно подействовали на всѣхъ. Отрядъ какъ бы проснулся: въ рядахъ послышались говоръ, движеніе и смѣхъ. Солдаты, кто боролся съ товарищемъ, кто перепрыгивалъ съ ноги на ногу, кто жевалъ сухарь или, для пропровожденія времени, отбивалъ на-караулъ и къ ногѣ. Притомъ туманъ замѣтно начиналъ бѣлѣть на востокѣ, сырость становилась ощутительнѣе, и окружающіе предметы постепенно выходили изъ мрака. Я различалъ уже зеленые лафеты и ящики, покрытую туманною сыростью мѣдь орудій, знакомыя, невольно изученные до малѣшихъ подробностей,

фигуры моихъ солдатъ, гиѣдыхъ лошадей и ряды пѣхоты съ ихъ свѣтлыми штыками, торбами, пыжовниками и котелками за спинами.

Скоро насть снова тронули и, проведя нѣсколько сотъ шаговъ безъ дороги, указали мѣсто. Справа виднѣлись крутый берегъ извилистой рѣчки и высокіе деревянные столбы татарскаго кладбища; слѣва и спереди, сквозь туманъ, проглядывала черная полоса. Взводъ снялся съ передковъ. Восьмая рота, прикрывавшая насть, составила ружья въ козлы, и баталіонъ солдатъ съ ружьями и топорами вошелъ въ лѣсъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ со всѣхъ сторонъ затрещали и задымились костры, разсыпались солдаты, раздувая огни руками и ногами, таская сучья и бревна, и въ лѣсу неумолкаемо зазвучали сотни топоровъ и падающихъ деревьевъ.

Артиллеристы, съ нѣкоторымъ соперничествомъ предъ пѣхотными, разложили свой костеръ, и, хотя онъ уже такъ разгорѣлся, что на два шага подойти нельзя было, и густой черный дымъ проходилъ сквозь обледенѣлый вѣтви, съ которыхъ капли шипѣли на огнь и которые нажимали на огонь солдаты, снизу образовались угли и помертвѣлая бѣлая трава кругомъ костра, солдатамъ все казалось мало: они тащили цѣлые бревна, подсовывали бурьянъ и раздували все больше и больше.

Когда я подошелъ къ костру, чтобы закурить папиросу, Веленчуку, и всегда хлопотунъ, но теперь, какъ провинившися, больше всѣхъ старавшійся около костра, въ припадкѣ усердія, досталъ изъ самой середины голою рукой уголь, перебросилъ раза два изъ руки въ руку и бросилъ на землю.

— Ты форостинку зажги да подай, — сказалъ другой. — Пальникъ, братцы, подайте, — сказалъ третій.

Когда я, наконецъ, безъ помоци Веленчука, который опять было руками хотѣлъ взять уголь, зажегъ папиросу, онъ потеръ обожженные пальцы о заднія полы полушибка и, должно-быть, чтобы что-нибудь дѣлать, поднялъ большой чин-ровый отрубокъ и съ размаху бросилъ его на костеръ. Когда, наконецъ, ему показалось, что можно отдохнуть, онъ подошелъ къ самому жару, распахнулъ шинель, надѣтую на немъ, въ видѣ епанчи, на задней пуговицѣ, разставилъ ноги, выставилъ впередъ свои большія черныя руки и, скрививъ немного ротъ, зажмурился.

— Эхъ-ма! трубку забылъ. Вотъ горе-то братцы мои! — сказалъ онъ, помолчавъ немного и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

II.

Въ Россіи есть три преобладающіе типа солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д.

Главные эти типы, со многими подраздѣленіями и соединеніями, слѣдующіе:

- 1) покорныхъ,
- 2) начальствующихъ и
- 3) отчаянныхъ.

Покорные подраздѣляются на а) покорныхъ хладнокровныхъ, б) покорныхъ хлюпотливыхъ.

Начальствующіе подраздѣляются на а) начальствующихъ суровыхъ и б) начальствующихъ политическихъ.

Отчаянные подраздѣляются на а) отчаянныхъ забавниковъ и б) отчаянныхъ развратныхъ.

Чаще другихъ встречающіяся типъ,—типъ болѣе милый, симпатичный и большою частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями: кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей,—есть типъ покорнаго вообще. Отличительная черта покорнаго хладнокровнаго есть ничѣмъ несокрушимое спокойствіе и презрѣніе ко всѣмъ превратностямъ судьбы, могущимъ постигнуть его. Отличительная черта покорнаго пьющаго есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотлива-го—ограниченность умственныхъ способностей, соединенная съ безцѣльнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ.

Типъ же начальствующихъ вообще встречается преимущественно въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. д., и, по первому подраздѣленію начальствующихъ суровыхъ, есть типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключающій высокихъ поэтическихъ порывовъ (къ этому-то типу принадлежалъ ефрейторъ Антоновъ, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателя). Второе подраздѣленіе составляютъ начальствующіе политичные, съ иѣкотораго времени начинающіе сильно распространяться. Начальствующій политичный бываетъ всегда краснорѣчивъ, грамотенъ, ходить въ розовой рубашкѣ, не єсть изъ общаго котла, куритъ иногда Мусатовъ табакъ, считаетъ себя несравненно выше простого солдата и рѣдко самъ бываетъ столь хорошимъ солдатомъ, какъ начальствующіе первого разряда.

Типъ отчаяннаго точно такъ же, какъ и типъ начальствующаго, хорошъ въ первомъ подраздѣленіи: отчаянныхъ забавниковъ, отличительными чертами которыхъ суть непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богат-

ство натуры и удаль; и такъ же ужасно дуренъ во второмъ подраздѣлѣніи: отчаянныхъ развратныхъ, которые, однако, нужно сказать къ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко, и если встрѣчаются, то бываютъ удалляемы отъ товарищества самимъ обществомъ солдатскимъ. Невѣріе и какое-то удалство въ порокѣ—главныя черты характера этого разряда.

Веленчукъ принадлежалъ къ разряду покорныхъ хлопотливыхъ. Онъ былъ малороссіянинъ родомъ, уже 15 лѣтъ на службѣ и хотя невидный и не слишкомъ ловкий солдатъ, но простодушный, добрый, чрезвычайно усердный, хотя большую частью не кстати, и чрезвычайно честный. Я говорю: чрезвычайно честный, потому что въ прошломъ году былъ случай, въ которомъ онъ показалъ весьма очевидно это характеристическое свойство. Надобно замѣтить, что почти каждый изъ солдатъ имѣетъ мастерство. Болѣе распространеныя мастерства: портняжное и сапожное. Веленчукъ самъ научился первому и даже, судя по тому, что самъ Михаилъ Дороѳичъ, фельдфебель, даваль ему шить на себя, дошелъ до извѣстной степени совершенства. Въ прошломъ году въ лагерѣ Веленчукъ взялся шить тонкую шинель Михаилу Дороѳичу; но въ ту самую ночь, когда онъ, скроивъ сукно и прикинувъ прикладъ, положилъ къ себѣ въ палаткѣ подъ голову, съ нимъ случилось несчастіе: сукно, которое стоило *семь рублей*, въ ночь пропало! Веленчукъ, со слезами на глазахъ, съ дрожащими блѣдными губами и сдержанными рыданіями, объявилъ о томъ фельдфебелю. Михаилъ Дороѳичъ прогнѣвался. Въ первую минуту досады онъ пригрозилъ портному, но потомъ, какъ человѣкъ съ достаткомъ и хорошій, махнулъ рукой и не требовалъ съ Веленчука возвращенія цѣнности шинели. Какъ ни хлопоталъ хлопотливый

Веленчукъ, какъ ни плакалъ, рассказывая про свое несчастіе, воръ не нашелся. Хотя и были сильныя подозрѣнія на одного отчаяннаго развратнаго солдата, Чернова, спавшаго съ нимъ въ одной палаткѣ, но не было положительныхъ доказательствъ. Начальствующій политичный Михаилъ Дороѳичъ, какъ человѣкъ съ достаткомъ, занимаясь кое-какими сдѣлочками съ каптенармусомъ и артельщикомъ, аристократами батареи, скоро совершенно забыть о пропажѣ партикулярной шинели; Веленчукъ же, напротивъ, не забыть своего несчастія. Солдаты говорили, что въ это время они боялись за него, какъ бы онъ не наложилъ на себя руку или не бѣжалъ въ горы: такъ сильно подѣйствовало на него это несчастіе. Онъ не пилъ, не ъль, работать даже не могъ и все плакалъ. Чресть три дня онъ явился къ Михаилу Дороѳичу и, весь блѣдный, дрожащею рукой досталь изъ-за обшлага золотой и подалъ ему. „Ей-Богу, послѣдне, Михаилъ Дороѳичъ, — и тѣ у Жданова заняль,—сказалъ онъ, снова всхлипывая,—а еще два рубля ей-ей отдамъ, какъ заработаю. Онъ (кто былъ онъ, не зналъ и самъ Веленчукъ) меня предъ вашими глазами плутомъ сдѣлалъ. Онъ—ехидная его мерзкая душа,—у своего брата-солдата послѣднее изъ души взяль; а я 15 лѣтъ служа...“ Къ чести Михаила Дороѳича должно сказать, что онъ не взяль съ Веленчука недостававшихъ двухъ рублей, хотя Веленчукъ чрезъ два мѣсяца и приносилъ ихъ.

III.

Кромѣ Веленчука около костра грѣлись еще пять человѣкъ (солдатъ моего взвода).

На лучшемъ мѣстѣ, за вѣтромъ, на баклагѣ, сидѣлъ взводный фейерверкеръ Максимовъ и курилъ трубку. Въ позѣ, во взглядѣ и во всѣхъ движеніяхъ этого человѣка замѣтны были привычка повелѣвать и сознаніе собственного достоинства, не говоря уже о баклагѣ, на которой онъ сидѣлъ, составляющей на привалѣ эмблему власти, и крытомъ панкой полушубкѣ.

Когда я подошелъ, онъ повернуль голову ко мнѣ; но глаза его оставались устремленными на огонь, и только гораздо послѣ взгляда его, вслѣдъ за направленіемъ головы, обратился на меня. Максимовъ былъ изъ однодворцевъ, имѣть деньги и въ учебной бригадѣ получилъ классъ и набрался учености. Онъ былъ ужасно богатъ и ужасно ученъ, какъ говорили солдаты. Я помню, какъ разъ, на практической навѣсной стрѣльбѣ съ квадрантомъ, онъ объяснялъ собравшимся вокругъ него солдатамъ, что ватерпасъ *не что иное, какъ происходитъ, что атмосферическая ртуть свое движение имѣетъ*. Въ сущности, Максимовъ былъ далеко не глупъ и отлично зналъ свое дѣло; но у него была несчастная странность говорить иногда нарочно такъ, что не было никакой возможности понять его и что, я увѣренъ, онъ самъ не понималъ своихъ словъ. Особенно онъ любилъ слова: „происходить“ и „продолжать“, и когда, бывало, скажешь: „происходить“, или: „продолжая“, то я уже впередъ знаю, что изъ всего послѣдующаго я не пойму ничего. Солдаты же, напротивъ, сколько я могъ замѣтить, любили слушать его „происходить“ и подозрѣвали въ немъ глубокій смыслъ, хотя такъ же, какъ и я, не понимали ни слова. Но непониманіе это они относили только къ своей глупости и тѣмъ болѣе уважали Федора Максимыча. Однимъ словомъ, Максимовъ былъ начальствующій политичный.

Второй солдатъ, переобувавшій около огня свои жилистые красныя ноги, былъ Антоновъ, — тотъ самый бомбардиръ Антоновъ, который еще въ 37 году, втроемъ, оставшись при одномъ орудіи, безъ прикрытия, отстрѣливался отъ сильнаго непріятеля и съ двумя пулями въ ляжкѣ продолжалъ итти около орудія и заряжать его. „Давно бы ужъ ему быть фейерверкеромъ, коли бы ис карактеръ его“, говорили про него солдаты. И, дѣйствительно, странный у него былъ характеръ: въ трезвомъ видѣ не было человѣка покойнѣе, смиренѣе и исправнѣе; когда же онъ запивалъ, становился совсѣмъ другимъ человѣкомъ: не признавалъ власти, дрался, буянилъ и дѣлался никуда негоднымъ солдатомъ. Не дальше, какъ недѣлю тому назадъ, онъ запилъ на масляницѣ и, несмотря ни на какія угрозы,увѣщанія и привязыванія къ орудію, пьянствовалъ и буянилъ до самаго чистаго понедѣльника. Весь постъ же, несмотря на приказъ по отряду всѣмъ людямъ Ѳѣсть скромное, питался онъ одними сухарями и на первой недѣлѣ не бралъ даже положеній крышки водки. Впрочемъ, надобно было видѣть эту невысокую, сбитую, какъ желѣзо, фигуру, съ короткими выгнутыми ножками и глыцевитою усатою рожею, когда онъ, бывало, подъ хмелькомъ возьметъ въ жилистые руки балалайку и, небрежно поглядывая по сторонамъ, заиграетъ „барыню“, или, съ пицелью въ накидку, на которой болтаются ордена, и заложивъ руки въ карманы синихъ панковыхъ штановъ, пройдется по улицѣ, — надо было видѣть выраженіе солдатской гордости и презрѣнія ко всему не-солдатскому, игравшее въ это время на его физіономіи, чтобы понять, какимъ образомъ не податься въ такія минуты съ загрубившимъ или просто подвернувшимся дешевщикомъ, казакомъ, пѣхотнымъ

или переселенцемъ, вообще не-артиллеристомъ, было для него совершенно невозможно. Онъ дрался и буянилъ не столько для собственного удовольствія, сколько для поддержанія духа всего солдатства, котораго онъ чувствовалъ себя представителемъ.

Третій солдатъ, съ серыгой въ ухѣ, щетинистыми усиками, птичьею рожицею и фарфоровою трубочкой въ зубахъ, на корточкахъ сидѣвшій около костра, былъ ъзовой Чикинъ. Милый человѣкъ Чикинъ, какъ его прозвали солдаты, былъ забавникъ. Въ трескучій ли морозъ, по колѣно въ грязи, два дня не ъвши, въ походѣ, на смотру, на ученьѣ, милый человѣкъ всегда и вездѣ корчилъ гримасы, выдѣльвалъ ногами колѣнца и отливалъ такія шутки, что весь взводъ покатывался со смѣху. На привалѣ или въ лагерѣ вокругъ Чикина всегда собирался кружокъ молодыхъ солдатъ, съ которыми онъ или затѣвалъ „фильку“ *), или рассказывалъ сказки про хитраго солдата и англійскаго милорда, или представлялъ татарина, нѣмца, или просто дѣлая свои замѣчанія, отъ которыхъ всѣ помирали со смѣху. Правда, что репутація его какъ забавника была ужъ такъ утверждена въ батареѣ, что стоило ему только открыть ротъ и подмигнуть, чтобы произвести общій хохотъ; но, дѣйствительно, въ немъ много было истинно комического и неожиданного. Онъ въ каждой вещи умѣлъ видѣть что-то особенное, такое, чтѣ другимъ и въ голову не приходило, и—главное—способность эта во всемъ видѣть смѣшное не уступала никакимъ испытаніямъ.

Четвертый солдатъ былъ молодой, невзрачный мальчишка, рекрутъ прошлогодняго пригона, въ первый еще разъ бывшій въ походѣ. Онъ стоялъ въ самомъ дыму и такъ

* Солдатская игра въ карты

близко отъ огня, что, казалось, истертый полушубочекъ его сейчасъ загорится; но, несмотря на это, по его распахнутымъ поламъ, спокойной, самодовольной позѣ съ выгнутыми икрами, видно было, что онъ испытывалъ большое удовольствіе.

И, наконецъ, пятый солдатъ, немного поодаль сидѣвшій отъ костра и строгавшій какую-то палочку, былъ дяденька Ждановъ. Ждановъ былъ старше всѣхъ солдатъ въ батареѣ на службѣ, всѣхъ зналъ еще рекрутами, и всѣ по старой привычкѣ называли его дяденькой. Онъ, какъ говорили, никогда не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты (даже въ носки), не бранился дурнымъ словомъ. Все свободное отъ службы время онъ занимался сапожнымъ мастерствомъ, по праздникамъ ходилъ въ церковь, гдѣ было возможно, или ставилъ копеечную свѣчку предъ образомъ и раскрывалъ псалтырь, единственную книгу, по которой онъ умѣлъ читать. Съ солдатами онъ водился мало,—со старшими чиномъ, хотя и младшими лѣтами, онъ былъ холодно почтителенъ, съ равными, какъ не пьющи, онъ имѣлъ мало случаевъ сходиться; но особенно онъ любилъ рекрутовъ и молодыхъ солдатъ: имъ онъ всегда покровительствовалъ, читалъ имъ наставленія и помогалъ часто. Всѣ въ батареѣ считали его капиталистомъ, потому что онъ имѣлъ рублей 25, которыми охотно ссужалъ солдата, который дѣйствительно нуждался. Тотъ самый Максимовъ, который теперь былъ фейерверкеромъ, рассказывалъ мнѣ, что когда, 10 лѣтъ тому назадъ, онъ рекрутомъ пришелъ, и старые пьющіе солдаты пропили съ нимъ деньги, которыхъ у него были, Ждановъ, замѣтивъ его несчастное положеніе, призвалъ къ себѣ, строго выговорилъ ему за его поведеніе, побилъ даже, прочель наставленіе, какъ въ солдатствѣ жить нужно, и отпустилъ, давъ

ему рубаху, которой ужъ не было у Максимова, и полтину денегъ. „Онъ изъ меня человѣка сдѣлалъ“, говорилъ про него всегда съ уваженiemъ и благодарностью самъ Максимовъ. Онъ же помогъ Веленчуку, которому онъ вообще покровительствовалъ съ самого рекрутства, во время несчастія пропажи шинели, и многимъ, многимъ другимъ во время своей 25-г҃тніей службы.

По службѣ нельзя было ждать лучше знающаго дѣло, храбрѣе и исправнѣе солдата; но онъ былъ слишкомъ смѣренъ и невиденъ, чтобы быть произведеннымъ въ фейерверкеры, хотя уже былъ 15 лѣтъ бомбардиромъ. Одна радость и даже страсть Жданова были пѣсни; особенно нѣкоторыя онъ очень любилъ и всегда собирая кружокъ пѣсенниковъ изъ молодыхъ солдатъ и, хотя самъ не умѣлъ пѣть, стоялъ съ ними и, заложивъ руки въ карманы полушибутка и защмутившись, движеніями головы и скуль выражалъ свое сочувствіе. Не знаю почему, въ этомъ равномѣрномъ движеніи скуль подъ ушами, которое я замѣчалъ только у него одного, я почему-то находилъ чрезвычайно много выраженія. Бѣлая, какъ лунь, голова, нафабренные черные усы и загорѣлое морщинистое лицо придавали ему, на первый взглядъ, выраженіе строгое и суровое; но, взглянувшись ближе въ его большие круглые глаза, особенно, когда они улыбались (губами онъ никогда не смѣялся), что-то необыкновенно краткое, почти дѣтское, вдругъ поражало васъ.

IV.

— Эхъ-ма! трубку забылъ. Вотъ горе-то, братцы мои! — повторилъ Веленчукъ.

— А ты бы сихарки куриль, милый человѣкъ! — заговорилъ Чикинъ, скрививъ ротъ и подмигивая. — Я такъ все сихарки дома курю: она слаще.

Разумѣется, всѣ покатились со смѣху.

— То-то трубку забылъ,—перебилъ Максимовъ, не обращая вниманія на общій хохотъ, и начальнически, гордо выбивая трубку о ладонь лѣвой руки.— Ты гдѣ тамъ пропадаешь? а, Веленчукъ?

Веленчукъ полуоборотился къ нему, поднялъ было руку къ шапкѣ, но потомъ опустилъ ее.

— Видно, со вчерашняго не проспался, что ужъ стоя засыпаешь. За это вашему брату спасибо не говорять.

— Разорви меня на семъ мѣстѣ, Федоръ Максимовичъ, коли у меня капля во рту была; а я и самъ не знаю, что со мной сдѣлалось,—отвѣчалъ Валенчукъ.—Съ какой радости напился!—проворчалъ онъ.

— То-то; а изъ-за вашего брата отвѣтствуюшь предъ начальствомъ своимъ, а вы этакъ продолжаете — вовсе безобразно,—заключилъ краснорѣчивый Максимовъ, уже болѣе спокойнымъ тономъ.

— Вѣдь вотъ чудо-то, братцы мои,—продолжалъ Веленчукъ, послѣ минутнаго молчанія, почесывая въ затылкѣ и не обращаясь ни къ кому въ особенности: — право, чуло, братцы мои! Шестнадцать лѣтъ служу — такого со мной не бывало. Какъ сказали къ разсчету строиться, я собрался какъ слѣдуетъ — ничего не было, да вдругъ у паркѣ какъ она схватить меня... схватила, схватила, повалила, повалила меня на земль, да и все... И какъ заснуль, самъ не слыхалъ, братцы мои! Должно, она самая спячка и есть,—заключилъ онъ.

— Вѣль и то насилу я тебя разбудиль,—сказалъ Аントоновъ, натягивая сапогъ: — ужъ я тебя толкалъ, толкалъ... ровно чурбанъ какой!

— Вишь ты,—замѣтилъ Веленчукъ:—добро ужъ пьяный былъ...

— Такъ-то у нась дома баба была, — началъ Чикинъ:— такъ съ печи, почитай, два года не сходила. Стали ее будить разъ, думали, что спить, а ужъ она мертвая лежить,— такъ тоже все на нее сонь находилъ. Такъ-то, милый человѣкъ!

— А расскажи-ка, Чикинъ, какъ ты въ отпуску тонъ задавалъ себѣ,—сказалъ Максимовъ, улыбаясь и поглядывая на меня, какъ-будто говоря: „не угодно ли тоже послушать глупаго человѣка?“

— Какой тонъ, Федоръ Максимычъ? — сказалъ Чикинъ, бросая искоса на меня бѣглый взглядъ; — извѣстно, рассказывалъ, какой такой Кавказъ есть.

— Ну да, какъ же, какъ же! Ты не модничай... рассказалъ, какъ ты имъ предводительствовалъ?

— Извѣстно, какъ предводительствовалъ: спрашивали какъ мы живемъ, — началъ Чикинъ скороговоркой, съ видомъ человѣка, нѣсколько разъ рассказывавшаго то же самое,— я говорю, живемъ хорошо, милый человѣкъ: провіантъ сполна получаемъ, утромъ и вечеромъ по чашкѣ щиколата идетъ на солдата, а въ обѣдъ идетъ господскій супъ изъ перловыхъ крупъ, а замѣсть водки модера полагается по крышкѣ. Модера Дивирье, что безъ посуды, моль, сорокъ-двѣ!

— Важная модера! — громче другихъ, заливаясь смѣхомъ, подхватилъ Веленчукъ:— вотъ такъ модера!

— Ну, а про эзіятовъ какъ рассказывалъ? — продолжалъ

допрашивать Максимовъ, когда общий смѣхъ утихъ нѣ сколько.

Чикинъ нагнулся къ огню, досталъ палочкой уголекъ, наложилъ его на трубку и молча, какъ-будто не замѣчая возбужденного въ слушателяхъ молчаливаго любопытства, долго раскуривалъ свои корешки. Когда наконецъ онъ набрался достаточно дыму, сбросилъ уголекъ, сдвинулъ еще болѣе назадъ свою шапочку и, подергиваясь и слегка улыбаясь, продолжалъ: тоже спрашиваютъ, какой, говорить, тамъ малый черкесь, говорить; или турка у вѣсъ на Капказѣ, говорить, бѣть? Я говорю, у насъ черкесь, милый человѣкъ не одинъ, а разные есть. Есть такие тавлины, что въ каменныхъ горахъ живутъ и камни замѣстъ хлѣба єдятъ. Тѣ большие, говорю, ровно какъ колода добрая, по одному глазу во лбу, и шапки на нихъ красныя, вотъ такъ и горятъ, ровно какъ на тебѣ, милый человѣкъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ молодому рекрутику, на которомъ, дѣйствительно, была уморительная шапочка съ краснымъ верхомъ.

Рекрутъ, при этомъ неожиданномъ обращеніи, вдругъ присѣль къ землѣ, ударила себя по кольнямъ и расхохотался и раскашлялся до того, что едва могъ выговорить задыхающимся голосомъ: „вотъ такъ тавлины!“

— А то еще, говорю, мумры есть, — продолжалъ Чикинъ, движениемъ головы надвигая на лобъ свою шапочку: — тѣ другіе, двойнушки маленькие, вотъ такие. Все по парочкамъ, говорю, рука съ рукой держатся и такъ-то бѣгаютъ, говорю, шыбитко, что ты его на конѣ не догонишь. Какъ же, говорить, малый какъ же они, мумры-то, рука съ рукой такъ и родятся, что ли? — воображая передразнивать мужика, сказалъ онъ горловымъ басомъ: — да, говорю, милый чело-

вѣкъ, онъ такой отъ природы. Ты имъ руки разорви, такъ кровь пойдетъ, все равно, чтѣ китаецъ: шапку съ него сними, она кровь пойдетъ. — А кажи, малый, какъ они бываютъ-то? говоритъ. — Да такъ, говорю, поймаютъ тебя, животъ распорятъ, да кишки тебѣ на руку и мотаютъ, и мотаютъ. Они мотаютъ, а ты смѣешься, дотелева смѣешься, что духъ воинъ...

— Ну, что жъ, и имѣли къ тебѣ довѣріе, Чикинъ? — сказалъ Максимовъ, слегка улыбаясь, тогда какъ остальные помирали со смѣху.

— И такой, право, народъ чуднѣй, Федоръ Максимычъ; вѣрють всему, ей-Богу, вѣрють. А сталъ имъ про гору Казбекъ сказывать, что на ней все лѣто снѣгъ не таетъ, такъ вовсе на смѣхъ подняли, милый человѣкъ! — Что ты, говоритъ, малый, фастаешь? Виданное ли дѣло: большая гора, да на ней снѣгъ не будетъ таять. У насъ, малый, въ ростопель такъ какой бугоръ, и то прежде растаетъ, а въ лощинѣ снѣгъ лежитъ. — Поди-ты, — заключилъ Чикинъ, подмигивая.

V.

Свѣтлый кругъ солица, просвѣчивающій сквозь молочно-блѣлый туманъ, уже поднялся довольно высоко; сѣро-лиловый горизонтъ постепенно расширялся и хотя гораздо дальше, но такъ же рѣзко ограничивался обманчивою бѣлою стѣною тумана.

Впереди насъ, за срубленнымъ лѣсомъ, открылась довольно большая поляна. По полянѣ со всѣхъ сторонъ разстился гдѣ черный, гдѣ молочно-блѣлый, гдѣ лиловый дымъ костровъ, и странными фигурами носились блѣлые слои тумана. Далеко впереди изрѣдка показывались группы верховыхъ татаръ и

слышались нечастные выстрѣлы нашихъ штуцеровъ, ихъ винтовокъ и орудія.

„Это еще было не дѣло, а одна потѣха-съ“, какъ говорилъ добрый капитанъ Хлоновъ.

Командиръ 9-й егерской роты, бывшій у насъ въ прикрытиї, подошелъ къ своимъ орудіямъ и, указывая на трехъ верховыхъ татаръ, щавшихъ въ это время подъ лѣсомъ, на разстояніи отъ насъ болѣе 600 сажень, просилъ, по свойственной всѣмъ вообще пѣхотнымъ офицерамъ любви къ артиллерійской стрѣльбѣ, просить меня пустить по нимъ ядро или гранату.

— Видите, говорилъ онъ, съ доброю и убѣдительною улыбкой, протягивая руку изъ-за моего плеча:—гдѣ два большія дерева, такъ впереди одинъ на белой лошади и въ черной черкескѣ, а вонъ сзади еще два. Видите. Нельзя ли ихъ пожалуйста...

А вонъ еще трое Ѣдутъ, по-подъ лѣсомъ, — прибавилъ Антоновъ, отличавшійся удивительнымъ глазомъ, подходя къ намъ и пряча за спину трубку, которую курилъ въ это время:—еще передній винтовку изъ чехла вынуль. Знатко видать, вашбородіе!

— Вишь, выпалилъ, братцы мои! вонъ дымокъ забѣлѣлся,— сказалъ Веленчукъ въ группѣ солдатъ, стоявшихъ немногого сзади насъ.

— Должно, въ нашу цѣль, прохвостъ!—замѣтилъ другой.

— Вишь, ихъ изъ-за лѣсу-то сколько высыпало, должно, мѣсто глядятъ—орудію поставить хотятъ, добавилъ третій.— Гранату кабы имъ туда въ кучку пустить, то-то бы заплевали...

— А какъ думаешьъ, какъ разъ дотолева фатитъ, милый человѣкъ?—спросилъ Чикинъ.

— Пятьсотъ либо пятьсотъ-двадцать сажень—больше не будетъ, — какъ-будто говоря самъ съ собой, хладнокровно сказалъ Максимовъ, хотя видно было, что ему такъ же, какъ и другимъ, ужасно хотѣлось выпалить:—коли 45 линій изъ единорога дать, то въ самый пунктъ попасть можно, то-есть, совершенно.

— Знаете теперь, коли въ эту кучку направить, непремѣнно въ какого-нибудь попадете. Вотъ-вотъ теперь, какъ они сѣхались, пожалуйста, поскорѣй велите выстрѣлить,— продолжалъ упрашивать меня ротный командиръ.

— Прикажете навести орудіе?—отрывистымъ басомъ вдругъ спросилъ Антоновъ, съ видомъ какой-то угрюмой злобы.

Признаюсь, мнѣ и самому этого очень хотѣлось, и я вѣлѣль навести 2-е орудіе.

Едва я успѣлъ сказать, какъ граната была распушдrena, дослана, и Антоновъ, прильнувъ въ станинѣ и приставивъ къ затыльнику свои два толстые пальца, уже командовалъ хоботъ вправо и влѣво.

— Чуть-чуть влѣво... самою малость вправо... еще, еще трошки... такъ ладно, — сказалъ онъ, съ гордымъ видомъ отходя отъ орудія.

Пѣхотный офицеръ, я, Максимовъ, одинъ за другимъ, приложились къ прицѣлу, и всѣ подали свои разнообразныя миѣнія.

— Ей-Богу, перенесеть, замѣтилъ Веленчукъ, пощелкивая языкомъ, несмотря на то, что онъ только смотрѣлъ черезъ плечо Антонова, и поэтому не имѣлъ никакого основанія предполагать это. — Е-е-ей-Богу, перенесеть прямо, въ ту дерево попанеть, братцы мои!

— Второе!—скомандовалъ я.

Прислуга разступилась. Антоновъ отбѣжалъ въ сторону, чтобы видѣть полетъ снаряда — трубка вспыхнула и зазвенѣла мѣдь. Въ то же мгновеніе нась обдало пороховымъ дымомъ, и изъ поразительного гула выстрѣла отдѣлился металлическій жужжащій, съ быстротою молніи удалявшійся звукъ полета, посреди всеобщаго молчанія замершій въ отдаленіи.

Немного позади группы верховыхъ показался бѣлый дымокъ, татары разскакались въ разныя стороны, и до нась долетѣль звукъ разрыва.

„Вотъ важно-то! Экъ поскакали! Вишь, черти, не любятъ!“ послышались одобренія и смѣшки въ рядахъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ солдатъ.

— Коли бы трошки ниже пустить, въ самую его бы попало,—замѣтилъ Веленчукъ:—говорилъ, въ дерево попанеть: оно и есть—взяло вправо.

VI.

Оставивъ солдатъ разсуждать о томъ, какъ татары ускакали, когда увидѣли гранату, и зачѣмъ они тутъ ъѣздили, и много ли ихъ еще въ лѣсу есть, я отошелъ съ ротнымъ командиромъ за иѣсколько шаговъ и сѣлъ подъ деревомъ, ожидая разогревавшихся битковъ, которые онъ предложилъ мнѣ. Ротный командиръ, Болховъ, былъ одинъ изъ офицеровъ, называемыхъ въ полку *бонжурами*. Онъ имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски. Но, несмотря на это, товарищи любили его. Онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ достаточно такта, чтобы носить петербургскій сюртукъ, ѿсть хороший обѣдь и говорилъ по-француз-

ски, не слишкомъ оскорбляя общество офицеровъ. Поговоривъ о погодѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, обѣ общихъ знакомыхъ офицерахъ и убѣдившись, по вопросамъ и отвѣтамъ, по взгляду на вещи, въ удовлетворительности понятій одинъ другого, мы невольно перешли къ разговору болѣе короткому. Притомъ же, на Кавказѣ между встрѣчающимися одного круга людьми хотя не высказано, но весьма очевидно проявляется вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? и на этотъ-то мой молчаливый вопросъ, мнѣ казалось, собесѣдникъ мой ~~хотѣлъ~~ отвѣтить.

— Когда этотъ отрядъ кончится? — сказалъ онъ лѣниво: — скучно.

— Мнѣ не скучно, — сказалъ я: — вѣдь въ штабѣ еще скучнѣе.

— О, въ штабѣ въ десять тысячъ разъ хуже, — сказалъ онъ со злостью. — Нѣтъ! когда все это совсѣмъ кончится?

— Чѣмъ же вы хотите, чтобы кончилось? — спросилъ я.

— Все, совсѣмъ!.. Что же, готовы битки, Николаевъ? — спросилъ онъ.

— Для чѣго же вы пошли служить на Кавказъ, — сказалъ я: — коли Кавказъ вамъ такъ не нравится?

— Знаете, для чѣго, — отвѣчалъ онъ съ рѣшительною откровенностью, — по преданію. Въ Россіи вѣдь существуетъ престранное преданіе про Кавказъ, будто это какая-то обитованная земля для всякаго рода несчастныхъ людей.

— Да, это почти правда, — сказалъ я: — большая часть изъ насъ...

— Но чѣмъ лучше всего, — перебилъ онъ меня: — что всѣ мы, по преданію бѣдущіе на Кавказѣ, ужасно ошибаемся въ своихъ разсчетахъ, — и рѣшительно я не вижу, почему

вследствие несчастной любви или разстройства дѣль скорѣе
ѣхать служить на Кавказъ, чѣмъ въ Казань или въ Калугу. Вѣдь въ Россіи воображаютъ Кавказъ какъ-то величественно, съ вѣчными дѣственными лѣдами, бурными потоками, съ кинжалами, бурками, черкешенками, — все это страшное что-то, а въ сущности ничего въ этомъ нѣту веселаго. Ежели бы они знали, по крайней мѣрѣ, что въ дѣственныхъ лѣдахъ мы никогда не бываемъ, да и быть-то въ нихъ ничего веселаго нѣть, а что Кавказъ раздѣляется на губерніи: Ставропольскую, Тифлисскую и т. д..

— Да,—сказалъ я, смеясь:—мы въ Россіи совсѣмъ иначе смотримъ на Кавказъ, чѣмъ здѣсь. Это испытывали ли вы когда-нибудь? Какъ читать стихи на языкѣ, который плохо знаешь, воображаешь себѣ гораздо лучше, чѣмъ есть?..

— Не знаю, право, но ужасно не нравится мнѣ этотъ Кавказъ,—перебилъ онъ мени.

— Нѣть, Кавказъ для меня и теперь хорошъ, но только иначе...

— Можетъ-быть, и хорошъ, — продолжалъ онъ съ какою-то раздражительностью;—знаю только то, что я не хороши на Кавказѣ.

— Отчего же такъ? — сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Оттого, что, во-первыхъ, онъ обманулъ меня. Все то, отъ чего я, по преданию, поѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, все прїехало со мною сюда,—только съ тою разницей, что прежде все это было на большой лѣстнице, а теперь на маленькой, на грязненькой, на каждой ступенькѣ которой я нахожу миллионы маленькихъ тревогъ, гадостей, оскор-

блений; во-вторыхъ, оттого, что я чувствую, какъ я съ каждымъ днемъ морально падаю ниже и ниже, и главное то, что чувствую себя неспособнымъ къ здѣшней службѣ: я не могу переносить опасности... просто я не храбръ...

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня безъ шутокъ.

Хотя это непрошенное признаніе чрезвычайно удивило меня, я не противорѣчилъ, какъ, видимо, хотѣлось того моему собесѣднику, но ожидалъ отъ него самого опроверженія своихъ словъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Знаете, я въ нынѣшній отрядъ въ первый разъ въ дѣлѣ, — продолжалъ онъ: — и вы не можете себѣ представить, что со мною вчера было. Когда фельдфебель принесъ приказаніе, что моя рота назначена въ колонну, я поблѣднѣлъ, какъ полотно, и не могъ говорить отъ волненія. А какъ я провелъ ночь, ежели бы вы знали! Если правда, что сѣдѣютъ отъ страха, то я долженъ быть совершенно бѣлый нынче, потому что, вѣрно, ни одинъ приговоренный къ смерти не прострадалъ въ одну ночь столько, какъ я; даже и теперь, хотя мнѣ и легче немногого, чѣмъ ночью, но у меня здѣсь вотъ что идетъ, — прибавилъ онъ, вертя кулакъ предъ своею грудью. — И что смѣшино, — продолжалъ онъ: — что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ Ѳишь битки съ лукомъ и увѣряешь, что очень весело. — Вино есть, Николаевъ? — прибавилъ онъ, зѣвая.

— Это онъ, братцы мои! — послышался въ это время встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, — и всѣ глаза обратились на опушку дальн资料的 лѣса.

Вдали увеличивалось и, уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это былъ

противъ насъ выстрѣлъ непріятеля, все, что было на моихъ глазахъ въ эту минуту, все вдругъ приняло какой-то новый величественный характеръ. И козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты, и загорѣлое, усатое лицо Николаева,—все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло уже изъ дыма и летить въ это мгновеніе въ пространствѣ, можетъ-быть, направлено прямо въ мою грудь.

— Вы гдѣ брали вино? — лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса: одинъ—Господи, пріими духъ мой съ миромъ, другой—надѣюсь не нагнуться, а улыбаться въ то время, какъ будетъ пролетать ядро, — и въ то же мгновеніе надъ головой просвистѣло что-то ужасно непріятное, и въ двухъ шагахъ отъ насъ шлепнулось ядро.

— Вотъ, если бъ я былъ Наполеонъ или Фридрихъ,—сказалъ въ это время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ: — я бы непремѣнно сказалъ какую-нибудь любезность.

— Да вы и теперь сказали,—отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведенную во мнѣ прошедшою опасностью.

— Да что жъ, что сказалъ: никто не запишетъ.

— А я запишу.

— Да вы ежели и запишете, такъ въ критику, какъ говорить Мищенковъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Тѣфу ты проклятый! — сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадой плоя въ сторону, — трошки по ногамъ не задѣла.

Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы показались мнѣ вдругъ невыносимо глупыми послѣ этого простодушнаго восклицанія.

VII.

Непріятель, дѣйствительно, поставилъ два орудія на томъ мѣстѣ, гдѣ разъѣзжали татары, и каждыя минутъ 20 или 30 посыпалъ по выстрѣлу въ нашихъ рубщиковъ. Мой взводъ выдвинули впередъ на поляну и приказали отвѣтить ему. Въ опушкѣ лѣса показывался дымокъ, слышались выстрѣлъ, свистъ, и ядро падало сзади или впереди насть. Снаряды непріятеля ложились счастливо и потери не было.

Артиллеристы, какъ и всегда, вели себя превосходно, проворно заряжали, старательно наводили по показавшемуся дыму и спокойно шутили между собой. Пѣхотное прикрытие, въ молчаливомъ бездѣйствіи, лежало около насть, дожидая своей очереди. Рубщики лѣса дѣлали свое дѣло: топоры звучали по лѣсу быстрѣе и чаще; только въ то время, какъ слышался свистъ снаряда, все вдругъ замолкало, среди мертвай тишины раздавались не совсѣмъ спокойные голоса: „сторонись, ребята!“ и всѣ глаза устремлялись на ядро, рикошетировавшее по кострамъ и срубленнымъ сучьямъ.

Туманъ уже совершенно поднялся и, принимая формы облаковъ, постепенно исчезалъ въ темно-голубой синевѣ неба; открывшееся солнце ярко свѣтило и бросало веселые отблески на сталь штыковъ, мѣдь орудій, оттаивающую землю и блестки инея. Въ воздухѣ слышалась свѣжесть утренняго мороза, вмѣстѣ съ тепломъ весеннаго солнца; тысячи различныхъ тѣней и цвѣтовъ мѣшались въ сухихъ листьяхъ лѣса, и на торной глянцевитой дорогѣ отчетливо виднѣлись слѣды шинъ и подковныхъ шиповъ.

Между войсками движение становилось сильнѣе и замѣт-

пѣе. Со всѣхъ сторонъ показывались чаще и чаще голубоватые дымки выстрѣловъ. Драгуны съ развѣвающимися флюгерами никъ, выѣхали впередъ; въ пѣхотныхъ ротахъ послышались пѣсни, и обозъ съ дровами сталъ строиться въ арріергардъ. Къ нашему взводу подѣхалъ генераль и приказалъ готовиться къ отступленію. Непріятель засѣлъ въ кусты противъ нашего лѣваго фланга и сталъ сильно беспокоить насъ ружейнымъ огнемъ. Съ лѣвой стороны изъ лѣсу прожужжала пуля и ударила въ лафетъ, потомъ другая, третья... Пѣхотное прикрытие, лежавшее около насъ, шумно поднялось, взяло ружья и заняло цѣль. Ружейные выстрѣлы усиливались, и пули стали летать чаще и чаще. Началось отступленіе и, слѣдовательно, настоящее дѣло, какъ это всегда бываетъ на Кавказѣ.

По всему видно было, что артиллеристамъ не нравились пули, какъ прежде ядра—пѣхотнымъ. Антоновъ принахмурился. Чикинъ передразнивалъ пули и подшучивалъ надъ ними; но видно было, что онъ ему не нравились. Про одну говорилъ онъ: „какъ торопится“, другую называлъ „пчелкой“, третью, которая, какъ-то медленно и жалобно визжа, пролетѣла надъ нами, назвалъ „сиротой“, чѣмъ произвелъ общій хохотъ.

Рекрутъ, съ непривычки, при каждой пулѣ сгибалъ на бокъ голову и вытягивалъ шею, что тоже заставляло смыться солдатиковъ; „что, знакомая, что ли, что кланяешься?“ говорили ему. И Веленчукъ, всегда чрезвычайно равнодушный къ опасности, теперь былъ въ тревожномъ состояніи: его, видимо, сердило то, что мы не стрѣляемъ картечью по тому направленію, откуда летали пули. Онъ нѣсколько разъ недовольнымъ голосомъ повторилъ: „что жъ

онъ насть даромъ-то бѣть? Кабы туда орудію поверотить да картечью бы дунуть, такъ затихъ бы, небось".

Дѣйствительно, пора было это сдѣлать: я приказалъ выпустить послѣднюю гранату и зарядить картечью.

— Картечь! — крикнулъ Антоновъ, лихо, въ самомъ дыму, подходя съ банникомъ къ орудію, только что зарядъ былъ выпущенъ.

Въ это время, недалеко сзади себя, я услышалъ вдругъ прекратившійся сухимъ ударомъ во что-то быстрый жужжащій звукъ пули. Сердце скжалось во мнѣ. „Кажется, кого-то изъ нашихъ задѣло“, подумалъ я, но вмѣстѣ съ тѣмъ боясь оглянуться подъ вліяніемъ тяжелаго предчувствія. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ звукомъ послышалось тяжелое паденіе тѣла и „о-о-о-ой“ — раздирающій стоны раненаго. „Задѣло, братцы мои!“ проговорилъ съ трудомъ голосъ, который я узналъ. Это былъ Веленчукъ. Онъ лежалъ навзничь между передкомъ и орудіемъ. Сума, которую онъ несъ, была отброшена въ сторону. Лобъ его былъ весь въ крови, и по правому глазу и носу текла густая красная струя. Рана его была въ животѣ, но въ ней почти не было крови; лобъ же онъ разбилъ о пень во время паденія.

Все это я разобралъ гораздо послѣ; въ первую же минуту я видѣль только какую-то неясную массу и ужасно много, какъ мнѣ казалось, крови.

Никто изъ солдатъ, заряжавшихъ орудіе, не сказалъ слова, — только рекрутъ пробормоталъ что-то въ родѣ: „вишь ты какъ, въ кровь“, и Антоновъ, нахмурившись, крякнулъ сердито; но по всему замѣтно было, что мысль о смерти пробѣжала въ душѣ каждого. Всѣ съ большею дѣя-

тельностью принялись за дѣло. Орудіе было заряжено въ одно мгновеніе, и вожатый, принося картечь, шага на два обошелъ то мѣсто, на которомъ, продолжая стонать, лежалъ раненый.

VIII.

Каждый бывший въ дѣлѣ, вѣрно, испытывалъ то странное, хотя и не логическое, но сильное чувство отвращенія отъ того мѣста, на которомъ былъ убить или раненъ кто-нибудь. Этому чувству замѣтио поддались въ первую минуту мои солдаты, когда нужно было поднять Веленчука и перенести его на подъѣхавшую повозку. Ждановъ сердито подошелъ къ раненому, несмотря на усилившійся крикъ его, взялъ подъ мышки и поднялъ его. — „Что стали! берись!“ крикнулъ онъ, и тотчасъ же раненаго окружили человѣкъ десять, даже ненужныхъ помощниковъ. Но едва сдвинули его съ мѣста, какъ Веленчукъ началъ кричать ужасно и рваться.

— Что кричишь, какъ заяцъ! — сказалъ Антоновъ, грубо удерживая его за ногу: — а не то бросимъ.

И раненый затихъ дѣйствительно, только изрѣдка приговаривая: „охъ, смерть моя! о-охъ, братцы мои!“

Когда же его положили на повозку, онъ даже пересталъ охать, и я слышалъ, что онъ что-то говорилъ съ товарищами — должно быть прощался — тихимъ, но внятнымъ голосомъ.

Въ дѣлѣ никто не любитъ смотрѣть па раненаго, и я, инстинктивно торопясь удалиться отъ этого зрѣлища, приказалъ скорѣй везти его на перевязочный пунктъ и отошелъ къ орудіямъ; но чрезъ нѣсколько минутъ мнѣ сказали, что Веленчукъ зоветъ меня, и я подошелъ къ повозкѣ.

На днѣ ея, ухватясь обѣими руками за края, лежалъ раненый. Здоровое широкое лицо его въ нѣсколько секундъ совершилъ измѣнилось: онъ какъ-будто похудѣлъ и постарѣлъ нѣсколькими годами, губы его были тонки, блѣдны и сжаты съ видимымъ напряженіемъ; торопливое и тупое выраженіе его взгляда замѣнилъ какой-то ясный, спокойный блескъ, и на окровавленныхъ лбу и носу уже лежали черты смерти.

Несмотря на то, что малѣйшее движеніе причиняло ему нестерпимыя страданія, онъ просилъ снять съ лѣвой ноги чересокъ *) съ деньгами.

Ужасно тяжелое чувство произвель во мнѣ видъ его голой, бѣлой и здоровой ноги, когда съ нея сняли сапогъ и развязали чересь.

— Тутъ три монеты и полтинникъ,—сказалъ онъ мнѣ въ то время, какъ я бралъ въ руки чересь: — ужъ вы ихъ сберегите.

Повозка было тронулась; но онъ остановилъ ее.

— Я поручику Сулимовскому шинель работалъ. О-оны мнѣ 2 монеты дали. На $1\frac{1}{2}$ я пуговицъ купилъ; а полтина у меня въ мѣшкѣ съ пуговицами лежитъ. Отдайте.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ я:—выздоравливай, братецъ!

Онъ не отвѣчалъ мнѣ, повозка тронулась, и онъ спова началъ стонать и охать самымъ ужаснымъ раздирающимъ душу голосомъ. Какъ-будто окончивъ мірскія дѣла, онъ не находилъ больше причинъ удерживаться и считалъ теперь позволительнымъ себѣ это облегченіе.

*) Чересь—кошелекъ въ видѣ пояска, который солдаты носятъ обыкновенно подъ колѣномъ.

IX.

— Ты куда? вернись. Куда ты идешь? — закричал я рекрутку, который, положивъ подъ мышку свой запасный пальникъ, съ какою-то палочкой въ рукахъ,prehладнокровно отправлялся за повозкой, повезшею раненаго.

Но рекрутъ только лѣниво оглянулся на меня, пробороматъ что-то и пошелъ дальше, такъ что я долженъ быть послать солдата, чтобы привести его. Онъ снялъ свою красную шапочку и, глупо улыбаясь, глядѣлъ на меня.

— Куда ты шелъ? — спросилъ я.

— Въ лагерь.

— Зачѣмъ?

— А какъ же — Веленчука-то ранили, — сказалъ онъ, опять улыбаясь.

— Такъ тебѣ-то что? ты долженъ здѣсь оставаться.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ хладнокровно повернулся, надѣлъ шапку и пошелъ къ своему мѣсту.

Дѣло вообще было счастливо: казаки, слышно было, сдѣлали славную атаку и взяли три татарскихъ тѣла; пѣхота запаслась дровами и потеряла всего человѣкъ шесть ранеными; въ артиллеріи выбыли изъ строя всего одинъ Веленчукъ и двѣ лошади. За то вырубили лѣса версты на три и очистили мѣсто такъ, что его узнать нельзя было; вмѣсто прежде виднѣвшейся сплошной опушки лѣса открывалась огромная поляна, покрытая дымящимися кострами и двигающимися къ лагерю кавалеріей и пѣхотой. Несмотря на то, что непріятель не переставалъ преслѣдоввать насъ артилле-

рійскимъ и ружейнымъ огнемъ, до самой рѣчки съ кладбищемъ, которую мы переходили утромъ, отступленіе сдѣлано было счастливо. Уже я начиналъ мечтать о щахъ и бараньемъ бокѣ съ кашей, ожидающихъ меня въ лагерѣ, когда пришло извѣстіе, что генералъ приказалъ построить на рѣчкѣ редутъ и оставить въ немъ до завтра 3-й баталіонъ К. полка и взводъ 4-хъ-батарейной. Повозки съ дровами и ранеными, казаки, артиллерія, пѣхота съ ружьями и дровами на плечахъ,—всѣ съ шумомъ и пѣснями прошли мимо насъ. На всѣхъ лицахъ видны были одушевленіе и удовольствіе, внущенныя минувшею опасностью и надеждой на отдыхъ. Только мы съ 3-мъ баталіономъ должны были ожидать этихъ пріятныхъ чувствъ еще до завтра.

X.

Покуда мы, артиллеристы, хлопотали около орудій: разставляли передки, ящики, разбивали коновязь, пѣхота уже составила ружья, разложила костры, построила изъ сучьевъ и кукурузной соломы балаганчики и варила кашницу.

Начинало смеркаться. По небу ползли сине-блѣловатыя тучи. Туманъ, превратившійся въ мелкую сырью мглу, мочилъ землю и солдатскія шинели; горизонтъ суживался, и вся окрестность принимала мрачныя тѣни. Сырость, которую я чувствовалъ сквозь салоги, за шеей, неумолкаемое движение и говоръ, въ которыхъ я не принималъ участія, липкая грязь, по которой раскатывались мои ноги, и пустой желудокъ наводили на меня самое тяжелое, непріятное расположение духа послѣ дня физической и моральной усталости. Веленчуку не выходилъ у меня изъ головы. Вся про-

стая история его солдатской жизни неотвязчиво представлялась моему воображению.

Последние минуты его были такъ же ясны и спокойны, какъ вся жизнь его. Онъ слишкомъ жилъ честно и просто, чтобы простодушная вѣра его въ ту будущую, небесную жизнь могла поколебаться въ рѣшительную минуту.

— Ваше здоровье,—сказалъ мнѣ подошедшій Николаевъ: — пожалуйте къ капитану, просять чай кушать.

Кое-какъ пробираясь между козлами и кострами, я вслѣдъ за Николаевымъ пошелъ къ Болхову, съ удовольствиемъ мечтая о стаканѣ горячаго чаю и веселой бесѣдѣ, которая бы разогнала мои мрачныя мысли. „Что, нашелъ?“ послышался голосъ Болхова изъ кукурузнаго шалаша, въ которомъ свѣтился огонекъ.

— Привѣтъ, ваше благородие! — басомъ отвѣчалъ Николаевъ.

Въ балаганѣ, на сухой буркѣ, сидѣлъ Болховъ, разстегнувшись и безъ папахи. Подъ него кипѣлъ самоваръ и стоялъ барабанъ съ закуской. Въ землю былъ воткнутъ штыкъ со свѣчкой. „Каково?“ съ гордостью сказалъ онъ, оглядывая свое уютное хозяйство. Дѣйствительно въ балаганѣ было такъ хорошо, что за чаемъ я совсѣмъ забылъ про сырость, темноту и рану Веленчука. Мы разговорились про Москву, про предметы, не имѣющіе никакого отношенія съ войной и Кавказомъ.

Послѣ одной изъ тѣхъ минутъ молчания, которыя прерываются иногда самыя оживленные разговоры, Болховъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.

— А я думаю, вамъ очень страннымъ показался нашъ разговоръ утромъ? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Отчего же? мнѣ только показалось, что вы слишкомъ откровенны, а есть вещи, которыхъ мы всѣ знаемъ, но которыхъ никогда говорить не надо.

— Отчего? нѣтъ! ежели бы была какая-нибудь возможность промѣнять эту жизнь хоть на жизнь самую пошлую и бѣдную, только безъ опасностей и службы, я бы ни минуты не задумался.

— Отчего же вы не перейдете въ Россію?—сказалъ я.

— Отчего?—повторилъ онъ.—О! я давно уже объ этомъ думалъ. Я не могу теперь вернуться въ Россію до тѣхъ поръ, пока не получу Анны и Владимира, Анны на шею и майора, какъ и предполагалъ, ъхавши сюда.

— Отчего же, ежели вы чувствуете себя неспособнымъ, какъ вы говорите, къ здѣшней службѣ?

— Но когда я еще болѣе чувствую себя неспособнымъ къ тому, чтобы вернуться въ Россію тѣмъ, чѣмъ я поѣхалъ. Это тоже одно изъ преданій, существующихъ въ Россіи, которые утвердили Пасекъ, Слѣпцовъ и др., что на Кавказъ стѣтъ прїѣхать, чтобы осыпаться наградами. И отъ насъ всѣ ожидаютъ и требуютъ этого; а я вотъ два года здѣсь, въ двухъ экспедиціяхъ былъ и ничего не получилъ. Но все-таки у меня столько самолюбія, что я не уѣду отсюда ни за что до тѣхъ поръ, пока не буду майоромъ съ Владимиромъ и Анной на шеѣ. Я ужъ втянулся до того, что меня всего коробить, когда Гнилокинкин дадутъ награду, а мнѣ нѣтъ. И потомъ, какъ я покажусь на глаза въ Россію своему старостѣ, купцу Котельникову, которому я хлѣбъ продаю, тетушкѣ московской и всѣмъ этимъ господамъ, послѣ двухъ лѣтъ на Кавказѣ, безъ всякой награды? Правда, что я этихъ господъ знать не хочу, и, вѣрио, они

тоже очень мало обо мнѣ заботятся; но ужъ такъ устроенъ человѣкъ, что я ихъ знать не хочу, а изъ-за нихъ гублю лучшіе года, все счастіе жизни, всю будущность свою погублю.

XI.

Въ это время послышался снаружи голосъ баталіоннаго командира: „съ кѣмъ это вы, Николай Федоровичъ?“

Болховъ назвалъ меня, и вслѣдъ затѣмъ въ балаганъ влѣзли три офицера: майоръ Кирсановъ, адъютантъ его баталіона и ротный камандиръ Тросенко.

Кирсановъ бытъ невысокий, полныи мужчина, съ черными усиками, румяными щеками и масляными глазками. Глазки эти были самою замѣчательною чертой въ его физіономії. Когда онъ смѣялся, то отъ нихъ оставались только двѣ влажныя звѣздочки, и звѣздочки эти, вмѣстѣ съ натянутыми губами и вытянутою шеей, принимали иногда престранное выраженіе безсмысленности. Кирсановъ въ полку вель и держалъ себя лучше всяаго другого: подчиненные не брали, а начальники уважали его, хотя общее мнѣніе о немъ было, что онъ очень недалекъ. Онъ зналъ службу, бытъ исправенъ и усерденъ, всегда былъ при деньгахъ, имѣлъ коляску и повара и весьма натурально умѣль притворяться гордымъ.

— О чёмъ это толкуете, Николай Федоровичъ?— сказалъ онъ, входя.

— Да вотъ о пріятностяхъ здѣшней службы.

Но въ это время Кирсановъ замѣтилъ меня,—юнкера, и потому, чтобы дать почувствовать мнѣ свое значеніе, какъ будто не слушая отвѣта Болхова, и, глядя на барабанъ, спросилъ:

— Что, устали, Николай Федоровичъ?

— Нѣтъ, вѣдь мы...—началъ было Болховъ.

Но опять, должно-быть, достоинство баталіоннаго командаира требовало перебить и сдѣлать новый вопросъ:

— А вѣдь славное дѣло было нынче?

Баталіонный адъютантъ былъ молодой прапорщикъ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, скромный и тихій мальчикъ, со стыдливымъ и добродушно пріятнымъ лицомъ. Я видаль его прежде у Болхова. Молодой человѣкъ часто приходилъ къ нему, раскланивался, садился въ уголокъ и по нѣсколько часовъ молчалъ, дѣлалъ папиросы, курилъ ихъ, и потомъ вставалъ, раскланивался и уходилъ. Это былъ типъ бѣднаго русскаго дворянскаго сына, выбравшаго военную карьеру, какъ одну возможную при своемъ образованіи, и ставящаго выше всего въ мірѣ свое офицерское званіе,—типъ простодушный и милый, несмотря на смѣшныя неотъемлемыя принадлежности: кисетъ, халатъ, гитару и щеточку для усовъ, съ которыми мы привыкли воображать его. Въ полку рассказывали про него, будто онъ хвастался тѣмъ, что онъ со своимъ деньщикомъ справедливъ, но строгъ, будто онъ говорилъ: „я рѣдко наказываю; но ужъ когда меня доведутъ до этого, то бѣда“, и что, когда пьяный деньщикъ обокралъ его совсѣмъ и сталъ даже ругать своего барина, будто онъ привелъ его на гауптвахту, велѣлъ приготовить все для наказанія, но при видѣ приготовленій до того смущился, что могъ только проговорить: „ну, вотъ видишь... вѣдь я могу...“ и, совершенно растерявшись, уѣжалъ домой и съ той поры боялся смотрѣть въ глаза своему Чернову. Товарищи не давали ему покоя, дразнили его этимъ, и я нѣсколько разъ слышалъ, какъ простодушный мальчикъ отговаривался и,

краснѣя до ушей, увѣряль, что это неправда, а совсѣмъ напротивъ.

Третье лицо,—капитанъ Тросенко, былъ старый кавказецъ въ полномъ значеніи этого слова, т.-е. человѣкъ, для кото-раго рота, которою онъ командовалъ, сдѣлалась семействомъ, крѣость, гдѣ былъ штабъ,—родиной, а пѣсениники — единственными удовольствіями жизни,—человѣкъ, для которого все, что не было Кавказъ, было достойно презрѣнія, да и почти недостойно вѣроятія; все же, что было Кавказъ, раздѣлялось на двѣ половины: нашу и не нашу; первую онъ любилъ, вторую ненавидѣлъ всѣми силами своей души, и, главное, онъ былъ человѣкъ закаленной спокойной храбро-сти, рѣдкой доброты въ отношеніи къ своимъ товарищамъ подчиненнымъ и отчаянной прямоты и даже дерзости въ от-ношениі къ ненавистнымъ для него почему-то адъютантамъ и бонжурамъ. Входя въ балаганъ, онъ чуть не пробилъ го-ловой крыши, потомъ вдругъ опустился и сѣлъ на землю.

— Ну, что?—сказалъ онъ и, вдругъ замѣтивъ мое не-знакомое для него лицо, остановился, вперивъ въ меня мут-ный пристальный взглядъ.

— Такъ о чёмъ это вы бесѣдовали?—спросилъ майоръ, вынимая часы и глядя на нихъ, хотя, я твердо увѣренъ, ему совсѣмъ не нужно было дѣлать этого.

— Да вотъ спрашивалъ меня, зачѣмъ я служу здѣсь.

— Разумѣется, Николай Федоровичъ хотѣть здѣсь отли-читься и потомъ во-свойси.

— Ну, а вы скажите, Абрамъ Ильичъ, зачѣмъ вы слу-жите на Кавказѣ?

— Я потому, знаете, что, во-первыхъ, мы всѣ обязаны по своему долгу служить. Что?—прибавилъ онъ, хотя всѣ

молчали.—Вчера я получилъ письмо изъ Россіи, Николай Федоровичъ,—продолжалъ онъ, видимо желая перемѣнить разговоръ:—мнѣ пишутъ, что... такие вопросы странные дѣлаются.

— Какие же вопросы?—спросилъ Болховъ.

Онъ засмѣялся.

— Право странные вопросы... мнѣ пишутъ, что можетъ ли быть ревность безъ любви... Что?—спросилъ онъ, оглядываясь на всѣхъ насъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ, улыбаясь, Болховъ.

— Да, знаете, въ Россіи хорошо,—продолжалъ онъ, какъ будто фразы его весьма натурально вытекали одна изъ другой.—Когда я въ 52 г. былъ въ Тамбовѣ, то меня принимали вездѣ, какъ флигель-адъютанта какого-нибудь. Повѣрите ли, на балу у губернатора, какъ я вошелъ, такъ знаете... очень хорошо принимали. Сама губернаторша, знаете, со мной разговаривала и спрашивала про Кавказъ, и всѣ такъ... что я не зналъ... Мою золотую шашку смотрятъ, какъ рѣдкость какую-нибудь, спрашиваютъ: за что шашку получилъ, за что Анну, за что Владимира,—и я имъ такъ разъяснялъ... Что?—Вотъ этимъ-то Кавказъ хороши, Николай Федоровичъ!—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта:—тамъ смотрятъ на нашего брата, кавказца, очень хорошо. Молодой человѣкъ, знаете, штабъ-офицеръ съ Анной и Владимиромъ—это много значитъ въ Россіи... Что?

— Вы и прихвастили-таки, я думаю, Абрамъ Ильичъ?—сказалъ Болховъ.

— Хи-хи!—засмѣялся онъ своимъ глупымъ смѣхомъ.—Знаете, это нужно. Да и поѣхъ я славно эти два мѣсяца!

— А что, хорошо тамъ, въ Россіи-то?—сказалъ Тросенко, спрашивая про Россію, какъ про какой-то Китай или Японію.

— Да-сь, ужъ что мы тамъ шампанскаго выпили въ два мѣсяца, такъ это страхъ!

— Да что вы! Вы, вѣрно, лимонадъ пили. Вотъ я такъ ужъ бы треснулъ тамъ, что знали бы, какъ кавказцы пьютъ. Не даромъ бы слава прошла. Я бы показалъ, какъ пьютъ... А, Болховъ?—прибавилъ онъ.

— Да вѣдь ты, дядя, ужъ за десять лѣтъ на Кавказѣ,— сказалъ Болховъ:— а помнишь, что Ермоловъ сказалъ; а Абрамъ Ильичъ только шесть...

— Какой десять! скоро шестнадцать.

— Вели же, Болховъ, шолфою дать. Сыро, бррр!.. А?— прибавилъ онъ, улыбаясь:— выпьемъ, майоръ!

Но майоръ былъ недоволенъ и первымъ обращеніемъ къ нему стараго капитана, теперь же видимо съежился и искалъ убѣжища въ собственномъ величиі. Онъ запѣлъ что-то и снова посмотрѣлъ на часы.

— Вотъ я такъ ужъ никогда туда не поѣду,—продолжалъ Тросенко, не обращая вниманія на насупившагося майора:— я и ходить и говорить-то по русскому отвыкъ. Скажутъ: что за чудо такое пріѣхало. Сказано, Азія. Такъ, Николай Феодорычъ? Да и что мнѣ въ Россії! Все равно, тутъ когда-нибудь подстрѣлять. Спросятъ: гдѣ Тросенко? подстрѣлили. Что вы тогда съ восьмою ротой сдѣлаете... а?—прибавилъ онъ, обращаясь постоянно къ майору.

— Послать дежурного по баталіону! —крикнулъ Кирсановъ, не отвѣчая капитану, хотя, я опять увѣренъ былъ, ему не нужно было отдавать никакихъ приказаний.

— А вы, я думаю, теперь рады, молодой человѣкъ, что на двойномъ окладѣ?—сказалъ майоръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, баталіонному адъютанту.

— Какже-сь, очень-сь.

— Я нахожу, что наше жалованье теперь очень большое, Николай Федорович,—продолжал онъ:—молодому человѣку можно жить весьма прилично и даже позволить себѣ роскошь маленькую.

— Нѣтъ, право, Абрамъ Ильичъ,—робко сказалъ адьюнктъ:—хотя оно и двойное, а только что такъ... вѣдь лошадь надо имѣть...

— Что вы мнѣ говорите, молодой человѣкъ! я самъ прaporщикомъ былъ и знаю. Повѣрьте, съ порядкомъ жить очень можно. Да вотъ вамъ, сочтите,—прибавилъ онъ, загиная мизинецъ лѣвой руки.

— Все впередъ жалованье забираемъ—вотъ вамъ и счетъ,—сказалъ Тросенко, выпивая рюмку водки.

— Ну, да вѣдь на это что же вы хотите... Что?

Въ это время въ отверстіе балагана всунулась бѣлая голова со сплюснутымъ носомъ, и рѣзкій голосъ съ нѣмецкимъ выговоромъ сказалъ:

— Вы здѣсь, Абрамъ Ильичъ? а дежурный ищетъ васъ.

— Заходите, Крафтъ!—сказалъ Болховъ.

Длинная фигура въ сюртукѣ генерального штаба проѣзла въ двери и съ особеннымъ азартомъ принялась пожимать всѣмъ руки.

— А, милый капитанъ! и вы тутъ?—сказалъ онъ, обращаясь къ Тросенкѣ.

Новый гость, несмотря на темноту, пролѣзъ до него и, къ чрезвычайному, какъ мнѣ показалось, удивленію и неудовольствію капитана, поцѣловалъ его въ губы.

„Это нѣмецъ, который хочетъ быть хорошимъ товарищемъ“, подумалъ я.

XII.

Предположение мое тотчасъ же подтвердилось. Капитанъ Крафтъ попросилъ водки, назвавъ ее *горилкой*, и ужасно крякнулъ и закинулъ голову, выпивая рюмку.

— Что, господа, поколесовали мы нынче по равнинамъ Чечни...—началь было онъ, но, увидавъ дежурного офицера, тотчасъ замолчалъ, предоставивъ майору отдавать свои приказанія.

— Что, вы обошли цѣнь?

— Обошель-сь.

— А секреты высланы?

— Высланы-сь.

— Такъ вы передайте приказаніе ротнымъ командирамъ, чтобы были какъ можно осторожнѣе.

— Слушаю-сь.

Майоръ прищурилъ глаза и глубокомысленно задумался.

— Да скажите, что люди могутъ теперь варить кашу.

— Они ужъ варятъ.

— Хорошо. Можете итти-сь.

— Ну-сь, такъ вотъ мы считали, что нужно офицеру,— продолжалъ майоръ съ снисходительною улыбкой, обращаясь къ намъ.—Давайте считать.

— Нужно вамъ одинъ мундиръ и брюки... такъ-сь?

— Такъ-сь.

— Это, положимъ, пятьдесятъ рублей на два года, стало-быть, въ годъ двадцать пять рублей на одежду; потомъ на Ѣду, каждый день по два абаза... такъ-сь?

— Такъ-сь; это даже много.

— Ну, да я кладу. Ну, на лошадь съ сѣдломъ для ре-

монта 30 руб.—вотъ и все. Выходитъ всего 25 да 120, да 30 = 175. Все вамъ остается еще на роскошь, на чай и на сахаръ, на табакъ—рублей двадцать. Изволите видѣть?... Правда, Николай Федорычъ?

— Нѣтъ-съ, позвольте, Абрамъ Ильичъ!—робко сказаль адъютантъ:—ничего-съ на чай и сахаръ не останется. Вы кладете одну пару на два года, а тутъ по походамъ пантонъ не наготовиши; а сапоги? я вѣдь почти каждый мѣсяцъ пару истреблю-съ. Потомъ-съ бѣлье-съ, рубашки, полотенца, подвертки: все вѣдь это нужно купить-съ. А какъ сочтешь, ничего не останется-съ. Это, си Богу-съ, Абрамъ Ильичъ.

— Да, подвертки прекрасно носить,—сказалъ вдругъ Крафтъ, послѣ минутнаго молчанія, съ особенною любовью произнося слово „подвертки“:—знаете, просто, по-русски.

— Я вамъ скажу,—замѣтилъ Тросенко;—какъ ни считай, все выходитъ, что нашему брату зубы на полку класть приходится, а на дѣлѣ выходитъ, что всѣ живемъ, и чай пьемъ, и табакъ куримъ, и водку пьемъ. Послужишь съ мое,—продолжалъ онъ, обращаясь къ прaporщику:—тоже выучишься жить. Вѣдь, знаете, господа, какъ онъ съ деньщиками обращается.

И Тросенко, помирая со смѣху, рассказалъ намъ всю исторію прaporщика съ своимъ деньщикомъ, хотя мы всѣ ее тысячу разъ слышали.

— Да ты что, братъ, такимъ розаномъ смотришь?—продолжалъ онъ, обращаясь къ прaporщику, который краснѣлъ, потѣлъ и улыбался, такъ что жалко было смотрѣть на него.

— Ничего, братъ, и я такой же былъ, какъ ты, а теперь, видишь, молодецъ сталъ. Пусти-ка сюда какого мо-

лодчика изъ Россіи—видали мы ихъ,—такъ у него тутъ и спазмы и ревматизмы какіе-то сдѣлались бы; а я вотъ, сѣлъ тутъ—мнѣ здѣсь и домъ, и постель, и все. Видишь...

При этомъ онъ выпилъ еще рюмку водки.

— А?—прибавилъ онъ, пристально глядя въ глаза Крафту.

— Вотъ это я уважаю! вотъ это истинно старый кавказецъ! Позвольте вашу руку.

И Крафтъ растолкалъ всѣхъ нась, продрался къ Тросенкѣ и, схвативъ его руку, потрясъ ее съ особеннымъ чувствомъ.

— Да, мы можемъ сказать, что испытали здѣсь всего,— продолжалъ онъ:—въ сорокъ пятомъ году... вѣдь вы изволили быть тамъ, капитанъ? Помните ночь съ 12 на 13, когда по колѣнки въ грязи ночевали, а на другой день пошли на завалы. Я тогда былъ при главнокомандующемъ, и мы 15 заваловъ взяли въ одинъ день. Помните, капитанъ?

Тросенко сдѣлалъ головой знакъ согласія и, выдвинувъ впередъ нижнюю губу, зажмурился.

— Изволите видѣть...—началь Крафтъ, чрезвычайно одушевленно, дѣлая руками неумѣстные жесты и обращаясь къ майору.

Но майоръ, должно-быть, неоднократно слышавшій уже этотъ разсказъ, вдругъ сдѣлалъ такие мутные тупые глаза, глядя на своего собесѣдника, что Крафтъ отвернулся отъ него и обратился ко мнѣ и Болхову, поперемѣнико глядя то на того, то на другого. На Тросенку же онъ ни разу не взглянулъ во время всего своего рассказа.

— Вотъ изволите видѣть, какъ вышли мы утромъ, главнокомандующій и говорить мнѣ: „Крафтъ! возьми эти завалы“. Знаете, наша военная служба, безъ разсужденій—руку къ

козырьку: „слушаю, ваше сиятельство!“ и попшель. Только, какъ мы подошли къ первому завалу, я обернулся и говорю солдатамъ: „ребята, не робѣть! въ оба смотрѣть! Кто отстанетъ, своею рукой изрублю“. Съ русскимъ солдатомъ, знаете, надо просто. Только вдругъ граната... я смотрю, одинъ солдатъ, другой солдатъ, третій солдатъ, потомъ пули... взжинь! взжинь! взжинь!... Я говорю: „впередъ, ребята, за мной!“ Только мы подошли, знаете, смотримъ, я вижу тутъ какъ это... знаете... какъ это называется? и рассказчикъ замахалъ руками, отыскивая слово.

— Обрывъ,—подсказалъ Болховъ.

— Нѣтъ... Ахъ, какъ это? Боже мой! ну, какъ это?... обрывъ,—сказалъ онъ скоро.—Только ружья наперевѣсь... ура! та-ра-та-та-та! Непріятеля не души. Знасте, всѣ удивились. Только хорошо: идемъ мы дальше—второй завалъ. Это совсѣмъ другое дѣло. У насть ужъ ретивое закипѣло, знаете. Только подошли мы, смотримъ, я вижу, второй завалъ—нельзя итти. Тутъ... какъ это, ну, какъ называется этакая... Ахъ! какъ это...

— Опять обрывъ,—подсказалъ я.

— Совсѣмъ нѣтъ,—продолжалъ онъ съ сердцемъ:—не обрывъ, а... ну, вотъ, какъ это называется,—и онъ сдѣлалъ рукой какой-то нелѣпый жестъ.—Ахъ, Боже мой! какъ это...

Онъ, видимо, такъ мучился, что невольно хотѣлось подсказать ему.

— Рѣка, можетъ,—сказалъ Болховъ.

— Нѣтъ, просто обрывъ. Только мы туда, тутъ повѣрите ли, такой огонь, *адъ...*

Въ это время за балаганомъ кто-то спросилъ меня. Это былъ Максимовъ. А такъ какъ за прослушаюшемъ разно-

образной исторіи двухъ заваловъ мнѣ оставалось еще тринадцать, я радъ бытъ придраться къ этому слушаю, чтобы пойти къ своему взводу. Тросенко вышелъ имѣсть со мной. „Все вретъ,—сказалъ онъ мнѣ, когда мы на нѣсколько шаговъ отошли отъ балагана,—его и не было вовсе на завалахъ“,—и Тросенко такъ добродушно расхохотался, что и мнѣ смѣшино стало.

XIII.

Уже была темная ночь, и только костры тускло освѣщали лагерь, когда я, окончивъ уборку, подошелъ къ своимъ солдатамъ. Большой пень, тлѣя, лежалъ на угляхъ. Вокругъ него сидѣли только трое: Антоновъ, поварачивавшій въ огнѣ котелокъ, въ которомъ варился *рябко* *), Ждановъ, хворостинкой задумчиво разгребавшій золу, и Чикинъ, съ своею вѣчно нераскуреною трубочкой. Остальные уже расположились на отдыхъ, кто подъ ящиками, кто въ сѣнѣ, кто около костровъ. При слабомъ свѣтѣ углей, я различалъ знакомыя мнѣ спины, ноги, головы; въ числѣ послѣднихъ былъ и рекрутъ, который, придинувшись къ самому огню, казалось, спалъ уже, Антоновъ далъ мнѣ мѣсто. Я сѣлъ подлѣ него и закурилъ папиросу. Запахъ тумана и дыма отъ сырыхъ дровъ, распространяясь по всему воздуху, ъль глаза, и также сырая мгла сыпалась съ мрачнаго неба.

Подлѣ насть слышались мѣрное храпѣнье, трескъ сучьевъ въ огнѣ, легкій говоръ и изрѣдка бряцанье ружей пѣхоты. Вездѣ кругомъ пылали костры, освѣщая въ небольшомъ кругѣ вокругъ себя черныя тѣни солдатъ. Около ближай-

* Солдатское кушанье—моченые сухари съ саломъ.

шихъ костровъ я различалъ на освѣщенныхъ мѣстахъ фи-
гуры голыхъ солдатъ, надъ самымъ пламенемъ махающихъ
своими рубахами. Еще много людей не спало, двигалось и
говорило на пространствѣ пятнадцати квадратныхъ саженъ;
но мрачная глухая ночь давала свой особенный таинствен-
ный тонъ всему этому движению, какъ-будто каждый чувство-
валъ эту мрачную тишину и боялся нарушить ея спокойную
гармонію. Когда я заговорилъ, я почувствовалъ, что мой
голосъ звучитъ иначе; на лицахъ всѣхъ солдатъ, сидѣвшихъ
около огня, я читалъ то же настроеніе. Я думалъ, что до
моего прихода они говорили о раненомъ товарищѣ; но ни-
чуть не бывало: Чикинъ разсказывалъ про приемку веющей
въ Тифлисъ и про тамошнихъ школьніковъ.

Я всегда и вездѣ, особенно на Кавказѣ, замѣчалъ осо-
бенный тактъ у нашего солдата во время опасности умал-
чивать и обходить тѣ вещи, которыя могли бы невыгодно
дѣйствовать па духъ товарищей. Духъ русскаго солдата не
основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро
воспламеняющемся и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же
трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него
не нужны эффекты, рѣчи, воинственные крики, пѣсни и ба-
рабаны; для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ
и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ, настоящемъ рус-
скомъ солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, ухарства,
желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: па-
противъ, скромность, простота и способность видѣть въ опа-
сности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляютъ отличи-
тельный черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненаго
въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только о пробитомъ
новомъ полушубкѣ, ъздового, вылезающаго изъ-подъ убитой

подъ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобы снять сѣдло. Кто непомнить случай при осадѣ Гергебеля, когда въ лабораторіи загорѣлась трубка начиненной бомбы и фейерверкеръ двумъ солдатамъ велѣлъ взять бомбу и бѣжать бросить ее въ обрывъ, и какъ солдаты небросили ея въ ближайшемъ мѣстѣ около палатки полковника, стоявшей надъ обрывомъ, а понесли дальше, чтобы не разбудить гостинъ, которые почивали въ палаткѣ, и оба были разорваны на части. Помню я еще въ отрядѣ 1852 года, одинъ изъ молодыхъ солдатъ къ чему-то сказалъ, во время дѣла, что ужъ кажется взводу не выйти отсюда, и какъ весь взводъ съ злобой напустился на него за такія дурныя слова, которыя они и повторять не хотѣли. Вотъ теперь, когда у каждого въ душѣ должна быть мысль о Веленчуѣ, и когда всякую секунду могъ быть по насъ залпъ подкравшихся татаръ, всѣ слушали бойкій разсказъ Чикина, и никто неупоминалъ ни о нынѣшнемъ дѣлѣ, ни о предстоящей опасности, ни о раненомъ, какъ-будто это было Богъ знаетъ какъ давно или вовсе никогда не было. Но мнѣ показалось только, что лица ихъ были нѣсколько пасмурнѣе обычнаго; они не слишкомъ внимательно слушали разсказъ Чикина, и даже Чикинъ чувствовалъ, что его не слушаютъ, но говорилъ ужъ такъ себѣ.

Къ костру подошелъ Максимовъ и сѣлъ подлѣ меня. Чикинъ далъ ему мѣсто, замолчалъ и снова началъ сосать свою трубочку.

— Пѣхотные въ лагерь за водкой посылали, — сказалъ Максимовъ послѣ довольно долгаго молчанія: — сейчасъ воротились. — Онъ плонулъ въ огонь. — Унтеръ-офицеръ сказывалъ, нашего видали.

— Что живъ еще? — спросилъ Антоновъ, поворачивая котелокъ.

— Нѣтъ, померъ.

Рекрутъ вдругъ поднялъ надъ огнемъ свою маленькую голову въ красной шапочкѣ, съ минуту пристально посмотрѣлъ на Максимова и на меня, потомъ быстро опустилъ ее и закутался шинелью.

— Вишь, смерть-то не даромъ къ нему по утру приходила, какъ я будилъ его въ паркѣ, — сказалъ Антоновъ.

— Пустое! — сказалъ Ждановъ, поворачивая тлѣющій пень, — и все замолчали.

Среди общей тишины, сзади насъ послышался выстрѣлъ въ лагерѣ. Барабанщики у насъ приняли его и заиграли зорю. Когда затихла послѣдняя дробь, Ждановъ первый всталъ и снялъ шапку. Мы все послѣдовали его примѣру.

Среди глубокой тишины ночи, раздался стройный хоръ мужественныхъ голосовъ:

„Отче нашъ, иже еси на небесъхъ! да святится имя Твое; да приидетъ Цаствіе твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ наущный даждь намъ днесь; и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“.

— Такъ-то у насъ, въ 45 году, одинъ въ это мѣсто контуженъ былъ, — сказалъ Антоновъ, когда мы надѣли шапки и сѣли опять около огня: — такъ мы его два дня на орудіи возили... помнишь Шевченку, Ждановъ?... да такъ и оставили тамъ подъ деревомъ.

Въ это время пѣхотный солдатъ, съ огромными бакенбардами и усами, съ ружьемъ и сумкой подошелъ къ нашему костру.

— Позвольте, землячки, огоньку, закурить трубочку,—
сказалъ онъ.

— Что жъ, закутивайтѣ: огню достаточно, — замѣтилъ
Чикинъ.

— Это, вѣрно, про Дарги, землякъ, сказываете? — обра-
тился пѣхотинъ къ Антонову.

— Про 45 годъ, про Дарги, — отвѣтилъ Антоновъ.

Пѣхотинъ покачалъ головой, зажмурился и присѣлъ около
насъ на корточки.

— Да ужъ было тамъ всего, — замѣтилъ онъ.

— Отчего же бросили? — спросилъ я Антонова.

— Отъ живота крѣпко мучился. Какъ стоимъ, бывало, ни-
чего, а какъ тронемся, то крикомъ кричитъ. Богомъ просилъ,
чтобъ оставили, да все жалко было. Ну, а какъ онъ сталъ насъ
ужъ крѣпко донимать, трехъ людей у насъ убилъ въ орудіи,
офицера убилъ, да и отъ батареи своей отбились мы какъ-
то, — бѣда! — совсѣмъ не думали орудія увезти... Грязь же была.

— Пуще всего, что подъ Индѣйской горой грязно было, —
замѣтилъ какой-то солдатъ.

— Да, вотъ тамъ-то ему пуще хуже стало! Подумали мы, съ
Люшенкой — старый фейерверкинъ былъ — что жъ въ самомъ
дѣлѣ, живому ему не быть, а Богомъ проситъ — оставимъ, молъ,
его здѣсь. Такъ и рѣшили. Древо росла тамъ вѣтлеватая та-
кая. Взяли мы сухариковъ моченыхъ ему положили — у Жданова
были, — прислонили его къ древу къ этому; надѣли на него ру-
баху чистую, простились какъ слѣдуетъ, да такъ и оставили.

— И важный солдатъ былъ?

— Ничего солдатъ былъ, — замѣтилъ Ждановъ.

— И чтѣ съ нимъсталось, Богъ его знаетъ, — продолжалъ
Антоновъ. — Много тамъ всякаго нашего брата осталось.

— Въ Даргахъ-то?—сказалъ иѣхотный, вставая и раскокорынивая трубку и снова зажмутившись и покачивая головой:—ужъ было тамъ всего.

И онъ отошелъ отъ нась.

— А что, много еще у нась въ батареѣ солдатъ, которые въ Дарго были?—спросилъ я.

— Да что? вотъ Ждановъ, я, Пацанъ, что въ отпуску теперь, да еще человѣкъ шесть есть. Больше не будетъ.

— А что, Пацанъ-то нашъ загулялъ въ отпуску?—сказалъ Чикинъ, спуская ноги и укладываясь головой на бревно.—Почитай, гдѣ скоро, что его иѣтъ.

— А что, ты ходилъ въ годовой?—спросилъ я у Жданова.

— Нѣтъ, не ходилъ,—отвѣчалъ онъ неохотно.

— Вѣдь хорошо итти,—сказалъ Антоновъ:—отъ богатаго дома, али когда самъ въ силахъ работать, такъ и итти лестно, и тебѣ дома рады будутъ.

— А то чѣмъ итти, когда отъ двухъ братьевъ!—продолжалъ Ждановъ:—самимъ только бы прокормиться, а не нашего брата,—солдата, кормить. Подмога плохая, какъ ужъ 25 лѣтъ прослужилъ. Да и живы ли,—кто ее знаетъ.

— А развѣ ты не писалъ?—спросилъ я.

— Какъ не писать! два письма послалъ, да все въ отвѣтъ не присылаютъ. Али померли, али такъ не посылаютъ, что, значитъ, сами въ бѣдности живутъ: такъ гдѣ тутъ?

— А давно ты писалъ?

— Пришедши съ Дарговъ, писалъ послѣднее письмо.

— Да ты березушку спѣль бы,—сказалъ Ждановъ Антонову, который въ это время, облокотясь на колѣни, мурлыкалъ какую-то пѣсню.

Антоновъ запѣлъ „березушку“.

— Эта что ни на есть самая любимая пѣсня дяденьки Жданова,—сказалъ мнѣ шопотомъ Чикинъ, дернувъ меня за шинель:—другой разъ, какъ заиграетъ ее Филиппъ Аптоничъ, такъ онъ ажно плачетъ.

Ждановъ сидѣлъ сначала совершенно неподвижно, съ глазами, устремленными на тлѣвшіе уголья, и лицо его, освѣщеннное красноватымъ свѣтомъ, казалось чрезвычайно мрачнымъ: потомъ склады его подъ ушами стали двигаться все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ, онъ всталъ и, разостлавъ шинель, легъ въ тѣни сзади костра. Или онъ ворочался и кряхтѣлъ, укладываясь спать, или же смерть Веленчука и эта печальная погода такъ настроили меня, но мнѣ дѣйствительно показалось, что онъ плачетъ.

Низъ пня, превратившійся въ уголь, изрѣдка вспыхивая, освѣщалъ фигуру Антонова, съ его сѣдыми усами, красною рожею и орденами на накинутой шинели, чьи-нибудь сапоги, голову или спину. Сверху сыпалась та же печальная мгла, въ воздухѣ слышался тотъ же запахъ сырости и дыма, во-кругъ видны были тѣ же свѣтлые точки потухавшихъ костровъ и слышны были среди общей тишины звуки заунывной пѣсни Антонова; а когда она замолкла на мгновеніе, звуки слабаго ночного движенія лагеря, хралѣнія, бряканія ружей часовыхъ и тихаго говора вторили ей.

— Вторая смѣна! Макатюкъ и Ждановъ! — крикнулъ Максимовъ.

Антоновъ пересталъ пѣть, Ждановъ всталъ, вздохнулъ, перешагнулъ черезъ бревно и побрелъ къ орудіямъ.

15-го іюня 1855 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

Утро помѣщика. Повѣсть	3
Набѣгъ. Разсказъ волонтера	75
Казаки. Кавказская повѣсть.	113
Севастополь въ декабрѣ 1854 въ маѣ и августѣ 1855 года . . .	327
Рубка лѣса. Разсказъ юнкера	481

THE BRAVE.

AT THE CONVENT OF THE HOSPITAL
OF ST. JOHN THE DIVINE,
IN NEW YORK CITY,
ON THE 21ST DAY OF JUNE,
1863.

17/71

12,-

WYZSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

100713

Biblioteka WSP Kielce

0159479